...ов 19"
66

Русскіе избранники.

ЕКАТЕРИНА II

Георгъ фонъ-Гельбигъ,
секретарь саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ.

Переводъ и примѣчанія
В. А. Бильбасова.

Съ портретомъ
императрицы Екатерины II по Даніелю Ходовѣцкому.

БЕРЛИНЪ 1900.
Изданіе Фридриха Готтгейнера.
Унтеръ денъ Линденъ № 47.

„Пров 33“

„Пров 49“

Отъ издателя.

Скоро исполнится сто лѣтъ „Русскимъ избранникамъ“ Гельбига и, тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ до настоящаго времени не переведенъ еще на русскій языкъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1886 г., въ историческомъ журналѣ, издающемся въ Петербургѣ и называющемся „Русская Старина“, былъ помѣщенъ переводъ, но съ большими пропусками, потребованными русскою цензурою. Переводчикъ, проф. В. Бильбассовъ, авторъ „Исторіи Екатерины Второй“, любезно предложилъ мнѣ воспользоваться его переводомъ, причемъ сообщилъ и вычеркнутыя цензурою мѣста.

Такимъ образомъ, я имѣю возможность издать первый полный переводъ столь важнаго для русской исторіи сочиненія Гельбига.

При всѣхъ 110-ти біографіяхъ „Русскихъ избранниковъ“ переводчикомъ были указаны всѣ источники и пособія, которые подтверждаютъ, дополня-

ютъ или опровергаютъ показанія и взгляды Гельбига. Я не считалъ необходимымъ перепечатывать эти указанія, которыя желающіе могутъ найти въ соотвѣтствующихъ выпискахъ „Русской Старины“.

Въ настоящемъ изданіи примѣчанія автора отмѣчены цифрами, переводчика — значками.

БЕРЛИНЪ 1899.
Унтеръ денъ Линденъ № 47.

Фридрихъ Готтгейнеръ.

Содержаніе.

		Стр.
	Отъ переводчика	1
	Предувѣдомленіе отъ автора	14
1.	Францъ Яковъ Лефортъ	17
2.	Александръ Меншиковъ	28
3.	Екатерина Алексѣевна I	47
4.	Петръ Шафировъ	67
5.	Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ I	76
6.	Иванъ Христіанъ Фридрихъ Остерманъ II	100
7.	Павелъ Ягужинскій	102
8.	Ягужинскій II	110
9.	Эмануилъ Девьеръ	111
10.	Адамъ Вейде	116
11.	Анна Крамеръ	122
12.	Монсъ де-ла Круа	124
13.	Кайзерлингъ, рожд. Монсъ де-ла Круа	129
14.	Балкъ. рожд. Монсъ де-ла Круа	132
15.	Балкъ	134
16.	Глюкъ	136
17.	Вильбуа, рожд. Глюкъ	138
18.	Вильбуа	139
19.	Алсуфьевъ I	141
20.	Василій Алсуфьевъ II	142
21.	Василій	143
22.	Алексѣй Макаровъ	144
23.	Шульцъ	145

Стр.
24. Геннихъ 146
25. Древникъ I 147
26. Древникъ II. 149
27. Дмитрій Шепелевъ 150
28. Винцентъ Райаеръ 152
29. Игнатій Елачинъ 153
30. Иванъ Шлатеръ 154
31. Фридрихъ Ашъ 155
32. Абрамъ Ганнибалъ 156
33. Карлъ Скавронскій 158
34. Скавронская 163
35. Христина Гендрикова 164
36. Симонъ Гендриковъ 165
37. Анна Ефимовская 168
38. Михаилъ Ефимовскій 169
39. Генрихъ Фикъ 171
40. Эрнстъ Иванъ Бирономъ 173
41. Карлъ Бирономъ II 202
42. Густавъ Бирономъ III 203
43. Эйхлеръ 205
44. Собакинъ 207
45. Иванъ Германъ Лестокъ 208
46. Шварцъ 228
47. Грюнштейнъ 230
48. Алексѣй Разумовскій I 232
49. Кириллъ Разумовскій II 238
50. Шубинъ 243
51. Бергеръ 246
52. Карлъ Сиверсъ I 255
53. Сиверсъ II 257
54. Лялинъ 259
55. Возжинскій 260
56. Ермолай Скворцовъ 261
57. Чоглоковъ 262
58. Чулковъ 264
59. Иванъ Черкасовъ 266
60. Олофъ 268
61. Полтарацкій 270

Стр.
62. Иванъ Шуваловъ 271
63. Дмитрій Волковъ 279
64. Брессанъ 284
65. Григорій Орловъ I 287
66. Иванъ Орловъ II 313
67. Алексѣй Орловъ III 315
68. Ѳедоръ Орловъ IV. 330
69. Владиміръ Орловъ V. 333
70. Орловъ VI. 335
71. Пассекъ 336
72. Шкуринъ 340
73. Григорій Тепловъ 342
74. Энгельгардтъ 347
75. Станиславъ Августъ Понятовскій. 351
76. Иванъ Елагинъ 383
77. Дитрихъ Остервальдъ 385
78. Иванъ Вецкой 387
79. Рибасъ 393
80. Андрей Чернышевъ 395
81. Кишенскій 396
82. Саллернъ 403
83. Фредериксъ 409
84. Влодиміровъ 410
85. Александръ Васильчиковъ. 411
86. Григорій Потемкинъ 415
87. Турчаниновъ 420
88. Михельсонъ 422
89. Петеръ Завадовскій 424
90. Александръ Безбородко I 429
91. Безбородко II. 438
92. Лазаревъ 439
93. Васильевъ 442
94. Дубянскій 444
95. Зоричъ 445
96. Корсаковъ 451
97. Иванъ Страховъ 457
98. Александръ Ланской 459
99. Александръ Ермоловъ 467

Стр.
100. Александръ Мамоновъ 473
101. Эккъ 482
102. Даль 484
103. Степанъ Шешковскій 486
104. Радищевъ 489
105. Германъ 494
106. Платонъ Зубовъ I 497
107. Валеріянъ Зубовъ II 512
108. Николай Зубовъ III 521
109. Аркадій Морковъ 524
110. Иванъ Кутайсовъ 529

Отъ переводчика.

Въ началѣ 1809 года, въ Тюбингенѣ, появилась небольшая книжка, на нѣмецкомъ языкѣ, посвященная различнымъ личностямъ, игравшимъ болѣе или менѣе видную роль въ русской жизни прошлаго вѣка. Не смотря на заманчивое заглавіе — Русскіе избранники (Russische Günstlinge) — способное, казалось, привлечь вниманіе публики, книжка не имѣла успѣха. Въ тотъ годъ вниманіе Европы было поглощено военнымъ шумомъ перваго французскаго императора; Россіи тоже было не до книжекъ: турецкая и шведская войны были въ полномъ разгарѣ — Торнео былъ уже взятъ графомъ Шуваловымъ. при Журжевѣ турки были уже разбиты, но еще далеко было до мира, какъ къ этимъ двумъ театрамъ войны присоединился третій — была обявлена война Австріи и князь Сергѣй Голицынъ вступилъ въ Галицію. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединились, быть можетъ, и частныя: книжка вышла безъ имени автора и не могла, слѣдовательно, внушать въ себѣ особое довѣріе; изъ 110-ти біографій, заключающихся въ книжкѣ, только меньшая часть посвящена русскимъ людямъ, большая же касается иностранцевъ, искавшихъ счастія при русскомъ дворѣ; наконецъ, въ настоящее даже время, въ

концѣ XIX столѣтія, иностранныя книги подвергаются въ Россіи особой цензурѣ, интересуютъ очень немногихъ и читаются мало — великъ-ли же спросъ на нихъ былъ въ началѣ столѣтія? Какъ-бы ни было, но книжка не имѣла успѣха: она не была переведена ни на одинъ чужестранный языкъ, кромѣ шведскаго*), и ни авторъ, ни издатель не дожили до втораго ея изданія, которое появилось лишь 75 лѣтъ спустя, въ 1883 году.

Въ 1853 году, профессоръ іенскаго университета Эрнстъ Германъ, въ своей „Исторіи государства Россійскаго", впервые обратилъ вниманіе на тюбингенскую книжку. „Эта книжка — говоритъ онъ — очень полезна для русской исторіи XVIII вѣка. На экземплярѣ, хранящемся въ королевской библіотекѣ въ Дрезденѣ, на корешкѣ переплета, вытѣснено имя ея овтора — von Helbig."

Георгъ Адольфъ Вильгельмъ фонъ-Гельбигъ прибылъ въ Россію въ 1787 году**), поврелъ восемъ лѣтъ преимущественно въ Петербургѣ, имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ и лично былъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ секретарь саксонскаго посольства. Недавно изданы депеши Гельбига изъ Петербурга къ саксонскому министру графу Лоссу въ Дрезденъ, изъ которыхъ легко усмотрѣть, что Гельбигъ, исполнялъ возлагавшіяся на него обязанности весьма добросовѣстно и саксонское правительство было имъ вполнѣ довольно. Онъ первый извѣстилъ о мирѣ, заключенномъ непосредственно между Россіей и Швеціей, между тѣмъ

*) Ryssk a Gunstlingar, Stockholm, 1831.

**) Ich bin fünfundzwanzig Jahre nach jener fürchterlichen Katastrophe des J. 1762 nach Russland gekommen. Helbig, Biographie Peter d. Dritten, III.

какъ въ Европѣ всѣ были убѣждены, что „миръ не иначе можетъ быть свершенъ, какъ при посредничествѣ трехъ союзныхъ дворовъ“*). Въ Дрезденѣ придавали большую цѣну сообщеніямъ Гельбига, чему, вѣроятно, способствовало отчасти и неудовольствіе русской императрицы на секретаря саксонскаго посольства. Екатерина II вообще не любила секретарей посольствъ. „Между нами будь сказано — писала она по поводу секретаря французскаго посольства Рюльера, автора „Histoire sur la révolution de Russie en l'année 1762“—я каждый день вижу, какъ секретари посольства готовы скорѣе лгать, чѣмъ сознаться въ своемъ невѣдѣніи“. Но послѣ „секретаря“ Рюльера, Екатерина болѣе всего не любила Гельбига. „Вы восторгаетесь моимъ 33-хъ лѣтнимъ царствованіемъ—писала она Гримму — между тѣмъ какъ ничтожный секретарь саксонскаго двора, давно уже находящійся въ Петербургѣ по фамиліи Гельбигъ, говоритъ и пишетъ о моемъ царствованіи все дурное, что только можно себѣ представить; онъ даже останавливаетъ на улицѣ прохожихъ и говоритъ имъ въ этомъ духѣ. Это истый врагъ русскаго имени и меня лично. Разъ двацать я уже извѣщала саксонскій дворъ, чтобъ его убрали отсюна; но саксонскій дворъ находитъ, повидимому, его сообщенія прелестными, такъ какъ не отзываетъ его; ну, если и послѣ послѣдней попытки, сдѣланной мною по этому поводу, его не уберутъ отсюда, я прикажу посадить его въ кибитку и вывезть заграницу, потому что этотъ негодяй слишкомъ дерзокъ. Если можете, помогите мнѣ отдѣлаться отъ этой особы, столь нена-

*) Архивъ князя Воронцова, XXVI, 423.

видящей меня." Восемь мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1796 года, Екатерина пишетъ тому же лицу: „Большое вамъ спасибо за ваше письмо графу Лоссу — оно имѣло полный успѣхъ, такъ какъ негодяй Гельбигъ былъ немедленно отозванъ" *).

Такой отзывъ Екатерины II придаетъ особенное значеніе сообщеніямъ и взглядамъ Гельбига, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени извѣстенъ только одинъ, крайне ничтожный, фактъ, вызвавшій неудовольствіе Екатерины. Фактъ этотъ записанъ въ „Дневникѣ" Храповицкаго подъ 7 октября 1789 года:

„Въ перлюстраціи саксонскаго посланника: секретарь Гельбигъ 5 (16) октября къ Стутергейму въ Дрезденъ сообщаетъ, будто ея величество сказала о Сакенѣ: que c'était un excellent ministre, un homme sage et rempli de probité. Неправда, я никогда не говорила. Онъ мой подданный, служилъ иностранному двору**).

Саксонское правительство, дѣйствительно, находило сообщенія „негодяя" Гельбига „прелестными"; только уступая неоднократнымъ требованіямъ русской императрицы, оно отозвало, наконецъ, Гельбига изъ Петербурга, но лишь затѣмъ, чтобъ назначить его секретаремъ посольства при прусскомъ королѣ. Сообщенія Гельбига и изъ Берлина были, очевидно, не менѣе „прелестны", такъ какъ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства и умеръ, 14 ноября 1813 года, саксонскимъ резидентомъ въ вольномъ городѣ Данцигѣ.

Дипломатическія сообщенія Гельбига не были обнародованы при жизни Екатерины; они были

---

*) Сборникъ русскаго историческаго общества, XXIII, 651, 674.

**) Изд. Барсукова, Спб., 1874. стр. 312.

извѣстны ей только изъ перлюстраціи— источника крайне ненадежнаго, даже опаснаго. Сама же Екатерина составляла бумаги въ извѣстномъ смыслѣ и отправляла ихъ „почтой черезъ Берлинъ“, когда желала ввести прусскаго короля въ заблужденіе. Изъ сочиненій же Гельбига ни одно не могло быть извѣстно Екатеринѣ, такъ какъ всѣ они изданы послѣ ея смерти. Между тѣмъ, изъ журнальной статьи о Потемкинѣ*), императрица могла бы убѣдиться, что Гельбигъ вовсе не былъ „врагомъ русскаго имени“, а изъ біографіи императора Петра III, что относительно ея лично онъ былъ скорѣе другомъ, чѣмъ врагомъ. Самымъ важнымъ и единственнымъ, впрочемъ, обвиненіемъ противъ Гельбига сама же Екатерина выставляетъ то обстоятельство, что онъ былъ любимцемъ прусскаго посланника графа Герца (ce Helbig était un grand favorit du comte Goertz) — обвиненіе, служащее лучшимъ оправданіемъ для секретаря саксонскаго посольства.

Относительно добросовѣстности Гельбига, какъ саксонскаго чиновника, свидѣтельство графа Лосса, его начальника, является вполнѣ достаточнымъ. Сама Екатерина говоритъ, что она разъ двадцать (vingt fois) требовала удаленія Гельбига, и графъ Лоссъ имѣлъ же основаніе двадцать разъ удерживать Гельбига на его посту. Предлагаемый читателямъ трудъ служитъ лучшимъ доказательствомъ добросовѣстности Гельбига, какъ писателя.

Провѣряя сообщенія Гельбига по тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался, легко убѣдиться въ точности, и даже осторожности, съ которыми

*) Potemkin der Taurier въ „Minerva“ за 1798, I, 17.

онъ собиралъ свои свѣдѣнія. Такъ, онъ почти дословно заимствуетъ изъ „Записокъ“ Манштейна и вѣрно передаетъ его разсказъ не только тогда, когда называетъ его, какъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи Бирона, но и когда умалчиваетъ объ источникѣ, какъ, напримѣръ, въ біографіяхъ Шубина, Грюнштейна, Лестока и др. Онъ пользовался оффиціальными донесеніями саксонскаго посланника Пецольда, какъ, напримѣръ, при описаніи казни Остермана*); въ разсказѣ же о доносѣ Бергера на Лопухину съ точностію выписываетъ цѣлыя фразы изъ донесенія**). Такъ, сообщая рѣчь Лопухиной, какъ главный пунктъ, послужившій къ ея обвиненію, онъ осторожно перефразируетъ оффиціальное донесеніе, не позволяя себѣ ни малѣйшаго измѣненія:

Донесеніе Пецольда: Den Grafen von Loewenwolde ihres unveränderten Andenken zu versicheren und dabei, dass er nicht verzagen, sondern allemal auf bessere Zeiten hoffen solle, anzufügen.

Пересказъ Гельбига: Den Grafen Loewenwolde ihres beständigen Andenkens versichern, und ihn in ihrem Namen bitten, er möchte ja nicht verzagen, sondern auf bessere Zeiten hoffen.

Самый же важный, наиболѣе для насъ драгоцѣнный, источникъ Гельбига заключается въ устныхъ разсказахъ современниковъ. Онъ засталъ еще въ живыхъ, познакомился и часто разспрашивалъ лицъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ при императрицѣ Аннѣ, даже при Екатеринѣ I и Петрѣ I***). Безъ труда Гельбига эти драгоцѣнныя

*) Id., VI, 490.

**) Сборникъ русск. истор. общества, VI, 404.

***) Ich habe noch verschiedene Personen aus der Zeit der Kaiserin Anna, ja sogar noch aus der Regierung Peters I und

свѣдѣнія современниковъ, эти живыя устныя сообщенія совершенно пропали бы для насъ. Онъ относился къ нимъ, впрочемъ, критически, и весьма добросовѣстно провѣрялъ и очищалъ эти устныя сообщенія. Такъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи Шкурина, изданномъ въ 1809 году, не помѣщены уже слова императора, отправлявшагося на знаменитый пожаръ, приведенныя въ „Біографіи Петра Третьяго", изданной годомъ раньше. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда не было возможности провѣрить противорѣчія устныхъ сообщеній, Гельбигъ добросовѣстно приводитъ оба противорѣчивые отзыва. Въ сообщеніяхъ этого рода Гельбигъ блистательно выдержалъ недавно довольно требовательное испытаніе: указы Петра III, впервые напечатанные въ 1877 году, въ „Русской Старинѣ", вполнѣ подтвердили собщенія Гельбига*).

Само собою, однако, разумѣется, что, записывая устныя сказанія современниковъ, Гелбигъ долженъ былъ приводить иногда и невѣрныя свѣдѣнія: онъ записывалъ вѣрно, но ему сообщали невѣрно — однимъ просто измѣняла память, другіе окрашивали разсказъ личными впечатлѣніями, третьи, быть можетъ, умышленно извращали факты, по честолюбивымъ или инымъ видамъ.

Имѣютъ ли, однако, для насъ какое либо значеніе „Біографіи" Гельбига, составленныя почти сто лѣтъ назадъ? Именно для насъ, когда издается такая масса драгоцѣннаго историческаго матеріала — офиціальныхъ бумагъ, писемъ тѣхъ

Catharina I gekannt und oft gesprochen. Helbig, Biogr. Peter des Dritten, Vorrede, III.

*) „Русская Старина", XX, 176.

лицъ, біографіи которыхъ писалъ Гельбигъ, и записокъ современныхъ имъ дѣятелей?

Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Мы, дѣйствительно, много издаемъ, но, къ сожалѣнію, все еще очень мало знаемъ.

У всѣхъ свѣжо еще въ памяти ученое единоборство изъ за голландскаго рисунка, на которомъ изображенъ не то Петръ Великій, не то посольскій карла*) Два такіе безспорно компетентные судьи въ данномъ случаѣ, какъ г. Стасовъ и г. Васильчиковъ, такъ и не рѣшили горячаго спора — имъ не удалось отличить величественнаго Петра отъ потѣшнаго карлы. Значительно успѣшнѣе окончилась назидательная бесѣда Лонгонова съ кн. Оболенскимъ о родѣ Чернышевыхъ**) — она окончилась сознаніемъ Лонгинова, что онъ „неоднократно недоумѣвалъ, а Бантышъ-Каменскій и кн. Долгоруковъ дѣлади ошибочныя показанія о Чернышевыхъ".

Намъ ли, неумѣющимъ отличить карла отъ Петра и путающимъ Чернышевыхъ, пренебрегать указаніями Гельбига? Однако, мы пренебрегали.

Въ Россіи книжка Гельбига „Russische Günstlinge" долгое время была совершенно неизвѣстна. Еще въ 1863 году, г. Бартеневъ, составляя „Ката-

*) Стасовъ, Портретъ Петра В. въ Голландіи С. Древняя и Новая Россія, 1876, III, 177). Васильчиковъ, Замѣтка о новомъ портретѣ Петра В. (Id., 1877, I, 325). Стасовъ, Отвѣтъ г. Васильчикову (Id. 326). Васильчиковъ, Псевдопортретъ Петра В. (Русскій Архивъ, 1877, II, 95.)

**) Письма Екатерины II, съ примѣч. Лонгинова (Русскій Архивъ 1863, 405). Историческія замѣчанія кн. Оболенскаго (Id., 1865, 989). Замѣтка о Чернышевыхъ, Лонгинова (Id., 1004).

логъ книгъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ", сообщалъ вкратцѣ содержаніе этой „рѣдкой" книги*). Вскорѣ затѣмъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, преимущественно же въ „Русскомъ Архивѣ" и въ „Русской Старинѣ", стали появляться переводы цѣлыхъ біографій и выдержекъ изъ нихъ. Наконецъ, въ настоящее время, благодаря второму изданію книги Гельбига, сдѣлавшему ее болѣе или менѣе общедоступною, свѣдѣніями секретаря саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II пользуются всѣ, занимающіеся русской исторіей XVIII вѣка.

Нѣмецкое заглавіе книги — Russische Günstlinge — передается на русскомъ языкѣ довольно различно: одни переводятъ его выраженіемъ „случайные люди", другіе видятъ въ нихъ „фаворитовъ", нѣкоторые — временщиковъ. Ни одно изъ этихъ наименованій не оправдывается, однако, содержаніемъ книги. Такіа, напримѣръ, личности, какъ генералы Вейде и Михельсонъ, камергеры Гендриковъ и Ефимовскій, священникъ Дубянскій, армянинъ Лазаревъ, писатель Радищевъ, не были ни случайными людьми, ни фаворитами, ни временщиками, а такихъ значительное большинство въ книгѣ Гельбига.

Люди, бывшіе „въ случаѣ", всѣ наперечетъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ ихъ было немного въ прошломъ столѣтіи; но несомнѣнно, что значительное большинство лицъ, упоминаемыхъ Гельбигомъ, не было „въ случаѣ". Сверхъ того, о нѣкоторыхъ личностяхъ, дѣйствительно бывшихъ „въ случаѣ", Гельбигъ вовзе не упоминаетъ.

*) См. также Сборныхъ русск, истор. общества, XXIII, 651, прим.

— „Знаете-ли вы, что такое фаворитъ?“ спросилъ Петръ В. одного иностраннаго посла.

— Человѣкъ, отвѣчалъ посолъ, пользующійся въ полной мѣрѣ милостью своего государя и, слѣдовательно, вполнѣ счастливый.

— „Нѣтъ, сказалъ Петръ, вы ошибаетесь, мой другъ. Фаворитъ уподобляется рогамъ быка: они грозны, мощны на видъ, но внутри, вѣдь, пусты, надуты воздухомъ“*).

Такіе фавориты тоже встрѣчаются въ книгѣ Гельбига, но ихъ очень немного. Ни Шафировъ или Олсуфьѣевъ, ни Рибасъ или Ашъ, ни Сиверсъ, ни Еласинъ, ни Тепловъ, ни Марковъ, ни Безбородко, ни десятки другихъ лицъ, описанныхъ Гельбигомъ не былифаворитами и головы ихъ не были пусты.

Немного въ книгѣ Гельбига и временщиковъ; меньше даже, чѣмъ случайныхъ людей. Меншиковъ Остерманъ, Бирономъ, Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ — шестъ счетомъ, далеко неодинаковой пробы. Шесть временщиковъ — слишкомъ много для одного столѣтія, но они не составляютъ и 6% общаго числа біографій, составленныхъ Гельбигомъ.

Сообразно содержанію этихъ 110-ти біографій, нѣмецкое заглавіе книги „Russische Günstlinge“ вѣрнѣе всего передается на русскомъ языкѣ выраженіемъ „Русскіе избранники“. Подъ это наименованіе подойдутъ всѣ лица, упоминаемыя Гельбигомъ, не исключая даже отверженнаго Страхова. Францъ Лефортъ и Анна Крамеръ, Бирономъ и Фикъ, Разумовскій и Возжинскій, князь Орловъ и баронъ Фридрихсъ, Рибасъ, Кутайсовъ — всѣ

*) Weber, Das veränderte Russland II, 22.

они „избранники“, по той или другой причинѣ обратившіе на себя вниманіе, а не избранники, конечно, въ смыслѣ „соли русской земли“; иные же обязаны своимъ возвышеніемъ простой случайности и потому къ приведенному нами заглавію возможно присоединить и это слово, но не въ смыслѣ, конечно людей, бывшихъ „въ случаѣ“. Такимъ образомъ издаваемый нынѣ трудъ Гельбига можно назвать: „Русскіе избранники и случайные люди“.

Почему Гельбигъ избралъ для своего труда именно эти, а не другія лица? Почему въ его книгѣ мы не встрѣчаемъ ни умнаго иностранца Виніуса и зоркаго прибыльщика Курбатова, ни кокуйскаго патріарха Зотова и „кесаря“ Ромодановскаго, ни барона Корфа, ни Бутурлина, ни Румянцева ни одного изъ Долгорукихъ, Шереметевыхъ Паниныхъ, Воронцовыхъ, ни другихъ лицъ, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ нашей исторіи прошлаго вѣка? Объ этомъ авторъ говоритъ въ своемъ „Предъувѣдомленіи“. Намъ остается довольствоваться тѣмъ, что онъ намъ далъ, не требуя отъ автора болѣе того, что онъ могъ дать.

Въ оригинальной, свойственной тому времени, формѣ, съ нравоучительными тенденціями и моральными максимами, Гельбигъ знакомитъ насъ съ пестрымъ обществомъ, толпившимся у трона всероссійскихъ государей отъ перваго русскаго императора до послѣдней императрицы Россіи. Передъ нами нарождаются, живутъ, дѣйствуютъ и умираютъ „птенцы“ Петра и „орлы“ Екатерины, рядомъ съ конюхами Анны и пѣвчими Елизаветы до лакея въ ливреѣ, преображеннаго въ графа Кутайсова. Тутъ и литовскія крестьянки, переиме-

нованныя въ графинь Ефимовскихъ или Гендриковыхъ, и курляндскіе конюхи, ставшіе герцогами Биронами, и истопники Тепловы или Шкурины, и кучера Возжинскіе; тутъ швейцарецъ Лефортъ и еврей Шафировъ, армянинъ Лазаревъ и неаполитанецъ Рибасъ, французъ Лестокъ, полякъ Понятовскій и нѣмцы, безъ конца—Остевманы и Сиверсы, Минихи и Левенвольды, Михельсоны, Аши, Бергеры; и тутъ, рядомъ, рука объ руку съ ними, Румянцевы-Задунайскіе и Суворовы-Италійскіе, Шереметевы и Голицыны, князья Вяземскіе, Трубецкіе и Волконскіе, графы Бутурлины, Панины, Чернышевы, которыхъ заслоняютъ Орловы, Потемкины, Зубовы. Эта пестрая толпа царедворцевъ проходитъ передъ нами уже не въ конюшенныхъ поддевкахъ, не въ лакейскихъ ливреяхъ, а въ бархатныхъ епанчахъ и шитыхъ золотомъ камзолахъ, съ алмазными тресилами и изумрудными аграфами, обвѣшанная всевозможными звѣздами отъ польскаго Бѣлаго Орла до русскаго Андрея Первозваннаго, пожалованная разнообразными титулами отъ нѣмецкаго барона до римскаго князя. Это разношерстное общество 110-ти фамилій представляло, однако, одну общую всѣмъ его представителямъ черту—оно выросло и воспиталось не по „Домострою“, который всѣ старались забыть, а по „Юности честному зерцалу“, прилежное изученіе котораго стало уже необходимостью.

Ближе сживаясь, по книгѣ Гельбига, съ этими дѣятелями прошлаго вѣка, видишь, что въ этихъ головахъ, придавленныхъ напудренными париками, зарождались и созрѣвали грандіозные планы, потрясавшіе всю Европу, что кружевные камзолы ие мѣшали мозолистымъ рукамъ строить города,

созидать флоты, двигать промышленность и торговлю. Вспомнимъ, что ими, этими дѣятелями XVIII вѣка, присоединены къ Россіи Остзейскій край, Финляндія, Литва и Бѣлоруссія—вся пограничная черта съ Западною Европою, куда были устремлены ихъ взгляды и пожеланія, гдѣ усматривали они тотъ великій свѣточъ, при помощи котораго они совлекали съ себя ветхаго человѣка и пріобщались общечеловѣческимъ идеаламъ. Великіе люди творили великія дѣла и завѣщали намъ шествовать по указанному ими пути, слѣды котораго сохранены между прочимъ, и Гельбигомъ.

1885 г. **В. Б.**

Предувѣдомленіе

[отъ Автора].

Нѣкогда Россія была тою страною, въ которой наиболѣе встрѣчалось „избранниковъ“. Эта особенность часто представлялась мнѣ, когда я, во время моего многолѣтняго пребыванія въ этомъ государствѣ, прочитывалъ новую русскую исторію. Я открылъ тогда такое множество выскочекъ, случайныхъ людей, что мнѣ показалось любопытнымъ составить поименный списокъ ихъ. Позже я прибавилъ къ этому списку, ихъ того же побужденія, нѣсколько замѣчаній объ ихъ жизни, и такимъ образомъ мало-по-малу образовался основной мотивъ этого сочиненія. Потомъ я воспользовался устными, письменными и печатными извѣстіями, переработалъ ихъ по своимъ понятіямъ и оформилъ въ особую книгу. Предлагая ее читающему міру, я надѣюсь заслужить одобреніе нѣкоторой его части. Хотя въ этой книгѣ нѣтъ (и не должно быть) связной исторіи Россіи новѣйшаго времени, но въ періодъ болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, именно, отъ начала царствованія Петра I до конца царствованія Павла I, не встрѣчается, насколько я помню, ни одного замѣчательнаго, отмѣченнаго въ русскихъ лѣтописяхъ, событія, о которомъ не было бы разсказано

довольно обстоятельно въ этой книгѣ, уже и потому, что въ этихъ событіяхъ всегда принималъ болѣе или менѣе участіе какой-либо избранникъ. Въ книгѣ упомянуты многіе великіе подвиги, какъ они того заслуживали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней разоблачены и многія мерзости и жестокости.

Понятно, что устные и письменные источники, изъ которыхъ я черпалъ, не могутъ быть указаны. Печатныя же книги, содѣйствовавшія моему труду, по крайней мѣрѣ главнѣйшія, мнѣ хотѣлось бы переименовать, хотя я и не въ состояніи теперь привести точный ихъ заголовокъ. Приблизительно, онѣ слѣдующія: Вебера „Преобразованная Россія“, Бюшинга „Историческій Магазинъ“, Манштейна мемуары, Штелина „Анекдоты о Петрѣ Великомъ“, Рюльера „Русская революція 1762 года“, „Жизнь Екатерины II“, „Жизнь Орлова“, „Анекдоты о Потемкинѣ“, „Секретныя записки о Россіи“, Реймерса „Петербургъ въ концѣ перваго столѣтія своего существованія“, и различныя оригинальныя и устарѣлыя біографіи и книги, точное заглавіе которыхъ я запамятовалъ.

Мнѣ остается еще сказать кое-что о самомъ выборѣ тѣхъ избранниковъ и случайныхъ людей, о которыхъ я предлагаю здѣсь краткіе біографическіе очерки.

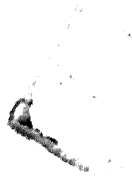
Само собою разумѣется, что я не могъ указать всѣхъ временщиковъ, когда-либо появлявшихся въ Россіи. Это повело бы меня слишкомъ далеко, такъ какъ число ихъ необыкновенно велико. Я поэтому избралъ только тѣхъ, которые принимали страдательное или дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ государственныхъ или общественныхъ. Вслѣдствіе этого объясненія уди-

вятся, быть можетъ, встрѣтивъ въ книгѣ много лицъ, кажущихся на первый взглядъ довольно незначительными; но при ближайшемъ разсмотрѣніи замѣтятъ, что какое-либо обстоятельство въ ихъ жизни, въ ихъ сношеніяхъ, въ ихъ дѣяніяхъ, хотя не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти оправдываетъ мой выборъ.

Нѣкоторыхъ баловней счастья я прохожу молчаніемъ. Къ нимъ причисляю я имена многихъ служащихъ, медиковъ, ремесленниковъ, солдатъ и другихъ людей, которые хотя и играли короткое время, въ своемъ небольшомъ кругѣ дѣятельности, нѣкоторую роль, но или возвращались къ своему прежнему ничтожеству, не имѣвъ никакого вліянія въ государствѣ, или же оставались въ среднемъ слоѣ общества.

Между тѣмъ, въ число избранниковъ я включилъ другой классъ людей, которые, не смотря на свое быстрое возвышеніе, все таки не принадлежатъ собственно къ избранникомъ счастья. Я разумѣю нѣкоторыхъ любимцевъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II, не достигавшихъ ни чрезмѣрно высокаго ранга, ни особеннаго вліянія на государственныя дѣла и, тѣмъ не менѣе, бывшихъ, по своему рожденію, болѣе близкими къ высокому положенію, ими занимаемому, чѣмъ люди совершенно низкаго происхожденія, которые по своему прошлому и по своимъ малымъ заслугамъ не могли бы дойти и до половины того пути счастья, который они дѣйствительно прошли, если-бъ имъ не посодѣйствовали побочныя обстоятельства.

Писано въ іюлѣ 1808 года.



I.

Францъ Яковъ Лефортъ.

Если нація справедливо превозноситъ блистательные подвиги государя и его благодѣтельныя усилія къ просвѣщенію своихъ подданныхъ, погруженныхъ во тьму невѣжества; если благодарное потомство выражаетъ этому государю свою признательность, которую онъ заслужилъ тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ онъ постоянно, въ продолженіе всего своего царствованія, трудился надъ достиженіемъ одной цѣли — исторгнуть націю изъ варварства, завѣщаннаго ей прошлымъ, и тѣмъ облегчить усовершенствованіе настоящаго — то она также не должна забывать выразить свою признательность памяти человѣка, который первый возжегъ свѣточъ просвѣщенія и пробудилъ въ государѣ, воспріимчивомъ на все великое и полезное, стремленіе дѣлать людей счастливыми, которое еще безсознательно дремало въ его юной душѣ.

Францъ Яковъ Лефортъ, родомъ изъ Женевы, былъ посланъ своимъ отцомъ, негоціантомъ, въ Амстердамъ для изученія тамъ торговли. Склонность молодого человѣка къ солдатчинѣ сдѣлала то, что онъ, вопреки намѣреніямъ отца, поступилъ въ военную службу. Впрочемъ, онъ скоро оставилъ ее и отправился, въ 1680 году, неизвѣстно чѣмъ

побуждаемый, чрезъ Архангельскъ въ Москву. Въ то время тамъ дорожили иностранцами для военной службы; Лефортъ, поэтому, очень скоро опредѣлился на службу. Его пребываніе въ Россіи въ первые года было довольно незавидное. Но, наконецъ, молодой царь *), Петръ Алексѣевичъ, увидѣлъ его совершенно случайно у одного чужестраннаго посланника **); Лефортъ полюбился ему. Съ этого времени между Петромъ и Лефортомъ возникла связь, не прекращавшаяся до самой смерти Лефорта и не нарушавшаяся даже никакою случайностію. Одинаковость характеровъ, согласіе идей и сходство склонностей навсегда связали государя и его любимца. Ихъ связь не была, однако, случайною: въ обоихъ заключались зародыши великихъ предпріятій, и союзъ этотъ развивался мало по малу, по мѣрѣ того, какъ они ближе узнавали другъ друга. Петръ сознавалъ, что ему нуженъ учитель и помощникъ; Лефортъ чувствовалъ, что его таланты даютъ ему право надѣяться, что онъ въ состояніи оказать своему государю ожидаемое имъ отъ него содѣйствіе.

---

*) Въ то время Петръ I не принималъ еще титула императора.

**) Въ Россіи издавна были чужестранные послы. Но въ началѣ они были довольно одиноки и дѣла ихъ случайны. Это были скорѣе только порученія по торговымъ дѣламъ, рѣдко имѣвшимъ какое либо отношеніе къ политикѣ. Уже при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, котораго обычно, но, конечно, не вполнѣ справедливо, называютъ Грознымъ, въ Россіи былъ посолъ королевы Елизаветы Англійской. При послѣдующихъ правительствахъ бывали опять послы въ Москвѣ, но при Петрѣ I они являлись приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ Даніи, Голландіи, Австріи, Саксоніи, Бранденбурга, Швеціи и Англіи.

Въ 1688 году Лефортъ представилъ юному царю первое и существеннѣйшее доказательство своего служебнаго усердія. Въ то время были довольно часты возмущенія стрѣльцовъ, бывшихъ тогда тѣлохранителями царей и лучшею частью русскаго войска. Поводъ къ этимъ возмущеніямъ давала красивая, умная, одаренная высокими государственными талантами, но властолюбивая царевна Софія *), сводная сестра Петра. Возмущеніе 1688 года было особенно жестокове—цѣлью его было умерщвленіе молодого государя. Лефортъ воспрепятствовалъ совершенію этого измѣннаго плана, послѣдствія котораго были бы неисчислимы, судя по извѣстному намъ значенію царствованія Петра I. Съ довольно сильнымъ отрядомъ Лефортъ поспѣшилъ въ тотъ монастырь, въ которомъ Петръ былъ уже заключенъ, чтобы въ немъ же быть убитымъ; Лефортъ занялъ всѣ входы въ монастырь охранялъ Петра до тѣхъ поръ, пока не миновала опасность. Этимъ великимъ подвигомъ плѣнилъ онъ сердце царя, который сталъ единымъ повелителемъ Россіи и вознаградилъ своего приверженца величайшею благосклонностью и неограниченнымъ довѣріемъ. Съ этихъ поръ становилились съ каждымъ днемъ очевиднѣе послѣдствія совѣтовъ, даваемыхъ Лефортомъ. Онъ ввелъ иностранное военное искуство, и хотя онъ только мимоходомъ, такъ сказать, по-

*) Софія была принуждена смотрѣть на казнь своихъ приверженцевъ изъ комнаты въ обводной стѣнѣ дѣвичьяго монастыря и была потомъ заключена въ келью, въ которой было только одно окно, задѣланное желѣзными прутьями. Она носила въ монастырѣ имя Сусанны и жила еще пятнадцать лѣтъ въ такомъ печальномъ положеніи. Она умерла и погребена въ томъ же монастырѣ.

верхностно изучилъ въ Голландіи морское дѣло, все таки собственно онъ былъ основателемъ русскаго флота, который Петръ I возвелъ впослѣдствіи на такую высокую степень совершенства. Лефортъ уничтожилъ многія злоупотребленія, устроилъ много полезныхъ, хорошихъ и мудрыхъ учрежденій въ государствѣ, призвалъ иностранцевъ въ Россію, и сопровождалъ царя въ путешествіяхъ по Европѣ, чтобы убѣдить его примѣрами европейской промышленности и благосостоянія, въ необходимости слѣдовать тѣмъ порядкамъ, которые онъ ему указывалъ. Кто не знаетъ исторіи оригинальнаго путешествія въ Лифляндію, Пруссію, Бранденбургъ, Люнебургъ, Голландію, Англію, Саксонію, Австрію и Польшу, которое предпринялъ Лефортъ, въ 1697 году, какъ посолъ царя, при чемъ его повелитель находился въ его же свитѣ, инкогнито, въ качествѣ оберъ-командора? Это путешествіе было чрезвычайно полезно для Петра I и было бы продолжительнѣе, если-бъ новое возстаніе въ Москвѣ не потребовало ускореннаго возвращенія. Лѣтомъ 1698 года царь явился опять въ свою резиденцію и тогда были примѣнены цѣлесообразныя и сильныя, но, безъ сомнѣнія, слишкомъ строгія мѣры къ полному подавленію возстанія.

Уже съ самаго начала благоволенія царя къ Лефорту, русскіе вельможи съ завистью смотрѣли на возрастающее значеніе чужестранца и довольно громко заявляли свое неудовольствіе на вводимыя имъ новшества. Вначалѣ Петръ и Лефортъ относились равнодушно къ этимъ заявленіямъ, но когда порицаніе этихъ недовольныхъ и неучей становилось все громче, Лефортъ полагалъ, что пришло время силою заставить ихъ замолчать. По его совѣту,

Петръ I уже съ 1692 года сталъ притѣснять фамиліи выдающихся по рожденію и чину нарушителей спокойствія и отдавать иностранцамъ, если они того заслуживали, значительныя мѣста въ государствѣ, такъ что часто русскіе и иностранцы пользовались одинаковыми преимуществами. Такимъ образомъ, равноправные съ русскими иностранцы служили Лефорту противовѣсомъ русскихъ. Но неудовольствіе русскихъ было лишь подавлено на короткое время, но не уничтожено. Оно оказалось лишь сыпленнымъ и его пробужденіе было ужасно.

Путешествіе царя и его любимца подало поводъ къ новымъ безпорядкамъ; долгое отсутствіе царя и Лефорта поощряло эти безпорядки. Стрѣльцы перешли на сторону недовольныхъ и помогали возстанію. Мы знаемъ, что при первомъ извѣстіи о возмущеніи Петръ и Лефортъ поспѣшили въ 1698 году возвратиться въ Москву. Они тотчасъ же рѣшили казнить возставшихъ стрѣльцовъ. Въ этихъ видахъ на лобномъ мѣстѣ, предназначенномъ для казни, были положены балки, на которыя преступники должны были класть свои шеи. Царь, Лефортъ и Меншиковъ, который уже нѣсколько лѣтъ пользовался милостію своего государя, взяли каждый по топору. Петръ приказалъ раздать топоры своимъ министрамъ и генераламъ, и даже предложилъ два топора двумъ иностраннымъ посламъ, которые находились при его дворѣ и изъ которыхъ одинъ былъ изъ Голландіи, но оба они отклонили отъ себя эту честь. Когда же всѣ были вооружены, всякій принялся за свою работу и отрубалъ головы. Меньшиковъ приступилъ къ дѣлу такъ неловко, что царь надавалъ ему пощечинъ и показалъ ему, какъ должно отрубать головы.

Бытописатель и читатель отворачиваются отъ подобныхъ ужасающихъ сценъ и не могутъ быть успокоены мнимымъ мотивомъ, будто эти кровавыя мѣры были вызваны необходимостью.

Лефортъ оказалъ бы еще многія важныя услуги своему государю въ его заботахъ объ улучшеніи своего народа, если-бъ смерть не поразила его. Онъ умеръ въ 1699 году, на 46 году жизни. Этотъ замѣчательный выдающійся человѣкъ, котораго даже побаивался его же повелитель, былъ тогда наиболѣе довѣреннымъ статсъ-министромъ, первымъ генераломъ, первымъ адмираломъ и кавалеромъ ордена съ. Аидрея Первозваннаго*).

Безспорно геніальны дарованія этого любимца; его заслуги для Россіи неисчислимо велики. Онъ обладалъ обширнымъ и очень образованнымъ умомъ, проницательностью, присутствіемъ духа, невѣроятною ловкостью въ выборѣ лицъ, ему нужныхъ, и необыкновеннымъ знаніемъ могущества и слабости главнѣйшихъ частей россійскаго государства; это знаніе было ему необходимо при обтесываніи этой громадной каменной глыбы. Въ основѣ его характера лежали твердость, непоколебимое мужество и честность. По своему же образу жизни онъ былъ человѣкъ распутный и тѣмъ, вѣроятно, ускорилъ свою смертъ.

Его упрекаютъ, что онъ склонялъ царя къ большимъ строгостямъ, невѣрности своей супругѣ и неправильному образу жизни. Нѣтъ, однако, недостатка въ мотивахъ, чтобъ ослабить или вовсе

---

*) Орденъ съ. Андрея, до настоящаго времени значительнѣйшій орденъ въ Россіи, былъ учрежденъ Петромъ I въ 1689 году. Онъ носится на голубой лентѣ.

устранить эти три обвиненія. Представьте себѣ обширнѣйшее государство на землѣ, погруженное въ моральную тьму всякаго рода. Это было болото, въ которомъ только въ правленіе царей Ивана Васильевича и Алексѣя Михайловича кое-гдѣ возникалъ лучъ просвѣщенія, но, какъ блуждающій огонекъ, тотчасъ же угасалъ за недостаткомъ поддержки. Это-то болото хотѣли очистить Петръ и Лефортъ, но при каждомъ шагѣ, ими дѣлаемомъ, они встрѣчали противодѣйствіе своимъ предпріятіямъ въ злобѣ и предразсудкахъ. Только терпѣливымъ мужествомъ, разумностью и строгостью удалость имъ преодолѣть эти затрудненія. Эти средства, конечно, не выдержали бы оцѣнки строгой морали, но необходимо дѣлать различіе между выдающимися качествами повелителя и значительнѣйшихъ мужей въ его совѣтѣ и на войнѣ съ одной стороны, и гражданскими добродѣтелями*) съ другой. Что можно было сдѣлать тогда кротостью и добротою? Не сердце управляетъ народами, а разумъ; многіе государи, государственные мужи, многіе герои не блистали бы, какъ метеоры, въ неизмѣримыхъ областяхъ исторіи, если-бъ они были справедливы и человѣчны. Равнымъ образомъ, не Лефортъ разрушилъ согласіе въ тогдашней семейной жизни царя. Союзъ Петра съ Авдостьею**), дѣло приличія, былъ уже

*) Si vous faites cas de vertus futiles, votre rôle n'est pas très-beau, говорилъ Дидро Екатеринѣ II, когда она разговорилась съ нимъ о сочиненіи Рюльера по поводу революціи 1762 года, mais si vous préférez les grandes actions héroïques, votre rôle est très glorieux.

**) Есиповъ, Царица Евдокія Ѳеодоровна (Мартыновъ, Русск. Достоп. VI). Даль, Старинная пѣсня (Ар-

по крайней мѣрѣ, условленъ, прежде чѣмъ Лефортъ достигъ исключительнаго благоволенія этого государя. Царица была старѣе своего супруга. Ея прелести уже поблекли, когда силы Петра только еще разцвѣтали и потомъ достигли полной зрѣлости. Сверхъ того, этой парѣ недоставало согласія характеровъ, этой единственной прочной связи счастливыхъ браковъ. Отвращеніе государя было естественнымъ послѣдствіемъ этихъ физическихъ и моральныхъ различій. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что Авдотья вовсе не обладала искусствомъ вести себя какъ слѣдовало. Невозможно было неловкимъ и неумѣстнымъ своеволіемъ втиснуть духъ Петра, мощный чувствомъ своей самостоятельности, въ рамки стародавнихъ доморощенныхъ брачныхъ обязанностей; духъ Петра не могъ стерпѣть, чтобъ его супруга, которая должна бы раздѣлять съ нимъ его усилія сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, присоединилась, вслѣдствіе предразсудковъ къ его противникамъ, чтобъ уничтожить исполненіе его плановъ. Неудовольствіе Петра, усиленное живостью его характера и горячностью молодости, достигло высшей степени. Проявленія этого неудовольствія были ужасны. Лефортъ вступился за государыню; онъ не могъ воспрепятствовать разрыву царя съ своей супругой, но онъ

хивъ, 1863, 126). Снегиревъ, Первая супруга Петра I (Архивъ, 1863, 114). Пекарскій, Пѣсня про царицу Евдокію (Записки акад. наукъ, 1864, V, 57). Современники Анны Іоанновны (Старина, 1878, XXI, 337). Замѣчанія на записки Манштейна (Старина, 1879, XXVI, 364). Бассевичъ, 157. Устряловъ, IV, I, 150.

спасъ ей жизнь*). Она была заточена въ монастырь и тамъ было ужъ, конечно, необходимо обращаться съ нею довольно строго, чтобъ показать ея приверженцамъ, что для нихъ утеряна самая сильная ихъ опара. Однако Лефортъ не допустилъ, чтобъ Петръ, обуреваемый юношескою опрометчивостью, дозволилъ убить ее. Разумныя основанія, приведенныя Лефортомъ, ради укрѣпленія славы Петра, противъ этого намѣренія, пустили въ сердцѣ этого государя столь глубокіе корни, что ихъ не могли вполнѣ уничтожить никакія старанія могущественнѣйшихъ враговъ Авдотьи. Наконецъ, не одинъ только Лефортъ подавалъ царю примѣръ неправильнаго образа жизни. Подобные примѣры государь часто встрѣчалъ въ своей націи. Излишество въ употребленіи вина было очень велико; оно составляло характеристическую черту тогдашняго времени. Эта черта обнаруживалась не только въ одной Россіи, но встрѣчалась и въ другихъ государствахъ, считавшихся культурными. Лефортъ, старавшійся въ началѣ принять нравы и обычаи русскихъ, получилъ вскорѣ вкусъ къ подобному распутству, и потомъ уже предавался ему по склонности. Но сила этой безнравственности никогда не была столь значительна, чтобъ затруднить или царя, или его въ исполненіи ихъ великихъ плановъ.

Лефортъ былъ женатъ, но мы не знаемъ фамиліи его супруги. Отъ этого брака у него былъ сынъ, котораго онъ послалъ, за нѣсколько лѣтъ до своей

---

*) Есиповъ, Освобожденіе царицы Евдокіи Ѳеодоровны (Рус. Вѣст., 1860, XXVIII, 182).

смерти, въ Женеву для образованія. Насколько намъ извѣстно, молодой человѣкъ возвратился въ Москву только по смерти отца и ушеръ уже въ 1702 году, прежде чѣмъ успѣлъ развить свой характеръ и свои дарованія. Вотъ что воспрепятствовало Петру I исполнить относительно сына священный долгъ благодарности, которымъ онъ былъ обязанъ относительно отца.

Фамилія Лефорта въ мужской линіи, вѣроятно, вымерла; по крайней мѣрѣ мы не слышали ни о комъ изъ этой фамиліи. Племянникъ (сынъ брата) знаменитаго любимца вступилъ еще юношей въ саксонскую службу, выказалъ большія способности и, въ то время, когда Россія при Петрѣ I вступила въ опредѣленныя дипломатическія сношенія съ европейскими державами, былъ постояннымъ посломъ*) Фридриха Августа I при русскомъ дворѣ. Во времена Петра I былъ еще генералъ-майоръ Лефортъ, но мы никогда не могли узнать степень его родства съ знаменитымъ Лефортомъ. Быть мошетъ, этотъ генералъ-майоръ Лефортъ есть именно тотъ, который въ качествѣ секретаря сопровождалъ большое посольство 1697 года. Въ 1719 году этотъ Лефортъ командовалъ пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ его имя — предпочтеніе совершенно особаго рода, потому что въ то время, и значительно позже, всѣ полки русской арміи носили названіе русскихъ провинцій. Этотъ именно генералъ-майоръ Лефортъ

*) Первымъ саксонскимъ посланникомъ въ Россіи былъ генералъ-майоръ фонъ-Карловицъ. Когда Петръ I посѣтилъ короля въ 1698 году, Карловицъ поѣхалъ вмѣстѣ съ русскимъ монархомъ въ Москву, но оставался тамъ недолго.

былъ одинъ изъ первыхъ, занимавшихъ почетный караулъ при гробѣ Петра I въ 1725 году. Сынъ саксонскаго посланника вступилъ въ русскую службу и былъ церемоніймейстеромъ при дворѣ императрицы Елизаветы. Если мы не ошибаемся, онъ былъ замѣшанъ въ несчастное дѣло о лотереи, которое причинило ему много горя. Мы слышали, что онъ покинулъ Россію и умеръ въ Варшавѣ. Его вдова, урожденная фонъ-Шметтау*), жила еще въ 1807 году, въ Берлинѣ. Дѣлаетъ большую честь государямъ, если они заслуги вѣрныхъ слугъ своихъ предковъ вознаграждаютъ въ лицѣ даже побочныхъ потомковъ этихъ слугъ. Великодушію императора Павла I, столь благороднаго и благомысленнаго въ своихъ намѣреніяхъ и столь непонятаго и несчастнаго въ ихъ исполненіи, было предоставлено доказать свое уваженіе къ памяти имени Лефорта: онъ назначилъ женѣ Лефорта въ Берлинѣ пожизненную пенсію съ тѣмъ, чтобъ по смерти матери пенсія выплачивалась ея дочери.

---

*) Младшій братъ ея, графъ фонъ-Шметтау, былъ генералъ-лейтенантъ прусской службы; онъ умеръ въ 1806 году отъ раны, полученной имъ въ битвѣ при Іенѣ.

II.

Александръ Меншиковъ.

Время Петра I было эпохой великихъ людей въ русскомъ государствѣ. Ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій не встрѣчается столько даровитыхъ людей, сколько дѣйствительный творецъ русскаго государства опредѣлилъ въ государственное управленіе, въ военную и морскую службу, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомства финансовъ, юстиціи и полиціи. Иныхъ нашелъ онъ въ именитыхъ родахъ своего государства, другихъ—среди знатныхъ иностранцевъ, появлявшихся при его дворѣ. Многіе вышли изъ чужеземной черни,; многіе—изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго народа. Еще прежде, чѣмъ Петръ I достигъ зрѣлаго возраста, когда его испытанный умъ могъ отыскивать наиболѣе подходящія личности, случай благопріятствовалъ ему наталкивалъ на юношей, сдѣлавшихся знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же немъ—никогда. Большинство ихъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ, и онъ возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Но лишь меньшая ихъ часть были счастливы до конца своей жизни.

Вершина земнаго счастія составляетъ самый опасный пунктъ для большей части выскочекъ.

Рѣдко кто умѣетъ удержаться до конца своихъ дней на высокомъ посту, на который его вознесъ смѣлый геніальный полетъ и съ твердостью проведенная тенденція. Онъ колеблется на непривычной высотѣ, и—падаетъ.

Александръ Меншиковъ родился 17 ноября 1674 года. Отецъ его былъ крестьянинъ изъ окрестностей Москвы и прозывался Данило Меншиковъ.

Въ Россіи многіе крестьяне отдаютъ своихъ сыновей въ большіе города ремесленникамъ на выучку; также точно и Александръ былъ отданъ пирожнику*). Какъ ученикъ, онъ долженъ былъ на улицахъ Москвы выкрикивать для продажи пироги, лежавшіе на лоткѣ, который онъ носилъ на головѣ. Онъ дѣлалъ это такъ забавно, что обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Лефорта. Этотъ государственный человѣкъ зазвалъ его къ себѣ, много разговаривалъ съ нимъ и, найдя его отвѣты смышленными, а черты лица**) — умными и миловидными, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Здѣсь Александръ имѣлъ случай часто видѣть юнаго

*) Пирогъ—безвкусное печенье, начиненное искрошенною рыбою; его ѣдятъ съ льняным масломъ. Только простой народъ употребляетъ это отвратительное кушанье. Понятно, что это же блюдо, хорошо приготовленное, составляетъ лакомство за столомъ вельможъ.

**) Въ молодости Меншиковъ, должно быть, былъ очень красивъ и имѣлъ очень живые глаза. Изображенія его, встрѣчающіяся еще въ Россіи, хотя довольно рѣдко, показываютъ, что у него былъ умный, проницательный и пріятный взглядъ. Это особенно замѣтно на портретѣ, сдѣланномъ въ престарѣлыхъ годахъ и висящемъ въ императорскомъ дворцѣ въ Гатчинѣ, въ бывшей комнатѣ Павла I.

царя, который былъ всего лишь на два года старше его, разговаривать съ нимъ и пріобрѣсти его благоволеніе. Лефортъ, основательный оцѣнщикъ духовныхъ способностей, съ удовольствіемъ замѣтилъ проницательный умъ своего слуги и рѣшилъ сдѣлать его пригоднымъ для государственной службы. Конечно, заслуживаетъ глубочайшей благодарности человѣкъ, который, будучи чуждъ всякой зависти, приготовилъ такого образованнаго воспитанника своему государю и государству; но заслуживаетъ не меньшее удивленіе и тотъ воспитанникъ, который выработался по идеямъ своего великаго великаго предшественника и согласно съ намѣреніями своего государя.

Лефортъ опредѣлилъ Меншикова на царскую службу, взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе 1697 года, обращалъ на все его вниманіе, научилъ его уничтожать злоупотребленія и заводить новыя учрежденія, преподалъ ему военное искуство и такъ старался привить ему свои собственные взгляды относительно государственнаго хозяйства и иностранныхъ дѣлъ, что умный и воспріимчивый Меншиковъ совершенно усвоилъ ихъ себѣ. Однако, можно полагать, что еслибъ Лефортъ остался въ живыхъ, онъ, прозрѣвавшій уже притязательный характеръ молодого человѣка, никогда не допустилъ бы его такъ возвыситься, какъ онъ впослѣдствіи дѣйствительно возвысился. Но Лефортъ умеръ и личный составъ русскаго государственнаго строя принялъ совершенно иной видъ.

Петръ I, хотя и былъ окруженъ придворными, чувствовалъ себя одинокимъ. Почти всѣ приближенные были противъ его мудрыхъ предначертаній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе

не дѣлало ихъ лучшими. Только одинъ Меншиковъ безусловно раздѣлялъ высокіе принципы своего государя. Онъ сталъ преемникомъ умершаго любимца относительно милости своего государя и, мало-по-малу, но въ очень короткіе промежутки, получилъ всѣ тѣ важныя мѣста, которыя имѣлъ Лефортъ. Теперь-то Меншиковъ выказалъ, что онъ принадлежитъ къ выдающимся личностямъ, умѣющимъ составить себѣ имя въ исторіи. Онъ былъ геній настолько, насколько это возможно въ деспотической странѣ, повелитель которой не знаетъ для себя закона. Въ полной моральной и физической зрѣлости развилъ онъ свои высокія дарованія, во всемъ вѣрно поддерживалъ своего государя, какъ въ начертаніи благодѣтельныхъ реформъ, такъ и въ точномъ и покорномъ исполненіи приказаній императора. Изображеніе важныхъ заслугъ этого государственнаго человѣка и полководца принадлежитъ исторіи царствованія великаго монарха, которую онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, прославилъ своими талантами.

Уже въ самомъ началѣ въ Меншиковѣ были открыты зародыши государственнаго мужа, который въ состояніи удивить современниковъ и потомство своими подвигами; но въ послѣдующіе годы увидѣли также, съ сожалѣніемъ, что его многообѣщавшее вліяніе не всегда направлено на выгоднѣйшее для государства и наиболѣе полезное для подданныхъ. Петръ назначилъ его, между прочимъ, гофмейстеромъ къ своему, впослѣдствіи столь несчастному, сыну Алексѣю. Меншиковъ самымъ непростительнымъ образомъ пренебрегъ воспитаніемъ царевича. Ему было все равно, прилеженъ ли царевичъ во время уроковъ или лѣнивъ; онъ

даже одобрялъ, замѣчая, какъ попы внушали принцу безполезныя церковныя обрядности, воспитывали его въ нелѣпыхъ предразсудкахъ и старались внушить ему отвращеніе ко всѣмъ новшествамъ его отца.

Можно думать, что уже тогда Меншиковъ имѣлъ намѣреніе отстранить царевича отъ престолонаслѣдія по волѣ самого же императора. Но этотъ проектъ оставался еще на заднемъ планѣ. Меншиковъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериной*), которую онъ уступилъ своему монарху. Изъ этого проистекали взаимныя обязательства. Онъ относился къ ней съ почтеніемъ и старался возвышать ее; она поддерживала его, когда онъ шатался. Она должна была даровать государству наслѣдника престола, и онъ намѣревался, по смерти Петра, управлять государствомъ и малолѣтнимъ госуаремъ. Но чтобъ привести все это въ исполненіе, необходимо было возбудить въ отцѣ подозрѣніе противъ сына и, такимъ образомъ, отстранить царевича отъ престола. Какъ извѣстно, все это и случилось, много лѣтъ позже, когда уже царевичъ былъ женатъ и имѣль отъ своей супруги сына и дочь. Петръ былъ окончательно возстановленъ противъ Алексѣя, который своимъ неблагоразумнымъ, ненадежнымъ, низкимъ, упрямымъ и возмутительнымъ противъ отца и государя поведеніемъ далъ поводъ

*) Исторія Екатерины такъ тѣсно переплетается съ жизнью Меншикова, что одну безъ другой нельзя читать. Чтобы избѣжать повтореній, не слѣдуетъ писать подробно ни той, ни другой; чего здѣсь недостаетъ, то можно найти тамъ, и наоборотъ.

къ той печальной участи, которая постигла его*). Противъ несчастнаго царевича былъ составленъ смертный приговоръ и князь Меншиковъ первый подписалъ его (1718).

Обхожденіе Петра I съ своимъ любимцемъ было оригинально. Императоръ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Меншикова. Во всѣхъ событіяхъ своей правительственной дѣятельности и частной жизни онъ выказывалъ ему такое довѣріе, выше котораго быть не можетъ. Можно было бы сказать, что монархъ и его любимецъ были сердечными друзьями, еслибъ любимецъ, всегдашнее игралище своихъ страстей, не сдѣлался, вслѣдствіе этого, недостойнымъ высокой чести быть другомъ своего государя. Почти постоянно Меншиковъ долженъ былъ сопровождать императора и если Петръ иногда оставлялъ его, то этотъ любимецъ, съ согласія императора, управлялъ всѣмъ государствомъ. Этотъ скипетръ можно было тогда назвать дѣйствительно желѣзнымъ. Вслѣдствіе этого росло число враговъ, которыхъ Меншиковъ создавалъ себѣ ежедневно своимъ своекорыстнымъ поведеніемъ. Враги слѣдили за каждымъ его шагомъ и извѣщали императора обо всемъ, что узнавали осносительно корыстолюбивыхъ поступковъ его перваго государственнаго сановника. Вслѣдствіе этого, Меншиковъ находился три раза въ царствованіе Петра I подъ строжайшими слѣдствіями, изъ которыхъ мы при-

*) Объявленіе розыскного дѣла и суда по указу его царскаго величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктпитербурхѣ отправленнаго и по указу его величества въ печать для извѣстія всенароднаго сего іюня въ 25 день 1718 выданое.

ведемъ одинъ только примѣръ, бывшій въ 1719 году. Князь Меншиковъ былъ обвиняемъ въ томъ, что дурно управлялъ финансами имперіи, которые были поручены ему одному, и что многіе суммы обратилъ въ свою польсу. Отъ него была взята шпага, ему было запрещено выходить изъ дому и онъ долженъ былъ ожидать наказанія, которое наложитъ на него императоръ. Были причины полагать, что дѣло приметъ очень дурной оборотъ, и уже начали поговаривать, что Меншиковъ будетъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Однако, радость его враговъ была слишкомъ поспѣшна. Монархъ позвалъ къ себѣ Меншикова. Едва онъ вошелъ, какъ бросился въ ноги императора, просилъ о помилованіи и обѣщалъ исправиться. Петръ тотчасъ же забылъ его преступленіе и думалъ уже только о заслугахъ своего слуги. Онъ опять почтилъ его своею милостію, и только возложилъ на него большой денежный штрафъ, который Меншиковъ долженъ былъ немедленно уплатить.

За небольшіе проступки были и штрафы небольшіе. Разсказываютъ слѣдующее: однажды, вечеромъ, императоръ завѣрное узналъ о многихъ продерзостяхъ, учиненныхъ Меншиковымъ. На слѣдующее утро, Петръ отправился на Васильевскій Островъ*), къ Меншикову, который тогда жилъ въ своемъ дворцѣ, нынѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ спальню, гдѣ Меншиковъ еще спалъ, выговорилъ ему всѣ его проступки и по-

*) Петръ I не хотѣлъ строить моста чрезъ Неву на Васильевскій Островъ, думая тѣмъ пріучить русскмхъ къ судоходству. Кахъ только Петръ II вступилъ на престолъ, Меншиковъ устроилъ плавучій мостъ, существующій и по нынѣ.

колотилъ безъ шума, но весьма чувствительно своего любимца, который былъ настолько низокъ, что выносилъ подобные побои. Послѣ этого императоръ отправился домой. На возвратномъ пути, Петръ встрѣтилъ толпу людей, которая, на его вопросъ, заявила, что идетъ на Васильевскій Островъ поздравить Меншикова съ днемъ ангела. Императоръ тотчасъ же возвратился вмѣстѣ съ ними. Меншиковъ страшно испугался, думая, что Петръ вернулся, чтобы еще поколотить его. Но монархъ ободрилъ его, сказавъ при самомъ входѣ въ комнату: „я услышалъ, что сегодня твой праздникъ; я пришелъ съ этими добрыми людьми, чтобы поздравить тебя и откушать съ тобою". Такъ оканчивались почти всегда жалобы, приносившіяся на князя. Глубокая проницательность и обширная полезность этого человѣка доказывается тѣмъ, что Петръ, не смотря на многія обвиненія, держалъ его при себѣ и ничево не дѣлалъ безъ его совѣта и согласія.

Князь Меншиковъ былъ преступникомъ не только по тѣмъ чертамъ корыстолюбія и вѣроломства, которыя доходили до свѣдѣній монарха. Были еще и другія, которыхъ императоръ не зналъ и за которыя онъ заслуживалъ бы строжайшее наказаніе и полнѣйшее удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ. Петръ I, всегда мечтавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ съ правомъ голоса въ имперскомъ сеймѣ, могъ, не знаемъ когда и по какому случаю, овладѣть шведскою Помераніею. Прусскій дворъ, вовсе не желавшій имѣть такого неудобнаго сосѣда, обратился къ Меншикову и подкупилъ его за 20 000 дукатовъ. Первый сановникъ императора, которому онъ вполнѣ

довѣрялъ, представилъ какіе-то, вѣроѣтно, мнимые мотивы, по которымъ императоръ отказался отъ своего намѣренія овладѣть Помераніею. Короче, всѣ переговоры были прерваны. Если-бъ Петръ узналъ настоящій ходъ дѣла, любимецъ его едва ли отдѣлался бы обычнымъ наказаніемъ.

Если Меншиковъ могъ всегда такъ счастливо избѣгать заслуженныхъ имъ послѣдствій своихъ проступковъ и нерѣдко побѣждать своихъ обвинителей, этимъ онъ былъ обязанъ, по большей части, Екатеринѣ. За то и онъ заботился объ интересахъ Екатерины. Съ этими заботами онъ соединялъ всегда и собственную выгоду. Такъ какъ ни одинъ изъ синовей Петра и Екатерины не остался въ живыхъ, то Меншиковъ задумалъ возвести Екатерину, по смерти Петра, на престолъ ея супруга. Онъ сообщилъ эту идею Петру, который одобрилъ ее. Такимъ образомъ, она была объявлена наслѣдницей престола и коронована въ 1724 голу. Легко было предвидѣть, что князь Меншиковъ, бывшій двигателемъ всего этого дѣла, станетъ кормчимъ въ государствѣ, если, по смерти Петра, Екатерина взойдетъ на тронъ.

У такого могучаго любимца, какимъ былъ Меншиковъ, съумѣвшій сдѣлаться равно необходимымъ какъ императору, такъ и императрицѣ, не могло быть недостатка въ знакахъ отличія со стороны иностранныхъ дворовъ, которые всѣ добивались его дружбы. Вѣнскій дворъ давно уже возвелъ его въ имперскіе графы и вскорѣ затѣмъ въ имперскіе князья; копенгагенскій, дрезденскій и берлинскій дворы слали ему свои ордена. Самъ Петръ I, желая дать своему любимпу публичное доказательство своего благоволѣнія, удостоилъ

его титула герцога Ингерманландскаго; въ то время онъ былъ уже первымъ статсъ-министромъ и первымъ генералъ-фельдмаршаломъ арміи.

Но всѣ эти высокіе знаки милости монарха не могли удержать князя на пути справедливости. Его корыстолюбіе и вѣроломство подвергли его вновь немилости своего государя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора. Но такъ какъ именно въ это время Екатерина, благодаря своимъ критическимъ обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ когда либо нуждалась въ совѣтникѣ, то графъ Ягужинскій долженъ былъ постараться отвлечь мысли Петра къ другимъ предметамъ. Это удалось ему; князь былъ такъ счастливъ, что вновь получилъ милость своего государя, и на этотъ разъ безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

Екатерина и Меншиковъ считали теперь необходимымъ рѣшиться на все ради самосохраненія, и вѣроятно съ самаго начала согласились принести для достиженія цѣли самыя дорогія жертвы. Петра I былъ страшно недоволенъ обоими и грозилъ имъ жестокими наказаніями, если-бъ только поднялся съ своего болѣзненнаго ложа. Уже давно поведеніе Екатерины и Меншикова было прямо противоположно повелѣніямъ императора, и онъ часто предостерегалъ обоихъ. Кары, которыми угрожалъ имъ императоръ, были бы, сдѣдовательно весьма чувствительны и, вѣроятно, низвели бы обоихъ къ той же ничтожности изъ которой они были вознесены милостью монарха. Было, слѣдовательно, сообразно съ мудростью Екатерины и князя и въ ихъ личныхъ интересахъ вовсе не допустить выздоровленія императора. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что они предупредили

природу и болѣзнь величайшаго изъ императоровъ, царившихъ тогда въ Европѣ, привела искуственными мѣрами къ печальной развязкѣ скорѣе, чѣмъ слѣдовало по крѣпкой его натурѣ (1725). Петръ умеръ и всѣ его планы относительно Екатерины и Меншикова, которые, конечно, были велики и спасительны, рухнули.

Меншиковъ, Ягужинскій и священникъ Ѳеофанъ помогали теперь Екатеринѣ въ ея новомъ положеніи—на русскомъ престолѣ. Ни для кого это событіе не было столь выгодно, какъ для князя Меншикова. Первый годъ царствованія Екатерины былъ, собственно, царствованіемъ Меншикова. Продолженіе не отвѣчало, однако, началу. Чашка Меншикова высоко поднялась на вѣсахъ, между тѣмъ какъ чашка голштинской фамиліи опустилась и имѣла перевѣсъ. Любимецъ ясно понялъ паденіе своего значенія, когда не могъ воспрепятвовать возвращенію своего смертельнаго врага барона Шафирова. Тѣмъ не менѣе, онъ ничего не потерялъ въ глазахъ всего свѣта ни въ своемъ достоинствѣ, ни въ кажущемся участіи въ управленіи. Но этого ему было мало. Онъ хотѣлъ сохранить дѣйствительное вліяніе на дѣла, которое имѣлъ до тѣхъ поръ. Что ему не хотѣли предоставить добровольно, онъ стремился пріобрѣсти иными средствами. Тяжело бытописателю, въ нѣсколькихъ строкахъ строкахъ, близко слѣдующихъ одна за другими, два раза рѣшаться высказывать одно и то же подозрѣніе о преступленіи и только этимъ подтверждать вѣрность того и другаго событія. Почти не подвержено сомнѣнію, что Меншиковъ, желая одинъ и неограниченно властвовать надъ страною несовершеннолѣтняго

государя и женить его на своей дочери, сократилъ дни жизни Екатерины I. Эгоизмъ и властолюбіе заглушили въ Меншиковѣ всѣ чувства, которыя необходимо должны были возбуждаться въ его сердцѣ воспоминаніемъ о прежнихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ и благодарностью за все, что она для него сдѣлала. Екатерина умерла (1727).

Петръ II взошелъ на престолъ и Меншиковъ смѣлою и увѣренною рукою захватилъ бразды правленія. Въ первые мѣсяцы 1727 года его власть достигла высшей степени; какъ частный человѣкъ онъ не могъ уже получить никакого повышенія. Во время его высшаго счастья, при Петрѣ II, онъ былъ княземъ Германской имперіи, герцогомъ Ингерманландскимъ, генералиссимусомъ русской арміи, первымъ статсъ-министромъ сенаторомъ и кавалеромъ обоихъ русскихъ и нѣсколькихъ иноземныхъ орденовъ, именно: Бѣлаго Орла, Чернаго Орла, Слона и св. Губерта*). Хотя въ то время въ Россіи были разные нѣмецкіе принцы и многіе русскіе князья титуловались фюрстами, на что имъ давали право ихъ высокое рожденіе, родство съ императорскимъ домомъ и необыкновенно обширныя владѣнія, тѣмъ не менѣе, и въ продолженіи многихъ уже лѣтъ Меншиковъ назѣвался „княземъ“ по преимуществу, κατ' ἐξοχήν. Уже онъ былъ готовъ готовъ повѣнчать свою дочь съ императоромъ, когда, своимъ неосмотрительнымъ корыстолюбіемъ, онъ далъ фамиліи Долгорукихъ поводъ свергнуть себя. Подъ тѣмъ предлогомъ, что юный монархъ не

*) Орденъ св. Губерта, который, согласно своему уставу, безъ затрудненія дается всѣмъ германскимъ имперскимъ князьямъ, въ фамиліи Меншиковыхъ переходитъ отъ отца къ сыну и по сей часъ.

знаетъ еще цѣны деньгамъ, Меншиковъ захватилъ въ свою пользу деньги, которыя императоръ подарилъ сестрѣ своей. Ничего не подозрѣвая, Меншиковъ отправился въ Ораніембаумъ, въ загородный дворецъ, ему принадлежавшій, куда онъ пригласилъ также и императора, чтобъ присутствовать при освященіи тамошней часовни. Хотя императоръ не пріѣхалъ, Меншиковъ все таки приказалъ совершить освященіе церкви, которую и теперь можно тамъ видѣть, при чемъ онъ велъ себя съ чрезвычайнымъ тщеславіемъ, и спокойно возвратился въ Петербургъ. Хотя онъ и удивился, не найдя въ своемъ дворцѣ, на Васильевскомъ островѣ, юнаго монарха, который жилъ съ нимъ, но поѣхалъ къ нему, во дворецъ Лѣтняго сада, куда переѣхалъ Петръ II. Императоръ, предубѣжденный уже князьями Долгорукими противъ Меншикова, сдѣлалъ ему лично горькіе упреки за безстыдство, съ какимъ онъ захватилъ денежный подарокъ предназначенный имъ своей сестрѣ. Князь хотѣлъ оправдываться, но императоръ отпустилъ его съ самыми очевидными знаками своего неудовольствія. Вскорѣ затѣмъ Петръ II увѣдомилъ Меншикова чрезъ генералъ-лейтенанта Салтыкова**), что лишаетъ его всѣхъ званій и чиновъ, орденовъ, имущества и свободы. При этомъ извѣстіи, Меншиковъ лишился чувствъ. Княгиня Меншикова его достойная супруга, поспѣшила во дворецъ и бросилась въ ноги монарха, какъ разъ

**) Салтыковъ находился въ близкомъ родствѣ съ императорскою фамиліею. Его отецъ былъ братъ царицы Прасковьи, супруги царя Ивана Алексѣевича, своднаго брата Петра I и отца герцогини Екатерины мекленбургской и императрицы Анны Ивановны.

въ то время, когда императоръ выходилъ изъ церкви; но императоръ оставилъ ее лежать, не сказавъ ей ни слова—доказательство, что Петръ II былъ еще ребенкомъ, безъ всякаго разумѣнія. Это важное событіе оповѣстили народу объявленіемъ, что впредъ только тѣ высочайшія повелѣнія должны имѣть силу, которыя подписаны самимъ императоромъ. До тѣхъ же поръ такъ называемыя высочайшія повелѣнія подписывались Меншиковымъ. Затѣмъ было приступлено къ конфискаціи его имущества, причемъ нашли однѣхъ драгоцѣнностей, чистыхъ денегъ и серебряной и золотой утвари на три мильона рублей, не считая обширныхъ владѣній, которыя должны были быть чрезвычайны,— увѣряютъ, что Меншиковъ имѣлъ до ста тысячъ крестьянъ.

Затѣмъ началось слѣдствіе, окончившееся черезъ нѣсколько дней. Меншиковъ былъ приговоренъ къ вѣчной ссылкѣ въ Сибирь. Въ сентябрѣ же 1727 года онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ женою, сыномъ и обѣими дочерьми въ Березовъ, небольшой городокъ на рѣчкѣ Сосвѣ, имѣющій не болѣе 150 мазанокъ и обитаемый по большей части казаками.

Тамъ-то посесился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ лишь за нѣсколько недѣль до того столь могущественный князь Меншиковъ, котораго всѣ боялись и который готовъ былъ стать тестемъ императора. На его содержаніе было назначено не болѣе, какъ по одному рублю въ день, которые стража ни разу не отпускала ему полностію. Тѣмъ не менѣе, онъ жилъ такъ скупо, что изъ сбереженныхъ денегъ могъ выстроить небольшую деревянную церковь, при постройкѣ ко-

торой и самъ работалъ. Если вдуматься въ страшную перемѣну въ судьбѣ этого выскочки, то негодованіе противъ несправедливаго человѣка претворяется въ сочувствіе къ человѣку, достойному сожалѣнія.

Горе, увеличившееся еще въ Сибири случаями смерти въ его семьѣ, покорило его великій духъ и повергло его въ глубокое уныніе. Въ этомъ печальномъ состояніи духа онъ не говорилъ ни слова и, въ послѣдніе дни своей жизни, не принималъ ничего, кромѣ холодной воды. Онъ умеръ, наконецъ, 2 ноября 1729 года, на 55 году.

Эгоизмъ, низкое корыстолюбіе, тщеславіе, невыносимая гордость, властолюбіе, безжалостность и жестокость составляли основныя порочныя черты характера Меншикова. Эти недостатки и пороки, ставшіе отчасти страстью, постоянно обуревали его и ставили въ вѣчную борьбу со множествомъ лицъ, особенно съ вельможами. Посмотримъ, однако, и на хорошую сторону медали. Меншиковъ былъ добръ ко всѣмъ иностранцамъ и ко всѣмъ соотечественникамъ, которые умѣли ему понравиться — своенравіе, котораго онъ могъ требовать при своемъ высокомъ положеніи. Онъ былъ благодаренъ за оказанныя ему услуги, храбръ до отваги; былъ рьяный защитникъ тѣхъ, кто былъ ему преданъ. Его умъ и всѣ связанныя съ нимъ способности духа достигали степени геніальности. Если-бъ онъ получилъ въ дѣтскомъ возрастѣ хорошее воспитаніе, онъ могъ бы совершить великія дѣла. Онъ восполнилъ позже этотъ недостатокъ большимъ прилежаніемъ и пріобрѣлъ не малыя свѣдѣнія въ искусствахъ и наукахъ. Родину свою онъ зналъ отлично и былъ вслѣдствіе этого очень

ей полезенъ. Онъ много сдѣлалъ для культуры народа, для постройки многихъ городовъ, которые были полезны странѣ, для поднятія торговли, искусствъ и наукъ, для улучшенія горнаго дѣла, для усовершенствованія военной дисциплины, для блеска двора и для основанія внушительнаго уваженія къ русскому правительству заграницею. Много-ли любимцевъ, заслуги которыхъ можно было бы приравнять къ заслугамъ князя Меншикова? И если иногда, при чтеніи его біографіи, чувствуешь досаду на многія его несправедливости, то, въ концѣ концовъ, все же съ удивленіемъ произносишь имя человѣка, помогавшаго Петру I приводить въ исполненіе его великія дѣла.

Княгиня Меншикова, урожденная Арсеньева*), происходила изъ дома, пользующагося въ Россіи большимъ уваженіемъ среди дворянскихъ фамилій. Она была образцомъ женской красоты и добродѣтелей, которыя стяжали ей благоговѣніе нелицемѣрнаго потенія всѣхъ, ее знавшихъ. При невзгодѣ, постигшей ея мужа, она тотчасъ же выказала все совершенство своего возвышеннаго характера. Она сопровождала его на мѣсто ссылки. Уже и тогда, когда она жила съ нимъ при дворѣ, во время полнаго блеска, она должна была выносить многіе его капризы. Она только продольжала свои любвеобильныя старанія, когда стремилась любовью и участьемъ облегчить ему его печальную судьбу. Но горе, давно уже угнетавшее ее, скоро свело ее въ могилу. Она умерла въ Березовѣ, вѣроятно, уже въ 1728 году.

Отъ этого брака родились одинъ сынъ и двѣ

*) Дарья Михайловно Арсеньева, род. 1682 г., ум. 1728.

дочери. Всѣ трое послѣдовали въ Сибирь за родителями.

Сынъ родился 17 марта 1714 года*). Отецъ доказалъ на своемъ сынѣ лучше, чѣмъ на царевичѣ, гофмейстеромъ котораго состоялъ, какъ онъ вполнѣ понималъ, въ чемъ состоитъ хорошее воспитаніе, и воспитаніе, данное имъ сыну, было превосходно. Князь Меншиковъ имѣлъ намѣреніе женить своего сына на Наталѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра II; но злосчастная участь постигла его ранѣе, чѣмъ онъ могъ исполнить это намѣреніе. Пока былъ живъ отецъ, сынъ оставался въ Сибири. Императрица Анна разрѣшила ему вернуться и возвратила значительнѣйшую часть отцовскаго имущества. Мы не знаемъ, при дворѣ или въ арміи занималъ онъ важныя мѣста; намъ только извѣстно, что онъ былъ кавалеромъ ордена св. Губерта. Онъ продолжалъ свой родъ. Нынѣшній князь Меншиковъ, со славою служившій въ арміи, его сынъ**). Когда онъ, изъ особой склонности къ тихой и уединенной жизни, оставилъ, много лѣтъ назадъ, службу, онъ былъ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ орденовъ св. Губерта и русскаго военнаго св. Георгія 3-й степени. Онъ живетъ теперь, по большей части, безъ своей семьи, заграницей. Его супруга, знаменитая во дни цвѣтущей юности своею красотою, урожденная княжна Голицына. Сынъ отъ этого брака, соединявшій много полезныхъ

*) Александръ Александровичъ (1714—1764) женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голициной (1720—1764); умеръ генералъ-аншефомъ.

**) Сергѣй Александровичъ (1746—1815) женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Голицыной (1764—1832).

знаній съ удивительно любеннымъ характеромъ, былъ въ послѣдніе годы при русскомъ посольствѣ въ Дрезденѣ и Берлинѣ.

Княжна Марія Александровна, старшая дочь князя Меншикова, родилась 9 января 1713 года и была отлично воспитана своею образцовою матерью. Молодой графъ Сапѣга, родственникъ императорскаго дома по графинѣ Софіи Скавронской, племянницѣ императрицы Екатерины I, просилъ, въ 1720 году, ея руки, но не получилъ такъ какъ отецъ, вѣроятно, тогда уже имѣлъ болѣе высокія намѣренія относительно ея. Князь неустанно трудился надъ проектомъ выдать свою старшую дочь за императора и, такимъ образомъ возвести свое потомство на всероссійскій престолъ. Вскорѣ по смерти императрицы Екатерины I ему удалось обручить Петра II съ княжной Маріей. Обрученіе состоялось 6 іюня 1727 года. Свадьба должна была быть осенью. Между тѣмъ императорская невѣста получила титулъ императорскаго высочества и во время литургіи поминалась вслѣдъ за сестрой императора. Всѣ эти виды на блестящее будущее были уничтожены опалой Меншикова. То обстоятельство, что Петръ II не дѣлалъ икакого различія между членами этой фамиліи и всѣхъ ихъ, виноватыхъ и невинныхъ, даже свою обрученную невѣсту, подвергъ одинаковой карѣ, дѣлаетъ этого императора ненавистнымъ. Марія послѣдовала за родителями въ Березовъ, гдѣ она въ слѣдующемъ же году пала жертвою смертельной тоски.

Младшая сестра ея, княжна Александра Александровна, родилась въ первые дни января 1715 года и была такъ счастлива, что могда раздѣлить

съ своею сестрою Маріею прекрасные уроки своей матери. Она возвратилась изъ Сибури вмѣстѣ съ братомъ; мы не знаемъ — была ли она замужемъ *).

*) Александра Александровна (1712—1736) была замужемъ за генералъ-майоромъ барономъ Густавомъ Бирономъ.

III.

Екатерина Алексѣевна I.

Муза исторіи преклоняется предъ именемъ этой необыкновенной женщины. Исторія не знаетъ ни одной женщины, которая, происходя, подобно Екатеринѣ I, изъ среды простаго народа вознеслась бы на тронъ величайшей имперіи земнаго шара. Исторія разсматриваетъ поэтому жизнь этой замѣчательной государыни, родившейся литовскою крестьянкою и умершей императрицею и неограниченною повелительницею Россіи, какъ замѣчательнѣйшій примѣръ удивительнаго способа, по которому Провидѣніе управляетъ судьбами людей. Изъ міровыхъ лѣтописей исторія знакома съ примѣрами женщинъ, которыя величіемъ души, геройствомъ, воодушевленіемъ, возвышенными талантами, словомъ, обширнѣйшими свойствами духа становились на высшія ступени въ храмѣ славы, водили войска къ побѣдамъ, раздѣляли тронъ съ своими мужьями, своимъ мудрымъ вліяніемъ рѣшали судьбу цѣлыхъ государствъ, удостоивались лавроваго вѣнка, достигали совершенства въ искусствахъ и наукахъ и вообще оспаривали первенство у выдающихся мущинъ. Исторія, хотя и привычная къ такимъ примѣрамъ, готова видѣть въ Екатеринѣ, которая въ концѣ своего политическаго поприща

оставила далеко за собою всѣхъ этихъ женщинъ, чудо человѣческихъ способностей и добродѣтелей. Но едва только исторія ближе всматривается въ это кажущееся величіе, какъ удивленіе, навѣянное однимъ только именемъ, исчезаетъ, туманъ спадаетъ съ глазъ и исторія видитъ передъ собою самую обыкновенную женщину, только плотскою чувственностью и интригами достигшую своего вывысокаго положенія, причемъ она вовсе не обладала тѣми качествами, при которыхъ могла бы достойно выполнить свое назначеніе.

Отецъ Екатерины, литовскій крестьянинъ, и, вѣроятно, крѣпостной Сапѣгъ, назывался просто Самуиль и не имѣлъ даже фамильнаго имени*). Онъ жилъ въ неизвѣстной намъ деревнѣ, расположенной близъ лифляндской границы. Здѣсь родились всѣ его дѣти — сынъ Карлъ и три дочери: Марта, Христина и Анна. Семья эта была католическая и всѣ дѣти были крещены въ католическую вѣру. Крестьянинъ Самуилъ умеръ въ Литвѣ, задолго кажется, до возвышенія его дочери.

По смерти Самуила, его семья, неизвѣстно по какимъ причинамъ, переселилась изъ Литвы въ сосѣднюю Лифляндію, принадлежавшую тогда шведской коронѣ, въ деревню Ленневарденъ, въ рижскомъ округѣ, при рѣчкѣ Румбе.

Одна изъ дочерей Самуила, по имени Марта, родилась, по довольно достовѣрнымъ извѣстіямъ, 16 апрѣля 1686 года. Ограниченныя средства матери заставили отдать Марту, еще ребенка, въ услуженіе къ лютеранскому пастору. Дѣвочкой яви-

*) Въ Польшѣ, Швеціи и Лазаціи крѣстьяне часто не имѣютъ фамильнаго имени, также какъ и во многихъ провинціяхъ Россіи. Но это не составляетъ общаго правила.

лась она къ пастору Дауту въ Роопъ, въ приходъ, лежащій тоже въ рижскомъ округѣ. Здѣсь маленькая католичка была незамѣтно превращена въ лютеранку. Кажется, Марта не долго оставалась въ этомъ домѣ. Она ушла изъ Роопа въ Маріенбургъ, маленькій городокъ вендскаго округа, къ мѣстному пробсту Глюку. Дѣвочка, ставшая уже красавицей, была и въ домѣ этого духовнаго лица болѣе служанкой, чѣмъ воспитанницей; но съ нею обходились здѣсь съ меньшею пренебрежительностью и она воспитывалась вмѣстѣ съ дочерью пробста Глюка, какъ относительно основъ лютеранской религіи, такъ и въ полезныхъ домашнихъ работахъ. Здѣсь-то шведскій драгунъ, по имени Иванъ, тоже не имѣвшій, вѣроятно, фамильнаго имени, влюбился въ разцвѣтавшую красавицу Марту. Онъ просилъ ея руки, и такъ какъ бѣдной дѣвочкѣ не приходилось выбирать, она приняла его предложеніе. Такимъ образомъ, Марта стала женою Ивана, но лишь на нѣсколько дней: ея мужъ, какъ солдатъ, долженъ былъ скоро уйти въ походъ.

Это случилось незадолго до взятія русскими незначительнаго замка Маріенбурга, вѣрнѣе его развалинъ. Жители города были объявлены плѣнниками *); въ числѣ ихъ была и Марта. Она досталась въ руки командовавшаго генерала Шереметева **), но не долго оставалась въ домѣ этого

*) Преимущественно въ 1708 году, но и много лѣтъ прежде, Петръ I, не довѣряя жителямъ Лифляндіи, выселялъ ихъ въ Россію. Когда же онъ былъ увѣренъ въ обладаніи этою землею, то приказалъ, особенно въ 1714 и 1718 годахъ, переселить ихъ обратно.

**) Фамилія Шереметевыхъ, конечно, самая богатая въ

боярина. Меншиковъ увидѣлъ Марту и плѣнился ея красотою. Шереметевъ догадался и уступилъ свою рабыню любимцу своего государя, который тотчасъ же взялъ ее къ себѣ. Между тѣмъ шведскій драгунъ Иванъ возвратился унтеръ-офицеромъ. Онъ освѣдомился о своей женѣ и узналъ ее мѣстопребываніе. Требовать ее было бы столь же безполезно, какъ и опасно; онъ поэтому посѣщалъ *) ее тайкомъ. Она жила въ домѣ Меншикова, пользуясь свободой, но все еще какъ служанка. Она никогда и не мечтала быть столь счастливою. Не желая утерять Марту, Меншиковъ, сильно привязавшійся къ ней, скрывалъ ее отъ глазъ Петра I и знатныхъ русскихъ, но дозволялъ ей видѣться съ равными ей и тѣмъ содѣйствовалъ тому, что Иванъ и Марта могли видѣться довольно часто.

Такая боязливая осторожность Меншикова была уничтожена легкомысліемъ одного мгновенія. Во время попойки, Меншиковъ похвасталъ, что обладаетъ прелестною любовницею. Захотѣли удостовѣриться, правду-ли онъ говоритъ; онъ уклонялся, однако, представить доказательства. Но Петръ I потребовалъ и никакія отговорки не были уже возможны. Марта должна была явиться. Моментъ ея появленія рѣшилъ ея будущую высокую судьбу. Видъ этой прелестной женщины побѣдилъ монарха; и хотя позже сила ея красоты часто бы-

---

Россіи. Нынѣшній глава ея владѣетъ значительно болѣе 90,000 крестьянъ и поэтому имѣетъ, конечно, до 700,000 рублей годоваго дохода.

*) Разсказываютъ, будто Иванъ былъ настолько дерзокъ, что посѣтилъ Екатерину, когда она была уже у императора. Онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь. Достовѣрность этого анекдота не можетъ быть доказана. Авт.

вала ослабляема, но первое впечатлѣніе на Петра было глубоко и для Марты весьма поучительно. Съ этого момента Меншиковъ долженъ былъ уступить ее своему государю, но любимецъ былъ столь ловокъ, что съумѣлъ — потерю, сдѣланную съпьяна, вознаградить богатымъ политическимъ выигрышемъ въ трезвомъ положеніи. Съ этихъ поръ Марта должна была думать и поступать такъ, какъ желаетъ Меншиковъ. Она была посредницею между господиномъ и слугою, если слуга, что случалось довольно часто, навлекалъ на себя гнѣвъ господина своими проступками всякаго рода. За то Меншиковъ училъ ее, какъ она должна льстить капризамъ монарха, чтобъ извлекать личныя для себя выгоды. Она дѣлала это съ полнымъ успѣхомъ и императоръ, наконецъ, самъ повелъ ее подъ руку на высшую точку земнаго счастія.

Какъ только Марта была принята въ число придворной челяди, она еще разъ перемѣнила религію — она приняла въ Москвѣ греческую вѣру и была наречена Екатериной. По недостаточности достовѣрныхъ извѣстій, полагаютъ, что царевна Екатерина Алексѣевна *), сводная сестра Петра I, съ которою этотъ монархъ, послѣ долгихъ ссоръ, примирился, занимала при этотъ священнодѣйствіи мѣсто крестной матери. Несомнѣнно, однако, что несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ (по истинѣ оргинальное положеніе для сына!) долженъ былъ

*) Екатерина Алексѣевна, сводная сестра Петра I, была женщина умная и предпріимчивая. По весьма основательному подозрѣнію въ участіи ея въ заговорѣ, Петръ заключилъ ее въ монастырь, въ Москвѣ. Спустя семь лѣтъ, она вышла изъ монастыря и жила въ Москвѣ, какъ царевна. Она никогда не хотѣла явиться въ Петербургъ.

играть роль крестнаго отца при крещеніи любовницы его отца и незаконной замѣстительницы его матери. Марта навсегда была переименована въ Екатерину Алексѣевну.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Екатерина жила среди придворной челяди Петра I въ качествѣ жены повара. Въ этомъ званіи она родила въ 1708 и 1709 годахъ принцессъ Анну и Елизавету, изъ которыхъ Анна была впослѣдствіи замужемъ за герцогомъ Голштинскимъ и была матерью Петра III, Елизавета же — императрицею Россіи. Обѣихъ выдавала сперва за дочерей повара; но вскорѣ затѣмъ маска эта была снята. Приблизительно около 1710 года, Екатерина стала называться при дворѣ госпоже и подъ этимъ новымъ званіемъ, она, какъ принадлежащая къ придворному штату, повсюду сопровождала монарха, какъ публично объявленная любовница и позже какъ провозглашенная императрица. Екатерина родила еще пять дѣтей трехъ дочерей, Наталію и Маргариту, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и еще Наталію, которая пережила своего отца лишь нѣсколькими недѣлями и погребена вмѣстѣ съ нимъ, и, наконецъ, двухъ сыновей, Павла и Петра, которые умерли тоже дѣтьми.

Наконецъ, высокое положеніе Екатерины было объявлено торжественнымъ образомъ. Въ 1713 году появился императорскій указъ, которымъ Екатерина Алексѣевна была представлена россійской имперіи какъ законная супруга Петра I. Законорожденность принцессъ Анны и Елизаветы была опредѣлена этимъ указомъ безповоротно, хотя и молчаливо.

Въ глазахъ императора, заслуги Екатерины

постоянно увеличивались; награды и доказательства его довѣрія къ ней постоянно росли и крѣпли. При большихъ нестастіяхъ, постигавшихъ этого монарха въ его семьѣ, при затрудненіяхъ, встрѣчавшихся ему на пути при уничтоженіи злоупотребленій и при введеніи полезныхъ учрежденій, Екатерина, быть можетъ, не по собственному влеченію, быть можетъ, даже не по собственному убѣжденію, но всегда поддерживала его своимъ твердымъ совѣтомъ. Изъ всѣхъ прежнихъ родственниковъ, у Петра I оставался въ то время одинъ только ребенокъ: сынъ его сына. Этотъ малолѣтній царевичъ, добродѣтели и пороки котораго не были еще извѣстны и который позже, но все еще юношей, появился на короткое время на русскомъ престолѣ, не былъ, конечно, способенъ радовать императора. Онъ долженъ былъ скорѣе печалить Петра I — своимъ существованіемъ онъ напоминалъ монарху своего отца. У юнаго царевича была, правда, еще старшая сестра, выказывавшая большія способности; но ея болѣзненность заставляла предвидѣть скорую смерть ея. Вообще же, она была въ томъ же положеніи. что и ея братъ: своимъ существованіемъ она не могла радовать своего дѣда. Такимъ образомъ, императоръ, какъ человѣкъ одинокій, все сильнѣе прилѣплялся къ той, которую онъ самъ избралъ, которую самъ, какъ полагалъ, образовалъ, которая дарила его милыми дѣтьми и отъ которой онъ могъ ожидать неограниченнѣйшей вѣрности и благодарности.

Въ 1721 году, императоръ потребовалъ отъ членовъ вновь учрежденнаго духовнаго суда, особой присяги, по которой они должны были принести клятву вѣрноподданничества какъ ему, такъ и Ека-

теринѣ. Это было подготовленіемъ къ другой, болѣе торжественной присягѣ, которая послѣдовала въ ближайшемъ же году.

Въ 1722 году, Петръ I формально назначилъ Екатерину своею наслѣдницею*) послѣ его смерти — шагъ въ которомъ онъ, конечно, раскаялся, увидѣвъ, незадолго до своей смерти, что онъ во многомъ обманулся.

Но пока Петръ оставался въ заблужденіи, онъ дѣлалъ все, чтобъ придать Екатеринѣ возможно большія отличія въ глазахъ всего міра. Онъ даже короновалъ ее, въ Москвѣ, въ началѣ 1724 года.

Это было величайшее, но и послѣднее доказательство того уваженія, которое онъ оказывалъ императрицѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы того же года она дала ему уже поводъ быть недовольнымъ ею. Екатерина любила быть въ обществѣ камергера Монса, и однажды императоръ засталъ ее съ нимъ. Форма обхожденія Монса съ императрицею, вѣроятно, выходила за предѣлы того почтенія, которымъ мущина былъ обязанъ своей повелительницѣ въ противномъ случаѣ монарха не могло бы удивить то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ услужливаго камергера въ комнатѣ своей супруги. Монсъ былъ обезглавленъ и императрица должна была присутствовать при его казни. Она упала въ обморокъ. Ярость монарха противъ Екатерины

*) Вѣроятно, онъ сдѣлалъ это потому, что бывшій позже имиераторомъ Петръ II былъ тогда еще очень юнъ, въ противномъ случаѣ онъ не лишилъ бы его престолонаслѣдія. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ бы постановить, что по смерти Екатерины на престолъ входитъ великій князь Петръ. Это, дѣйствительно, и случилось и безъ точнаго распоряженія императора.

вышла изъ границъ того почтенія, которымъ онъ былъ обязанъ своей супругѣ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ двора. Всѣ ея довѣренныя лица были удалены и замѣнены надсмотрщиками, на которыхъ онъ могъ полагаться; вслѣдствіе открывшихся неправильностей въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, Меншиковъ былъ уже нѣкоторое время въ немилости; у Петра все чаще стали повторяться случаи задержанія мочи, которые причиняли ему жестокія страданія; болѣзнь полнѣ опредѣлилась, сохраняя свой характеръ; страданія тѣла прерывались иногда только страшными взрывами негодованія. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, дѣлали положеніе Екатерины ужаснымъ; будущность же должна была представляться ей еще болѣе печальною, такъ какъ, судя по высказаннымъ императоромъ намекамъ, можно было ожидать измѣненія въ порядкѣ престолонаслѣдія въ ущербъ императрицы. Необходимо было предупредить такую напасть. Для этого была нужна поддержка Меншикова. Но чтобъ эта поддержка была дѣйствительна, Меньшиковъ долженъ былъ сперва войти опять въ милость государя. Это трудное дѣло взялъ на себя Ягужинскій, который охотно желалъ опять видѣть на вершинѣ государства того человѣка, который, по своему рангу, какъ первый въ имперіи, по своей извѣстной связи съ императрицею и по своимъ высокимъ дарованіямъ, былъ вполнѣ способенъ объединить только что образовывавшіяся партіи или противодѣйствовать имъ. Ягужинскій сдѣлалъ императору свои представленія такъ умно и осторожно, что монархъ весьма скоро согласился возвратить князю Меншикову свое довѣріе, по крайней мѣрѣ по виду. Какъ только все

опять вошло въ прежнюю колею, супруга императора и его любимецъ стали съ удвоенными силами трудиться надъ упроченіемъ своей участи. Естественнымъ образомъ они разсуждали такъ: „если монархъ, причинившій своей супругѣ величайшія страданія казнью ея любовника, выздоровѣетъ, весьма возможно, что онъ измѣнитъ порядокъ престолонаслѣдія; Екатеринѣ придется, быть можетъ, обратиться въ прежнее ничтожество или же у нея будетъ отнята надежда стать когда либо самодержицею и вести свободную жизнь, по собственному желанію; съ своей стороны, Меншиковъ долженъ былъ ожидать того же — подвергнуться, вѣроятно, большой отвѣтственности или, быть можетъ, быть даже совсѣмъ уничтоженнымъ; если же Петръ, напротивъ того, умретъ прежде, чѣмъ измѣнитъ порядокъ престолонаслѣдія, то по смерти его царствовать будетъ Екатерина или скорѣе Меншиковъ будетъ съ неограниченною властью править государствомъ отъ ея имени; сверхъ того, физическія страданія Петра были больше чѣмъ человѣческія силы могутъ выносить; поэтому-то, вѣроятно, что съ сокращеніемъ его жизни лишь скорѣе окончится болѣзнь, которая, по самому свойству своему, никогда, быть можетъ, не допуститъ до полнаго возстановленія его здоровья". Какъ бы ни было, Петръ I, безъ котораго его преемникъ не имѣлъ бы того рѣшающаго значенія на вѣсахъ Европы, какое онъ имѣлъ, безъ котораго русская нація не стояла бы на той высокой степени промышленности, на которой стоитъ, безъ котораго, однако, нѣкоторыя сосѣднія государства какъ въ это время, такъ и впослѣдствіи сохранили бы свои земли такими, какими они были — этотъ

великій монархъ, далеко оставившій за собою своихъ коронованныхъ собратій, потому что умѣлъ преодолѣвать такія трудности, о которыхъ другіе и не слыхивали, этотъ необыкновенный человѣкъ умеръ*) 28 января 1725 года.

Екатерина, Меншиковъ и Ягужинскій, который, по крайней мѣрѣ, въ это время былъ довѣреннымъ лицомъ ихъ обоихъ, признали необходимымъ скрывать о кончинѣ императора до тѣхъ поръ, пока они необходимыми мѣрами утвердятъ престолонаслѣдіе въ лицѣ императрицы. Такъ какъ послѣднія намѣренія Петра объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія могли быть подъ рукою извѣстны многимъ, то эти три лица привлекли на свою сторону знаменитаго Ѳеофана, вѣрно служившаго императору при уничтоженіи многихъ злоупотребленій, сказавъ ему, что восшествіе на престолъ Екатерины необходимо для того, чтобъ избѣжать кровопролитія и раздраженія духа партій. Этотъ священникъ поклялся предъ собравшимся народомъ и войсками, что Петръ I на смертномъ одрѣ сказалъ ему: одна Екатерина достойна послѣдовать за нимъ въ правленіи. Вслѣдъ за этимъ она была провозглашена императрицей

*) Петръ I умеръ въ первомъ императорскомъ зимнемъ дворцѣ, въ Милліонной улицѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы. Этотъ дворецъ стоитъ еще и теперь. Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ этомъ дворцѣ жили всѣ лица, принадлежавшія къ русской танцовальной школѣ. Теперь дворецъ обращенъ въ казармы Преображенскаго полка. Комната, въ которой умеръ великій монархъ и которую слѣдовало бы обратить въ часовню, имѣетъ неизвѣстное намъ, но все же обыкновенное назначеніе. Еще видны окна его комнаты, выходившей на на небольшой каналъ, ведущій изъ Невы въ Мойку. Отъ эремитажнаго театра или отъ Невы это третье и четвертое окна нижняго этажа.

и самодержицей и ей снова принесена вѣрноподданническая присяга. Такимъ образомъ, Екатерина взошла на императорскій престолъ Россіи не по праву наслѣдства и даже не по волѣ своего супруга, но интригами и узурпаціей.

Два мѣсяца спустя, она, въ видѣ внѣшняго знака своей власти, возложила на себя андреевскій орденъ. До того времени она была единственною дамою, которая носила учрежденный Петромъ въ честь ея орденъ св. Екатерины*), на бѣлой лентѣ. Теперь Екатерина пожаловала этотъ орденъ своей дочерѣ Аннѣ, которую она сочетала бракомъ съ герцогомъ голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, предоставя юной четѣ большія выгоды.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе исторіи царствованія Екатерины, замѣтимъ толко, что она довольно мудро вела въ началѣ, подъ руководствомъ Меншикова, государственное управленіе. Въ первое, по крайней мѣрѣ, время продолжали работать по большей части по планамъ, которые были выработаны и приводились въ исполненіе при Петрѣ. Но природное нераденіе этой государыни было очень велико. Она, наконецъ, ни о чемъ ве заботилаеь и все предоставила своимъ любимцамъ. Нація замѣтила происшедшую перемѣну и по мѣрѣ того, какъ мѣнялись принципы государственнаго управленія, мѣнялось и располо-

*) Петръ I основалъ орденъ св. Екатерины въ 1714 году, въ воспоминаніе прекраснаго поступка Екатерины въ критическомъ положеніи императора на Прутѣ. Поэтому-то императоръ сдѣлалъ на орденѣ надпись: „за любовь и вѣрность родинѣ“. Въ настоящее время, но мы не знаемъ съ которыхъ поръ, орденъ носится на красной лентѣ съ серебряною обшивкою; прежде же — на бѣлой.

женіе народа, которое доходило въ концѣ царствованія Екатерины до ропота.

Частная жизнь этой государыни была совершенно неправильна. Она предавалась крайнимъ излишествамъ, особенно въ питьѣ. Разсказываютъ*), что она очень любила ѣсть обыкновенное печенье, которое называется крендели или бублики, намоченное въ крѣпкомъ венгерскомъ винѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого являлось опьяненіе, но, въ концѣ концовъ, эта неестественная пища вела къ водянкѣ. Такъ какъ Екатерина находилась еще въ зрѣломъ возрастѣ, то, при осторожномъ образѣ жизни и при цѣлесообразномъ леченіи, эта болѣзнь могла быть легко прервана при самомъ ея возникновеніи. Но случилось не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало. Императрица, хотя и принимала лекарства, но безпорядочно; равнымъ образомъ она на короткое лишь время измѣняла свой образъ жизни, но скоро и часто стала нарушать діэтетическія правила, предписанныя ей врачами. Тѣмъ не менѣе состояніе здоровья монархини, обладавшей крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не могло ухудшаться съ такою быстротою, какъ оно дѣйствительно ухудшалось. Постоянно замѣчалось все болѣе и болѣе полное разстройство всего ея организма. Причина столь быстраго хода болѣзни не могла быть натуральною. Люди, близко стоявшіе ко двору, въ тайнѣ полагали, что причина такого полнаго разложенія была искуственна. Если справедливо, что драгоцѣнные дни Петра I были

*) Это говоритъ Бюшингъ, слышавшій въ Петербургѣ отъ лицъ, бывшихъ современниками императрицы Екатерины.

преступнымъ образомъ принесены въ жертву эгоизму, сладострастію, корысти и властолюбію, то можно повѣрить, что и дни Екатерины, равнымъ образомъ, были сокращены по причинамъ, которыя мы только что указали.

Съ 1726 года князь Меншиковъ сталъ замѣчать, что при продолжительномъ царствованіи императрицы Екатерины онъ потеряетъ всякое значеніе. Эта государыня выказывала большую привязанность къ своимъ дѣтямъ, особенно же она любила герцогиню голштинскую и ея супруга. Дѣло доходило до того, что даже въ правительственныхъ дѣлахъ она спрашивала у нихъ совѣта и дѣлала съ ними различныя распоряженія, ничего не говоря Меншикову. Такое вмѣшательство представлялось князю просто преступленіемъ. Онъ опасался возраставшаго вліянія голштинской фамиліи, которое, наконецъ, могло повести къ его паденію, и хотѣлъ предупредить такую случайность. Ему могда помочь только перемѣна правителя. По смерти Екатерины на престолъ долженъ былъ вступить Петръ II. Вотъ этотъ-то моментъ и хотѣлъ онъ приблизить, такъ какъ при несовершеннолѣтнемъ государѣ Меншиковъ могъ властвовать безраздѣльно. Такимъ образомъ, онъ рѣшился ускорить смерть императрицы. Это не болѣе какъ догадка, но она не лишена вѣроятности. Необходимо вспомнить одно выраженіе*), сказан-

*) Извѣстная дама кавалеръ Д'Еонъ была въ 1750-хъ секретаремъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Она говоритъ въ своихъ „Loisirs“, что Меншиковъ при отправкѣ воскликнулъ: „J'ai fait de grands crimes, mais est ce au Czar à m'en punir?“ Нѣтъ основанія сомнѣваться въ этомъ разсказѣ, дающемъ, во всякомъ случаѣ, поводъ къ

ное Меншиковымъ въ моментъ отправленія своего въ мѣсто ссылки: „Я сдѣлалъ — сказалъ онъ — большое преступленіе; по юному-ли императору наказывать меня за это преступленіе? Нельзя-ли эти слова объяснить такъ, что онъ виноватъ въ смерти императрицы и что Петръ II долженъ бы быть ему благодаренъ за это? Вѣроятно, поэтому, что Екатерину постигла кара мести и именно отъ преступной руки того самаго человѣка, который два года предъ тѣмъ былъ ея соучастникомъ. Способъ, которымъ Меншиковъ привелъ въ исполненіе свое новое преступленіе, должно быть былъ слѣдующій. У императрицы была привычка, составлявшая послѣдствіе ея дурного воспитанія: всякаго изъ придворныхъ, являвшихся къ императорскому столу, въ маленькомъ обществѣ, она хлопала по карману и требовала отъ него конфектъ. Это же она дѣлала преимущественно съ Меншиковымъ, который, по виду, все еще пользовался большимъ значеніемъ и ежедневно находился въ обществѣ императорской фамиліи. Однажды, какъ разсказываютъ, онъ далъ императрицѣ, потребовавшей свой обычный трибутъ лакомства, засахаренныя и отравленныя фиги. Ядъ былъ искусно приготовленъ. Онъ дѣйствовалъ тихо, но вѣрно. 16 мая новаго стиля 1727 года открылся, какъ утверждали, нарывъ въ легкихъ, а 17 мая, вечеромъ, въ 8 часовъ, умерла*) Екатерина, на 42 году жиз-

---

раздумью. Онъ прибылъ въ Петербургъ, когда не прошло еще и 30 лѣтъ со смерти Петра и Екатерины, вращался въ лучшемъ обществѣ, обладавшемъ самыми вѣрными свѣдѣніями, и, конечно, не всему же вѣрилъ на-слово, что говорилось.

*) Екатерина умерла въ томъ же домѣ, гдѣ умеръ и

ни. Тѣло ея погребено въ крѣпостной церкви, рядомъ съ ея супругомъ.

Намъ остается еще сказать о качествахъ и особенностяхъ этой знаменитой государыни, изъ чего многое было уже сказано въ этомъ краткомъ очеркѣ ея жизни. Слава о ея изумительной красотѣ произошла, вѣроятно, отъ того впечатлѣнія, какое она сдѣлала на графа Шереметева, на князя Меншикова и на императора Петра I. Но еще большой вопросъ, одобрила-ли большая часть мужского рода такой приговоръ этихъ трехъ лицъ. Вѣроятно даже, что общее мнѣніе было бы не въ пользу Екатерины. Она вовсе не была такою красавицею, которая всѣмъ нравится. Судя по изображеніямъ, которыя можно еще видѣть въ императорскихъ дворцахъ и которыя еще, быть можетъ, польстили ей, она очень далека отъ идеала женской красоты. Живыхъ глазъ и колоссальныхъ грудей еще недостаточно, чтобъ стать совершенствомъ.

Что же касается ея духовныхъ свойствъ, то особенно прославляютъ ея умъ, ея любезность и твердость, съ которою она проводила свои планы въ исполненіе. Она выказала свой умъ преимущественно въ 1711 году, на Прутѣ. При томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ находился Петръ I съ своею арміей, государь былъ близокъ къ отчаянію. Екатерина, Остерманъ и Шафировъ обсуждали какъ быть, и остановились на томъ, что должно постараться подкупить визиря Ассема, или,

---

Петръ I, но не въ той же комнатѣ. Императрица съ самаго начала жила въ бель-этажѣ, надъ комнатами императора.

какъ мы его обыкновенно называемъ, великаго визиря. Екатерина отдала всѣ свои драгоцѣнности, и набрала въ займы всѣ наличныя деньги, которыя только могла достать въ лагерѣ подъ свое обезпеченіе и которыми можно было располагать. Уже послѣ того какъ это средство удалось и Петръ былъ спасенъ отъ пораженія, она открыла императору все, что сдѣлала, и императоръ обѣщалъ ей быть вѣчно благодарнымъ за это. Равнымъ образомъ и при другихъ замѣчательныхъ событіяхъ въ жизни этого монарха она представила ему доказательства своего ума, болѣе подробное изложеніе которыхъ принадлежитъ исторіи Петра I.

Жаль, что такъ пренебрегли вовсе не обыкновенными способностями императрицы. Екатерина не умѣла даже писать. Царевна Елизавета должна была каждый разъ подписывать имя своей матери. Хотя она и говорила по латышски, польски, русски, нѣмецки и по голландски, но ни на одномъ языкѣ не говорила хорошо, а лишь спосно.

Впрочемъ, какъ только Екатерина получаетъ значеніе въ исторіи, она, по своему благоразумію, тотчасъ же подчиняетъ свои личныя миднія готовности содѣйствовать намѣреніемъ императора искрываетъ свои взгляды подъ тѣмъ одобрѣніемъ, которымъ она сопровождала всѣ его дѣянія. Такимъ образомъ, она не только совершенно пригнетала свою волю и мнѣнія Петра дѣлала для себя закономъ, но, несмотря на свой умъ, незамѣтно пріучила себя никогда не дѣйствовать по собственнымъ убѣжденіямъ, а всегда по указаніямъ другихъ. Даже во время ея царствованія, въ единственное время своей жизни, когда она могла все вести по своей свободной волѣ, она отдается руководству

сперва Меншикова, потомъ своихъ дѣтей и ихъ приверженцевъ.

Изъ всего этого видно, какъ трудно опредѣлить настоящій характеръ этой государыни. Если же вспомнить, что ей, при ея извѣстномъ умѣ и при той власти, которую она имѣла надъ императоромъ, такъ легко было находить моменты, въ которые она могла придать многимъ его поступкамъ болѣе полезное направленіе; если подумать, что она, напротивъ, въ моменты вспышки, скорѣе возбуждала, чѣмъ умѣряла гнѣвъ императора, то нельзя воздержаться, чтобъ не приписать ей, по крайней мѣрѣ, нечувствительности. Это особенно ясно видно изъ ея малаго сочувствія къ царицѣ Авдотьѣ, съ которою очень дурно обходились и печальная участь которой, по смерти Петра, была скорѣе ухудшена Екатериной, чѣмъ сдѣлана болѣе сносною; изъ ея преступнаго равнодушія къ поступку Петра I съ своимъ несчастнымъ сыномъ — такому поступку въ жизни этого государя, который очень трудно, быть можетъ, никогда нельзя будетъ отправдать; и, наконецъ, изъ ея малой любви къ своей роднѣ, при чемъ она, даже послѣ брака съ императоромъ, вовсе не заботилась о своихъ родственникахъ, которые сами первые должны были напомнить ей о ея обязанностяхъ.

Естественною связью идей, лицо, вышедшее изъ ничтожества и не могшее, конечно, забыть о своемъ происхожденіи, должно подумать о своихъ кровныхъ друзьяхъ, которые воспитались въ грязи и, пригнетенные, жили еще въ той же грязи. Она ничего для нихъ не дѣлала, и сами же родственники должны были вызывать ея на содѣйствіе имъ. По этому поводу намъ передавали слѣдующій анек-

дотъ, который мы дословно списываемъ изъ рукописи весьма свѣдущаго друга. — „Когда рижскій имперскій ландгерихтъ передалъ помѣстье Ленневарденъ Анрепской фамиліи и даже ленневардская записная книга [1]) была уже передана, фонъ Шеленъ, много лѣтъ проживавшій у ландрата и президента фонъ-Вольфеншильда, разсказывалъ за достовѣрное, когда дѣло дошло до ленневардскихъ крѣпостныхъ, слѣдующее: когда блаженной памяти императоръ Петръ I, по завоеваніи Лифляндіи, много разъ предпринималъ, въ сообществѣ Екатерины, путешествіе въ Германію, то случилось, что однажды она присутствовала въ рижской цитадели при греческомъ богослуженіи. При выходѣ изъ церкви, къ ней приблизилась престарѣлая женщина со многими дѣтьми [2]), которые были изъ ленневардскихъ крѣпостныхъ, и переговорила съ императрицею. Екатерина дала понять старушкѣ, чтобъ она шла спокойно домой, что она о ней позаботится. Когда императрица возвратилась изъ Германіи въ Петербургъ, изъ столицы былъ полученъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и генералъ-фельдмаршаломъ Шереметевымъ секретный приказъ, чтобъ онъ тѣхъ ленневардскихъ крѣпостныхъ, которые родомъ изъ Литвы, немедленно переслалъ бы самымъ почетнымъ образомъ изъ Риги въ Петербургъ. Получивъ такой приказъ, фонъ Вольфеншильдъ [3]) отправился самъ въ Ригу

[1]) Wackenbuch — списокъ всего, что принадлежитъ къ имѣнію.

[2]) Эти дѣти были внуки старушки, дѣти ея сына и дочери, племянника и племянницы императрицы Екатерины I.

[3]) Вѣроятно, Ленневардъ принадлежалъ нѣкогда фонъ Вольфеншильду. Мы не знаемъ кому теперь принадлежитъ это имѣніе. (См. „Русс. Стар.“, LII, 24.)

и хотѣлъ принести тамъ жалобу по поводу людей, отобранныхъ изъ его имѣнія. Онъ былъ, однако, вскорѣ удовлетворенъ. Отвезенная въ Петербургъ старушка выпросила себѣ, какъ матери императрицы, обезпеченіе на спокойную жизнь. Дѣти, бывшіе при ней, были опредѣлены въ школу, чтобъ чему нибудь подъучились. Ея сынъ и ея дочери были впослѣдствіи основателями извѣстныхъ еще и по нынѣ въ Россіи и возведенныхъ въ графское достоинство фамилій Скавронскихъ, Генриковыхъ и Ефимовскихъ. Крестьянамъ въ Ленневардѣ хорошо извѣстно, что Екатерина вышла изъ ихъ среды и они мечтаютъ, что многіе изъ нихъ — родня императорской фамиліи“. Этотъ анекдотъ записанъ самимъ фонъ Шеленомъ.

Что сталось съ матерью Екатерины и гдѣ прожила она послѣдніе дни жизни, мы не знаемъ. Неизвѣстенъ и годъ ея смерти. Такъ какъ по смерти Петра I объ ней ничего не слышно, то, вѣроятно, она умерла еще при жизни императора.

Пока былъ живъ Петръ I, родственники Екатерины не смѣли появляться при дворѣ.

IV.

Петръ Шафировъ.

Если бы Петръ I и не сдѣлалъ всего того безконечно великаго, что имъ дѣйствительно совершено, онъ всетаки заслуживалъ бы удивленія современниковъ и потомства уже и потому, что обладалъ тонкимъ тактомъ отъискивать во всевозможныхъ слояхъ общества, даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа, наиболѣе умыхъ и полезныхъ дѣятелей и давать имъ такія занятія, при которыхъ они могли бы приносить наиболѣе существенную пользу. Но чтобъ представить вѣрное изображеніе этого необыкновеннаго монарха, біографы Петра не должны забывать и его слабостей. Къ числу такихъ слабостей принадлежитъ, болѣе всего, опрометчивость. Отъ нея происходила иногда неблагодарность — порокъ, слишкомъ часто встрѣчающійся у государей, поддающихся первому движенію гнѣва. Когда они находятся въ разгоряченномъ настроеніи, ими овладѣваютъ внимательные бездѣльники, находящіеся въ ихъ свитѣ и очень ловко умѣющіе превращать частную ссору въ государственное преступленіе. Такимъ-то образомъ случается, что лучшіе государи, поддаваясь минутной прихоти, забываютъ о благодарности, которою

они обязаны своимъ вѣрнѣйшимъ слугамъ, и подрываютъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ родомъ еврей. Мы собственно не знаемъ его родины; но, вѣроятно, онъ былъ изъ Голландіи, гдѣ его встрѣтилъ Петръ и привезъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ окрещенъ въ греческую вѣру; при этомъ торжественномъ обрядѣ самъ монархъ заступалъ мѣсто крестнаго отца и далъ ему свое крестное имя Петра *). Вѣроятно, при этомъ же, хотя мы и не знаемъ по какому поводу, получилъ онъ фамилію Шафировъ.

Въ началѣ юный прозелитъ получилъ незначительное мѣсто въ имперской канцеляріи, куда монархъ опредѣлилъ его, чтобы видѣть не ошибся ли онъ на счетъ его способностей. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Петра. Шафировъ оставался не долго на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проницательный взглядъ, его точное сужденіе и живость въ исполненіи даваемыхъ ему порученій помогли ему получить вскорѣ высшія почетныя мѣста. Въ 1711 году онъ завѣдывалъ въ русскомъ управленіи германскими дѣлами, которыми очень интересовался Петръ I, самъ желавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ. Въ томъ же 1711 году, Шафировъ находился, какъ подканцлеръ, съ императоромъ на Прутѣ. Послѣ того какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились относительно средства спасти императора и его армію, оба эти

*) Это невѣрно. Его отецъ, еврей Шафиръ, крестился въ 1654 г. и получилъ въ крещеніи имя Павла. Разсматриваемый Петръ Павловичъ, его сынъ, родился въ 1670 г., шестнадцать лѣтъ послѣ крещенія отца. Еврей Шафиръ обратился въ Шафирова, какъ малороссъ Бильбасъ въ Бильбасова.

великіе сановники, Шафировъ и Остерманъ, отправились въ турецкій лагеръ, къ великому визирю, поднесли ему несмѣтные подарки и своимъ краснорѣчіемъ окончательно спасли императора и армію. За возвращеніе туркамъ Азова русская армія могла удалиться. Шафировъ долженъ былъ отправиться, какъ заложникъ, въ Константинополь и оставаться тамъ до исполненія трактата. Такъ какъ онъ тамъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то воспользовался этимъ досугомъ, чтобъ усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Потомъ онъ былъ еще русскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, который онъ покинулъ въ первые мѣсяцы 1714 года, чтобъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ съ радостью только однимъ императоромъ. Въ томъ же 1714 году, этотъ монархъ сдѣлалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пожаловалъ ему андреевскій орденъ. Съ этого времени ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Враги его, которыхъ у него было много и въ числѣ которыхъ были лица съ большимъ вѣсомъ, не могли свергнуть его, пока императоръ былъ убѣжденъ въ его полезности. Этотъ монархъ продолжалъ еще долго относиться къ нему съ неизмѣннымъ довѣріемъ. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали, въ 1718 году, смертный приговоръ царевичу. Петръ поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла. Такъ, напр., онъ назначилъ его генералъ-почтмейстеромъ Россійской имперіи — мѣсто, требовавшее большой и тяжелой работы, такъ какъ нужно было еще создавать почтовыя учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Немногіе русскіе сановники оказали имперіи и

лично государю столь великіе услуги, какъ Шафировъ. Петръ лишь короткое время былъ еще убѣжденъ въ этомъ. Когда Петръ I долженъ бы былъ оказать наибольшее довѣріе барону Шафирову и защитить его отъ нападокъ враговъ, онъ забылъ ту благодарность, которою онъ былъ обязанъ этому великому государственному мужу. Главною причиною опалы Шафирова были частныя ссоры его съ Меншиковымъ. Они съ самаго начала были отъявленными врагами и часто жестоко попрекали другъ друга въ присутствіи многихъ лицъ. При этихъ перебранкахъ, Шафировъ всегда былъ болѣе ядовитъ, чѣмъ Меншиковъ. Вицеканцлеръ сказалъ однажды князю, что еслибъ зависть Меншикова была бы лихорадкой, которую онъ могъ бы передать другимъ, ни одинъ богатый русскій не остался бы въ живыхъ. Такія сцены происходили почти ежедневно и въ высшей степени возбудили мстительность Меншикова. Скоро встрѣтился поводъ отомстить.

Во время похода Петра I въ Персію, въ 1722 году, между Шафировымъ и Меншиковымъ возникли препирательства изъ-за правительственныхъ дѣлъ. Зная убѣжденія барона Шафирова, можно догадываться, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меншикова. Но Меншиковъ своими умными и злыми наговорами, которые императрица должна была поддерживать всѣмъ своимъ значеніемъ, съумѣлъ совершенно возбудить императора, по возвращеніи его въ 1723 году, противъ Шафирова. Впечатлѣніе наговоровъ было такъ сильно, что Петръ совершенно забылся. Рѣдко видѣли его такумъ взбѣшеннымъ, какъ при этомъ случаѣ. Несправедливые

оговоры Екатерины и Меншикова такъ сбили съ толку императора, что онъ считалъ барона Шафирова вполнѣ виноватымъ. Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго мужа и взять у него орденъ и шпагу. Потомъ Шафировъ былъ преданъ суду, и послѣ краткаго слѣдствія, которое Меншиковъ съумѣлъ направить, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Шафировъ, судя по обвиненію, утаивалъ деньги, поддѣлывалъ рукописи и нерадѣлъ о почтовомъ вѣдомствѣ. На дрянныхъ санкахъ привезли его на лобное мѣсто, чтобъ обезглавить. Лучшая голова въ государствѣ лежала уже на плахѣ, чтобы отдѣленіемъ отъ тѣла быть устраненною изъ ряда живыхъ, когда кабинетскій секретарь Макаровъ покричалъ о помилованіи и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, который уже ожидалъ смертнаго удара, не порадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть печальной жизни въ ссылкѣ.

Когда это несчастіе постигло Шафирова, онъ былъ баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, государственный под-канцлеръ, генералъ-почтмейстеръ и кавалеръ ордена св. Андрея.

Онъ пользовался славою человѣка проницательнаго ума и обладавшаго большими познаніями по государственному хозяйству. Онъ былъ превосходный под-канцлеръ и хотя не рѣдко изливалъ первые приступы своего гнѣва на своихъ подчиненныхъ и даже на лицъ себѣ равныхъ, но вслѣдъ затѣмъ способенъ былъ выслушать основательныя представленія. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова и говорилъ всегда правду, почему и предста-

вители иностранныхъ державъ вели съ нимъ переговоры охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ.

По смерти Петра I, Меншиковъ не могъ воспрепятствовать Екатеринѣ I, по усиленной просьбѣ герцога Карла Фридриха голштинскаго, вновь призвать Шафирова изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила золотую шпагу Петра I, послѣ того какъ въ складѣ конфискованныхъ вещей не могли отыскать отобранной у него шпаги. Императрица предложила ему опять великолѣпный домъ [1]), на Петербургскомъ островѣ, постройка котораго начата была во время его отсутствія, въ 1712 году, но онъ отклонилъ это предложеніе, потому, какъ онъ говорилъ, что его стѣсненныя матеріальныя средства не позволяютъ ему жить въ такомъ роскошномъ дворцѣ. Впослѣдствіи, однако, онъ принялъ этотъ домъ, и жилъ въ немъ. Значеніе Меншикова было, однако, настолько еще велико, что Екатерина не рѣшилась возвратить барону Шафирову тѣ важныя мѣста, которыя онъ занималъ. Она учредила въ то время верховный тайный совѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, былъ бы на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ назначенъ членомъ его. Она назначила его президентомъ комерцъ-коллегіи. Вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ поѣхать въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, именно для устройства на лучшихъ основаніяхъ китовой торговли — порученіе, бывшее значительно ниже дарованій этого великаго человѣка. Изъ другихъ почетныхъ должностей, которыя онъ прежде занималъ, ни одна не

---

[1]) Это, вѣроятно, тотъ самый домъ, который позже былъ отданъ академіи наукъ.

была ему возвращена, равно какъ не былъ ему возвращенъ и орденъ, по крайней мѣрѣ онъ не значится въ числѣ кавалеровъ въ спискѣ придворнаго штата при Петрѣ II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но, кажется, онъ умеръ въ царствованіе императрицы Анны.

Кто была супруга Шафирова — мы не знаемъ; но извѣстно, что онъ оставилъ сына и пять дочерей.

Послѣ того какъ отецъ вновь вошелъ въ милость и сынъ получилъ почетное положеніе при дворѣ. Намъ неизвѣстно, оставилъ ли онъ мужское потомство, но мы никогда не слышали, чтобъ при дворѣ или въ арміи кто либо назывался Шафировымъ.

Одна дочь Шафирова вышла замужъ за князя Гагарина *), отецъ котораго былъ повѣшенъ. Она была матерью графини Матюшкиной **) и княжны Голицыной. Графиня Матюшкина была первая статс-дама императрицы Екатерины II и, наконецъ, обер-гофмейстерина при дворѣ императрицы Маріи Ѳедоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Она была также кавалерственная дама ордена св. Екатерины и была жива еще въ 1799 году. Ея дочь, умершая прежде ея, вышла замужъ за польскаго графа Віельгорскаго. Княгиня Голицына также была статс-дамой Екатерины II и супругою

*) На баронессѣ Шафировой былъ женатъ князь Алексѣй Матвѣевичъ; отецъ его, князь Матвѣй Петровичъ, былъ при Петрѣ I губернаторомъ, сперва московскимъ, потомъ сибирскимъ, и умеръ 17 іюня 1721 года.

**) Княжна Анна Алексѣевна Гагарина, 1722—1804, за графомъ Дмитріемъ Михайловичемъ Матюшкинымъ.

фельдмаршала князя Голицына, который прославилъ себя въ первую турецкую войну, бывшую въ царствованіе этой императрицы. Она была очень честолюбивая, но крайне умная и любезная дама *). Она очень откровенно говорила обо всемъ, что происходитъ при дворѣ и о своей фамиліи. Такъ, она разсказывала, что ея мать, будучи молоденькой дѣвочкой, получила отъ Петра I очень горькій укоръ за то, что не хотѣла пить изъ бокала, въ которомъ, кромѣ вина, былъ еще раздражающій ликеръ. Она очень наивно увѣряла, что князья Голицыны, подвергались всѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какія только употребляются у полуобразованныхъ народовъ — ихъ вѣшали, обезглавливали, колесовали, сажали на колъ, били кнутомъ и т. под.

Вторая дочь барона Шафирова вышла замужъ за князя Хованскаго **), и была, если мы не ошибаемся ***), матерью княгини Барятинской, жены князя Барятинскаго [1]), присутствовавшаго при смерти Петра III. Третья дочь была супругою графа Головина †). Четвертая вышла замужъ за

---

*) Княжна Дарья Алексѣевна Гагарина (1724—1798) была замужемъ за княземъ Александромъ Михаиловичемъ Голицынымъ, умершимъ 8 окт. 1783 г.

**) Князь Василій Петровичъ, штальмейстеръ, во второмъ бракѣ на баронесѣ Екатеринѣ Петровнѣ Шафировой.

***) Совершенно вѣрно: княжна Марья Васильевна Хованская была замужемъ за обер-гоф-маршаломъ княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ.

[1]) О немъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. О другихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ этой статьѣ, мы никакихъ подробностей сообщить не можемъ.

†) Графъ Александръ Ѳедоровичъ въ первомъ бракѣ на баронесѣ Наталіи Петровнѣ Шафировой, 1698—1728.

князя Долгорукова *). Судьба пятой дочери барона Шафирова намъ неизвѣстна **). Двадцати лѣтъ она не была еще замужемъ.

Баронъ Шафировъ имѣлъ еще брата, котораго онъ вызвалъ изъ Голландіи въ Петербургъ. Онъ не былъ возведенъ даже въ дворянское достоинство и въ 1719 году былъ тайнымъ секретаремъ въ государственной канцеляріи ***). Онъ, кажется, не обладалъ никакими талантами, и потому-то братъ не могъ доставить ему никакого важнаго мѣста. Мы не можемъ включить его въ число избранниковъ.

---

*) Князь Сергій Григорьевичъ былъ женатъ на баронессѣ Маріѣ Петровнѣ Шафировой, 1697—1762.

**) Баронесса Марія Петровна, за сенаторомъ и президентомъ каммер-коллегіи Михаиломъ Михайловичемъ Салтыковымъ.

***) Михаилъ Павловичъ, членъ бергъ-коллегіи.

V.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ I.

Польза возможно большаго просвѣщенія человѣка несомнѣнна и рѣшительна. Образованіе научаетъ наиболѣе удовлетворительному, для современнаго поколѣнія наиболѣе полезному и, вообще говоря, наиболѣе совершенному примѣненію человѣческихъ способностей; оно даетъ болѣе свѣтлое и болѣе высокое понятіе объ истинной религіи, которая не связывается ни съ какимъ толкомъ христіанства, мохамеданства, юдаизма и всѣхъ другихъ вѣрованій, признающихъ единаго Бога, какъ бы эти вѣрованія ни именовались; оно облагораживаетъ плоды учености; оно вселяетъ гордость въ исполненіе того высокаго назначенія, къ которому человѣкъ призванъ; оно поощряетъ исполнять всякое дѣло возможно достойнымъ образомъ; оно является наиболѣе совершеннымъ утѣшителемъ въ незаслуженныхъ страданіяхъ; оно облегчаетъ переходъ отъ жизни къ смерти. Значеніе высшаго образованія еще гораздо разнообразнѣе, но не всѣ образованные люди приросятъ ту пользу, которую оно вселяетъ.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ былъ второй сынъ лютеранскаго пастора въ Боккумѣ, городѣ въ вестфальскомъ графствѣ Маркъ. Онъ

штудировалъ въ Іенѣ и по рекомендаціи своего старшаго брата, бывшаго уже въ Россіи, поступилъ, въ 1704 году, въ службу къ русскому вице-адмиралу Крёйсу[1]), который, вслѣдствіе его ловкости и очень быстраго усвоенія русской рѣчи, представилъ его, при удобномъ случаѣ, Петру, какъ человѣка весьма полезнаго.

Съ этого момента онъ оказывалъ русскому двору чрезвычайно полезныя услуги какъ въ политическихъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ. Онѣ такъ важны и такъ разнообразны, что ихъ нельзя коснуться только слегка. Исторія исполненія возлагавшихся на него обязанностей такъ тѣсно входитъ въ лѣтописи русскихъ государей до конца 1741 года, что невозможно отдѣлить одну отъ другихъ. Всѣ государи Россіи, которымъ онъ служилъ, вполнѣ довѣряли ему и не упускали случая награждать его.

Подробно описывать жизнь этого великаго человѣка было бы слишкомъ пространно; мы разскажемъ лишь нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ о его службѣ и о послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Петербургѣ, до ссылки въ Сибирь.

Извѣстно, что Остерманъ, вмѣстѣ Екатериною I и Шафировымъ, спасъ императора изъ очень опаснаго положенія при Прутѣ. Объ этомъ слѣдуетъ упомянуть потому, что съ этого времени Петръ сталъ оказывать ему неограниченное довѣріе. Въ

---

[1]) Корнелій Крёйсъ (Cruys), голландецъ, изъ знатной семьи, занималъ уже въ своемъ отечествѣ важныя мѣста по морскому вѣдомству. когда Петръ I взялъ его съ собою въ Россію. Онъ оказалъ важныя услуги при созданіи русскаго флота. Крёйсъ умеръ въ 1727 году, будучи 71 года.

1721 году государь послалъ графа Брюса[1]) и барона Остермана въ Ништадтъ для заключенія мира со Швеціею. Остерманъ взялъ съ собою вексель на большую сумму отъ купца Мейера[2]), но не взялъ дукатовъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тяжелыя денежныя шкатулки производятъ большой шумъ. Въ Ништадтѣ должны были съѣзжаться всякій разъ всѣ комиссары вмѣстѣ, такъ какъ все должно было рѣшаться сообща. Остерманъ всегда являлся навеселѣ. Шведы уже полагали, что они выиграли по всѣмъ пунктамъ. Но Остерманъ проводилъ все свободное отъ собраній время у Цедеркрёйца, самаго важнаго изъ шведскихъ комиссаровъ, сговорился съ нимъ обо всемъ, далъ ему 100,000 рублей и возвратилъ ему всѣ земли въ Лифляндіи, принадлежащія его фамиліи, взамѣнъ чего получил ь въ пользу

---

[1]) Одна часть шотландской фамиліи Брюсовъ (Bruce), нѣкогда дававшей сгранѣ королей и еще понынѣ сохраняющая въ своемъ гербѣ лнакъ владѣтельныхъ особъ, булаву, переселилась въ Россію еще во времена Кромвеля. Тотъ Брюсъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и имѣлъ большія литературныя свѣдѣнія. Русская вѣтвь фамиліи Брюсовъ вымерла въ мужскомъ поколѣніи въ концѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ генераломъ Брюсомъ. Послѣдняя представительница этого дома, одного изъ самыхъ богатыхъ, вышла замужъ за графа Мусина-Пушкина, посла въ Неаполѣ, который сталъ именоваться Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, чтобъ сохранить память о великомъ имени.

[2]) Мейеръ, боготый нѣмецкій купецъ въ Москвѣ, переселившійся въ Петербургъ, велъ много дѣлъ съ Петромъ I; въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ подналъ опалѣ вмѣстѣ съ саксонскимъ берггауптманомъ Куртомъ фонъ-Шенбергомъ. Сынъ Мейера, Рудольфъ, былъ крестникъ Петра I; это былъ образованный, честный и всѣми уважаемый купецъ.

императора герцогства Лифляндія и Эстляндію, которыя должны были впослѣдствіи быть куплены, для вида, за извѣстную сумму[1]) у шведскаго двора, чтобъ этою покупкою заставить молчать польское правительство, имѣвшее притязанія на эти земли. Въ моментъ, когда все уже было подписано, изъ Петербурга явился, въ качествѣ курьера, Ягужинскій съ приказаніемъ Брюсу и Остерману, что они должны согласиться на все безъ исключенія, чего будутъ требовать шведы, лишь бы заключить миръ, такъ какъ, по вполнѣ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, англійскій флотъ, подъ командой адмирала Норриса, уже распустилъ паруса и шелъ въ Балтійское море. По счастію, Ягужинскій прибылъ слишкомъ поздно. Остерманъ получилъ уже все, что желалъ, и привезъ обратно вексель на большую сумму, который ему не понадобился и который онъ вручилъ императору. Послѣ этого было вполнѣ естественно, что Петръ I весьма цѣнилъ его. Этотъ монархъ часто говаривалъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иностранныхъ дворовъ на нѣмецкій, французскій или латинскій языкъ, всегда оставлялись безъ измѣненія. Даже на смертномъ одрѣ императоръ, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, всегда повторялъ это, и извѣстно, что въ послѣдніе годы Петръ I довѣрялъ почти исключительно только Остерману. Этотъ государь пожаловалъ его въ тайные совѣтники и возвелъ въ дворянское достоинство.

[1]) Мы слышали, что покупная сумма была не менѣе какъ мильонъ рублей.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I Остерманъ былъ государственнымъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умирая государыня назначила его обергофмейстеромъ при дворѣ своего преемника Петра II и членомъ верховнаго тайнаго совѣта, которому ввѣрялось управленіе имперіею во время малолѣтства этого государя.

Остерманъ заботился о возможно лучшемъ воспитаніи юнаго императора, и написалъ для него извѣстное прекрасное „Начертаніе ученія“[1]). Остерманъ получилъ отъ своего государя и воспитанника умершаго почти ребенкомъ, титулъ россійскаго графа.

Императрица Анна, среди окружавшихъ которую Остерманъ былъ самый остроумный и самый образованный человѣкъ, назначила его кабинетъ-министромъ. Въ тѣхъ вѣдомствахъ управленія, которыя были предоставлены исключительно ему, онъ правилъ твердою рукою. Благодаря его свѣтлому уму, государственной мудрости и знанію людей, императрица призывала его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда была увѣрена въ своемъ рѣшеніи и, все таки, постановляла приговоръ согласно съ его мнѣніемъ. Этотъ дальновидный человѣкъ старался мало-по-малу удаляться отъ двора и ограни-

[1]) Оно помѣщено въ третьей части „Преобразованной Россіи“, появившейся въ 1740 году. (Упоминаемая авторомъ „Преобразованная Россія“ есть извѣстное сочиненіе Вебера, брауншвейгскаго резидента — Weber, das veränderte Russland — которое впервые появилось въ 1721 г., въ одномъ томѣ; изданіе 1740 г., въ трехъ томахъ „Начертаніе“ Остермана появилось и въ отдѣльномъ изданіи: Baron von Ostermann, Einrichtung der Studien J. K. M. Petri des Andern, безъ указанія мѣста и года изданія).

читься кругомъ своихъ обязанностей, которыя онъ все старался уменьшить. Онъ замѣчалъ путаницу и духъ партій при дворѣ и въ императорской фамиліи; онъ пророческимъ взглядомъ предвидѣлъ, что изъ этого произойдутъ катастрофы, исходъ которыхъ нельзя было и разсчитать. Вотъ почему онъ полагалъ, что его мудрости удастся уклониться отъ дѣйствія взрыва. Извиняясь болѣзненнымъ состояніемъ, онъ не являлся болѣе ко двору. Отчасти это былъ только предлогъ, такъ какъ, говорятъ, Остерманъ натиралъ лицо лимономъ, чтобъ имѣть видъ больнаго; отчасти же онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ страдалъ уже тогда перемежающеюся болью въ ногахъ, которая вскорѣ совсѣмъ лишила его употребленія ногъ. Но все это не могло защитить его въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждались въ его совѣтѣ. Съ большою заботливостью, осторожностью и со всѣми удобствами его переносили въ такихъ случаяхъ въ комнаты императрицы.

По смерти императрицы Анны онъ уже вовсе не выходилъ изъ дому, но всегда оставался главнымъ органомъ въ русскомъ государствѣ. Вслѣдъ за кончиною государыни, онъ хотѣлъ выйти въ отставку; но герцогъ курляндскій, бывшій тогда регентомъ, такъ настоятельно просилъ его, что онъ остался.

Регентша Анна, мать императора, только желая дать графу Остерману болѣе высокій рангъ, чѣмъ фельдмаршалъ, назначила его генералъ-адмираломъ—мѣсто, для котораго онъ, собственно, не былъ приготовленъ, такъ какъ не разумѣлъ подробностей дѣла. Но какъ человѣкъ большихъ способностей, онъ, конечно, послѣ нѣкотораго

ознакомленія, имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ вѣрный взглядъ главнаго начальника. Въ царствованіе этой государыни, австрійская партія при русскомъ дворѣ начала упрекать Остермана за его склонность къ Пруссіи. Упрекъ былъ довольно основательный, и надо думать, что если такой мудрый сановникъ, какимъ былъ Остерманъ, старался склонить свой дворъ на сторону Пруссіи, то, конечно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ системы и политики юнаго и предпріимчиваго прусскаго монарха Фридриха II. Между тѣмъ Остерманъ создалъ себѣ этимъ страшныхъ враговъ при русскомъ дворѣ, къ которымъ принадлежалъ особенно генералиссимусъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, супругъ регентши и отецъ императора, всегда расположенный къ Австріи. Но все это не имѣло никакихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что графъ Остерманъ дошолъ вскорѣ до того, что присоединился къ тѣмъ, которые имѣли намѣреніе, въ видахъ укрѣпленія правительства, возвести на престолъ великую княгиню и регентшу Анну, а бывшаго до того времени императоромъ, младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ, объявить наслѣдникомъ престола—проектъ, исполненіе котораго было предупреждено революціей, совершенной Елизаветою.

Во время опекунскаго управленія принцессы Анны Остерманъ былъ опасно боленъ. Въ мартѣ 1741 г. докторъ Кэмпфъ, очень искусный врачъ изъ Гамбурга, увѣрялъ, что, вслѣдствіе задержанія мочи и истеченія крови положеніе больнаго настолько тяжело, что можно опасаться внезапной смерти, хотя помощь или, скорѣе, отсрочка и не невозможна. Къ своему несчастію, Остерманъ долго жилъ еще.

Въ концѣ года послѣдовало возмущеніе, произведенное Елизаветой. Только такая ничтожная и слабая женщина, какъ Елизавета, могла не признавать заслугъ великаго человѣка, котораго ея предки умѣли лучше цѣнить. Она дозволила своимъ министрамъ и придворнымъ убѣдить себя, что графъ Остерманъ, какъ величайшій преступникъ изъ тѣхъ людей, которые были жертвою придворной интриги, долженъ быть приговоренъ къ смерти.

По этому поводу мы хотимъ разсказать возможно короче исторію суда надъ тѣми несчастными, которые погибли вмѣстѣ съ Остерманомъ, и судьбу нѣкоторыхъ изъ ихъ родственниковъ. Жизнь Елизаветы всегда представлялась и представляется до сихъ поръ сплошь позорною книгою, въ которой встрѣчается много, много два или три сносные листа.

Еще въ ту же ночь, когда новая императрица вышла изъ Зимняго дворца, гдѣ она приказала арестовать представителей династіи, по городу были разосланы войска для арестованія многихъ лицъ въ ихъ домахъ. Это были: графъ Остерманъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ [1]), ве-

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, голштинецъ родомъ, былъ столь же великъ своими талантами, какъ и недостатками. Онъ былъ самый ловкій и самый счастливый полководецъ своего времени и превосходный инженеръ. Сверхъ того онъ обладалъ большимъ умомъ и разносторонними познаніями; но былъ величайшій эгоистъ, какого только можно себѣ представить. Онъ вмѣшивался даже въ такія государственныя дѣла, которыя не могли подлежать его вѣдѣнію. Главные его пороки были мстительность и жестокость. Подробное изображеніе этого человѣка, оказавшаго Россіи большія услуги, завело бы насъ далеко. Петръ III возвратилъ его изъ Сибири и до по-

ликій канцлеръ графъ Головкинъ[1]), обергофмаршалъ графъ Лёвенвольде[2]), президентъ и тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ[3]), статскій совѣтникъ Темирязовъ и секретарь[*]) Позняковъ. Всѣ арестованные были приведены въ государственную тюрьму, въ крѣпость, кромѣ Лёвенвольде, котораго сперва оставили подъ домашнимъ арестомъ, но потомъ перевели туда же. Впрочемъ, всѣхъ ихъ содержали довольно сносно.

Для изслѣдованія мнимыхъ преступленій были назначены слѣдующіе комиссары: генералъ Ушаковъ[4]), генералъ-прокуроръ князь Трубецкой[5]),

---

слѣдняго дня своего царствованія держалъ при себѣ. Не смотря на свою глубокую старость, онъ оказалъ еще великія услуги. Онъ умеръ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ.

[1]) Великій канцлеръ графъ Головкинъ былъ гордый человѣкъ, но очень ловкій государственный мужъ. Онъ умеръ въ мѣстѣ своей ссылки.

[2]) Обергофмаршалъ графъ Лёвенвольде, родомъ изъ Лифляндіи, одинъ изъ достойнѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи. Онъ умеръ въ Ярославлѣ.

[3]) Президентъ баронъ Менгденъ, братъ знаменитой Юліи Менгденъ, о которой будетъ еще много говориться въ этой книгѣ.

[*]) Секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Генералъ Ушаковъ былъ долгое время самымъ страшнымъ человѣкомъ въ Россіи. Отъ Петра I до Елизаветы онъ былъ президентомъ тайной канцеляріи. О немъ еще будетъ упоминаться.

[5]) Князь Никита Трубецкой былъ очень строгій и мстительный человѣкъ. Онъ оставилъ много дѣтей, изъ которыхъ упомяну двухъ: князя Петра Никитича, достойнаго патріота и государственнаго слуги, умершаго въ началѣ девяностыхъ годовъ, и княгиню Вяземскую, здравствующую еще въ Петербургѣ.

генералъ Левашевъ [1]), оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ [1]), тайный совѣтникъ Нарышкинъ [1]) и въ январѣ 1742 года къ нимъ присоединенъ еще князь Голицынъ [1]), бывшій президентомъ юстицъ-коллегіи при императрицѣ Аннѣ. Князь Трубецкой ставилъ вопросные пункты, а. г. Бецкой велъ протоколъ.

Остерману было предложено до восьмидесяти вопросовъ. Этотъ великій человѣкъ представилъ подробную исторію своего управленія, ни о чемъ не утаивъ. Онъ говорилъ, что пока онъ преданъ правительству по клятвѣ и по долгу, то считалъ себя обязаннымъ повиноваться ему. Изъ множества неосновательныхъ и безмысленныхъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, слѣдующія были главными: что по смерти Петра II на престолъ была возведена герцогиня Анна курляндская, вмѣсто принцессы Елизаветы; что онъ привелъ флотъ въ упадокъ для того, чтобы Россія была принуждена искать дружбы морскихъ державъ; что осужденіе князей Долгорукихъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны, было подготовлено имъ; что онъ совѣтовалъ заключить принцессу Елизавету въ монастырь, и что ему принадлежитъ проектъ устраненія юнаго принца Петра Голштинскаго. Изъ всѣхъ арестованныхъ, Остерманъ былъ болѣе всѣхъ обвиняемъ. Какъ мы знаемъ, онъ

---

[1]) Левашевъ, Куракинъ, Нарышкинъ и Голицынъ. О всѣхъ этихъ лицахъ мы не можемъ сообщить никакихъ подробностей. Вѣроятно, Куракинъ былъ отцомъ нынѣшнихъ обоихъ великихъ мужей Россіи—Александра и Алексѣя; Нарышкинъ-дѣдъ двухъ мужей, занимающихъ высшія придворныя должности, Александра и Дмитрія, и Левашевъ-отецъ умершаго генерала и адъютанта императора.

всегда былъ хворый; теперь, въ темницѣ, онъ былъ такъ боленъ, что исповѣдался и причастился, полагая, что скоро умретъ. Послѣ этой болѣзни, въ немъ стали примѣчать несвойственныя ему боязливость и малодушіе. Онъ просилъ къ себѣ тайнаго совѣтника Лестока, который былъ у него нѣсколько разъ, но отговаривался, что не можетъ ничѣмъ ему помочь. Когда Остерманъ, въ январѣ 1742 г., увидѣлъ въ числѣ комиссаровъ, князя Голицына, онъ просилъ у него прощенія за преслѣдованіе фамиліи Голицыныхъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ виноватъ.

Имущество Остермана, при его арестѣ, было весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что накопили другіе. Онъ имѣлъ незначительныя помѣстья и домъ [1]). Сверхъ того, у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ,

---

[1]) Домъ Остермана—нынѣшнее зданіе сената, лишь въ меньшихъ размѣрахъ. Замѣчательно, что всѣ обитатели этого дома стали несчастными. Первымъ былъ графъ Остерманъ, попавшій въ Сибирь. Затѣмъ домъ этотъ получилъ графъ Бестужевъ, котораго сослали на житье въ его имѣніе. Потомъ въ немъ жилъ принцъ Георгъ голштинскій, котораго, въ день революціи 1762 года, оскорбляли русскіе солдаты, и онъ долженъ былъ вскорѣ покинуть этотъ домъ. Наконецъ въ этотъ домъ былъ переведенъ сенатъ и, какъ извѣстно, при Екатеринѣ II это высшее въ имперіи учрежденіе потеряло всякое значеніе. Подобный же несчастливый домъ есть и въ Берлинѣ, на Unter den Linden. Строитель его обанкротился. Потомъ домъ достался министру Герне, который былъ изгнанъ изъ него Фридрихомъ II за лихоимство. Затѣмъ его получила прославившаяся графиня Лихтенау, политическій конецъ которой всѣмъ извѣстенъ. Въ настоящее время въ немъ живетъ принцъ Оранскій. . .

которые хранились въ банкахъ [1]) въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ. Наличными деньгами и драгоцѣнностями онъ имѣлъ только 230 рублей и четыре или пять усыпанныхъ брилліантами портретовъ государей.

Во время переворота, произведеннаго Елизаветой, Минихъ не состоялъ на службѣ. Онъ вышелъ въ отставку, замѣтивъ, что правительница не имѣетъ болѣе къ нему никакого довѣрія [2]). По виду, онъ собирался уѣхать за-границу, когда Елизавета взошла на престолъ; но, вѣроятно, онъ опять вступилъ бы въ русскую службу. Его обвиняли, между прочимъ, въ томъ, будто онъ, въ тотъ вечеръ, когда арестовывалъ герцога курляндскаго, сказалъ гвардейцамъ, желая побудить ихъ къ такому поступку, что Елизавета будетъ провозглашена императрицей. Когда онъ, конечно, отрицалъ такое обвиненіе, были позваны заранѣе подкупленные гвардейскіе солдаты, которые ему въ глаза сказали, что онъ ихъ именно такъ уговаривалъ. Минихъ остался неустрашимъ и съ достойнымъ презрѣніемъ отнесся къ этимъ жалкимъ людямъ, къ комисарамъ и солдатамъ, заслуживавшимъ одинаковаго къ нимъ отношенія. Съ благородною гордостью сказалъ онъ своимъ судьямъ, что если хотятъ такъ вести дѣло и непремѣнно

---

[1]) Въ то время въ самой Россіи не было еще общественныхъ учрежденій для помѣщенія денегъ.

[2]) Анна опасалась предпріимчиваго графа Миниха. Она сама говорила своимъ приближеннымъ: человѣкъ, который такъ быстро и такъ удачно произвелъ уже одну революцію противъ герцога курляндскаго, могъ получить охоту отважится на нѣчто большее. Она даже была спокойнѣе, когда Минихъ жилъ на другой сторонѣ Невы.

сдѣлать его несчастнымъ, то этого можно достигнуть гораздо короче: на обращенные къ нему вопросы можно дать такіе отвѣты, какіе угодно судьямъ, а онъ обѣщаетъ, какъ честный человѣкъ, подписать ихъ, не читая. Однако, Минихъ все-таки сдѣлалъ одну попытку къ своему спасенію, которая выставляетъ его характеръ не съ блестящей стороны. Именно, онъ написалъ принцу гессенъ-гомбургскому [1]), котораго всегда былъ отъявленнымъ врагомъ и къ которому всѣ умные и порядочные люди должны быть, по крайней мѣрѣ, равнодушны. Въ этомъ письмѣ онъ много говорилъ о своей преданности гессенскому дому, въ арміи котораго онъ началъ свою службу; обѣщалъ ему, въ случаѣ своего освобожденія, разсказать много секретныхъ свѣдѣній о Гессенѣ; говорилъ о правахъ Гессяна на Курляндію и т. под., но все это ничему не помогло.

Головкинъ и Остерманъ хотѣли, говорятъ, погубить другъ друга. Каждый хлопоталъ отдѣльно о томъ, чтобы сдѣлать регентшу императрицей. Наконецъ, ихъ обоихъ соединили и для достиженія этой связи былъ употребленъ Менгденъ.

Впрочемъ, мы не имѣемъ свѣдѣній о мнимыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись Головкинъ, Левенвольде и Менгденъ.

Темирязовъ обвинялся въ томъ, что ему принадлежитъ первый проектъ возведенія на русскій

---

[1]) Принцъ Лудвигъ-Іоганъ-Вильгельмъ Груно гессенъ-гомбургскій родился въ 1705 г.; еще при Петрѣ I вступилъ въ русскую службу и умеръ въ 1745 году какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ. О его супругѣ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

престолъ правительницы Анны съ ея потомствомъ и полнаго устраненія отъ престола Елизаветы.

Позняковъ[1]) работалъ вмѣстѣ съ Темирязовымъ надъ этимъ проектомъ.

Все было не болѣе, какъ придворная интрига. Этимъ хотѣли только удалить людей, которые превосходствомъ своихъ способностей, опытностью и познаніями были неудобны новымъ совѣтникамъ и придворнымъ. Ихъ сдѣлали государственными преступниками, чтобы имѣть возможность чувствительнѣе, ужаснѣе и вѣрнѣе наказать. Но названіе ихъ государственными преступниками было въ данномъ случаѣ неприложимо. Отчасти эти обвиненія были вымышленны и могли быть подтверждены, самое большое, лишь какимъ-либо случайнымъ, быть можетъ и легкомысленнымъ словомъ; отчасти же Елизавета была тогда частнымъ лицомъ, какъ всякій подданный россійской имперіи, и противъ нея нельзя было совершить государственное преступленіе.

28 января 1742 года императрица переѣхала въ Царскую мызу, что нынѣ Царское село. Какъ только она выѣхала изъ Петербурга, по всѣмъ улицамъ, съ барабаннымъ боемъ было об'ъявлено —собираться поутру въ 10 часовъ на Васильевскій островъ[2]), чтобы смотрѣть на казнь враговъ императрицы.

---

[1]) Донесеніе секретаря саксонскаго посольства Пецольда своему королю, отъ 30 января 1742 года (Сборникъ, VI, 404—410).

[2]) Въ то время лобное мѣсто находилось на Васильевскомъ островѣ, противъ зданія коллелій. приблизительно предъ третьею коллегіею отъ берега. Нынѣ оно близь Александро-невскаго морастыря.

Тамъ, какъ разъ передъ военною коллегіею, былъ устроенъ простой эшафотъ, въ шесть ступеней, на которомъ стояла плаха. Астраханскій полкъ образовывалъ карре, въ которомъ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для исполненія казни, находился еще хирургъ, но не было священника. Государственные узники были приведены изъ крѣпости еще раннимъ утромъ. Ровно въ 10 часовъ они были введены въ кругъ; ихъ сопровождали гренадеры съ примкнутыми штыками.

Графъ Остерманъ былъ въ своемъ обычномъ утреннемъ платьѣ, именно, въ своемъ рыжеватомъ лисьемъ мѣху. На немъ былъ маленькій парикъ и дорожная черваго бархата шапка. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то его привезли въ простыхъ извощичьихъ саняхъ въ одну лошадь.

Графъ Минихъ и всѣ другіе узники прибыли пѣшкомъ. На Минихѣ была шуба а соболевая шапка. За нимъ шли графъ Головкинъ, графъ Левенвольде, баронъ Менгденъ и статскій совѣтникъ Темирязовъ. Секретаря Познякова не было; онъ уже былъ наказанъ во дворцѣ [1]) — битъ ботогами.

Когда государственные узники собрались въ кругу, четыре солдата понесли Остермана, котораго всегда считали главнымъ преступникомъ, на эшафотъ и посадили на желѣзное сѣдалище. Онъ обнажилъ голову. Сенатскій секретарь прочелъ приговоръ. Обвиненные никогда не узнавали приговоръ ранѣе какъ только на лобномъ мѣстѣ.

---

[1]) Въ рукописныхъ извѣстіяхъ объ этой казни сказано: „во дворцѣ“, безъ болѣе точныхъ указаній. Быть можетъ, это былъ прежній дворецъ Елизаветы.

Остерманъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и колесованію. Онъ хладнокровно выслушалъ страшный приговоръ, казалось былъ удивленъ, и возвелъ глаза къ небу. Вслѣдъ затѣмъ солдаты положили его лицомъ на землю. Палачъ растянулъ его шею на плахѣ, придерживая голову за волосы и взявъ сѣкиру въ руки. Остерманъ протянулъ обѣ руки впередъ; солдатъ закричалъ ему убрать руки; онъ подобралъ ихъ и вытянулъ по тѣлу. Когда уже всѣ ждали смертельнаго удара, сенатскій секретарь закричалъ графу: „Богъ и императрица даруютъ тебѣ жизнь!“

Остермана подняли; онъ весь дрожалъ. Его опять посадили въ сани, и онъ долженъ былъ тутъ же ожидать, пока и другіе узнаютъ свой приговоръ.

Никого уже болѣе не возводили на эшафотъ. Всѣ были приговорены къ лишенію жизни, но Елизавета всѣмъ дарила ее, отсылая ихъ въ ссылку и, такимъ образомъ, дѣлая болѣе продолжительными муки несчастныхъ.

Когда они вышли изъ круга, замѣтно было впечатлѣніе, произведенное этою возмутительною сценою на различные характеры государственныхъ узниковъ.

Минихъ былъ выведенъ изъ круга первый. Онъ держалъ себя благородно; взоръ его былъ печальный; враги называли его наглымъ. Онъ былъ посаженъ въ закрытую, на полозьяхъ, придворную карету, имѣлъ придворную одежду, и былъ сопровождаемъ четырьмя гренадерами съ ружьями. Его отвезли въ крѣпость.

Туда же прибылъ и Остерманъ въ извощичьихъ саняхъ, около которыхъ шли солдаты. Онъ

былъ слишкомъ обезсиленъ тѣлесными недугами и событіями послѣдняго часа, такъ что не проявилъ никакими внѣшними признаками, что творилось въ его великой душѣ. Легко, однако представить себѣ, что онъ чувствовалъ въ это время.

Лицо Головкина было постоянно закрыто; когда же онъ открывалъ его, замѣтна была сдерживаемая ярость. Его отвезли въ крѣпость также на санкахъ, окруженныхъ стражею. Левенвольде придавалъ себѣ любезный видъ, вѣроятно, притворяясь; впрочемъ, онъ казался спокойнымъ. Онъ возвратился пѣшкомъ въ находящійся по близости сенатъ. Менгденъ все закрывалъ лицо, постоянно плакалъ и былъ крайне малодушенъ. Онъ отправился пѣшкомъ также въ сенатъ. Темирязовъ казался вполнѣ спокоенъ, и отправился туда же.

Въ тотъ же день всѣ были отправлены изъ Петербурга къ мѣстамъ своей ссылки: графъ Остерманъ — въ Березовъ, гдѣ умеръ князь Меншиковъ. Графъ Минихъ — въ Пелымъ. Тамъ онъ попалъ въ тотъ самый домъ, который онъ по собственному чертежу приказалъ построить для герцога курляндскаго. Графъ Головкинъ — въ мѣсто ссылки генерала Карла Бирона*), который только что возвратился тогда. Названіе мѣста намъ неизвѣстно. Графъ Левенвольде — въ Ярославль, куда прибылъ въ то время изъ Пелыма герцогъ курляндскій. Такъ какъ Ярославль есть небольшее ссылочное мѣстечко, то вѣроятно оба эти мужа встрѣчались тамъ. Баронъ Менгденъ былъ сосланъ туда, гдѣ находился Густавъ Бирон, тоже всзвращенный.

*) У Бирона-регента было три брата и, въ томъ числѣ, два Карла. Одинъ Карлъ Магнусъ, генералъ-маіоръ, умеръ въ 1739 году.

Всѣ получили самыя необходимыя платья. Многіе слуги желали провожать своихъ господъ, что и было имъ дозволено. Слуги Остермана ожидали своего господина въ Ямской [1]) и всѣ отправились съ нимъ. Онъ получилъ три боченка венгерскаго вина. Люди Левенвольде ожидали своего господина тоже въ Ямской. Они всѣ остались при немъ. Онъ получилъ сверхъ того хирурга, такъ какъ часто бывалъ боленъ, и лошадь, для удобства. Каждому государственному узнику давали по рублю въ день, людямъ — по десяти копѣкъ. Большая часть слугъ привезли съ собою накопленныя ими деньги, причемъ у иныхъ были порядочныя суммы, и отдали ихъ своимъ господамъ — поступокъ, дѣлающій честь и господамъ, и ихъ слугамъ.

Самая трогательная сцена произошла при отъѣздѣ государственныхъ узниковъ изъ Петербурга — свиданіе съ родственниками, со многими послѣднее прощаніе.

Родственники Миниха были привезены къ нему въ крѣпость. Графиня Минихъ тотчасъ же рѣшилась сопровождать своего мужа. Его сынъ [2]) былъ тоже арестованъ, но помилованъ и оставленъ на свободѣ; его не водили на лобное мѣсто. Отецъ запретилъ ему плакать. Графиня Головкина тоже

---

[1]) Ямская или извощичья слобода — родъ форштата Петербурга, за Аничкинымъ мостомъ, близь Александро-Невской лавры.

[2]) Графъ Минихъ, сынъ, былъ гофмейстеромъ императорскаго двора и получилъ теперь имѣнія подъ Москвою. Этотъ въ высшей степени правдивый человѣкъ умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Андрея въ девяностыхъ годахъ. Онъ оставилъ двухъ сыновей и по крайней мѣрѣ одну дочь, бывшую въ. женою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Фитингофа

отправилась съ мужемъ. Сцена свиданія была ужасна для барона Менгдена. Онъ любилъ свою жену столько же, какъ и она его, и въ какомъ же положеніи онъ увидѣлъ ее! Полное разстройство разсудка было послѣдствіемъ горестей, глубоко ее тронувшихъ. У нея былъ маленькій ребенокъ и невозможно было поколебать ея рѣшимость ѣхать съ мужемъ, взявъ съ собою и ребенка.

Графъ Остерманъ впервые увидѣлъ свою семью въ Ямской. Графиня увидала теперь своего мужа, съ которымъ не разставалась уже болѣе. Дочь и сыновья не сопутствовали отцу. Болѣе часу длились его увѣщанія дѣтямъ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ, даже офицеры и солдаты, плакали. Наконецъ, онъ просилъ своихъ сыновей отказать ему послѣднюю въ этой жизни услугу — отнести его въ дорожныя сани.

Въ Березовѣ Остерманъ жилъ еще пять лѣтъ, слабый, тяжно больной, и умеръ 25 мая 1747 года, въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Извѣстны уже важныя должности, которыя занималъ этотъ знаменитый человѣкъ, когда съ началомъ царствованія Елизаветы на него обрушились несчастія. Мы должны еще только прибавить, что онъ былъ генералъ-почдиректоръ и кавалеръ обоихъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ.

Наконецъ, два слова о качествахъ графа Остермана, одного изъ выдающихся государственныхъ мужей Европы, и при этомъ — о сужденіяхъ знаменитаго современнаго писателя Манштейна, которыя онъ высказалъ о немъ. Остерманъ имѣлъ обширный, вполнѣ просвѣщенный умъ, обладалъ

никогда не обманывавшимъ его сужденіемъ, знаніемъ людей, и проявлялъ крайнюю деликатность во всѣхъ своихъ сколько нибудь значительныхъ рѣчахъ и поступкахъ. У него во всемъ, что онъ ни дѣлалъ (а онъ не занимался обыкновенными дѣлами), была цѣль, которую не могли задержать никакія препятствія. Онъ былъ безупреченъ въ своихъ дѣлахъ, трудолюбивъ, исполнителенъ, неподкупенъ и, насколько только можно, точенъ въ управленіи ввѣренными ему дѣлами и значительными суммами. Онъ обладалъ основательными познаніями въ различныхъ отрасляхъ наукъ и особою, рѣдко встрѣчающееся, способностью къ изученію языковъ. Всѣмъ людямъ достойнымъ, особенно же ученымъ, онъ оказывалъ полнѣйшее покровительство. Высокое достоинство его, какъ статсъ-министра, заключалось въ удивительномъ знакомствѣ съ европейскими дворами, въ знаніи дѣйствительной или мнимой силы или слабости правительствъ и земель и ихъ отношеній другъ къ другу, и въ точной оцѣнкѣ тогдашнихъ коронованныхъ или дѣйствительныхъ властителей Европы. Но графъ Остерманъ былъ также крайне недовѣрчивъ и не могъ терпѣть ни выше, ни около себя человѣка, которого онъ не превосходилъ бы умомъ. По счастью, съ нимъ рѣдко кто могъ спорить въ дарованіяхъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство скрывать ихъ почти можно было назвать фальшивостью. Чтобъ произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда, въ критическихъ обстоятельствахъ, требовались мнѣнія министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобъ уклониться отъ

отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ былъ крайне нечистоплотенъ.

Графиня Остерманъ, въ свое время одна изъ достойнѣйшихъ дамъ русскаго двора, была урожденная Стрѣшнева*), изъ фамиліи, бывшей въ близкомъ родствѣ съ домомъ Романовыхъ. По смерти своего супруга она возвратилась изъ Сибири.

Графъ Остерманъ оставилъ двухъ сыновей**) и одну дочь, которые были воспитаны въ религіи ихъ матери, т. е. въ греческой. Во время несчастія съ отцомъ, сыновья были уже капитанами гвардіи, но теперь они должны были потерять по службѣ, такъ какъ были назначены начальниками армейскихъ полковъ. Ихъ послали въ землю башкиръ, но они вскорѣ возратились оттуда.

Одинъ изъ нихъ былъ опредѣленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и уже при императрицѣ Елизаветѣ былъ отправленъ посломъ въ Швецію, гдѣ оставался довольно долго. Онъ былъ весьма и весьма посредственный дипломатъ. Революція Густава III, въ 1772 году, совершилась на его глазахъ, а онъ о ней и не зналъ. По повелѣнію короля, его банкиръ отпускалъ ему весьма незначительныя суммы, чтобъ онъ не могъ дерзнуть на подкупъ. Онъ былъ до того стѣсненъ въ мате-

*) Марѳа Ивановна (1698—1781).

**) Ѳедоръ († 1804) и Иванъ († 1811).

ріальномъ отношеніи, что иногда не могъ даже отправить курьера. Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ были очень довольны его депешами. Въ царствованіе Екатерины II было время, когда графъ Панинъ[1]) потерялъ значеніе. Онъ замѣтилъ это и хотѣлъ выйти въ отставку; но императрица не отпустила его. Онъ просилъ о помощникѣ и ему было предоставлено самому выбрать себѣ помощника. Панинъ взялъ графа Остермана изъ Швеціи, котораго считалъ умнымъ человѣкомъ, потому что его депеши были очень хороши. Но эти депеши писалъ имперскій совѣтникъ Каллингъ, глава русской партіи. Остерманъ явился; увидѣли, что это ограниченная голова, и онъ былъ и остался ничтожествомъ. Когда народился греческій проектъ, Панинъ, вовсе неодобрявшій его, потерялъ всякое значеніе и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки исключительно Остермана. Онъ управлялъ имъ только по имени. Тогда явилось много какъ говорятъ, политическихъ faiseurs, какъ Безбородко, Потемкинъ, Марковъ, Воронцовъ[2]) любимцы, и другія личности, съ которыми императрица и совѣтовалась по политическимъ дѣламъ, и которые отдавали приказанія въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, только не Остерманъ, вовсе непригодный на этотъ постъ. Онъ былъ вице-канцлеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ всѣхъ россійскихъ гражданскихъ орденовъ. Павелъ I, давно уже замѣтившій его негодность, охотно хотѣлъ удалить его: онъ сдѣлалъ его канце-

---

[1]) О графѣ Панинѣ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) О графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ также говорится въ своемъ мѣстѣ.

ромъ и далъ ему понять, что онъ можетъ просить объ отставкѣ. Изъ скупости, составлявшей главный его недостатокъ, онъ не хотѣлъ понять, чего императоръ отъ него желаетъ, пока Павелъ не велѣлъ ему сказать: онъ хорошо сдѣлаетъ, если удалится. Онъ, наконецъ, вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ жилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Его жена, на которой онъ женился уже довольно пожилымъ, была Александра Ивановна Талызина, дочь адмирала. Она была прелестная женщина и умерла, будучи еще среднихъ лѣтъ, въ началѣ девяносты годовъ прошлаго столѣтія.

Его братъ*) оставался въ военной службѣ и мало-по-малу получалъ повышенія, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь. Онъ также имѣлъ всѣ русскіе ордена и былъ генералъ-аншефъ, когда на престолъ вступилъ Павелъ I. Этотъ государь, не терпѣвшій гражданскихъ генераловъ, перечислилъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ жилъ въ Москвѣ и былъ уже много лѣтъ женатъ.

Оба брата возвѣщали недостатокъ талантовъ совершенно особенною честностью. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Они усыновили сыновей своей сестры, которые стали носить съ тѣхъ поръ двойную фамилію — Толстой-Остерманъ — и отличились въ придворной, гражданской и военнной службѣ. Про ихъ дядей говорили, что они обладаютъ большими богатствами.

Сестра обоихъ графовъ Остермановъ еще при императрицѣ Елизаветѣ вышла замужъ за полков-

*) Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ, 1723—1804.

ника Толстаго. Государыня была настолько неделикатна, что приказала праздновать свадьбу въ домѣ графа Остермана. Госпожа Толстая, кажется, давно уже умерла. Ея мужъ умеръ генералъ-аншефомъ.

VI.

Иванъ Христіанъ Фридрихъ Остерманъ II.

И. Х. Д. *) Остерманъ былъ старшій братъ генералъ-адмирала и статсъ-министра. Онъ ранѣе брата прибылъ въ Россію, но по какому поводу — мы не знаемъ. Здѣсь онъ былъ учителемъ царевенъ Екатерины, Анны и Прасковьи, дочерей царя Ивана Алексѣевича, старшаго брата Петра I. Этотъ государь возвелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ дворянское достоинство. То обстоятельство, что Петръ I не находилъ удобнымъ употребить его въ дѣло и что братъ, постоянно пользовавшійся большимъ значеніемъ при многихъ правительствахъ, не могъ назначить его на какой-нибудь видный постъ, свидѣтельствуетъ, что Остерманъ, о которомъ идетъ рѣчь, не обладалъ необходимыми для того способностями; нужно, однако, замѣтить, что скромное положеніе свободной посредственности онъ самъ, быть можетъ, предпочиталъ блестящей роли.

При посредствѣ герцогини Екатерины мекленбургской, сестры императрицы Анны, и при под-

*) Іоаннъ Христоферъ Дитрихъ, въ Россіи Иванъ Ивановичъ.

держкѣ своего брата, этотъ Остерманъ былъ, наконецъ, назначенъ мекленбургскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ; этотъ постъ давалъ ему болѣе почета, чѣмъ работы. Впрочемъ, герцогу Карлу Леопольду настолько не нуженъ былъ посланникъ въ Россіи, что ему не посмѣли даже сдѣлать предложеніе о назначеніи послу какого-либо содержанія. Императрица Анна назначила своему бывшему учителю по 300 рублей въ мѣсяцъ. На эту сумму, немаловажную для того времени, жилъ онъ спокойно и прилично, пока восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы не нарушило его счастливаго положенія. 29 декабря барону Остерману было объявлено отъ имени императрицы, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ немедленно собрался, но очутился въ большомъ затрудненіи, такъ какъ кромѣ содержанія, получаемаго отъ русскаго двора, не имѣлъ никакого состоянія.

Въ началѣ 1742 г. онъ отправился въ Германію, куда именно — мы не знаемъ, и вскорѣ затѣмъ умеръ.

VII.

Павелъ Ягужинскій.

Человѣкъ никогда не отрекающійся отъ своего мнѣнія, вѣчно говорящій правду, презирающій всякія сдѣлки съ совѣстью, высказывающій смѣло своимъ согражданамъ, своему начальству, даже своему государю, только тотъ взглядъ, который кажется ему, по его убѣжденію, вѣрнѣйшимъ, такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ предъ великими ея достоинствами или же дѣлаютъ ихъ еще болѣе выдающимися.

Павелъ Ягужинскій родился въ Москвѣ, въ 1683 году. Его отецъ, кистеръ лютеранско-нѣмецкой общины въ Москвѣ, былъ родомъ литвинъ.

На восемнадцатомъ году Павлу посчастливилось и его узналъ Петръ I, а нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ пріобрѣли ему милость императора. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ греческую религію. Мы не можемъ указазать причины, побудившія его къ такому шагу. Петръ I далъ ему первоначально мѣсто въ государственной канцеляріи, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и работалъ очень старательно. Петръ, казалось, совсѣмъ уже забылъ

о немъ, когда Меншиковъ вновь рекомендовалъ его и Петръ вспомнилъ о немъ, какъ о человѣкѣ весьма пригодномъ, и назначилъ его въ гвардію, гдѣ онъ имѣлъ случай быть узнаннымъ ближе государемъ. Изъ офицеровъ гвардіи былъ онъ сдѣланъ деньщикомъ [1]) Петра I и сталъ самымъ довѣреннымъ любимцемъ. Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали, въ 1718 году смертный приговоръ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу. Онъ былъ тогда генералъ-майоромъ и капитаномъ гвардіи. Четыре года спустя, Петръ возвелъ его въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, назначилъ генералъ-прокуроромъ [2]) въ сенатъ.

По смерти Петра, онъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, помогъ Екатеринѣ вступить на престолъ. Хотя эта государыня и возвела Ягужинскаго въ графское достоинство, но, вслѣдствіе распри съ княземъ Меншиковымъ, которому онъ, вопреки убѣжденію, никакъ не хотѣлъ уступить, Ягужинскій въ царствованіе этой же императрицы потерялъ мѣсто генералъ-прокурора. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пользовался большимъ почетомъ въ русскомъ государствѣ. Дворъ боялся его; армія же высказывала ему общую любовь и уваженіе.

---

[1]) Деньщикъ — особый придворный чинъ; деньщики состояли при Петрѣ и поперемѣнно дежурили у него. Ихъ можно назвать дежурными адъютантами. Названіе это происходитъ отъ русскаго слова день. Деньщихи до сихъ поръ существуютъ въ арміи.

[2]) Генералъ-прокуроръ, по рангу, послѣдній членъ въ сенатѣ, но по значенію — важнѣйшій. Онъ засѣдаетъ въ сенатѣ отъ имени императора, контролируетъ все, что тамъ дѣлается, и имѣетъ рѣшительное вліяніе на постановленія сенаторовъ.

Въ царствованіе Петра II онъ продолжалъ только военную службу, но съ необыкновеннымъ усердіемъ. По смерти этого государя, онъ состоялъ членомъ высокаго собранія, рѣшавшаго вопросъ о престолонаслѣдіи.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, это же собраніе арестовало Ягужинскаго за то, что онъ совѣтовалъ новой государынѣ разорвать представленную ей капитуляцію и, по примѣру ея предковъ, царствовать по собственной волѣ, безъ ограниченія. Быть можетъ, давая такой совѣтъ, Ягужинскій имѣлъ въ виду самого себя; но его намѣреніе не удалось. Ягужинскій могъ бы тогда же погибнуть, если-бъ императрица изъ благодарности тотчасъ же не освободила его. Это былъ первый актъ, которымъ Анна обозначила свое самодержавіе. Ягужинскій сталъ опять генералъ-прокуроромъ, но поссорился, какъ генералъ-прокуроръ, съ Бирономъ, такъ что даже обнажилъ шпагу противъ любимца императрицы. Это былъ опять путь къ погибели; но Анна, всегда благодарная за добрую услугу, оказанную ей Ягужинскимъ, стараясь устранить послѣдствія этого спора, назначила его посломъ при берлинскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ вызванъ назадъ и назначенъ кабинетъ министромъ.

Онъ умеръ[1]) въ 1736 году и былъ погребенъ со всѣми военными почестями въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ видна еще его надгробная надпись въ

---

[1]) Ягужинскій умеръ въ своемъ собственномъ домѣ, который еще существуетъ въ Петербургѣ. Домъ находится въ Почтамтской улицѣ и въ настоящее время въ немъ живетъ оберъ-почтъ-директоръ.

первой церкви, внизу, на лѣвой рукѣ, при входѣ въ монастырь *). Въ концѣ этого краткаго біографическаго очерка мы присоединяемъ краткое описаніе торжественныхъ похоронъ этого знаменитаго мужа.

Графъ Ягужинскій былъ тогда генералъ-аншефъ, кабинетъ-министръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго [1]).

Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ Петръ I не ошибся, потому что онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Взглядъ Ягужинскаго былъ очень вѣренъ, такъ что тѣ изъ его подчиненныхъ, которыхъ онъ избралъ, были, какъ извѣстно, люди дѣлные. Онъ обладалъ обширными военными познаніями и хорошо зналъ свою родину. Его присутствіе духа помогало ему въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ и часто даже въ тѣхъ, когда горячность ставила его въ довольно затруднительное положеніе. Онъ былъ очень смѣлъ и не смотрѣлъ на лица, когда ему приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ честнаго человѣка. Ягужинскій былъ именно тотъ, который довольно часто говорилъ императору Петру I горькую истину, когда другіе не осмѣливались дѣлать возраженій противъ необдуманныхъ иногда распоряженій этого монарха. При такихъ

---

*) Въ Благовѣщенской церкви Александроневской лавры. Саитовъ, стр. 155.

[1]) Хотя орденъ св. Александра Невскаго былъ учрежденъ Петромъ I, но только Екатерина I начала раздавать его. Онъ второй орденъ по значенію и носится на красной лентѣ.

большихъ достоинствахъ, Ягужинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда бывалъ пьянъ, что въ послѣдніе годы случалось почти ежедневно — порокъ, который былъ необходимою составною частью нравовъ того вѣка и который, къ сожалѣнію, приводилъ этого великаго министра нерѣдко къ самому крайнему распутству.

Ягужинскій былъ женатъ два раза. Отъ первой своей жены, фамиліи которой мы не знаемъ *), онъ имѣлъ дѣтей, но потомъ поссорился съ нею и развелся съ разрѣшенія Петра I. Затѣмъ онъ женился на графинѣ Головкиной, которая послѣ его смерти вышла замужъ за обергофмаршала графа Михаила Бестужева и была крайне несчастлива [1]). Отъ этой второй жены Ягужинскій имѣлъ, какъ намъ извѣстно, нѣсколькихъ дочерей.

Одинъ сынъ отъ перваго брака умеръ еще въ 1724 году. Второй его сынъ, Сергѣй, находился на службѣ при нѣсколькихъ правительствахъ. Такъ, напр., онъ былъ въ 1764 году членомъ комисіи, которая была обязана произвести, послѣ убіенія бывшаго императора Ивана Антоновича, слѣдствіе надъ несчастнымъ Мировичемъ [2]). Сергѣй долженъ былъ выйти въ отставку и былъ, вслѣдствіе слишкомъ дурнаго управленія своими имѣніями, объявленъ подъ старость расточителемъ. Онъ былъ генералъ поручикъ, камергеръ и кавалеръ ордена

---

*) Это была Анна Ѳедоровна, рожд. Хитрово. Послѣ развода, въ 1722 году, она была заключена въ монастырь. Барсовъ, Первая жена П. И. Ягужинскаго (Рус. Старина, 1877, XVIII, 714; XIX, 650).

[1]) Въ жизнеописаніи генерала Бергера мы будемъ имѣть случай говорить о печальной судьбѣ этой дамы.

[2]) Объ этомъ будетъ говориться въ другомъ мѣстѣ.

св. Анны [1]) и жилъ еще въ 1799 г. *) Намъ неизвѣстно, были ли у него дѣти.

Одна дочь отъ перваго брака вышла замужъ за князя Гагарина **) и была замѣшана въ несчастіе своей мачихи, но тотчасъ же освобождена. Старшая дочь отъ втораго брака была также арестована вмѣстѣ съ матерью.

Краткое описаніе [2]) торжественныхъ похоронъ его превосходительства г. генералъ-аншефа и кабинетъ-министра графа Ягужинскаго, состоявшихся 28 апрѣля 1736 г. въ Петербургѣ:

Послѣ того какъ тѣло было публично выставлено нѣсколько дней для поклоненія и на 28 апрѣля однимъ генералъ-аудиторъ-поручикомъ и однимъ гвардейскимъ офицеромъ были приглашены всѣ русскіе и иностранные министры, вмѣстѣ съ другими почетными лицами, кортежъ собрался рано поутру, около 9-ти часовъ, въ домѣ умершаго графа, откуда процессія двинулась въ Александро-

---

[1]) Карлъ Фридрихъ голштинскій, отецъ Петра III, основалъ орденъ св. Анны въ 1735 году въ честь своей супруги Анны Петровны. Этотъ орденъ — единственное, что Павелъ I, какъ великій князь, получилъ изъ своихъ верховныхъ правъ на Голштинію. Онъ жаловалъ этотъ орденъ какъ гросмейстеръ его и, ставъ императоромъ, сдѣлалъ его военнымъ орденомъ и раздѣлилъ на нѣсколько степеней. Лента — красная съ желтой каймой. Орденъ замѣчателенъ тѣмъ, что звѣзда его, подобно ордену Данеброга, носится на правой сторонѣ.

*) Графъ Сергѣй Павловичъ умеръ 10 февраля 1806 г.

**) Графиня Прасковья Павловна, за кн. Сергѣемъ Васильевичемъ Гагаринымъ.

[2]) Дословно списано съ современной рукописи.

невскую лавру приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ.

200 императорскихъ гвардейцевъ верхомъ, Ингерманландскій полкъ, Петербургскій гарнизонный полкъ, 3 фурьера верхомъ, 4 литаврщика, 12 трубачей, 2 прапорщика съ графскими гербами, 1 поручикъ съ краснымъ знаменемъ, 1 шталмейстеръ, 6 лошадей въ траурныхъ попонахъ, 3 маршала, русское и нѣмецкое купечество, 2 маршала, чиновники различныхъ коллегій, 2 маіора за маршаловъ, 1 рыцарь въ свѣтлыхъ латахъ, 1 лейтенантъ съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ вензель графа, 1 человѣкъ въ черныхъ латахъ пѣшкомъ, 1 прапорщикъ съ чернымъ знаменемъ, 1 лошадь въ траурной попонѣ, пѣвчіе, 2 полковника за маршаловъ, все русское духовенство, 1 бригадиръ и 2 полковника за маршаловъ, за которыми несутъ: каску, рукавицы, шпоры, шпагу, знакъ ордена св. Александра, знакъ ордена св. Андрея, командирскій жезлъ.

Всѣ эти знаки лежали на красныхъ бархатныхъ по душкахъ съ золотыми галунами и кистями; каждую подушку несъ бригадиръ, полковникъ или маіоръ при двухъ ассистентахъ.

По сторонамъ шли солдаты съ бѣлыми зажженными восковыми свѣчами, къ которымъ былъ придѣланъ щитъ съ графскимъ вензелемъ, 3 бригадира за маршаловъ, 6 унтеръ-офицеровъ кадетскаго корпуса; печальная колесница, везомая 6 лошадьми въ попонахъ; 12 капитановъ и маіоровъ держали балдахинъ изъ чернаго бархата съ серебрянымъ галуномъ; возлѣ шли полковники, 8 унтеръ-офицеровъ кадетскаго корпуса, 1 генералъ-маіоръ за маршала, 2 адъютанта, другіе пригла-

шенные на проводы тѣла, 3 обтянутыя трауромъ кареты, каждая въ 6 лошадей, въ каждой каретѣ женщины въ плерезахъ, 1 фурьеръ верхомъ, 1 эскадронъ лейбъ-гвардейцевъ верхомъ.

Во время печальнаго шествія изъ крѣпости раздавался каждую минуту одинъ пушечный выстрѣлъ.

По соизволенію ея императорскаго величества могила была приготовлена въ церкви помянутаго монастыря, гдѣ погребаются только тѣла членовъ императорскаго дома. При опусканіи тѣла въ могилу, войска произвели, по военному обычаю, тройной салютъ изъ ружей.

VIII.

Ягужинскій II.

Ягужинскій, младшій братъ *) знаменитаго статсъ-министра, не имѣлъ ни выдающихся способностей, ни большихъ познаній. Только благодаря заслугамъ брата онъ повышался въ русской военной службѣ. Насколько мы могли узнать, онъ дослужился, однако, только до полковника.

Онъ умеръ въ 1722 году.

---

*) Былъ женатъ на фонъ-Остенъ. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій въ „Рословн. книгѣ", имъ составленной, считаетъ этого Ягужинскаго старшимъ братомъ (II, 442).

IX.

Эммануилъ Девьеръ.

Э. Девьеръ*), португалецъ низкаго происхожденія, прибылъ юнгой на купеческомъ кораблѣ въ Голландію. гдѣ совершенно случайно его увидѣлъ Петръ I. Этотъ монархъ отдалъ его въ услуженіе Меншикову, который принялъ его какъ скорохода. При этомъ-то императоръ имѣлъ случай говорить съ Девьеромъ и, открывъ въ немъ способности, взялъ его къ себѣ. Онъ сдѣлалъ его офицеромъ гвардіи и вскорѣ затѣмъ своимъ деньщикомъ. Въ качествѣ деньщика Девьеръ еще болѣе укрѣпился въ милости государя. Мало-по-малу получалъ онъ повышенія въ арміи и, наконецъ, сталъ настолько смѣлъ, что просилъ у своего прежняго господина руки его сестры, во взаимной любви которой былъ увѣренъ. Меншиковъ съ презрѣніемъ отклонилъ это предложеніе, но Девьеръ не бросилъ своего намѣренія. И онъ достигъ своей цѣли. Сестра князя дала ему столь неопровержимыя доказательства своей любви, что Девьеръ счелъ, наконецъ, необходимымъ заявить ея брату, что необходимо торопиться съ формальнымъ утвержденіемъ брака,

*) Этотъ Эммануилъ Девьеръ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Антона Мануиловича. Его отецъ, Эммануилѣ, португальскій еврей De Vieira, никогда въ Россіи не былъ.

если князь не желаетъ имѣть непріятности видѣть свою сестру незамужнею матерью. Вмѣсто всякаго отвѣта, Меншиковъ приказалъ вздуть батогами своего непрошенаго зятя. Еще покрытый кровавыми послѣдствіями гнѣва князя отправился Девьеръ къ императору, бросился въ ноги и просилъ о защитѣ. Надо, вообще, удивляться подобной жалобѣ, приносимой государю, которая столь необычна среди честныхъ людей, получившихъ оскорбленіе. Самое ясное приказаніе Петра могло лишь въ слабой степени оправдать подобное поведеніе. Можно даже полагать, что Девьеръ былъ привыченъ къ подобному съ нимъ обхожденію и не зналъ иной мести, кромѣ жалобы. Въ этомъ случаѣ онъ не заслуживалъ никакой защиты. Но Петръ не отказалъ ему въ ней и даже принудилъ князя Меншикова вести свою сестру къ обручальному алтарю. Тогда же Девьеръ былъ назначенъ генералъ-полицеймейстеромъ. На этомъ посту онъ часто получалъ отъ императора чувствительные знаки его неудовольствія. Все таки этотъ государь очень любилъ его и часто доказывалъ, какъ велико то довѣріе, которое онъ имѣетъ къ нему. Онъ сдѣлалъ его своимъ генералъ-адъютантомъ. Девьеръ носилъ уже это высокое званіе, когда въ 1718 году, подписывалъ смертный приговоръ несчастному царевичу. Въ 1721 году онъ, сталъ генералъ-поручикомъ и вскорѣ затѣмъ гофмейстеромъ принцессъ Анны и Елизаветы. Какъ ни приближался Девьеръ, по своему служебному положенію, къ князю Меншикову, этотъ никогда не могъ простить Деньеру тотъ способъ, которымъ онъ втерся въ родство къ нему.

Меншиковъ даже страшно отомстилъ ему въ

царствованіе императрицы Екатерины I. Вначалѣ Девьеръ получилъ отъ этой государыни доказательство ея милости и довѣрія. Она возвела его въ графское достоинство и поручила въ 1726 году ѣхать въ Курляндію, чтобъ изслѣдовать тамъ жалобы герцогини Анны на Меншикова. Девьеръ исполнилъ это порученіе съ тою строгостью, которая была естественна въ противникѣ обвиняемаго и результатъ этого изслѣдованія былъ вполнѣ въ пользу герцогини. Этимъ Меншиковъ еще болѣе былъ возбужденъ противъ него. Онъ выбралъ изъ донесенія Девьера нѣсколько критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ очень удачно относительно притязательнаго деспотизма своего тестя, объяснилъ ихъ такъ, какъ то было ему нужно, и сдѣлалъ изъ этого мнимый планъ возстанія противъ тогдашняго правительства, въ которомъ Девьеръ долженъ былъ принимать наибольшее участіе. Екатерина I, которая была крайне безпечна, не провѣрила сама этого доноса, и безъ затрудненія согласилась наказать Девьера. Въ 1727 году графъ Девьеръ былъ объявленъ лишеннымъ всѣхъ своихъ почестей, достоинствъ и имуществъ, былъ позорно наказанъ кнутомъ, который онъ, какъ мы видѣли, предвкушалъ уже довольно часто, и сосланъ въ Сибирь. Въ то время Девьеръ, сверхъ многихъ почестей, которыя были пожалованы ему Петромъ I и Екатериною I и о которыхъ мы уже говорили, имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго, пожалованный ему тоже Екатериною I.

Справедливо удивляются, что императрица Анна, которой Девьеръ оказалъ существенныя услуги, не могла подумать о возвращеніи этого

человѣка изъ ссылки. Такая неестественная неблагодарность можетъ быть до извѣстной степени объяснена лишь тѣмъ, что Девьеръ, быть можетъ, имѣлъ несчастіе не понравиться всесильному Бирону.

Наконецъ, уже императрица Елизавета, собиравшая вокругъ себя всѣхъ слугъ своего отца, сосланныхъ до возшествія ея на престолъ, вызвала его въ 1742 году изъ ссылки и возвратила ему большую часть почетныхъ мѣстъ и ордена.

Четыре года спустя Девьеръ умеръ въ Петербургѣ, въ глубокой старости, причемъ онъ самъ не могъ точно опредѣлить своихъ лѣтъ.

Это не былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, но онъ обладалъ вѣрнымъ взглядомъ на вещи и, что Петръ I справедливо ставилъ ему въ большую заслугу, былъ крайне точенъ въ механическомъ исполненіи возлагавшихся на него обязанностей. Впрочемъ, онъ былъ добросердеченъ, слабъ и безразсуденъ въ своихъ поступкахъ — качества, которыя нерѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Его понятія о чести были совершенно фальшивы, въ противномъ случаѣ оиъ поступалъ бы иначе при тѣхъ оскорбленіяхъ и безчестныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергался.

Жена графа Девьера была, какъ мы знаемъ, сестра князя Меншикова. Отъ этого брака произошло, можетъ быть, много дѣтей*), но только одинъ сынъ прославился и ужъ, конечно, вовсе недостойнымъ образомъ. Его звали Антонъ; онъ

*) Четверо: сыновья графи Александръ, Петръ и Антонъ и дочь, графиня Девьеръ, бывшая фрейлиной Екатерины I.

былъ сперва герцогско-голштинскій, потомъ великокняжескій камергеръ. Петръ III, вступивъ на престолъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Въ день возмущенія, поднятаго Екатериною II противъ своего супруга, императоръ послалъ его въ Кронштадтъ, желая обезпечить за собою эту гавань. Девьеръ велъ себя такъ неудачно, что кронштадтскій комендантъ Нуммерсъ арестовалъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать что либо въ пользу своего государя.

X.

Адамъ Вейде.

Точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, неопровержимыми доказательствами строгой справедливости и всяческою проницательностью можно достигнуть уваженія со стороны своего государя, друзей, всѣхъ согражданъ и все таки уничтожить большую часть добытаго сочувствія однимъ подозрительнымъ поступкомъ; однимъ, по виду не вполнѣ вѣрнымъ, шагомъ, если объ немъ узналъ свѣтъ, можно потерять почти все довѣріе, которымъ кто-либо пользовался, до критическаго момента, въ общественныхъ и дружескихъ сношеніяхъ.

Адамъ Вейде былъ нѣмецъ, изъ мѣщанъ; неизвѣстно, явился-ли онъ въ Россію въ царствованіе Петра I или царя Алексѣя Михайловича. Вейде вступилъ въ военную службу, выказалъ необыкновенныя военныя способности и такую преданность своему монарху, предъ которою должны были стушеваться всѣ другія соображенія, даже быть можетъ принципы. Петръ I награждалъ его

за это явными доказательствами своего великодушія, назначивъ его очень скоро по чрезвычайному отличію генералъ-аншефомъ и, въ 1714 году, кавалеромъ ордена св. Андрея. Сверхъ того, императоръ оказывалъ ему почти безграничное довѣріе сообщеніемъ различныхъ своихъ секретовъ. Почти можно сказать, что не было въ мірѣ и трехъ лицъ, которымъ Петръ I дѣлалъ бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ столь довѣрчивыя откровенія, какъ генералу Вейде.

Наибольшее доказательство этого было дано императоромъ по поводу страшной катастрофы, постигшей его сына Алексѣя. Извѣстно, что совершенно несообразное, неловкое, глупое, упрямое и, вообще говоря, преступное поведеніе царевича заставляло опасаться въ будущемъ полнаго уничтоженія великаго и многотруднаго творенія Петра I и полнаго переворота въ русскомъ государственномъ строѣ; но не смотря на то исторія послѣднихъ дней этого наслѣдника престола останется всегда позорнымъ пятномъ на лучезарномъ историческомъ образѣ Петра I. Чтобъ вполнѣ представить эту великую или богатую картину, нельзя опустить эту возбуждающую ужасъ сцену; и какъ бы ни отодвигать ее на задній планъ, все же яркія, мѣткія краски, которыми придется изображать этотъ мракъ, выйдутъ наружу и умалятъ жгучій блескъ изображенія этого государя. Еслибы Лефортъ, котораго такъ боялся Петръ I, былъ живъ въ 1718 году, не случилось бы и этого событія, столь вредящаго славѣ монарха. Изъ слѣдственнаго дѣла о цесаревичѣ, которое не относится къ нашей задачѣ, мы приведемъ, впрочемъ, только тѣ обстоятельства, въ которыхъ участвовалъ Вейде.

Съ перваго же момента слѣдствія, онъ принималъ въ немъ участіе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось насильственными мѣрами выпытывать сознаніе у цесаревича, императоръ, нежелавшій довѣрять свою тайну всѣмъ и каждому, никого не употреблялъ для этого дѣла, кромѣ генерала Вейде. Такъ, извѣстно, что въ рѣшительный день, когда Алексѣй призналъ себя во всемъ виновнымъ, государь взялъ Вейде съ собою въ крѣпость, въ казематъ царевича, и что только этимъ посѣщеніемъ было выпытано у царевича сознаніе, стоившее ему жизни. Смертный приговоръ былъ составленъ, подписанъ, между прочимъ, и генераломъ Вейде и утвержденъ императоромъ. Чтобъ не исполнять приговора публично, государь рѣшился отравить цесаревича*). Онъ послалъ генерала Вейде къ придворному аптекарю, нѣмцу, заказать, по данному рецепту, сильный ядовитый напитокъ. Аптекарь страшно испугался такому заказу, но сказалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ напитокъ будетъ готовъ. По прошествіи назначеннаго времени, явился генералъ Вейде, закутанный въ плащъ, и потребовалъ напитокъ; но аптекарь не рѣшался отпустить ему эту ядовитую смѣсь и заявилъ, что отдастъ ее только въ руки самого императора. Вейде согласился, и взялъ съ собою аптекаря, который и передалъ ядъ императору. 7-го іюля императоръ и Вейде отнесли этотъ напитокъ царевичу; но его никакъ нельзя было заставить выпить этотъ ядъ. Тогда тотчасъ же прибѣгли къ другому

*) Разсказъ объ отравѣ заимствованъ изъ мемуаровъ Брюса — P. H. Bruce memoirs containing an account of his travels in Germania, Russia etc. London, 1782.

средству. Добыли топоръ, подняли одну половицу, чтобъ кровь могла стекать въ мусоръ, и обезглавили истощеннаго обмороками царевича*).

Размышляя объ этихъ ужасныхъ фактахъ, чтобъ составить сужденіе о характерѣ генерала Вейде, историкъ чувствуетъ наплывъ противуположныхъ впечатлѣній. Онъ не можетъ совершенно оправдать отъ подозрѣнія въ преступленіи человѣка, который могъ взять на себя такія дѣлянія, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше; но онъ не можетъ и осуждать его вполнѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ былъ только орудіемъ столь мудраго, дальновиднаго и всѣми уважаемаго монарха. Вейде былъ извѣстенъ какъ вѣрный слуга, правдивый человѣкъ

---

*) Въ неизданныхъ „Анекдотахъ Карабанова" встрѣчается слѣдующій разсказъ: „Общимъ мнѣніемъ утверждено, что царевичъ Алексѣй Петровичъ кончилъ жизнь въ Петербургѣ, въ петропавловской крѣпости. Но сіе несправедливо, ибо онъ привезенъ былъ въ Москву и весьма тайно содержался въ Преображенскомъ. Петръ ѣздилъ туда для допросовъ и пытки. Наконецъ, случилось, что онъ вышелъ изъ дворца въ шубѣ, чего прежде не бывало. Садясь въ одноколку, назначилъ по именамъ двухъ деньщиковъ — Бутурлина и другаго, которымъ сказалъ за нимъ ѣхать на запяткахъ. Въ Преображенскомъ деньщики вошли за государемъ въ первую комнату ужаснаго судилища, и когда двери растворились, то деньщики видѣли цесаревича, идущаго на встрѣчу къ отцу своему. Все было тихо и покойно. Вдругъ услышали они ужасный тонъ и крикъ. Бросились въ отдаленныя комнаты и увидѣли царевича обезглавленнаго и Петра безъ чувствъ лежащаго на полу съ вывалившимся изъ рукъ топоромъ". Въ концѣ разсказа удостовѣреніе: „Деньщикъ Бутурлинъ, бывшій при Елизаветѣ Петровнѣ фельдмаршаломъ, пересказывалъ это д. т. с. Александру Григорьевичу Петрова-Соловову, отъ котораго я слышалъ".

и проницательный гражданинъ. Его понятія о вѣрноподданничествѣ и послушаніи были, вѣроятно, столь обширны и, если можно такъ выразиться, столь матерьялны, что онъ не допускалъ ни возраженій, ни размышленій относительно приказаній императора. Онъ, вѣроятно, думалъ, что если ужь монархъ призналъ царевича виновнымъ и подписалъ смертный приговоръ, то уже ни Богъ, ни весь міръ не могъ помѣшать исполненію приговора, изъ сочувствія къ несчастному. Но, быть можетъ, генерала Вейде оправдываютъ въ настоящее время съ нѣкоторымъ интересомъ потому только, что, по своимъ послѣдствіямъ, это событіе было благодѣтельно и что періодъ, въ который совершилась эта кровавая сцена, отдаленнѣе отъ насъ, чѣмъ время умерщвленія императоровъ Петра III, Іоанна III и Павла I. Мы относимся къ этимъ катастрофамъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ, наименѣе намъ извѣстныя, лишили жизни двухъ отмѣнныхъ и уважаемыхъ государей, съ значительно меньшимъ хладнокровіемъ, чѣмъ къ исторіи обезглавленія царевича, отъ смерти котораго Россія, вѣроятно, выиграла. Но еслибъ даже Вейде былъ непороченъ во всю свою жизнь и если бы онъ нашелъ самыхъ остроумныхъ защитниковъ своего поведенія въ исторіи царевича Алексѣя, все таки отвратительная тѣнь, падающая по этому случаю на всю его жизнь, не можетъ быть уничтожена никакимъ остроуміемъ. Впрочемъ, Вейде можетъ служить еще разъ доказательствомъ мудрости Петра, читавшаго глубоко въ человѣческомъ сердцѣ. Этотъ государь хорошо зналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, поручая генералу Вейде такое ужасное дѣло. Тысячи другимъ могъ бы онъ дѣлать

эти возмутительныя предложенія и они отвергли бы ихъ съ подобающимъ презрѣніемъ.

Генералъ Вейде умеръ*), кажется, вскорѣ послѣ страшнаго 1718 года и, кажется, не оставивъ дѣтей.

---

*) Адамъ Адамовичъ Вейде, генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, умеръ 26 іюня 1720 года.

XI.

Анна Крамеръ.

Анна Ивановна Крамеръ была дочь члена магистрата и купца въ Нарвѣ. По взятіи города, въ 1704 году, она, какъ плѣнница, была увезена въ Россію и именно въ Казань. Нѣсколько лѣтъ спустя, она была увезена изъ Казани въ Петербургъ, гдѣ была подарена генералу Балку, мужу сестры красивой Монсъ, которой мы посвящаемъ отдѣльную статью. Балкъ отдалъ ее, какъ камеръ-юнгферу, фрейлинѣ Гамильтонъ.

Здѣсь она узнала Петра I. Нѣкоторые утверждаютъ, будто этотъ монархъ взялъ Анну Крамеръ, по смерти ея несчастной госпожи, себѣ въ любовницы; но это извѣстіе оспаривается другими лицами, заслуживающими не меньшаго довѣрія. Извѣстно только, что Петръ находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ, и назначилъ ее первою камеръ-юнгферой императрицы, чтобъ чаще видѣть и говорить съ нею.

Будучи камеръ-юнгферой, Анна Крамеръ заслужила такое довѣріе монарха и его супруги, что была изъ числа тѣхъ немногихъ лицъ, которыя знали тайну убіенія несчастнаго царевича. Послѣ обезглавленія царевича, Анна Крамеръ, которую императоръ и генералъ Вейде взяли изъ дворца и отвезли съ собою въ крѣпость, должна была приставить голову къ туловищу и потомъ

одѣть трупъ, который былъ выставленъ на нѣсколько дней въ крѣпостной церкви и затѣмъ тамъ же погребенъ.

Услужливая исполнительность такого порученія, которое, конечно, немногія женщины приняли бы на себя, заслуживала награды. Въ такой придворной атмосферѣ, гдѣ прозябали растенія, отчасти чужеземныя, отчасти искусственно выгнанныя, нельзя удивляться, видя превращеніе камеръюнгферы въ придворную даму. Анна Крамеръ была фрейлиной императрицы и вскорѣ затѣмъ императоръ назначилъ ее гофмейстериной принцессы Натальи Петровны, которая, какъ мы знаемъ, лишь нѣсколькими недѣлями пережила своего отца, императора.

По смерти этой принцессы, Анна Крамеръ оставила дворъ и переселилась въ Нарву, куда перебрались изъ плѣна и ея родственники, именно ея братья. Тамъ она жила пансіономъ и доходами съ имѣнія въ рижскомъ округѣ, которое подарила ей императрица Екатерина I, и умерла въ 1770 году, на 76 году. Она никогда не была замужемъ.

Анна Крамеръ должно быть была очень хороша. Она была, кажется, умна и болѣе, чѣмъ ловка, такъ что съумѣла сохранить милость императора и добиться благоволенія императрицы. Изъ того обстоятельства, что Анна Крамеръ, по смерти Гамильтонъ, появилась при дворѣ и что она могла принять на себя заботы о трупѣ царевича, о чемъ было говорено, мы можемъ заключить, что она была крайне несимпатична. Впрочемъ, по характеру, она представляетъ, кажется, нѣкоторое сходство съ генераломъ Вейде.

XII.

Монсъ де-ла Круа.

Печально, если человѣкъ, проникнутый чувствомъ дружбы и нѣжными влеченіями сердца, дѣлающими его любимцемъ прекраснаго пола, не умѣетъ владѣть преступными увлеченіями, вызываемыми его исключительнымъ положеніемъ, и онъ, вслѣдствіе вліянія его нѣжныхъ чувствъ, становится кровавою жертвою мстительной ревности.

Монсъ де-ла Круа былъ сынъ трактирщика, прибывшаго изъ Франціи и поселившагося первоначально въ Ригѣ. Позже, онъ переѣхалъ въ Москву и жилъ тамъ въ нѣмецкомъ кварталѣ, или, какъ тамъ говорятъ, въ Нѣмецкой слободѣ.

Петръ, издавна охотно жившій съ иностранцами, не разбирая, оправдывается ли такое отличіе ихъ рожденіемъ или рангомъ, съ удовольствіемъ видѣлся съ молодымъ, благовоспитаннымъ и хорошо образованнымъ Монсомъ, сестеръ котораго монархъ зналъ, находилъ ихъ красивыми, милыми, и любилъ ихъ обхожденіе.

Много времени спустя и лишь послѣ того, какъ Петръ уже женился на Екатеринѣ, стало замѣтно глубокое впечатлѣніе, произведенное чрезвычайно красивымъ лицомъ молодаго Монса на

сердце императрицы. Чтобъ поддерживать взаимную склонность, сохраняя всѣ приличія, необходимо было дать фавориту мѣсто при дворѣ, что могло бы, не возбуждая подозрѣнія, приблизить его къ супругѣ императора. Въ этихъ-то видахъ Екатерина такъ устроила, что онъ былъ назначенъ сперва камеръ-юнкеромъ, а потомъ и камергеромъ императрицы. Долгое время Петръ былъ одинъ изъ немногихъ, незнавшихъ тайны. Однажды онъ былъ уже на пути къ открытію этой тайны, именно, когда совсѣмъ еще юная царевна Елизавета обратила его вниманіе на большое замѣшательство императрицы и Монса, происшедшее вслѣдствіе его внезапнаго появленія; но государь, голова котораго была занята тогда другими дѣлами, не обратилъ вниманія на болтовню ребенка, и это открытіе не имѣло никакихъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ позже, другіе уже вѣроятно обратили на это вниманіе Петра. Вслѣдствіе этого онъ далъ генеральшѣ Балкъ, сестрѣ камергера Монса, затруднительное порученіе наблюдать за ея братомъ и императрицей. Не смотря на то, онъ ничего не могъ открыть и былъ всегда успокоиваемъ. Наконецъ, на 8 ноября 1724 года онъ назначилъ поѣздку въ Шлиссельбургъ и дѣйствительно уѣхалъ, но нѣсколько часовъ спустя былъ уже опять въ Петербургѣ и незамѣтно прошелъ во дворецъ[1]) итальянскаго сада на Фонтанкѣ, гдѣ внезапно вошелъ въ комнату Екатерины, когда у нее былъ Монсъ. Со свойственною ему горяч-

---

[1]) Дворецъ въ итальянскомъ саду, насколько намъ извѣстно, обращенъ теперь въ воспитательное заведеніе (Екатеринскій институтъ).

ностью, монархъ тотчасъ же назначилъ нѣсколько предварительныхъ наказаній, по которымъ уже можно было вѣрно заключить о тѣхъ, которыя еще должны были послѣдовать.

О генеральшѣ Балкъ, которая тоже была въ комнатѣ, мы говоримъ въ особой статьѣ. Кабинетъ-секретарь и камердинеръ императрицы были арестованы. Но самое жестокое наказаніе постигло несчастнаго Монса. Онъ былъ немедленно арестованъ. Генералъ-маіоръ Ушаковъ, извѣстный уже читателю, былъ тогда президентомъ тайной канцеляріи и потому очень опасный человѣкъ, хотя и не имѣлъ той власти, которою онъ располагалъ при императрицѣ Елизаветѣ. Этотъ человѣкъ еще въ тотъ же вечеръ захватилъ камергера Монса и отвезъ его въ свой домъ, уже тогда устроенный для содержанія арестантовъ. Здѣсь Монсъ пробылъ два дня подъ крѣпкою стражею. 10 ноября его перевезли въ Зимній дворецъ, гдѣ было высшее судилище. Здѣсь его поразилъ ударъ — послѣдствіе жестокаго страха. Слѣдствіе производилось очень быстро и было покрыто, по крайней мѣрѣ вначалѣ, непроницаемою тайною. Въ объявленномъ приговорѣ было указано, что Монсъ и соучастники его допустили себя подкупить, чтобъ извести императора. Ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ этому. Нѣкоторые изъ арестованныхъ были биты кнутомъ или сосланы на галеры — наказаніе, тогда впервые введенное въ Россіи. Этимъ наказаніямъ подверглась преимущественно женская и мужская прислуга двора, генеральши Балкъ и камергера Монса. Но самое ужасное наказаніе было назначено этому несчастному человѣку. Онъ

былъ, 16 ноября, обезглавленъ[1]) на глазахъ императрицы, которыя отъ горя закрѣвались.

Физическая красота достойнаго сожалѣнія Монса была отпечаткомъ его характера. Онъ былъ человѣкъ благородныхъ мыслей, никому при дворѣ не вредилъ, но своею услужливостью, добротою и честностью помогалъ всѣмъ, кто нуждался въ его помощи.

Съ его смертію не прекратились наказанія императрицы. Петръ приказалъ положить въ спиртъ отрубленную голову и Екатерина нѣсколько дней должна была смотрѣть на нее. Императоръ отдалъ потомъ голову въ академію наукъ и приказалъ сохранять ее въ отдѣльной комнатѣ, вмѣстѣ съ другою головою, котарая уже была въ академіи. Это было исполнено съ большою точностью. Головы эти были хорошо сохраняемы наблюдателемъ надъ препаратами; впрочемъ, такъ какъ Екатерина, непонятнымъ образомъ, забыла навѣдываться объ этихъ головахъ, то на нихъ не обращали никакого вниманія.

Наконецъ, 60 лѣтъ спустя, объ нихъ опять вспомнили. Это было въ восмидесятыхъ годахъ, когда княгиня Дашкова[2]), просматривая, какъ президентъ академіи, счеты, нашла, что слишкомъ много выходитъ спирта. Мешду прочимъ, она замѣтила, что много спирта назначено для двухъ головъ, сохраняемыхъ въ погребѣ. Она полюбопытствовала и узнала отъ консерватора, что въ погребѣ находится ящикъ, ключъ отъ котораго

---

[1]) Онъ былъ обезглавленъ на такъ называемой Петербургской сторонѣ.

[2]) О ней будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

хранится у него и въ которомъ стоятъ двѣ головы въ спиртѣ. Порылись въ архивѣ и нашли, что Петръ I прислалъ головы фрейлины Гамильтонъ[1]) и Монса, приказавъ положить ихъ въ спиртъ и хранить. Княгиня сказала объ этомъ императрицѣ Екатеринѣ II. Головы были принесены и всѣ дивились по нимъ сохранившимся еще остаткамъ прежней красоты. Екатерина II приказала въ погребѣ же и зарыть обѣ эти головы.

---

[1]) Почти всѣмъ извѣстно изъ № 88 „Анекдотовъ Петра Великаго“ Штелина, что фрейлина Гамильтонъ умертвила свое собственное дитя и за то была обезглавлена; но быть можетъ менѣе извѣстно, что Петръ I былъ отцомъ этого ребенка.

XIII.

Кайзерлингъ, рожд. Монсъ де-ла Круа.

Г-жа фонъ-Кайзерлингъ, рожд. Монсъ де-ла Круа, была старшею сестрою несчастнаго Монса. Мы помѣщаемъ ее въ число „русскихъ избранницъ“ потому только, что отъ нея зависѣло вытѣснить изъ дворца Екатерину и раздѣлить съ Петромъ I престолъ россійской имперіи.

Всѣ согласны въ томъ, что г-жа Кайзерлингъ была образцомъ женскаго совершенства. Съ необыкновенную красотою, признававшеюся всѣми и бывшею какъ бы особенностью фамиліи Монсовъ, соединяла она обворожительный характеръ. Она обладала сантиментальностью, но безъ томленія; была пикантно своенравна, но не упряма; умна, но ея умъ не вредилъ ея сердечной добротѣ; ея серьезный умъ умѣрялся шаловливой шуткой. Всѣ эти преимущества давали ей власть надъ сердцами мущинъ, для обладанія которыми она никогда не прибѣгала къ истуственнымъ мѣрамъ.

Такія выдающіяся качества не могли ускользнуть отъ проницательнаго взгляда Петра I. Онъ преподнесъ прекрасной барышнѣ свою любовъ и встрѣтилъ, что такъ рѣдко случается съ коронованными влюбленными, самый рѣшительный отпоръ.

Онъ не отказался, однако, отъ своего намѣренія; напротивъ, еще съ большею горячностью началъ онъ настаивать на достиженіи его. Хотя рожденный въ холодномъ сѣверѣ, этотъ монархъ всегда отдавался любви со всѣмъ жаромъ восточнаго человѣка. Онъ возобновилъ свои предложенія, сопроводилъ ихъ самыми выгодными условіями и, сверхъ того, подарилъ дѣвицѣ Монсъ прекрасный домъ. Все было тщетно. Меншиковъ и Екатерина, бывшая уже тогда при дворѣ, потеряли бы все, еслибъ Монсъ уступила. Меншиковъ употребилъ весь свой умъ, чтобы помѣшать намѣреніямъ Петра. Но, вѣроятно, Меншиковъ долженъ былъ бы склониться предъ горячею страстью своего господина, еслибъ сама твердость дѣвицы Монсъ не посодѣйствовала стремленіямъ Меншикова и Екатерины. Если ужъ Екатерина, при своей посредственной любезности, могла достигнуть того, что была возведена въ санъ императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что красивая Монсъ своими прекрасными качествами гораздо скорѣе достигла бы этой высокой цѣли. Однако она предпочла такой удѣлъ и такого любимаго ею человѣка, которые, хотя и были гораздо выше рожденія и ожиданій дѣвицы, но все же значительно ближе къ ней, чѣмъ тронъ и императоръ. Она въ тайнѣ обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кайзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ въ тотъ моментъ, какъ собирался на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ она жаловалась на навязчивость государя. Это несчастное открытіе превратило любовъ государя въ гнѣвъ. Онъ отправился на балъ, гдѣ встрѣтилъ красавицу и уже здѣсь, на балѣ, далъ ей чувствительное доказательство

своего неудовольствія. Больно видѣть, что этотъ великій человѣкъ, которому такъ охотно прощаешь опрометчивость, былъ настолько мелоченъ, что потребовалъ назадъ подаренный домъ. Чтобъ не подвергать свою невѣсту новымъ непріятностямъ, Кайзерлингъ рѣшился немедленно жениться на ней, но въ то же время схватилъ жестокую болѣзнь, которая свела его въ могилу. Уже на смертномъ одрѣ, онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе и женился на красивой Монсъ. Вскорѣ затѣмъ Кайзерлингъ умеръ. Его вдова осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея мужъ, и съ достоинствомъ проживала свои дни вдали отъ двора, въ домашней тиши, погруженная въ воспоминанія несчастныхъ обстоятельствъ своей жизни, и тамъ же въ Москвѣ умерла.

XIV.

Балкъ, рожд. Монсъ де-ла Круа.

Г-жа фонъ-Балкъ, самая старшая, кажется, сестра несчастнаго Монса, была красива и любезна; она нравилась Петру I, который долгое время чрезвычайно любилъ ее. Она вышла замужъ за генералъ-маіора фонъ-Балка, и была обергофмейстериной царевны Екатерины, впослѣдствіи герцогини Мекленбургской. Позже она явилась при дворѣ императрицы. Хотя она и была возлюбленной императора, но все же содѣйствовала тому, чтобъ обманывать этого государя въ его частной жизни. Когда Петръ I заподозрилъ свою жену въ благосклонности къ Монсу, онъ поручилъ г-жѣ Балкъ наблюдать за обоими. Но услужливая сестра молчала о томъ, что знала. Вслѣдствіе этого, она, въ злосчастное 8 ноября 1724 года, получила отъ императора чувствительные знаки его неудовольствія. Съ досады она слегла въ постель и только 13 ноября была арестована генераломъ Ушаковымъ. Ея сынъ, бывшій уже камергеромъ императрицы, хотя тоже былъ арестованъ, но признанъ невиновнымъ и вскорѣ освобожденъ. Мать была несчастнѣе его. Она была бита кнутомъ и сослана въ Сибирь, гдѣ, кажется. вскорѣ и умерла; по

крайней мѣрѣ, надо полагать, что Екатерина, черезъ два же мѣсяца вступившая на престолъ, тотчасъ вызвала бы подругу, ставшую чрезъ нея несчастною.*)

О потомкахъ г-жи фонъ Балкъ мы говоримъ въ статьѣ о ея супругѣ.

---

*) Матрена Ивановна Балкъ была возвращена изъ Сибири въ 1725 г. и умерла въ 1743 г.

XV.

Балкъ.

Балкъ былъ сынъ нѣмца изъ Москвы, мѣщанскаго происхожденія. Въ молодости онъ вступилъ въ военную службу и достигъ до чина генералъ-поручика, который онъ получилъ въ 1715 году. Балкъ умеръ въ царствованіе Петра I и кажется задолго до несчастій, обрушившихся на его семью.*)

Его жена была, какъ мы видѣли уже въ предъидущей статьѣ, рожденная Монсъ де-ла Круа.

Сынъ отъ этого брака прозывался Павломъ**) и былъ воспитанъ въ греческой вѣрѣ. Вмѣстѣ съ своимъ дядей онъ былъ камергеромъ Екатерины, супруги Петра I, и былъ, по крайрей мѣрѣ вначалѣ, запутанъ въ несчастіе своей семьи. Молодой Балкъ продолжилъ свой родъ. Онъ оставилъ, если мы не ошибаемся, одного сына***) и двухъ дочерей.[1]) Сынъ его сына занимаетъ еще и теперь

*) Ѳедор. Николаевичъ Балкъ, 1670—1739, московскій губернаторъ.

**) Павелъ Ѳедоровичъ, 1690—1743, камергеръ Елизаветы Петровны.

***) Ѳедоръ Павловичъ, дѣйствительный камергеръ, женатъ былъ на Прасковіи Сергѣевнѣ Шереметевой.

[1]) Трехъ: пропущена старшая, Наталыя Павловна, 1726—1791, за княземъ П. М. Шербатовымъ.

важныя должности при русскомъ дворѣ.[1]) Его двѣ дочери были Марія Павловна и Матрена Павловна, двѣ дамы, о прелести и любезности которыхъ до сихъ поръ говорятъ старые придворные въ Петербургѣ. Марія вышла замужъ за Нарышкина, который умеръ оберъ-егермейстеромъ. Она была очень богата, жила вдовою очень роскошно и умерла въ девяностыхъ годахъ.[2]) Ея сестра Матрена умерла гораздо раньше ея. Она была замужемъ за Салтыковымъ,[3]) который въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прославился своею красотою и своими любовными похожденіями, особенно при дворѣ. Онъ былъ потомъ посланникомъ въ Гамбургѣ и затѣмъ при другихъ дворахъ.

---

[1]) Петръ Ѳедоровичъ, 1777—1849, женатъ былъ на Варварѣ Николаевнѣ Салтыковой. Это послѣдній въ родѣ Балкъ-Полевъ.

[2]) Марія Павловна, 1728—1793, за Семеномъ Кирилевичемъ Нарышкинымъ.

[3]) Извѣстнымъ Сергѣемъ Васильевичемъ; онъ женился на Матренѣ Павловны Балкъ въ 1749 г.

XVI.

Глюкъ.

Человѣкъ, едва поднявшійся надъ сферою, въ которую онъ былъ брошенъ случайностью рожденія, имѣвшій права по своимъ дарованіямъ на важнѣйшія мѣста въ государствѣ, которыя не были, однако, ему представлены, и умершій при стѣсненныхъ матерьяльныхъ условіяхъ, конечно, не могъ бы быть причисленъ къ избранникамъ, если-бъ не было для того особаго повода. Все дѣло въ томъ, что Глюкъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ Екатериною I и долженъ быть разсматриваемъ изъ шведскій плѣнникъ, котораго судьба привела въ Россію.

Отецъ его, Эрнстъ Глюкъ, былъ въ Маріенбургѣ, маленькомъ лифляндскомъ городкѣ, пробстомъ, т. е. не болѣе какъ священникомъ, и считался, впрочемъ, ученымъ человѣкомъ; несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ славянскій языкъ, языкъ русской церкви. Это то обстоятельство и было, кажется, причиною, что пробстъ Глюкъ былъ плѣннымъ отвезенъ въ Москву со всею своею семьей, въ которой особенно замѣчательны его сынъ, дочь, молодая Марѳа, и домашній учитель. Здѣсь, при помощи домашняго учителя, который славился большою ученостью, но о дальнѣйшей

судьбѣ котораго намъ ничего не извѣстно, онъ основалъ въ домѣ Нарышкина особое заведеніе, въ которомъ многія книги были переведены на русскій языкъ. Пробстъ Глюкъ, кажется, жилъ только для того, чтобъ увидѣть восхожденіе зари счастья своей воспитанницы*)

Его сынъ получилъ очень хорошее воспитаніе. Онъ прославился какъ человѣкъ, обладающій талантами и мягкимъ характеромъ. Но кажется, застѣнчивость составляла главную черту его характера—слабость, препятствовавшая ему выказать свои полезныя способности. Въ финансовомъ вѣдомствѣ въ Петербургѣ онъ дослужился только до должности совѣтника казначайства,**) которую онъ отправлялъ съ примѣрнымъ рвеніемъ. Онъ умеръ, не оставивъ состоянія, и, вѣроятно. въ молодыхъ еще годахъ.

---

*) Иванъ Эрнестовичъ Глюкъ, 1652—1705.

**) Старшій сынъ П. Э. Глюка былъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи.

XVII.

Вильбуа, рожд. Глюкъ.

Г-жа фонъ Вильбуа была дочерью пробста Глюка въ Маріенбургѣ, воспитателя или бывшаго хозяина императрицы Екатерины I.

Она была принята ко двору еще при жизни Петра I и была фрейлиною супруги этого государя. Здѣсь женился на ней адмиралъ Вильбуа, по смерти своей первой жены. Позже императрица Елизавета возвела ее въ свои статсъ-дамы.

Объ ея супругѣ говорится въ слѣдующей статьѣ; объ обстоятельствахъ же жизни г-жи фонъ-Вильбуа намъ ничего неизвѣстно*).

*) Елизавета Ивановна Вильбуа, ум. 1724 г,; по кн. Лобанову-Ростовскому — въ 1757 г.

XVIII.

Вильбуа.

Вильбуа былъ французъ, простого происхожденія. Мы не могли отыскать по какому случаю прибылъ онъ въ Россію. Вѣроятно. его привезъ Петръ I изъ Голландіи вмѣстѣ съ другими молодыми людьми.

Мы встрѣчаемъ молодаго Вильбуа, прежде всего, на охотѣ этого государя. Петръ I сдѣладъ его пажемъ и вскорѣ затѣмъ морскимъ офицеромъ. Съ годами онъ быстро повышался по флотской службѣ и умеръ въ большой старости, въ 1758 году*), будучи вице-адмираломъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Вильбуа обладалъ горячею кровью и пріятностью своей націи, но кажется, не отличался ни особыми познаніями, ни заслугами.

Онъ былъ женатъ два раза. Мы не знаемъ, кто была его первая жена**); второю была дочь

*) 13 мая 1760 г.

**) Этого не знаемъ мы и до сихъ поръ. François Guillemotte de Villebois, въ Россіи Никита Петровичъ, 1674—1760, былъ женатъ, по свѣдѣніямъ кн. Лобанова Ростовскаго, два раза; но кто была его первая жена рѣшить трудно: на стр. 99-й первою названа г-жа Юшкова, второю г-жа Глюкъ; на стр. 142-й — первою г-жа Глюкъ, второю г-жа Коскуль.

пробста Глюка, о которой говорится въ предъидущей статьѣ.

Отъ обоихъ браковъ онъ оставилъ сыновей[1]). Изъ нихъ замѣчателенъ для насъ только Александръ Вильбуа, который, какъ генераль-фельдцейхмейстеръ, сталъ извѣстенъ своею, достойною порицанія, угодливостью во дни восшествія на престолъ Екатерины II. Этотъ человѣкъ имѣлъ во всякомъ случаѣ большія достоинства, но и большія слабости. Онъ былъ уже въ годахъ, когда Екатерина II взошла на престолъ. Тѣмъ не менѣе онъ воображалъ, что можетъ еще нравится ей, потому что она ему нравилась. Екатерина знала объ его слабости къ ней и извлекла выгоды изъ его глупой склонности. Именно, 28 іюня, когда она изъ гвардейской казармы ѣхала въ Казанскій соборъ, она встрѣтила фельдцейгмейстера Вильбуа, который, при вѣсти о революціи, спѣшилъ въ цейхгаузъ. Императрица приказала остановить его и позвать къ ней. Какъ только Вильбуа, по ея требованію, вступилъ на подножку кареты, чтобы поговорить съ нею, она сдѣлала ему незначительную, льстивую улыбку, которую онъ принялъ, быть можетъ, за ласку. Она этимъ выиграла въ свою пользу человѣка, который могъ вѣрною преданностью своему государю уничтожить революцію въ самомъ ея началѣ.

---

[1]) Двоихъ: Даніила Никитича, генералъ-маіора, жен. на дочери Московскаго пастора Елизаветѣ фонъ-Меллеръ и Александра Никитича.

XIX.

Алсуфьевъ I.

Алсуфьевъ былъ, говорятъ, довольно низкаго происхожденія*). Мы встрѣчаемся съ его именемъ не раньше, какъ онъ былъ назначенъ маршаломъ императрицы Екатерины, супруги Петра I. Въ 1722 году этотъ монархъ назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ государыни**).

Этотъ Алсуфьевъ умеръ въ 1723 году***).

---

*) Предокъ его былъ думнымъ дворяниномъ и намѣстникомъ Серпейскимъ. Въ 1572 году Михаилъ Ивановичъ Алсуфьевъ разбилъ подъ Молодями кримскаго хана Девлетъ-Гирея и отбросилъ его въ Крымъ.

**) Матвѣй Дмитріевичъ Алсуфьевъ былъ оберъ-гофмейстеромъ двора императора, а его братъ Василій — императрицы, и лишь по смерти брата, въ декабрѣ 1773 г., сталъ „маршалкомъ“ при императрицѣ. См. „Русск. Архивъ“, 1883, III, 6.

***) Въ 1723 г. умеръ братъ его Василій; Матвѣй умеръ позже 1730 г.

XX.

Василій Алсуфьевъ II.

Василій Алсуфьевъ, братъ предыдущаго, былъ маршаломъ императора и былъ также оберъ-гофмаршаломъ въ придворномъ штатѣ этого государя. Въ правленіе Петра II мы встрѣчаемъ его оберъ-гофмаршаломъ а кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго*).

Онъ умеръ**), кажется, до вступленія на престолъ императрицы Анны.

Его сынъ былъ знаменитый и талантливый статсъ-министръ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ, умершій въ восьмидесятыхъ годахъ[1]) и оставившій, если не ошибаемся, трехъ[2]) сыновей въ военной службѣ и двухъ дочерей. Одна изъ нихъ вышла замужъ за князя Николая Голицына†), другая — за статскаго совѣтника Кондоиди, служившаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ.

---

*) Все это относится къ брату его, Матвѣю Дмитріевичу.

**) Въ 1723 году.

[1]) А. В. Алсуфьевъ, 1721—1784 г.

[2]) Четырехъ: Дмитрія, Сергѣя, Владиміра и Адама.

†) Марья Адамовна, ум. въ 1821 г., за штальмейстеромъ княземъ Николаемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ.

XXI.

Василій.

Не всегда требовались таланты для пріобрѣтенія милости Петра I. Добродушіе, привязанность къ нему лично и даже простота, которой нечего опасаться служили для него рекомендаціями, которыя онъ никогда не упускалъ изъ вида.

Василій Петровичъ былъ такого низкаго происхожденія, что, подобно многимъ русскимъ крестьянамъ, не имѣлъ даже фамиліи[1]). Онъ вступилъ въ царскую службу пѣвчимъ. Такъ какъ у него былъ пріятное лицо, то Петръ взялъ его сперва къ себѣ въ слуги, позже въ деньщики или дежурные провожатые, чѣмъ онъ и оставался до смерти этого государя.

Екатерина I возвела его сперва въ камеръюнкеры, потомъ въ камергеры. Къ землямъ, полученнымъ имъ уже отъ императора, она присоединила еще нѣсколько помѣстій, такъ что Василій былъ въ очень благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

О другихъ обстоятельствахъ его жизни мы ничего не знаемъ.

Василій пользовался большимъ уваженіемъ императора и императрицы.

---

[1]) Нѣкоторые крестьяне, подобно Василію, имѣютъ только имя, данное имъ при крещеніи; другіе, тоже не имѣющіе фамилін, принимаютъ фамиліи своихъ господъ. Такъ, между крестьянами встрѣчаются Чернышевы, Салтыковы, Воронцовы. Нѣкоторые же крестьяне имѣютъ свои собственныя фамиліи.

XXII.

Алексѣй Макаровъ.

Алексѣй Макаровъ, сынъ простолюдина, былъ толковый малый, но настолько несвѣдующій, что не умѣлъ даже читать и писать. Кажется, это-то невѣжество Макарова и составило его счастье. Петръ I взялъ его къ себѣ, назвалъ его кабинетъ-секретаремъ и поручалъ ему списываніе секретныхъ бумагъ — работа для Макарова очень утомительная, потому что онъ копировалъ механически. Макаровъ долженъ былъ объявить несчастному Шафирову смертный приговоръ и потомъ прокричать ему помилованіе.

Въ правленіе императрицы Екатерины I Макаровъ сталъ тайнымъ совѣтникомъ.

Петръ II назначилъ его президентомъ коммерцъ-коллегіи.

Макаровъ умеръ, кажется, въ началѣ царствованія Анны*)

Еще понынѣ встрѣчаются потомки этого Макарова, занимающіе видныя и важныя должности при русскомъ дворѣ.

---

*) Алексѣй Васильевичъ Макаровъ умеръ въ 1750 г.

XXIII.

Шульцъ.

Шульцъ, пушечный подмастерье, родился, какъ мы слышали, въ Брауншвейгѣ. Онъ прибылъ въ Россію, чтобъ попытать счастіе, и опредѣлился въ артилллерійское вѣдомство. Благодаря своей ловкости, онъ вскорѣ сталъ офицеромъ. Онъ возвысился въ концѣ концовъ до чина генерала-мойора и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Шульцъ умеръ въ царствованіе императрицы Елизаветы, въ сороковыхъ годахъ*).

*) Иванъ Ивановичъ (Іоганнъ - Яковъ) Шульцъ, 1688—1759.

XXIV.

Геннинъ.

Геннинъ или Геннингъ (хотя обѣ эти формы встрѣчаются, но онѣ принадлежатъ одному и тому же лицу) былъ родомъ изъ Утрехта. Онъ былъ рекомендованъ Петру, какъ искусный пушечный мастеръ, когда государь былъ въ Голландіи. Царь и Лефортъ испытали его, открыли въ немъ способности и взяли съ собою въ Россію. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ сперва на литейный дворъ, потомъ въ артиллерію. Такъ какъ онъ обладалъ большими способностями въ механикѣ, то, по приказанію императора, долженъ былъ предпринять, въ 1719 году, какъ генералъ-майоръ, путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи. Съ замѣчательнѣйшихъ машинъ, которыя онъ видѣлъ во время своего путешествія, онъ долженъ былъ дѣлать рисунки или заказывать модели. Главная же цѣль его путешествія состояла въ вербовкѣ рудокоповъ, которые должны были явиться въ Россію для разработки ея рудниковъ. Онъ употребилъ два года на это путешестіе. Послѣ этого онъ всегда занимался артиллерійскимъ дѣломъ. Въ 1722 году онъ сталъ генералъ-поручикомъ артиллеріи и въ 1731 году — кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Онъ былъ живъ еще въ 1749 году*).

*) Виллимъ Ивановичъ Геннинъ ум. въ 1748 г.

XXV.

Древникъ I.

Природа, неограниченная въ своей красотѣ, единствѣ и разнообразіи, особенно плѣнительна въ своихъ безпрерывныхъ измѣненіяхъ. Она никогда не производитъ двухъ существъ, во всемъ другъ съ другомъ схожихъ. Если по внѣшности они и похожи, то по внутренному складу отличаются другъ отъ друга. Вполнѣ одинаковый внутренній складъ никогда не встрѣчается.

Древникъ былъ, говорятъ, родомъ изъ Данцига, сынъ польскаго дворянина. Къ этому извѣстію о происхожденіи Древника необходимо присоединить другое, по которому онъ происходилъ изъ простонародія. Несомнѣнно только, что Петръ I взялъ къ себѣ его и его брата-близнеца, какъ малыхъ дѣтей не имѣвшихъ уже тогда родителей и не знавшихъ гдѣ преклонить голову, и воспиталъ ихъ. Результатъ былъ различный. Этотъ Древникъ*) былъ толковый, прилежный и сдѣлалъ большіе успѣхи въ изученіи наукъ. Петръ I взялъ его къ себѣ пажемъ и сдѣлалъ его позже деньщикомъ.

*) Андрей Ивановичъ; имя его брата-близнеца неизвѣстно.

Какъ деньщикъ, онъ долженъ былъ неотлучно находиться при государѣ, который часто давалъ ему различныя порученія.

По смерти Петра I онъ постоянно оставался при императрицѣ Екатеринѣ I.

Елизавета даровала ему званіе камергера и подарила ему имѣніе въ Лифляндіи. Онъ тамъ и умеръ въ 1753 году.

Жена его была дочерью кухмистра Фельтена*). Но намъ неизвѣстно, оставилъ ли онъ дѣтей[1]).

---

*) У оберъ-кухмейстера Фельтена былъ двѣ дочери: одна за академикомъ Таубертомъ, другая за деньщикомъ Древникомъ.

[1]) Въ 1764 г. лейбъ-гвардіи измайловскаго полка секундъ-майоръ Петръ Древникъ былъ возведенъ въ лифляндское дворянство.

XXVI.

Древникъ II.

Дребникъ, близнецъ предъидущаго, былъ такъ похожъ на него по внѣшности, что, для отличія одного брата отъ другого, имъ нашивали на платья особые значки, по которымъ ихъ и уснавали. По способностямъ же онъ вовсе не походилъ на брата. Это былъ тупица. Императрица Екатерина опредѣлила его сперва въ пажи, впослѣдствіи же возвела въ камеръ-юнкеры.

Древникъ умеръ, кажется, въ царствованіе этой же государыни.

XXVII.

Дмитрій Шепелевъ.

Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ сынъ русскаго простолюдина. Онъ былъ сперва смазчикомъ придворныхъ каретъ и потомъ поступилъ въ гвардію. Петръ I, замѣтивъ въ немъ, какъ ему казалось, большія способности, сдѣлалъ его, въ 1716 году, своимъ дорожнымъ маршаломъ.

Въ 1728 г. онъ получилъ дтъ Петра II орденъ св. Александра Невскаго.

Въ царствованіе императрицы Анны онъ сталъ гофмаршаломъ.

Елизавета, наконецъ, сдѣлала его оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ ордена св. Андрея.

Онъ умеръ въ 1755 году.

Шепелева всѣ ненавидѣли за его грубость.

Его сынъ, маіоръ гвардіи*), на котораго раз-

*) Въ 1762 году гвардіи маіора Шепелева не было. Прассе, саксонскій резидентъ, упоминаетъ въ одной изъ своихъ депешъ объ офицерѣ измайловскаго полка Шепелевѣ (Бильбасовъ, II, 627), что и послужило, вѣроятно, источникомъ для Гельбига. Въ то время, однако, въ Измайловскомъ полку служили два Шепелевы: отецъ — Амилій Степановичъ, подполковникъ, и сынъ — Петръ Амиліевичъ, подпоручикъ съ 4-го апрѣля 1762 г., произведенный 2 августа того-же года въ поручика, именно въ награду за 28-го іюня.

считывали мятежники въ день восшествія на престолъ Екатерины II и который, по ошибкѣ, не явился во-время, первый почувствовалъ на себѣ верховную власть новой императрицы. Онъ былъ арестованъ и уже не скоро могъ опять добиться милости государыни.

Сынъ его[1]) женился на племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго, рожденной Энгельгардтъ. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что молодой Шепелевъ имѣлъ значительный чинъ и немалое состояніе.

Сестра оберъ-гофмаршала Шепелева была женою генералъ-фельдмаршала графа Шувалова*).

---

[1]) Не сынъ — внучатный племянникъ, вышеупомянутый Петръ Амиліевичъ Шепелевъ, 1737—1783, былъ женатъ на Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

*) Не сестра Дмитрія Андреевича Шепелева, а родственница Марья Егоровна Шепелева была замужемъ за гр. Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, 1711—1762.

XXVIII.

Винцентъ Райзеръ.

Винцентъ Райзеръ, родомъ изъ шведской Помераніи, обучался въ Грейфсвальдѣ. Онъ занималъ очень мелкія должности по горному вѣдомству въ Швеціи. Во время возгорѣвшейся войны между Швеціею и Россіею, его рекомендовали Петру I для вновь учрежденной бергъ-коллегіи. Какъ этотъ государь, такъ и его преемники съ большою выгодою пользовались услугами Райзера. Онъ умеръ, уже въ глубокой старости*), въ 1755 году, будучи вице-президентомъ бергъ-коллегіи.

Райзеръ оставилъ сына**), который былъ флигель-адъютантомъ императора Петра III и остался ему преданъ въ день 28 іюня 1762 г.

---

*) Викентій Степановичъ Райзеръ, 1669—1755.

**) Двухъ: Викентія и Евстафія (Густава). Викентій Викентьевичъ, флигель-адъютантъ Петра III, съ 1779 г. — генералъ-поручикъ; Евстафій Викентьевичъ, минералогъ, оберъ-бермейстеръ сибирскихъ заводовъ при Екатеринѣ II.

XXIX.

Игнатій Елачинъ.

Игнатій Ѳедоровичъ Елачинъ*) былъ изъ русскихъ простолюдиновъ. Онъ принадлежалъ къ молодымъ людямъ, избраннымъ самимъ Петромъ для постройки галеръ. Своею ловкостью онъ возвысился до поста старшаго строителя судовъ и чина бригадира.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ управлялъ всею галерною судостроительною частью.

Онъ умеръ въ 1760 году, въ глубокой старости.

*) Ignatj Feodorowitsch Jelatschin — довольно загадочная личнотсь; объ немъ неупоминаетъ даже „Общій морской списокъ“, изданный морскимъ министерствомъ, подъ редакціею Ѳ. Веселаго.

XXX.

Иванъ Шлатеръ.

Иванъ Шлатеръ родился въ нѣмецкой слободѣ, въ Москвѣ, отъ нѣмецкихъ мѣщанъ. Онъ посвятилъ себя изученію рудокопнаго искусства и сдѣлалъ въ немъ большіе успѣхи. Петръ I далъ ему мѣсто во вновь учрежденной бергъ-коллегіи и, при его помощи, произвелъ многія улучшенія въ плавильныхъ заводахъ и на петербургскомъ монетномъ дворѣ, чѣмъ Шлатеръ и заслужилъ высокія милости монарха.

Всюду, гдѣ только ни употребляли Шлатера императоръ и его преемники, онъ оказывалъ имъ большія услуги. Многія хорошія учрежденія въ монетномъ дѣлѣ заведены еще имъ.

Въ 1764 году мы встрѣчаемъ его въ числѣ лицъ, подписавшихъ смертный приговоръ несчастному Мировичу.

Вскорѣ затѣмъ Шлатеръ умеръ, будучи директоромъ монетнаго двора и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ*).

Онъ былъ авторъ многихъ весьма полезныхъ сочиненій по горному, плавильному и монетному дѣлу.

---

*) Иванъ Андреевичъ (Іоганнъ-Вильгельмъ) Шлатеръ, 1709—1768, президентъ бергъ-коллегіи, тайный совѣтникъ.

XXXI.

Фридрихъ Ашъ.

Фридрихъ Ашъ былъ сынъ простолюдина изъ Силезіи. Онъ явился въ Россію искать счастье, гдѣ очень скоро нашелъ себѣ пропитаніе, благодаря чисто писарской способности. Сперва онъ сдѣлался секретаремъ генерала Вейде, получившаго извѣстность умерщвленіемъ царевича Алексѣя. Вейде представилъ его на службу Петра I, который опредѣлилъ его въ почтовое вѣдомство.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ сталъ нѣмецкимъ имперскимъ барономъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и петербургскимъ почтъ-директоромъ*).

Онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1771 году, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ.

Онъ оставилъ двухъ**) сыновей. Въ серединѣ девяностыхъ годовъ, одинъ изъ нихъ былъ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, другой — членомъ медицинской коллегіи въ Петербургѣ. Послѣдній былъ живъ еще въ 1804 году.

---

*) Ѳедоръ Юрьевичъ Ашъ былъ возведенъ императоромъ Францомъ I въ баронское Римской Имперіи достоинство въ 1762 году; но дипломъ былъ выданъ его сыновьямъ Іосифомъ II лишь въ 1783 г.

**) Трехъ: Петръ Ѳедоровичъ, докторъ медицины; Егоръ Ѳедоровичъ, 1727—1807, членъ медицинской коллегіи, и Иванъ Ѳедоровичъ, резидентъ въ Польшѣ, съ 1800 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ.

XXXII.

Абрамъ Ганнивалъ.

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ мавръ, привезенный, въ качествѣ юнги, Петромъ I изъ Голландіи въ Россію. Петръ окрестилъ его, былъ воспріемнымъ отцемъ и назвалъ его—странное сопоставленіе именъ—Абрамомъ Ганнибаломъ; Петровичемъ онъ назывался потому, что Петръ I былъ крестнымъ его отцемъ. Императоръ приказалъ научить его греческой вѣрѣ и вообще далъ ему хорошее образованіе. Молодой мавръ имѣлъ свѣтлую голову и выказалъ большія способности въ изученіи фортификаціонныхъ наукъ. Онъ былъ чрезвычайно прилеженъ. Онъ временно служилъ въ корпусѣ инженеровъ и мало-по-малу сталъ занитать при всѣхъ послѣдующихъ царствованіяхъ весьма важные посты. Наконецъ, онъ сталъ генералъ-директоромъ корпуса, генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны. Онъ вышелъ въ отставку, по своему желанію, при Петрѣ III.

Ганнибалъ умеръ въ 1781 году, имѣя 87 лѣтъ.*)

*) Род. 1699 г., ум. 1781 г., т. е. 82 лѣтъ.

Онъ былъ женатъ два раза*). Говорятъ, будто отъ первой жены рожались все бѣлыя, отъ второй—черныя дѣти.

Одинъ сынъ отъ второй жены жилъ еще въ концѣ девяностыхъ годовъ и былъ оставнымъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.**)

---

*) Первая его жена была Евдокія Андреевна Діоперъ, вторая — Христина Шеберъ, дочь капитана Перновскаго полка.

**) Иванъ Абрамовичъ, 1738—1801. герой Наварина; другой сынъ, Петръ Абрамовичъ, былъ генералъ цейхмейстеромъ флота.

XXXIII.

Карлъ Скавронскій.

Карлъ, крестьянинъ безъ фамиліи, родомъ изъ Литвы, былъ братъ императрицы Екатерины I. Съ того дня, какъ мать напомнила этой государынѣ объ ея дочернихъ обязанностяхъ, она, съ разрѣшенія императора, стала заботиться о своихъ родственникахъ. Бо́льшая часть ихъ, какъ мы видѣли, поселилась въ Ленневарденѣ; но братъ императрицы или оставался въ Литвѣ, или опять туда переселился, и тамъ женился. Графъ Сапѣга получилъ отъ Екатерины приказаніе заботиться объ ея родственникахъ въ Литвѣ. Они получали достаточно, чтобъ жить съ бо́льшими удобствами, чѣмъ жили ихъ односельчане, но не столь много, чтобъ обратить на себя вниманіе особенною роскошью.

Въ концѣ 1726 года, когда рѣшенія Екатерины не подчинялись уже болѣе волѣ ея супруга, сознававшаго, вѣроятно, всю нелѣпость своего брачнаго союза, прибылъ въ Петербургъ Карлъ съ своею женою, двумя дочерьми и тремя сыновьями. Въ началѣ его называли Скаворонскій, вслѣдствіе, вѣроятно, искаженія фамиліи Скавронскій, которая была ему дана и которую онъ сохранилъ. Неизвѣстно, кому первому пришла на мысль эта поль-

ская фамилія, но полагаютъ, что ее предложилъ графъ Сапѣга.

Графъ Карлъ Самойловичъ Скавронскій получилъ великолѣпный домъ[1]) въ Петербургѣ. Домовое убранство было роскошно, какъ у знатныхъ людей. Чтобъ поддерживать подобную пышность, графу Скавронскому не только были представлены значительные доходы съ капиталовъ, но онъ получилъ столь обширныя земли, что и по настоящее время богатство рода Скавронскихъ причисляется къ самымъ значительнымъ въ россійской имперіи, а этимъ уже много сказано, такъ какъ въ Европѣ мало странъ, гдѣ высшее дворянство было бы такъ богато, какъ въ Россіи. Къ этому надо прибавить еще драгоцѣнности и дорогія одѣянія. Такіе неумѣренно-роскошные подарки, полученные Скавронскимъ, его сестрами и всею фамиліей, возбудили зависть націи. Начали разузнавать и открыли настоящее положеніе этого избранника. Неудовольствіе придворныхъ по этому поводу было такъ всеобще, такъ велико и такъ раздражительно, что надо было даже (какъ унизительна была эта мѣра для Екатерины!) подъ страхомъ смертной казни запретить доискиваться происхожденія этой государыни и произносить неучтивыя рѣчи. Но это-то запрещеніе и было побудительнымъ мотивомъ, что

---

[1]) Этотъ домъ существуетъ еще и теперь. Главный фасадъ дома выходитъ на Неву, задній—на Милліонную. Насупротивъ боковаго фасада находится боковой же фасадъ Мраморнаго дворца. Этотъ домъ имѣетъ оргинальную особенность—на углу четырехугольную вышку съ окнами на всѣ четыре стороны. Комнаты въ нижнемъ этажѣ занималъ нѣкогда послѣдній польскій король, какъ секретарь англійскаго посольства.

различные слухи наталкивали на настоящій слѣдъ. Между тѣмъ неудовольствіе вельможъ при дворѣ стало мало по-малу стихать, когда увидѣли, что эти избранники не занимаютъ сколько нибудь важныхъ мѣстъ въ государствѣ, которыя они, впрочемъ, и не могли бы занимать по своему крайнему невѣжеству.

Карлъ Скавронскій, напр., хотя и братъ императрицы, былъ насколько намъ извѣстно, только камергеръ и не получилъ никакой болѣе придворной должности и ни одного ордена.

Мы не можемъ указать съ точностію время его смерти; но мы слышали, что онъ умерь еще въ царствованіе Петра II, оставаясь исповѣдникомъ католической религіи.

О супругѣ графа Скавронскаго говорится въ особой статьѣ. Онъ привезъ съ собою въ Россію трехъ сыновей и двухъ дочерей. Здѣсь у него родилась еще одна дочь. Всѣ дѣти по большей части исповѣдовали греческую вѣру. Сыновья его назывались Иванъ, Мартынъ и Антонъ.

Изъ нихъ только Мартынъ продолжилъ родъ. Въ 1748 году онъ былъ камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, полученнаго имъ въ 1744 г. отъ императрицы Елизаветы. Въ 1764 г. онъ подписалъ смертный приговоръ несчастнаго Мировича. Болѣе намъ ничего неизвѣстно о жизни этого графа Скавронскаго.*) Его жена была статсъ-дамой императрицъ Елизаветы и Екатерины II, и жила еще въ 1799 году.**)

---

*) Графъ Мартынъ Карловичъ, 1714—1776, генералъ-аншефъ, оберъ-гофмейстеръ, кавалеръ ордена св. Андрея.

**) Марія Николаевна, 1732—1805, рожд. баронесса Строганова.

Сынъ его умеръ въ довольно молодыхъ годахъ,[1]) будучи посланникомъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ жилъ съ царскою пышностію. Даваемые имъ праздники были обыкновенно столь-же роскошны и великолѣпны, какъ и праздники королевскаго двора. Его вдова, рожденная Энгельгардтъ, племянница и любимица князя Потемкина и статсъ-дама императрицы, вышла замужъ — конечно, единственный примѣръ подобнаго рода — за командора малтійскаго ордена, графа Литта,[2]) въ то время, когда Павель I сдѣлался гросмейстеромъ ордена. Этотъ графъ Скавронскій оставилъ нѣсколько сыновей.

Дочери стараго графа Скавронскаго назывались Софія, Анна и Екатерина.

Софія Карловна, какъ только пріѣхала въ Петербургъ, стала придворной дамой своей тетки, императрицы Екатерины I. Она вскорѣ замужъ за графа Петра Сапѣгу, о которомъ мы уже говорили, Императрица, обязанная ему благодарностію за разысканіе ея родственниковъ, пожаловала ему въ 1726 г. орденъ св. Александра Невскаго. Сапѣга, одинъ изъ первыхъ магнатовъ Польши, считалъ за честь жениться на крестьянкѣ, бывшей племяницею россійской императрицы. Софія имѣла много дѣтей и умерла католичкой.

Анна Карловна вышла замужъ за графа Михаила Воронцова, умершаго великимъ канцлеромъ. Она была статсъ-дамою императрицъ Елизаветы и Екатерины II и кавалерственною дамою ордена св.

---

[1]) Графъ Павелъ Мартыновичъ, 1757—1793, былъ женатъ на Екатерины Васильевны Энгельгардтъ, 1761—1829.

[2]) Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, поручикъ великаго магистра Мальтійскаго ордена.

Екатерины. Эта графиня Воронцова [1]) была прелестная женщина, но любила выпить. Ея единственная дочь была замужемъ за здравствующимъ еще (1810 г.) старымъ графомъ Строгоновымъ, съ которымъ она была очень счастлива. Она умерла, какъ подозрѣваютъ, отъ яда, даннаго ей однимъ придворнымъ.

Екатерина Карловна родилась, когда ея родители были уже въ Россіи и при дворѣ. Она была замужемъ за прекраснымъ человѣкомъ, барономъ Корфомъ,†) который былъ посланъ въ Киль за великимъ княземъ Петромъ и который сталъ извѣстенъ по несчастной исторіи низложеннаго императора Ивана Антоновича. Были-ли у него дѣти, мы не знаемъ. Фамилія Корфовъ сохранилась еще въ Лифляндіи и Курляндіи и многія здравствующія еще лица этой фамиліи происходятъ, быть можетъ, отъ этой Екатерины Карловны.

---

[1]) Она жила и умерла въ великолѣпномъ домѣ, въ кварталѣ литейнаго двора, въ которомъ жилъ, въ 1780-хъ годахъ. нынѣшній король виртембергскій, бывшій принцомъ. Объ ея супругѣ говорится въ статьѣ о Лестокѣ.

†) Николаемъ Андреевичемъ, 1710—1766.

XXXIV.

Скавронская.

Графиня Скавронская,*) супруга графа Карла Скавронскаго, брата императрицы Екатерины I, съ которымъ она и прибыла въ Петербургъ въ 1726 г., была крестьянкою изъ Литвы. Она была извѣстна пьянствомъ и необузданными излишествами относительно мущинъ. Годъ ея смерти намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что она умерла, будучи римско-католической вѣры.

Объ ея супругѣ и объ ихъ дѣтяхъ говорилось въ предъидущей статьѣ.

---

*) Марья Ивановна — неизвѣстно ни чьихъ она была рода, ни годъ рожденія и смерти ея.

XXXV.

Христина Гендрикова.

Христина, сестра императрицы Екатерины I,*) вышла замужъ еще на родинѣ за крестьянина изъ Литвы, по имени Семенъ Генрихъ. Съ нимъ она прибыла въ Россію. О немъ и объ ихъ дѣтяхъ говорится въ слѣдующей статьѣ. Она осталась вѣрна ученію католической вѣры.

*) Христина Самуиловна Скавронская, 1686—1729.

XXXVI.

Симонъ Гендриковъ.

Семенъ Генрихъ, крестьянинъ изъ Великой Литвы, женился на Христинѣ, сестрѣ императрицы Екатерины I. Уже въ 1725 году онъ прибылъ въ Петербургъ съ своею женою и дѣтьми, и былъ первымъ родственникомъ государыни, котораго увидѣли въ Петербургѣ. Такъ какъ у него не было фамиліи, то ее сдѣлали изъ его второго имени, Гейнрихъ или Генрихъ, нѣсколько измѣнивъ его и придавъ русское окончаніе, и такимъ образомъ произошла фамилія Гендриковъ. Чтобъ придать роду нѣкоторое значеніе, онъ и его семья были возведены *) въ графское достоинство.

Такъ какъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣлъ никакихъ познаній, то ему нельзя было поручить никакого поста, сопряженнаго съ трудомъ. Онъ былъ только камергеръ и не получилъ никакого ордена, но получилъ помѣстья и въ большомъ количествѣ мелкіе земельные участки

*) Императрицей Елизаветой Петровной, 25 апрѣля 1762 г.

и богатства. Графъ Гендриковъ, какъ всѣ крестьяне въ Литвѣ, былъ и остался католикомъ.

Отъ своей жены онъ оставилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей, которые были воспитаны въ греческой вѣрѣ.

Сыновья назывались Андрей [1]) и Иванъ [2]). Андрей былъ камергеромъ и получилъ въ 1744 году орденъ св. Александра Невскаго. Онъ умеръ въ 1748 году. Иванъ былъ тоже камергеромъ и въ 1748 году получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1764 году онъ подписалъ, вмѣстѣ съ другими членами чрезвычайиой комиссіи, смертный приговоръ несчастному Мировичу. Иванъ продолжилъ свой родъ [3]) и былъ живъ еще въ 1770 году. Въ Россіи встрѣчаются еще графы Гендриковы. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за графа Миниха, внука генералъ-фельдмаршала, и жила еще въ девяностыхъ годахъ.

Дочери графа Семена были: Марія и Марфа или Марта [*]). Марія вышла замужъ за бывшаго впослѣдствіи обергофмейстеромъ императрицы Елизаветы, Чоглокова, который ей особенно нравился.

---

[1]) Андрей Семеновичъ, 1715—1748, былъ женатъ на Аннѣ Артемьевнѣ Волынской.

[2]) Иванъ Семеновичъ, 1719—1778, шефъ кавалергардскаго корпуса, генералъ-аншефъ.

[3]) Екатерина Ивановна была замужемъ за графомъ М. Ѳ. Апраксинымъ; Елизавета Ивановна — за Д. Л. Измайловымъ; Варвара Ивановна — за Челищевымъ; Александра Ивановна — за кн. А. Б. Голицынымъ; Софья Ивановна — за кн. П. А. Волконскимъ; графъ Дмитрій Ивановичъ, 1758—1762, умеръ малолѣтнимъ. Саитовъ, 32.

[*]) Третья дочь, Агафія Семеновна, 1714—1741, за Г. А. Петрово-Солововымъ.

О немъ говорится въ особой статьѣ. Марфа родилась въ Россіи. Она была замужемъ за русскимъ, Сефановымъ [1]), о которомъ мы ровно ничего не знаемъ.

---

[1]) Генералъ-поручикъ Михаилъ Ивановичъ Сафоновъ. Лонгиновъ, Замѣтка о М. И. Сафоновѣ (Архивъ, 1863, 417).

XXXVII.

Анна Ефимовская.

Анна, крестьянка изъ Литвы, была второю сестрою императрицы Екатерины I *). Она явилась въ Россію, будучи уже замужемъ за польскимъ крестьяниномъ, прозывавшимся Михаиломъ-Ефимомъ. О немъ говорится въ слѣдующей статьѣ, гдѣ сообщены и нѣкоторыя извѣстія объ ихъ дѣтяхъ.

Она умерла **), какъ и ея сестра, Гендрикова, католичкою.

*) Анна Самуиловна Скавронская.
**) Ранѣе 1728 г.

XXXVIII.

Михаилъ Ефимовскій.

Михаилъ-Ефимъ былъ крестьянинъ изъ Великой Польши, женившійся еще въ Литвѣ на Аннѣ, сестрѣ императрицы Екатерины I. Въ концѣ 1725 года, послѣ многихъ затрудненій со стороны своего помѣщика, онъ, благодаря хитрости, убѣжалъ изъ Польши и прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Такъ какъ онъ, подобно своему зятю Гендрикову, не имѣлъ фамиліи, то второе имя, полученное имъ при крещеніи, перевели на русскій языкъ, прибавили русско-польское окончаніе и, такимъ образомъ, изъ Іоакимъ или Ефимъ составилась фамилія Ефимовскій. Этого крестьянина возвели въ графское достоинство*) и сдѣлали его камергеромъ. Впрочемъ, онъ не получилъ никакихъ знаковъ отличія и никакой должности; капиталовъ-же и имѣній онъ получилъ не менѣе, чѣмъ Гендриковъ. Просто невѣроятно, какія суммы пораздавала Екатерина I своимъ братьямъ и сестрамъ. Графъ Ефимовскій не перемѣнилъ своей католической вѣры и умеръ въ ней.

Отъ своей жены онъ прижилъ четырехъ сы-

*) 25 апрѣля 1742 г. Два сына, Осипъ и Александръ Михайловичи умерли ранѣе 1742 г.

новей, воспитанныхъ въ греческой вѣрѣ. Они назывались Осипъ, Иванъ [1]), Яковъ *) и Андрей [2]). Одинъ изъ нихъ былъ генералъ-майоръ; въ 1745 году онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и въ 1748 году умеръ. Другой былъ великокняжескій гофмаршалъ и съ 1748 года кавалеръ ордена св. Александра Невскаго. Графы Ефимовскіе встрѣчаются еще въ Россіи.

Дочь одного изъ четырехъ сыновей графа Михаила Ефимовскаго, слѣдовательно, его внучка**), была замужемъ за графомъ Минихомъ, внукомъ знаменитаго генералъ-фельдмаршала и брата мужа ея кузины Гендриковой. Она еще жила въ концѣ девяностыхъ годовъ.

---

[1]) Иванъ Михайловичъ, 1715—1748.

*) Не Яковъ, а Александръ.

[2]) Андрей Михайловичъ, 1716—1767, былъ женатъ трижды: на Маріѣ Павловнѣ Ягужинской, на княжнѣ Грузинской и на Степанидѣ Никоновой.

**) Анна Андреевна Ефимовская, 1751—1824, была замужемъ за Христіаномъ Сергѣевичемъ Минихомъ.

XXXIX.

Генрихъ Фикъ.

Генрихъ Фикъ былъ шведъ и происходилъ изъ низшаго слоя народа. Онъ добился благоволенія русскаго правительства благодаря тому, что въ происходившихъ тогда безпорядкахъ былъ шпіономъ въ Швеціи и измѣнникомъ своего отечества. Фикъ вступилъ потомъ въ русскую службу и сталъ секретаремъ князя Меншикова. Здѣсь-то пожалъ онъ награду за свои безчестныя дѣйствія. Онъ получилъ значительныя денежныя суммы и обширное имѣніе въ приходѣ Оберъ-Паленъ, въ Лифляндіи. Петръ I опредѣлилъ его въ камеръ-коллегію и сдѣлалъ тамъ совѣтникомъ, но не могъ поручить ему болѣе важныхъ дѣлъ, что уже не говоритъ въ пользу Фика.

Въ царствованіе Екатерины II онъ былъ назначенъ вице-президентомъ комерцъ-коллегіи, въ благодарность за то, что его стараніями (вѣроятно, въ ущербъ подданнымъ) ежегодный таможенный доходъ увеличился на 200,000 рублей. Онъ сохранилъ это мѣсто и свой кредитъ также въ царствованіе Петра II, такъ какъ имѣлъ осторожность, послѣ паденія князя Меншикова, пристать къ фамиліи Долгорукихъ. Но въ царствованіе импе-

ратрицы Анны онъ потрадалъ вмѣстѣ съ фамиліею Долгорукихъ и былъ сосланъ въ Сибирь, не будучи даже допрошенъ. Его преступленіе заключалось въ томъ, что онъ согласился на составленныя совѣтомъ „условія“ Анны и легкомысленно говорилъ о Биронѣ. Хотя императрица Елизавета и возвратила его изъ ссылки, но ужъ онъ не былъ принятъ на службу, чего онъ, по отзыву всѣхъ, его знавшихъ, дѣйствительно и не былъ достоинъ.

Фикъ умеръ въ 1751 году, въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Онъ имѣлъ, какъ говорятъ, не только дурное сердце, но и ничего болѣе, какъ весьма обыкновенный умъ и коварство шпіона.

Намъ неизвѣстно имя его жены. У него была только одна дочь вышедшая за маіора Лау и имѣвшая двухъ дочерей.

Прекрасное имѣніе, замокъ Оберъ-Паленъ, не осталось въ семьѣ Фиковъ, которые затѣяли по поводу его процессъ. Въ девяностыхъ годахъ это имѣніе, если мы не ошибаемся, было куплено дворянской фамиліей Бокъ за 200,000 рублей.

XL.

Эрнстъ Иванъ Бирон.

Необыкновенная судьба даетъ право на выдающееся мѣсто въ лѣтописахъ человѣчества. Муза исторіи находитъ свое любезнѣйшее занятіе въ разсказѣ происшествій необыкновенныхъ людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ народа, единственно своими способностями достигшихъ почти до трона и ознаменовавшихъ свое существованіе славными дѣлами и мудрыми на пользу подданныхъ стремленіями. Но она исполняется печали, когда ей приходится отмѣчать судьбу такого человѣка, который, не обладая ни великими качествами, ни истинными заслугами, поднялся изъ грязи до высшихъ ступеней въ государствѣ и забылъ о своемъ происхожденіи; который съ гордостію и презрѣніемъ обходится съ лицами, имѣющими по своему рожденію и по заслугамъ всѣ права на его власть и на его значеніе; который никогда не дѣлаетъ другихъ счастливыми; у котораго чувство человѣчности служитъ только источникомъ кровавой жестокости и несправедливости; словомъ, память котораго ненавидима и современниками, и потомствомъ. Кліо не можетъ отказаться и отъ подобныхъ задачъ, и должна находить свое успокоеніе въ сознаніи строгого исполненія своихъ обязанностей.

Подробное описаніе жизни Бирона нельзя искать въ книгѣ, имѣющей цѣлью представить очерки главныхъ происшествій въ жизни нѣкоторыхъ избранниковъ. Разсказъ о томъ, что Бирон дѣлалъ или что онъ не долженъ былъ дѣлать, не входитъ въ нашъ планъ и принадлежитъ къ исторіи императрицы Анны Ивановны и императора Ивана Антоновича и входитъ въ лѣтопись герцогства Курляндскаго.

Извѣстныя міру свѣдѣнія о фамиліи Бирона восходятъ до его дѣда, который былъ, около половины XVII вѣка, конюхомъ герцога Якова III курляндскаго. Сына этого конюха называли Карломъ; онъ родился въ февралѣ 1653 г. Уже этотъ Бирон сдѣлалъ, сравнительно съ своимъ происхожденіемъ, значительную карьеру. Онъ изучилъ охоту и занималъ впослѣдствіи значительную должность въ герцогскомъ лѣсномъ вѣдомствѣ. Этимъ онъ былъ поставленъ въ возможность не только вести въ нѣкоторомъ родѣ удобную жизнь, но и открыть своимъ тремъ сыновьямъ перспективы на такую карьеру, которая была гораздо важнѣе той, которую онъ самъ прошелъ. Дурно понятное честолюбіе побудило Бирона принять чинъ польскаго поручика — почти незамѣтное повышеніе, котораго онъ могъ легко достичь, вслѣдствіе обѣщанія своего государя, одного изъ нихъ послѣднихъ герцоговъ Курляндіи изъ дома Кетлера. Возрастающее значеніе его второго сына при дворѣ овдовѣвшей герцогини Анны Курляндской, позже императрицы россійской, было сигналомъ къ счастливой перемѣнѣ судьбы всей фамиліи Бироновъ. Тогда-то отецъ и трое его сыновей очень удачно измѣнили свою фамилію и изъ Бюреновъ (Bühren)

назвались Бирономи (Biron). Вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли и гербъ этой знаменитой во Франціи фамиліи*). Мы не могли доискаться, были-ли возведены въ графское достоинство также отецъ и средній его сынъ. Но было необходимо дать ему болѣе высшій чинъ, и Фридрихъ Августъ I, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ его генералъ-лейтенантомъ, хотя и безъ мѣста. Впрочемъ, Бирон-отецъ имѣлъ скромность не показываться при дворахъ. Онъ жилъ въ Курляндіи, въ помѣстьяхъ, которыми онъ обязанъ щедрости императрицы, и умеръ тамъ-же въ 1734 г. О его женѣ мы знаемъ только, что она родилась въ 1661 году; мы не знаемъ даже ея фамиліи**). У нея были сыновья: Карлъ, Эрнстъ-Иванъ и Густавъ. О всѣхъ трехъ скажемъ особо.

Эрнстъ Иванъ Бирон, второй сынъ Карла Бирона, родился 12 ноября 1690 года. Онъ и его братья получили въ домѣ отца довольно посредственное воспитаніе. Чтобъ восполнить его до нѣкоторой степени, Эрнстъ Бирон, хотя и мало подготовленный, отправился въ Кенигсбергъ, чтобъ тамъ, какъ говорится, штудировать. Выйдя изъ университета, онъ отправился въ Петербургъ. Онъ хотѣлъ отыскать себѣ мѣсто въ Петербургѣ, но не нашелъ такого, которымъ могло-бы удовлетвориться его честолюбіе. Разсказываютъ даже, будто онъ просился въ камеръ-юнкеры при дворѣ царевича, сына Петра I, но ему было отказано въ этомъ мѣстѣ съ презрительнымъ замѣчаніемъ, что онъ слышкомъ низкаго происхожденія. Этотъ разсказъ

*) Замѣчанія на Записки Манштейна („Русская Старина“, 1879, XXVI, 376).

**) Гедвига Катерина фонъ-деръ Раабъ.

мало вѣроятенъ. Бирономъ долженъ былъ, конечно, слышать, что такія мѣста при дворахъ, которыя непосредственно приближаютъ къ принцамъ, не даются обыкновенно всѣмъ, предлагающимъ свои услуги и не имѣющимъ ни имени, ни какихъ-либо правъ на нихъ, и что хотя въ то время въ Россіи чувствовался недостатокъ въ дѣловыхъ людяхъ, все таки при замѣщеніи придворныхъ должностей не были въ такомъ затрудненіи, чтобъ обратить на него вниманіе. Если же Бирономъ, дѣйствительно, имѣлъ глупость претендовать на мѣсто камеръ-юнкера при дворѣ наслѣдника русскаго престола, то приведенный отвѣтъ былъ совершенно натуралъ.

Такъ какъ мы не знаемъ, когда именно произошло измѣненіе фамиліи Бюренъ на Бирономъ, то, быть можетъ, можно принять, что прежде чѣмъ отправиться въ Россію Эрнстъ Иванъ присвоилъ себѣ знаменитую фамилію Бирономъ.

Послѣ неудавшейся попытки въ Петербургѣ, Эрнстъ Иванъ возвратился въ Митаву, гдѣ его предложенія имѣли большій успѣхъ. Овдовѣвшая герцогиня Анна Курляндская назначила его, около 1720 года, своимъ камеръ-юнкеромъ. Такъ какъ онъ былъ очень красивъ, то она вскорѣ избрала его въ свои любимцы, весьма приблизила его къ себѣ, и эта связь была расторгнута только смертью этой государыни. Во все время своей жизни Анна соблюдала въ своей частной жизни строгое приличіе. Вслѣдствіе этого она желала всячески скрыть свою связь съ Бирономъ, что ей, конечно, не удалось. По ея-то настоянію, Боронъ долженъ былъ жениться. Уже исполненіе этого плана герцогини, какъ мы увидимъ ниже, было сопряжено съ боль-

шими затрудненіями; но еще труднѣе было исполнить ея требеваніе о принятіи Бирона въ число мѣстныхъ дворянъ — желаніе, котораго Биронъ всячески добивался. Пока Анна и онъ были въ Курляндіи, онъ не могъ добиться этой чести и высокое во всемъ остальномъ значеніе герцогини должно было въ этомъ случаѣ уступить стойкости, съ которою курляндское дворянство защищало свои права. Позже, когда Анна вступила на русскій престолъ, курляндское дворянство раскаялось въ своемъ упрямствѣ; оно измѣнило свое поведеніе и выказало противоположный характеръ. Дворянство было стойко, пока полагало, что ему нечего бояться; теперь-же оно само предложило Бирону дворянскія права и онъ былъ настолько любезенъ, что принялъ это предложеніе.

Въ 1726 г., живя еще въ Курляндіи, Анна и Биронъ ѣздили въ Россію, гдѣ тогда царствовала Екатерина I. Главнымъ поводомъ путешествія были частныя дѣла герцогини, которыя князь Меншиковъ старался все болѣе запутать. Благодаря добрымъ совѣтамъ Бирона, эта поѣздка была для Анны весьма удачна. Впрочемъ, герцогиня не долго оставалась при русскомъ дворѣ; малое вниманіе, оказанное Бирону, обусловило поспѣшный отъѣздъ ея въ Курляндію. Кто могъ тогда воображать, что этотъ человѣкъ въ этомъ же городѣ, гдѣ теперь къ нему относились равнодушно и то только изъ уваженія къ герцогинѣ, будетъ вскорѣ развивать свой мстительный деспотизмъ? Однако, это такъ и случилось.

Въ 1730 году Анна была избрана въ императрицы Россіи, и Биронъ тотчасъ же достигъ высшихъ почестей. Онъ началъ съ того, что сдѣ

лался камергеромъ; вскорѣ затѣмъ нѣмецкій императоръ возвелъ его въ графское достоинство; потомъ онъ сталъ оберъ-камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея. За этимъ послѣдовали знаки отличія отъ различныхъ дворовъ, бывшихъ въ союзѣ съ русскимъ.

Только теперь сдѣлался Бирономъ извѣстенъ Европѣ и главѣ дома, фамилію котораго онъ присвоилъ себѣ; герцогъ Бирономъ написалъ псевдо-Бирону и просилъ его увѣдомить, какимъ образомъ онъ имѣетъ честь находиться въ родствѣ съ нимъ. Русскій Бирономъ понялъ насмѣшливый тонъ этого запроса и вышелъ изъ затрудненія, вовсе не отвѣчая на письмо. Но всѣ, казалось, сговорились поработать своею низостью на увеличеніе гордыни этого человѣка. Послѣ того, какъ Эрнстъ Иванъ насильно сталъ герцогомъ Курляндіи, герцогъ Бирономъ прислалъ въ Россію кавалера своего маленькаго двора съ поздравленіемъ своего родственника.

Въ Курляндіи Бирономъ и его жена всегда жили въ одномъ домѣ съ герцогиней. Въ Россіи было то-же самое. Онъ и его семья переѣхали вмѣстѣ съ императрицей, въ день восшествія ея на престолъ въ императорскій дворецъ и жили во дворцѣ, пока была жива императрица.

При такой обстановкѣ избранникъ могъ, не возбуждая подозрѣнія, сперва раздѣлить заботы управленія съ своею государынею, а затѣмъ незамѣтно прибрать ихъ въ свои руки. Это вполнѣ согласовалось съ желаніями императрицы, которая вскорѣ предоставила всю верховную власть своему любимцу. Не многіе государи имѣли такое счастіе, какъ Анна, видѣть себя окруженною столькими великими людьми: Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Ягу-

жинскій, Голицынъ[1]) Трубецкой, Левенвольде — какія колоссальныя фигуры среди государственныхъ мужей того времени! и тѣмъ не менѣе они не были въ силахъ оказать тѣхъ услугъ, какія хотѣли и могли, потому что Бирономъ часто парализовалъ ихъ дѣянія. Лѣтописи царствованія императрицы Анны представляютъ въ то же время исторію жестокости и несправедливости Бирона. Только изрѣдка эти явленія прерываются добрыми, полезными и мудрыми распоряженіями. Его разрушительный деспотизмъ возбудилъ, наконецъ, такое неудовольствіе, что въ 1738 и 1739 гг. готово было вспыхнуть возстаніе противъ императрицы и Бирона. Противъ него были составлены формальные обвинительные пункты, которые, во всякомъ случаѣ, были довольно основательны. Склонность императрицы къ Бирону, ея снисхожденіе ко всѣмъ его дѣйствіямъ, безъ разбора, были, конечно, въ большомъ противорѣчіи съ ея обязанностями государыни и во многихъ отношеніяхъ были вредны въ различныхъ отрасляхъ управленія, такъ какъ Бирономъ злоупотреблялъ добротою своей государыни и, подъ ея авторитетомъ, но по большей части безъ ея вѣдома или, по крайней мѣрѣ, подъ видомъ кажущейся справедливости, царилъ безправно и произвольно. Извѣстіе о предстоявшемъ возстаніи было полу-

---

[1]) Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ былъ ученикъ Петра I, который чрезвычайно цѣнилъ его. Онъ оказалъ этому государю и его преемникамъ важныя услуги въ морскомъ дѣлѣ. Голицынъ умеръ въ 1760 году, въ глубокой старости, будучи генералъ-адмираломъ и начальникомъ адмиралтействъ-коллегіи. Объ остальныхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ говорится или въ особихъ статьяхъ, или въ примѣчаніяхъ.

чено во время и взрывъ предупрежденъ. Въ наказаніи мнимаго возстанія Бирономъ нашелъ новую пищу для удовлетворенія своей жажды къ звѣрству и корысти. Его власть въ Россіи достигла высшей степени. Его богатство росло ежедневно, его доходы были велики, его пышность спорила въ царскою и, сверхъ того, въ его рукахъ были всѣ средства къ обогащенію. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ пользовался услугами придворнаго еврея Липмана*), съ которымъ онъ дѣлилъ барыши, сообща получаемыя при помощи монополій и другихъ утѣсненій торговли. Его владѣнія въ Россіи были очень велики и были еще увеличены за предѣлами Россіи имѣніемъ Вартенбергъ въ Силезіи. Но наибольшій приростъ его владѣній оказался въ пріобрѣтеніи герцогства Курляндскаго. Пріобрѣтя такимъ образомъ небольшія верховныя права, онъ достигъ наивысшаго ранга среди русскихъ государственныхъ сановниковъ.

Подкупами и интригами русскій дворъ довелъ дѣло до того, что въ 1737 г., когда вымеръ родъ Кетлера, курляндскіе дворяне сочли за честь для себя избрать въ герцоги того, котораго они десять лѣтъ назадъ не пожелали признать даже только равнымъ себѣ. Въ 1739 году новый герцогъ получилъ инвеституру на свою землю, чрезъ депутацію, въ Варшавѣ, у трона короля. Мѣсяцъ спустя, въ іюлѣ германскій императоръ, по собственному побужденію, прислалъ герцогу дипломъ на пожалованный ему титулъ свѣтлѣйшаго. Гордый Бирономъ долго не отвѣчалъ императору, находя, что этотъ дипломъ долженъ былъ быть изготовленъ гораздо ранѣе.

*) Шетарди, 52.

Въ концѣ октября 1740 года умерла Анна. Своимъ рѣшительнымъ вліяніемъ на всѣ поступки этой государыни герцогъ съумѣлъ такъ устроить, что она на смертномъ одрѣ назначила его регентомъ Россіи во время несовершеннолѣтняго юнаго императора Ивана Антоновича. По смерти императрицы Биронъ всупилъ въ управленіе регентствомъ. Это была впослѣдняя вспышка потухавшаго огня. Онъ получилъ титулъ высочества, давалъ и подписывалъ отъ имени императора нѣкоторыя даренія членамъ императорской фамиліи, распоряженія о милостяхъ и другіе документы, обнародуемые обыкновенно при началѣ новаго царствованія. Почти ежедневно онъ арестовывалъ людей, которыхъ считалъ подозрительными, и тѣмъ въ конецъ возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Ему помѣшали сдѣлать что-либо болѣе. Черезъ три недѣли онъ потерялъ все. Великая княгиня Анна, мать императора, возбудила революцію, которую привелъ въ исполненіе генералъ-фельдмаршалъ Минихъ*) съ своимъ адъютантомъ, знаменитымъ писателемъ Манштейномъ.

Извѣстенъ анекдотъ, будто вечеромъ, накунѣ возмушенія, Минихъ находился у герцога-регента; будто регентъ, сердитый и разсѣянный, какимъ онъ былъ въ этотъ вечеръ, не зналъ о чемъ говорить и спросилъ фельдмаршала, случалось-ли ему когда-нибудь ночью приводить въ исполненіе смѣлый и великій планъ; будто Минихъ, полагая изъ этого вопроса, что его измѣнили, готовъ уже былъ броситься къ ногамъ регента и во всемъ

*) Письмо гр. Б. Х. Миниха къ кн. А. Д. Кантемиру („Русск. Старина“), 1877, XVIII, 454); Замѣчанія на записки Манштейна („Русск. Старина“, 1859, XXVI, 574).

сознаться, но имѣлъ, однако, присутствіе духа настолько, чтобъ сдержаться и выждать, не скажетъ-ли регентъ еще какого-либо выраженія, изъ чего можно было бы заключить, что онъ знаетъ или догадывается о судьбѣ, готовящейся ему къ разсвѣту наступающаго дня, и будто, наконецъ, Минихъ, вполнѣ успокоенный на этотъ счетъ, оставилъ герцога-регента съ твердымъ намѣреніемъ черезъ нѣсколько же часовъ показать ему, какъ должно вести себя, если желаешь исполнить ночью смѣлый планъ.

Въ разсказѣ этого замѣчательнаго событія мы слѣдуемъ донесенію[1]) подполковника и адъютанта Манштейна на французскомъ языкѣ: „Въ послѣднее воскресенье, приходившееся на 9 ноября стараго стиля или 20 новаго, его превосходительство генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ позвалъ меня къ себѣ рано утромъ, въ 3 часа, чтобъ съ нимъ выйти. Когда я явился къ е. пр—ству, мы пошли въ Зимній дворецъ къ е. и. высочеству цесаревнѣ. Генералъ-фельдмаршалъ, сказавъ ей, что явился, чтобъ получить отъ нея послѣднія повелѣнія, приказалъ мнѣ созвать офицеровъ стражи. Они явились и е. и. в. со слезами на глазахъ сказала имъ, что они, конечно, понимаютъ, какъ герцогъ-регентъ обходится съ императоромъ, съ нею и ея супругомъ; что регентъ выказываетъ относительно ея такъ много злой воли, что имѣетъ, какъ можно думать, намѣреніе захватить императорской тронъ. Чтобъ предупредить это несчастіе, она приказываетъ офицерамъ исполнить распоряженія генерала-фельдмаршала и арестовать регента. Всѣ тотчасъ

[1]) Это донесеніе написано дурнымъ языкомъ.

же единогласно дали свое согласіе, не раздумывая ни минуты. Тотчасъ же е. пр—ство генералъ-фельдмаршалъ обратился ко мнѣ и заявилъ, что имѣетъ полное ко мнѣ довѣріе, что я поступлю какъ честный человѣкъ и какъ вѣрный слуга е. и. в. Послѣ того, какъ мы дали царевнѣ увѣреніе нашей преданности, она позволила намъ поцѣловать ея руки и обняла всѣхъ, сколько насъ было. Мы спустились по лѣстницѣ, и когда нашъ несравненный начальникъ поставилъ подъ ружье солдатъ, бывшихъ на часахъ, онъ объявилъ имъ повелѣніе е. и. в., и они изъявили полную готовность повиноваться. Мы тотчасъ же пошли съ 40 избранными людьми въ Лѣтній дворецъ[1]) съ нашимъ ангеломъ-хранителемъ во главѣ. Когда мы находились отъ караула Лѣтняго дворца шагахъ приблизительно въ двухъ стахъ, е. пр—ство послалъ меня заявить караульнымъ офицерамъ, чтобъ они вышли для полученія извѣстія чрезвычайной важности. Они безъ затрудненія послѣдовали за мною и, когда генералъ-фельдмаршалъ передалъ имъ приказаніе е. и. в., они всѣ единодушно вызвались повиноваться. Затѣмъ я былъ посланъ съ 12 солдатами, съ которыми я, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, дошелъ до спални. Я вошелъ, отдернулъ пологъ кровати и громко спросилъ: „Гдѣ регентъ?“ Герцогиня, первая увидавшая меня, начала кричать. Онъ же вскочилъ съ постели на полъ и закричалъ: „стража!“ Я бросился на него и держалъ его, пока не пришли въ комнату гренадеры, которыхъ я привелъ съ собою.

---

[1]) Дворца этого не существуетъ уже болѣе.

Они схватили его, и такъ какъ онъ хотѣлъ вырваться, билъ ихъ кулаками и ногами и кричалъ во всю глотку, то они заткнули ему ротъ носовымъ платкомъ и отнесли въ пріемную, гдѣ были вынуждены связать ему руки. Я посадилъ его въ карету генералъ-фельдмаршала и рядомъ съ нимъ одного караульнаго офицера. Солдаты окружали карету; генералъ-фельдмаршалъ шелъ впереди и такимъ образомъ плѣнникъ былъ доставленъ въ Зимній дворецъ". Манштейнъ говоритъ далѣе; „Тотчасъ же караулъ былъ поставленъ подъ ружье и созванъ великій совѣтъ, т. е. сенатъ, синодъ и генералы. Не было ни единой души въ Петербургѣ, которая не выказала бы большой радости по поводу этого событія. Послѣ полудня герцогъ, герцогиня, принцъ Карлъ и принцессы были отправлены въ Шлиссельбургъ, въ крѣпость. Принцъ Петръ остался здѣсь, такъ какъ былъ еще болѣнъ". Наконецъ, Манштейнъ заключаетъ такъ: „Вчера, 10-го, появился указъ, которымъ повелѣвается учинить присягу на вѣрность императору и великой княгинѣ Аннѣ, его матери, какъ правительницѣ имперіи въ его малолѣтство, что затѣмъ всѣ полки и каждый въ отдѣльности исполнили съ радостью, будучи убѣждены, что царевна, обладающая такими рѣдкими достоинствами и такими выдающимися способностями, осчастливитъ всѣхъ во время своего управленія. Поведеніе герцога-регента должно было привести его къ паденію, такъ какъ онъ съ самаго начала своего управленія не щадилъ императорской фамиліи. Онъ сказалъ великой княгинѣ, что если она выкажетъ малѣйшее неудовольствіе, то онъ вышлетъ ее въ Германію и призоветъ герцога Голштинскаго. Онъ лишилъ герцога

Вольфенбютельскаго всѣхъ его должностей и запретилъ ему показываться публично."

Таково донесеніе Манштейна, который въ оцѣнкѣ Бирона оказывается, безъ сомнѣнія, пристрастнымъ. Хотя поступки Бирона были въ теченіи десяти лѣтъ вполнѣ преступны, все же и враги его должны согласиться, что приведенныя здѣсь обвиненія по большей части неосновательны. Единственную причину этой революціи должно искать въ томъ, что Аннѣ хотѣлось царствовать. Однако, она не имѣла къ тому ни малѣйшей способности. Она была несвѣдуща, сладострастна и въ высшей степени безпечна—недостатки, которые не могли быть возмѣщены у нея, какъ правительницы, молодостью и красотою. Въ ея склонности къ управленію она была поддерживаема графомъ Минихомъ, его гордостью, мстительностью и стастью къ возможно большему вліянію. Тотчасъ же были посланы курьеры въ Москву, чтобъ арестовать старшаго брата Бирона, и въ Ригу, для заарестованія губернатора и генералъ-лейтенанта Бисмарка[1]) женатаго на сестрѣ герцогини Бирон*). Въ Петербургѣ, равнымъ образомъ, были арестованы всѣ, считавшіеся креатурами Бирона, какъ напримѣръ, тайный совѣтникъ Бестужевъ.[2])

---

[1]) Кромѣ приведеннаго здѣсь обстоятельства мы не знаемъ ровно ничего о Бисмаркѣ. Въ 1742 году онъ возвратился изъ ссылки съ братьями Бирономи.

*) Князь А. Голицынъ, Бисмаркъ на русской службѣ (Архивъ, 1867, 904). Манштейнъ, 139, 202, 209, 249; Воронцовъ, V, 482, 471; VII, 296, 350; Чтенія, 1862, I, 146, 1871, III, 49; Шетарди, 6, 12, 193; Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 482; Соловьевъ, XX, 423; XXI, 45.

[2]) Алексѣй Бестужевъ Рюминъ, изъ англійской фамиліи, родился въ россіи. Онъ сперва всупилъ въ англійскую

Какъ только Бирон былъ заточенъ, начали конфисковать его движимое и недвижимое имущество. Драгоцѣнности, найденныя въ его дворцѣ, достигали по цѣнѣ 14-ти милліоновъ рублей. Между прочимъ, тамъ находился туалетъ изъ чистаго золота, украшенный къ тому же драгоцѣнными камнями. Кажется страннымъ, что при всемъ этомъ Бирон могъ имѣть до 300,000 рублей долга.

Всѣ герцогскія вещи въ Митавѣ, Либавѣ и Виндавѣ было опечатаны. Чтобъ сдѣлать что-либо большее, необходимо было получить сперва разрѣшенія Фридриха Августа II, который, какъ главный ленный владѣтель Курляндіи, вступился за герцога. Но такъ какъ Бирон находился собственно въ русской службѣ и теперь разсматривался какъ государственный преступникъ, то король ничего не могъ для него сдѣлать. Изъ дружбы къ русскому двору король согласился также на секвестръ герцогскихъ аллодіальныхъ земель въ Курляндіи и отдалъ необходимыя для этого приказанія мѣстнымъ старшимъ совѣтникамъ или министрамъ. Въ то же время король не преминулъ просить объ освобожденіи квйего вассала. Минихъ и Остерманъ были тѣ два лица, къ которымъ слѣ-

---

службу, потомъ къ Петру I. При немъ и при его преемникахъ онъ былъ посломъ, вице-канцлеромъ и великимъ канцлеромъ. Къ счастью человѣчества немного такихъ злыхъ людей, какъ онъ. Онъ возбудилъ заговоръ противъ великаго князя Петра, а самъ сталъ жертвою этого заговора. Елизавета сослала его въ его помѣстье. Петръ III не возвратилъ его, но Екатерина II сдѣлала демонстрацію изъ своей благодарности за его мнѣнія, ей благопріятныя. Она вызвала его, не дала ему никакой должности, но пенсію въ 20,000 рублей. Онъ умеръ въ 1768 г., имѣя 78 лѣтъ.

довало обращаться, если хотѣли въ то время получить что либо отъ Россіи. Минихъ отвѣчалъ:

„Обманы и несправедливости Бирона были столь велики, что его нельзя освободить безъ наказанія; ежедневно открываются новыя его преступленія. Король ничего отъ этого не потеряетъ; дружба и высокое уваженіе великой княгини-правительницы къ Фридриху Августу II глубоко вкоренены; союзная система дрезденскаго и петербургскаго дворовъ остается тою-же; Бирон̀ъ не можетъ вновь вступить во владѣніе герцогствомъ курляндскимъ, такъ какъ онъ есть государственный преступникъ; поэтому король представитъ важное доказательство своего расположенія къ русскому двору, если пожелаетъ дать свое согласіе на избраніе новаго герцога въ лицѣ принца Брауншвейгскаго“ [1]).

Осерман̀ъ, по обыкновенію, отвѣчалъ фразами, ничего не значущими.

Ожидали, что уже въ мартѣ 1741 года состоится окончательный приговоръ надъ Бирономъ; но составленная противъ него коммиссія была только еще усилена новыми членами и отправлена въ Шлиссельбургъ для производства допроса. Туда же былъ отвезенъ и Бестужевъ, замѣшанный въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, чтсбъ подвергнуться допросу вмѣстѣ съ Бирономъ.

[1]) Вѣроятно, Минихъ имѣлъ въ виду принца Лудвига, который находился тогда въ Петербургѣ, предполагая жениться на Елизаветѣ. Послѣ революціи, произведенной этою царевною, онъ отправился въ Голландію, гдѣ его вскорѣ всѣ стали ненавидѣть и презирать. Онъ былъ очень толстъ и голландцы прозвали его брауншвейгскимъ чудовищемъ (monstrum). Онъ долженъ былъ покинутъ Голландію и отправился въ Веймаръ, гдѣ и умеръ.

Наконецъ, въ маѣ 1741 г. былъ обнародованъ приговоръ надъ бывшимъ герцогомъ-регентомъ: три воскресенья подърядъ приговоръ этотъ читали народу въ церквахъ. Бирономъ былъ осужденъ на смертную казнь; правительница даровала ему жизнь, но онъ подлежалъ отправкѣ въ Сибирь на вѣчное заточеніе. Его будущее пребываніе должно было быть въ Пелымѣ. Этотъ маленькій городокъ, имѣвшій тогда до со плохихъ домишекъ, лежитъ въ 600 верстахъ за Тобольскомъ, главнымъ городомъ Сибири. Еще задолго до него туда былъ посланъ опытный архитекторъ, чтобъ выстроить небольшое, деревянное, обнесенное высокимъ тыномъ, зданіе, чертежъ котораго былъ составленъ самимъ Минихомъ. Несчастный Минихъ и не подозрѣвалъ тогда, что его враги будутъ настолько жестоки, что вскорѣ заставятъ его жить въ этомъ самомъ домѣ!

Здоровье Бирона сильно пострадало отъ этихъ потрясеній. Ему была, однако, оказываема всевозможная помощь и, вообще, какъ его, такъ и его семью содержали хорошо. Когда онъ поправился, были приняты мѣры къ отѣзду его въ Сибирь. По обѣщанію правительницы Бирономъ долженъ былъ въ послѣдствіи поселиться въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ климатъ Пелыма очень суровъ; но теперь онъ долженъ былъ всетаки ѣхать въ Пелымъ и оставаться тамъ. Для надзора за нимъ былъ назначенъ офицеръ лейбъ-гвардіи, который смѣнялся ежегодно. Впрочемъ несчастному герцогу и его семьѣ было опредѣлено приличное содержаніе. Ему былъ данъ нѣмецкій евангелическій пасторъ, равно какъ и хирургъ, имѣвшій несчастіе незадолго предъ тѣмъ убить русскаго офицера и

получившій жизнь, которой онъ долженъ былъ лишиться, только подъ условіемъ сопровождать герцога.

Съ этого момента жизнь Бирона, въ теченіи 20 лѣтъ, теряетъ всякій интересъ. Въ Пелымѣ оставался онъ только одинъ годъ. Минихъ, способствовавшій его несчастію, смѣнилъ Бирона въ Пелымѣ. Когда Биронъ уѣзжалъ оттуда, а Минихъ ѣхалъ туда, оба эти замѣчательные мужи встрѣтились на столбовой дорогѣ. Оба посмотрѣли пристально другъ на друга и разошлись, не выдавъ ни единымъ взглядомъ волновавшихъ ихъ чувствъ. Герцогъ всегда говорилъ, что царевна Елизавета освободитъ его изъ заточенія. По восшествіи на престолъ, она вспомнила о немъ и одно изъ первыхъ ея распоряженій касалось освобожденія семьи Бирона. Однако, при дворѣ этой государыни были люди, имѣвшіе причины не желать возвращенія герцога. Елизавета, легко поддававшаяся вліянію другихъ, отмѣнила свое распоряженіе и приказала семьѣ Бирона, выѣхавшей уже изъ Пелыма, отправиться въ Ярославль. Это — главный городъ провинціи того же названія, достигшій во время управленія герцога государствомъ тогдашняго своего цвѣтущаго состоянія, которое было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. До конца царствованія императрицы Елизаветы семья Бирона жила въ Ярославлѣ, пользуясь извѣстною свободою и даже благосостояніемъ, такъ какъ ей были предоставлены доходы съ ея аллодіальныхъ владѣній въ Курляндіи.

Петръ III по собственному побужденію, вызвалъ Бирона. Съ пятидесятыхъ годовъ Фридрихъ Августъ II не ходатайствовалъ болѣе объ

освобожденіи плѣнника. Елизавета, желая избавиться отъ безпрестанныхъ отрицательныхъ отвѣтовъ, разъ навсегда объявила за себя и за своихъ преемниковъ, что Бирономъ никогда не будетъ освобожденъ, тѣмъ менѣе возстановленъ во владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ. По собственному почину Елизаветы Курляндія была предоставлена принцу Карлу Саксонскому и Польскому. Теперь при Петрѣ III явилась какая то смѣсь благотворительности и несправедливости, уничтожившая все это. Когда Бирономъ впервые предсталъ предъ императоромъ, онъ бросился къ его ногамъ, благодарилъ за дарованную свободу и просилъ не оставить его и впредь своими милостями. Петръ III поднялъ его и сказалъ: „хотя вы не можете сдѣлаться опять герцогомъ Курляндіи, я желаю все таки вознаградить васъ такъ, чтобъ вы могли быть довольны". Это заявленіе звучало весьма благородно, но смыслъ его не былъ такимъ. Хотя Бирономъ не могъ получить Курляндію, все-же настоящій законный владѣтель этой земли былъ изгнанъ изъ нея Саксонскій домъ и особенно принцъ Карлъ были ненавистны императору по частнымъ причинамъ, заслуживающимъ порицанія. Императоръ хотѣлъ теперь выказать свою ненависть, насильно отнять землю у герцога Карла и отдать ее одному изъ своихъ голштинскихъ родственниковъ. Разсказъ о намѣреніяхъ императора относительно Бирона не входитъ въ нашу задачу. Эти намѣренія остались, сверхъ того, только въ проектѣ. Въ краткое царствованіе Петръ III Бирономъ оставался въ Петербургѣ и жилъ въ домѣ своего зятя, барона Черкасова. Здѣсь, при дворѣ императора, гдѣ вновь свидѣлись столь многія лица, составив-

шія несчастіе другъ друга, здѣсь встрѣтились также Бирономъ и Минихъ. Чувствованія всѣхъ этихъ лицъ, особенно-же этихъ двухъ сановниковъ, раскрыли бы, если-бъ были извѣстны, психологамъ много новыхъ, неизвѣстныхъ еще, складокъ человѣческаго сердца. Когда Бирономъ и Минихъ свидѣлись въ первый разъ при дворѣ, императоръ сказалъ, обращаясь къ нимъ:

— „А, вотъ два старые добрые друга — они должны чокнуться“:

Онъ приказалъ подать вина, самъ налилъ и подалъ каждому стаканъ. Въ этотъ моментъ вошелъ въ комнату Гудовичъ и сказалъ что-то императору на-ухо (позже узнано, что это былъ отдаленный намекъ, чтобъ обратить вниманіе императора на будущую революцію, которому онъ не придалъ значенія). Петръ III вышелъ и долго не возвращался. Едва императоръ удалился, Бирономъ и Минихъ оглянули другъ друга строгимъ взглядомъ подавленной мести и однимъ движеніемъ оба поставили стаканы на столъ и повернулись спиною другъ къ другу. Императоръ возвратился, но, по счастью, забылъ о примиреніи — едва-ли Бирономъ и Минихъ могли бы сдержать при этой сценѣ свои лица, которыя выдали бы волновавшія ихъ чувства.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала извѣстная революція 1762 года. Даже и послѣ своего изгнанія и при полномъ сознаніи своего безсилія, Бирономъ все таки остался палачомъ въ душѣ и сказалъ по поводу переворота 1762 года: „если-бъ Петръ III вѣшалъ, рубилъ головы и колесовалъ, онъ остался бы императоромъ“. Взглядъ Бирона можетъ быть

и вѣренъ, но примѣненіе его было бы ужасно для русскаго народа.

Перемѣна правленія была весьма счастлива для Бирона. Екатерина II не чувствовала такой склонности къ Голштинскому дому, какъ Петръ III, но вполнѣ раздѣляла съ своимъ супругомъ ненависть къ саксонскому дому. Не обращая вниманія на оскорбленное чувство отца и на нарушеніе верховныхъ правъ леннаго владѣтеля, она написала Фридриху Августу II письмо, которое останется на всегда образцомъ коварной и неловкой насмѣшки. Она говорила ему, что спѣшитъ удовлетворить великодушное и столь часто повторявшееся ходатайство короля за герцога Бирона Курляндскаго и ожидаетъ только согласія его, какъ сюзерена, чтобъ возстановить Бирона въ его герцогствѣ. О принцѣ Карлѣ, какъ законномъ герцогѣ Курляндіи, она не упомянула ни единымъ словомъ. Соединенныя представленія короля и курляндскихъ чиновъ ничего не помогли. Карлъ былъ до того стѣсненъ въ Митавѣ, что долженъ былъ бѣжать, чтобъ не попасть въ плѣнъ. Фридрихъ Августъ II, желавшій избѣжать дальнѣйшихъ усложненій, былъ настолько податливъ, что предоставилъ разрѣшеніе вопроса самой императрицѣ. Вскорѣ затѣмъ, въ 1763 году, Бирон былъ силою возстановленъ въ Курляндіи. Въ томъ же 1763 году умеръ король и его преемникъ Станиславъ Понятовскій утвердилъ, въ 1764 году, возстановленіе Бирона герцогомъ Курляндіи. Съ этого времени герцогъ постоянно оставался въ своей землѣ и правилъ ею съ такою строгостью, что жалобы его подданныхъ раздавались все громче.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ передалъ управленіе своему старшему сыну.

Бирон умеръ въ Митавѣ, въ концѣ 1772 года, будучи 82 лѣтъ; русскій дворъ оказалъ ту честь его памати, что наложилъ, въ январѣ 1773 года, восьмидневный трауръ по немъ.

Бирон обладалъ умомъ и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда въ Россіи, хорошо зналъ россійскую имперію. Сверхъ того, онъ обладалъ вообще способностями управленія и способствовалъ тому, что правленіе императрицы Анны считалось однимъ изъ самыхъ славныхъ царствованій ея вѣка. Впрочемъ. извѣстно, что онъ получилъ очень посредственное образованіе; онъ даже не говорилъ по французски. Моральныхъ качествъ въ немъ вовсе не было. По характеру онъ любилъ роскошь, былъ властолюбивъ, честолюбивъ, неучтивъ, корыстолюбивъ, злопамятенъ и жестокъ.

Мы знаемъ уже, что Эрнстъ Иванъ Бирон женился нѣкогда въ Курляндіи. Этотъ бракъ заключенъ по желанію герцогини Анны, чтобъ менѣе подозрѣвали его фаворитизмъ. Бирон очень хлопоталъ, чтобъ найти себѣ невѣсту, но богатые курляндскіе дворяне сильно затруднялись принять въ свою семью человѣка безъ имени. Наконецъ, одинъ дворянинъ согласился на это. Это былъ Вильгелмъ фонъ-Трота, прозванный Трейденомъ, человѣкъ очень хорошей фамиліи, но находившійся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ выдалъ за Бирона свою дось. Она называлась Бенигна Готлиба *); родилась 4 октября 1703 года и вышла замужъ за Бирона въ 1722 году. Намъ

*) Бенигна Готлиба, 1703—1783. Ширяевъ, Б. Г. Бирон („Русская Старина“, 874, XI, 772).

неизвѣстны душевныя качества герцогини; мы знаемъ только, что она была невыносимо горда, выказывала большую привязанность къ своему мужу, умѣла съ покорностью переносить его капризы и даже смягчать его гнѣвъ. Время ея смерти намъ неизвѣстно.

Биронъ оставилъ двухъ сыновей и одну дочь, жизни которыхъ мы желали бы коснуться только слегка.

Петръ *) родился 4 января 1724 года. Многія лица петербургскаго двора утверждали, что слышали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, будто Петръ былъ сынъ Ернста Ивана, но не отъ названной его матери, Бенигны Готлибы, а отъ вдовствовавшей герцогини курляндской Анны, бывшей впослѣдствіи русскою императрицею. Говорили даже, будто черты лица Петра напоминали обликъ Анны. Петръ получилъ въ Россіи весьма хорошее для тогдашняго времени образованіе. При ссылкѣ отца онъ остался въ Петербургѣ, такъ какъ страдалъ лихорадкой. Поправившись, онъ долженъ былъ раздѣлить участь своего отца. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ возведенъ Петромъ III въ генералъ-маіоры кавалеріи. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ отецъ передалъ ему управленіе Курляндіей. Потому-ли, что чины были вначалѣ недовольны его отцомъ или-же впослѣдствіи, по другимъ причинамъ, имѣли поводъ быть недовольны имъ лично, но извѣстно только, что время его правленія было весьма бурное. Виною этого было. по большей части, непо-

*) Петръ Биронъ, 1724—1800. Письмо П. Бирона (Blum, III, 489); Храповицкій, 77, 96; Зиновьевъ, 405; Письма гр. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 427); Дипломат. документы (Сборникъ, XXXVII, 627); Шетарди, 316; Порошинъ, 459, 478.

мѣрное корыстолюбіе герцога. Онъ собралъ несмѣтныя богатства и, какъ бы предугадывая свое несчастіе, купилъ много земель въ Чехіи и въ Прусскомъ государствѣ. Чтобъ имѣть возможность дѣйствовать по своей волѣ, онъ оказывалъ покровительство, раздавалъ подарки и деньги придворнымъ и министрамъ въ Россіи, которые, однако, не помогли ему. Наконецъ, неудовольствіе вышло наружу. Депутація отъ курляндскихъ чиновъ отправилась въ Петербургъ и Екатерина II, не имѣвшая ни малѣйшаго понятія о правѣ и раздраженная тѣмъ, что герцогъ присоединился къ Пруссіи, присвоила себѣ право быть судьею между герцогомъ и нинами. Она уподобилась при этомъ тому судьѣ въ баснѣ, который проглотилъ устрицу, а скорлупу отдалъ тяжущимся. Она завладѣла герцогствомъ Курляндскимъ. Никогда еще узурпація не сопровождалась болѣе неприличными и болѣе возмутительными обстоятельствами. Подкупленная депутація, не призванная къ тому страною, является въ Петербургъ и предлагаетъ землю, располагать которою она не имѣла никакого права. Въ то же время къ этому принуждаютъ и герцога, и онъ пережилъ величайшее униженіе, которое только можетъ постичь государя. Лѣтомъ 1795 г. онъ долженъ былъ отказаться отъ владѣнія Курляндіей; среди бѣлаго дня, съ большою торжественностію, въ публичной аудіенціи, императрица соблаговолила принять въ Лѣтнемъ дворцѣ землю, предложенную ей депутаціей; и въ тотъ же самый день эта депутація имѣла безстыдство явиться съ визитомъ къ своему низложенному герцогу. Можно было полагать, что такія злополучія поразятъ человѣка, но, говорятъ, онъ остался такимъ же. Онъ

отправился путешествовать, объѣзжалъ свои земли и умеръ 13 января 1800 года.

Петръ былъ женать три раза, и ни въ одномъ бракѣ не былъ счастливъ. Вѣроятно, онъ самъ былъ виноватъ въ этомъ. Его первая жена была принцесса Вальдекская. Насколько намъ извѣстно, онъ разошелся съ нею и она вскорѣ послѣ этого умерла. Послѣ ея смерти онъ женился на княжнѣ Юсуповой [1]). Она не могла жить съ нимъ и вскорѣ покинула его. Онъ долженъ былъ выдать ей 80,000 рублей единовременно и выдавать по 20,000 рублей ежегодно. Она умерла въ Россіи. Наконецъ, онъ женился на послѣдней своей женѣ Аннѣ Шарлотѣ Доротеѣ [2]), рожденной фонъ-Медемъ [3]), изъ Курляндіи. Долгое время онъ жилъ съ нею весьма счастливо, но, наконецъ, удовольствіе и этого брака было нарушено. Эта любезная женщина прославилась своею любовью къ наукамъ, познаніями въ эстетикѣ и обширными влеченіями ко всему прекрасному. Она очень богата. Послѣдніе года она жила въ Берлинѣ, теперь живетъ въ Петербургѣ.

Только отъ одной ея герцогъ имѣлъ дѣтей, и именно четырехъ дочерей. Екатерина Фридерика, самая старшая и богатая, которая по ея владѣнію

---

[1]) Братъ этой дамы (Евдокіи Борисовны Юсуповой) живетъ, вѣроятно, и теперь еще въ Петербургѣ—дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Андрея. Онъ очень богатъ; онъ покровитель и знатокъ искусствъ и наукъ. Его жена, рожденная Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина и вдова генерала Михаила Потемкина.

[2]) Младшей сестрѣ талантливой нѣмецкой писательницы г-жи фон-дер-Рекке.

[3]) Эта фамилія была позже возведена въ графское достоинство.

называлась герцогиней Саганъ, была сперва за принцемъ Роганомъ, но развелась съ нимъ и вышла за князя Трубецкаго, который тоже живетъ влади отъ нея, въ Россіи. Вторая дочь, Марія Паулина, есть наслѣдная принцесса Гогенцоллернгехинская, но рѣдко бываетъ у мужа. Третья дочь, Іоганна Катерина, была при отцѣ въ послѣдніе годы его жизни. Въ это время онъ, конечно, не имѣлъ уже болѣе качествъ, необходимыхъ для надзора за молодою, красивою и живою дочерью. Она теперь замужемъ за герцогомъ д'Ацеренза-Бельмонте-Пиньятелли, который обыкновенно живетъ въ Берлинѣ. Четвертая дочь, Доротея, еще дѣвушка.

Карлъ Эрнестъ *), второй сынъ герцога Эрнеста Ивана Бирона, родился 30 сентября 1728 года. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ братомъ и раздѣлилъ съ нимъ участь своего отца. Петръ III назначилъ его генералъ-маіоромъ пѣхоты. Отецъ всегда былъ недоволенъ имъ, а съ своимъ братомъ онъ вѣчно ссорился изъ-за требованія денегъ, при чемъ, какъ говорятъ, Карлъ Эрнестъ заявлялъ претензіи не вполнѣ неосновательныя. Жизнь этого принца, вробще, полна незаслуженныхъ несчатій и была сплетеніемъ заблужденій, ставившихъ его въ самыя непріятныя положенія. Мы не будемъ касаться, основательны или неосновательны эти заблужденія, но въ общественномъ мнѣніи они

*) Анекдоты о Карлѣ Эрнестѣ, вѣрные или невѣрные, напечатаны между прочимъ въ книгѣ: „Merkwürdige, in dem Archive der Bastille wirklich gefundene, Inquisitions-Akten, Protocolle und andre wichtige Papiere. Ein Beitrag zur Geschichtskunde und Menschenkenntniss. Leipzig, 1790 (Челобитная Карла Бирона, см. „Русская Старина“, 1873, VII, 66).

настолько повредили ему, что Екатерина II потребовала отъ него унизительнаго отреченія отъ правъ на наслѣдованіе въ Курляндіи, въ пользу его сына. Карлъ Эрнестъ умеръ въ прусскомъ помѣстьѣ 16 октября 1801 г., въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Женою его была полька изъ древняго и славнаго рода Понинскихъ[1]). Жива-ли она еще — неизвѣстно. Отъ этого брата произошли два сына и двѣ дочери. Самый младшій принцъ, Петръ Алексѣй, камергеръ русскаго двора, имѣлъ процессъ съ своею теткою и ея дочерьми, который окончился въ его пользу. Онъ теперь путешествуетъ. Намъ неизвѣстна судьба дочерей — Луизы Каролины и Анны Катерины*). Счастливая заря старшаго сына, Каликста Густава, обѣщала ему блестящую жизнь. Екатерина II, желая огорчить герцога Петра, возъимѣла мысль воспитать при своемъ дворѣ этого молодаго Бирона, какъ будущаго герцога Курляндіи — мысль, въ которой она очень скоро раскаялась. Полковникъ Будбергъ[2]) былъ посланъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ, секретно въ Пруссію, вошелъ въ переговоры съ принцемъ Карломъ Эрнстомъ Биромомъ, которые, какъ мы

---

[1]) Братъ Аполлоніи Матвѣевны Понинской извѣстенъ въ новой польской исторіи своими много различными несчастными приключеніями.

*) Луиза (1791—1853), съ 1816 г., за графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ; принцесса Екатерина умерла ребенкомъ.

[2]) Полковникъ Будбергъ былъ позже посломъ въ Швеціи и имѣлъ короткое время портфель иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ принималъ нѣкоторое участіе въ воспитаніи императора Александра I. Въ 1808 г. онъ получилъ полную отставку.

видѣли, окончились для принца не очень-то почетно, и привезъ въ Петербургъ его сына, принца Каликста Густава. Императрица приняла его съ такою изысканною милостью, что даже полагали, что можетъ быть рѣчь о бракѣ его съ великою княжною Еленою, которая впослѣдствіи стала наслѣдною принцессою мекленбургъ-шверинскою. Онъ жилъ въ частномъ домѣ, но императрица часто призывала его къ себѣ и разрѣшила ежедневно посѣщать ее и молодыхъ великихъ князей. Даже великіе князья посѣщали его. Однажды, когда онъ былъ у императрицы, она, представляя его одному придворному вельможѣ, стала говорить съ этимъ вельможей о своемъ великодушномъ намѣреніи помочь юному Бирону стать законнымъ владѣтелемъ Курляндіи и заключила знаменательными словами; „il me paraît que c'est de toute justice". Но вскорѣ затѣмъ ей показалось, равнымъ образомъ, de toute justice не исполнить ожиданія принца Густава Бирона и присоединить герцогство къ имперіи. Блестящія надежды обращались мало-по-малу въ дымъ и юный наслѣдній принцъ Курляндіи сталъ гвардейскимъ офицеромъ и камергеромъ. Тѣмъ не менѣе, составленный императрицею и ею же брошенный проектъ имѣлъ ту выгоду, что сыновья принца Карла Эрнста Бирона (младшій былъ тоже перевезенъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ матерью) получили очень хорошее образованіе. Ихъ матеріальное положеніе также улучшилось, такъ какъ герцогъ былъ обязанъ выдавать на воспитаніе своихъ племянниковъ, о чемъ онъ мало безпокоился, ежегодно, если мы не ошибаемся, 40,000 талеровъ и удовлетворить другія денежныя претензіи принца Карла Эрнста. Принцъ Густавъ

Бирономъ купилъ помѣстье въ Силезіи, гдѣ онъ теперь и живетъ. Недавно онъ женился на графинѣ Мальцанъ, отецъ которой имѣетъ большія владѣнія въ этой провинціи.

Дочь герцога Эрнста Ивана Бирона курляндскаго, Гедвига Елизавета, родилась 23 іюня 1727 г. Она была очень хорошо воспитана въ Россіи. Уже въ 1740 г. у отца просили ея руки. Удѣльный князь Саксенъ-Мейнингенскій предлагалъ ей свою руку, и даже писалъ главѣ своего дома, королю Фридриху Августу II, прося его поддержать у герцога его предложеніе. Кто могъ бы думать, что король скомпрометтируетъ себя въ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ такъ именно и случилось. Бironъ имѣлъ наглость отклонить предложеніе принца. Вскорѣ затѣмъ произошла революція и Гедвига Елизавета послѣдовала за родителями и братьями въ Шлиссельбургъ и въ мѣсто ихъ ссылки. Здѣсь она очень скучала — только этому чувству можно приписать ея рѣшимость принять греческую вѣру. Императрица Елизавета узнала объ этомъ и, какъ женщина слабая и суевѣрная, поспѣшила вознаградить это фальшивое религіозное рвеніе. Принцесса Гедвига Елизавета получила свободу, перешла 26 августа 1749 г. въ греческую вѣру и сдѣлана статсъ-дамою императрицы. У нея было довольно времени, чтобъ покаяться въ неловкой гордости отца, предназначавшаго ее, вѣроятно, какому нибудь царствующему государю. Она была въ лѣтахъ и должна была, наконецъ, выйти въ 1759 г. за барона Александра Черкасова[1]) бывшаго

[1]) Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ дослужился до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ президентомъ медицинской коллегіи и кавалеромъ ордена св.

тогда только поручикомъ императорской гвардіи. Мы слышали, будто бракъ этотъ не былъ счастливъ, и у нихъ не было дѣтей*). Впронемъ, мы ничего болѣе не знаемъ о Гедвигѣ Елизаветѣ**). Ради дешевизны поселилась она въ Дерптѣ, хорошенькомъ городкѣ Лифляндіи, и жила еще тамъ въ концѣ девяностыхъ годовъ[1]).

Александра Невскаго. Баронское россійской имперіи достоинство пожаловано отцу его, Ивану Антоновичу, императрицею Елизнветою въ 1842 году.

*) Было двое дѣтей: баронъ Петръ Александровичъ и баронесса Елизавета Александровна, бывшая за полковникомъ Пальменбахомъ. Овдовѣвъ, г-жа Пальменбахъ была начальницею Смольнаго монастыря, кавалерственною дамою и другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны,

**) Воронцовъ, II, 532; Архивъ, 1871, 1906.

[1]) Она умерла 31 марта 1797 года.

XLI.

Карлъ Бирон II.

Карлъ Бирон, старшій братъ герцога, еще въ ранней молодости вступилъ въ русскую военную службу. Онъ былъ произведенъ въ офицеры, но вскорѣ затѣмъ, во время войны, взятъ въ плѣнъ шведами. Бирон бѣжалъ изъ плѣна, отправился въ Польшу и былъ подполковникомъ польскихъ войскъ. Какъ только герцогиня Анна Курляндская вступила на русскій престолъ, Карлъ Бирон отправился въ Россію, гдѣ вскорѣ сталъ генералъ-аншефомъ и, наконецъ, московскимъ комендантомъ. чѣмъ былъ еще и при паденіи своего брата. Тогда были посланы приказанія въ Москву и Ригу арестовать его и рижскаго коменданта генерала Бисмарка, зятя герцога Бирона. Карлъ Бирон былъ отправленъ тоже въ ссылку.

Въ 1742 году онъ опять получилъ свободу. Это случилось какъ разъ въ то время, когда герцогъ былъ перевезенъ изъ Пелыма въ Ярославль. Карлъ Бирон отправился въ свои имѣнія въ Курляндію, гдѣ и умеръ.

Это былъ человѣкъ безнравственный пьяница. Во время дракъ, въ пьяномъ видѣ, онъ получилъ много ранъ, которыя сдѣлали его неспособнымъ къ службѣ.

XLII.

Густавъ Бирон Ъ III.

Густавъ Бирон Ъ, младшій братъ герцога, былъ сперва въ польской военной службѣ. По восшествіи на престолъ императрицы Анны онъ переѣхалъ въ Россію, сталъ маіоромъ гвардіи и очень скоро генералъ-аншефомъ. Несчастіе брата имѣло дурное вліяніе и на него, жившаго тогда въ Петербургѣ. Манштейнъ говоритъ въ своей реляціи; „На обратномъ пути изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ я былъ командированъ арестовать генерала Бирона. Я нашелъ[1]) его въ постелѣ и сказалъ ему, чтобъ онъ проворнѣе вставалъ, такъ какъ я имѣю сообщить ему нѣчто весьма важное. Когда онъ, такимъ образомъ, подошелъ къ двери, я взялъ его за обѣ руки и сказалъ, что именемъ е. и. в. арестую его, и что герцогъ, его братъ, также арестованъ уже. Онъ всталъ звать стражу, но ему заткнули ротъ платкомъ. Одинъ изъ солдатъ,

[1]) Домъ въ которомъ жилъ Бирон Ъ и который принадлежалъ ему, можно еще видѣть. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ. Онъ находится на Мильонной улицѣ; если идти отъ Зимняго дворца, на правой рукѣ. У этого дома четыре большіе колонны, сѣраго и чернаго мрамора, на которыхъ покоится балконъ. Домъ не великъ, но расположенъ со вкусомъ и убранъ роскошно.

прежде чѣмъ вошелъ въ комнату, имѣлъ предосторожность отвязать ремни отъ карабина. Этимъ ремнемъ связали мы ему руки, положили въ сани, завернули голову въ солдатскую шинель и отвезли въ Зимній дворецъ, гдѣ уже находился герцогъ подъ надзоромъ". Густавъ Бирономъ тоже отправился въ Сибирь.

Въ 1742 году онъ былъ возвращенъ и ему было обѣщано мѣсто въ арміи, но онъ умеръ въ Петербургѣ прежде, чѣмъ успѣлъ получить его.

Густавъ Бирономъ былъ человѣкъ честный, но безъ всякаго образованія, какъ и его братья не отличался онъ и особеннымъ умомъ.

XLIII.

Эйхлеръ.

Эйхлеръ, нѣмецъ, самаго низкаго происхожденія, былъ флейтистъ на службѣ одного изъ князей Долгорукихъ, пользовавшагося особенною милостію Петра II. При помощи своего господина, Эйхлеръ получилъ мѣсто въ одной изъ государственныхъ канцелярій.

Въ царствованіе императрицы Анны онъ сталъ кабинетъ-секретаремъ и въ этомъ качествѣ исполнялъ многія порученія кабинетъ-министра Волынскаго[1]). Это дѣлаетъ честь способностямъ Эйхлера. Волынскій былъ одинъ изъ величайшихъ людей Россіи и человѣкъ довольно взыскательный. Онъ не держалъ бы Эйхлера такъ долго у себя на службѣ, если-бъ тотъ не обладалъ необходимыми для этого способностями. Эйхлеръ былъ замѣшанъ въ ту ужасную инквизиціонную исторію, въ которой Волынскій поплатился своею головою. Эйхлеръ былъ признанъ виновнымъ. Его били кнутомъ и сослали въ Сибирь.

Въ царствованіе Елизаветы онъ хотя и былъ

---

[1]) О министрѣ Волынскомъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

возвращенъ изъ ссылки, но безъ опредѣленія къ дѣламъ. Намъ неизвѣстны другія обстоятельства его жизни.

Эйхлеръ имѣлъ дочь. Она вышла за князя Хованскаго, имѣвшаго суконную фабрику, поставлявшую сукно на всю русскую армію. Этотъ Хованскій жилъ еще въ половинѣ девяностыхъ годовъ и часто пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ поставокъ.

XLIV.

Собакинъ.

Собакинъ[1]), русскій крестьянинъ, собственно Савва Яковлевичъ, назвался же Собакинымъ послѣ того, какъ при помощибогатства нѣсколько поднялся надъ своимъ происхожденіемъ. Замѣчательный случай—избрать себѣ фамилію, напоминающую по русски нѣчто собачье.

Собакинъ началъ съ того, что въ царствованіе императрицы Анны продавалъ рыбу. Онъ жилъ бѣдно, много сберегалъ, завелъ большую торговлю, дѣлалъ поставки ко двору, сталъ зажиточнымъ, предпринялъ широкія дѣла, былъ остороженъ и счастливъ, дѣлалъ крупные поставочные контракты съ правительствомъ, накопилъ большое состояніе, но жилъ всегда скромно, занялся ростовщичествомъ и оставилъ по своей смерти, въ царствованіе императрицы Елизаветы, огромное богатство, приблизительно въ 12.000,000 рублей.

Памятникъ Собакину на кладбищѣ Александроневскаго монастыря, изъ мрамора и бронзы, стоилъ большихъ денегъ, но безвкусенъ.

Потомки этого Собакина живутъ еще въ Петербургѣ и пользуются почетомъ.

---

[1]) Въ Россіи есть и дворянская фамилія*) этого же наименованія. Равнымъ образомъ въ Саксоніи есть древнедворянская фамилія Собака (Hund).

*) Одинъ изъ птенцовъ Петра В. („Русская Старина“, 1883, XL, 77; 1872, V, 876); Сенаторъ М. Г. Собакинъ (Сборникъ, IV, 54; XIII, 164, 167, 403; Болотовъ, III, 21; Бантышъ К., Словарь, V, 70).

XLV.

Иванъ Германъ Лестокъ.

Изъ всѣхъ даровъ природы, которыми мудрое Провидѣніе осчастливило человѣчество, веселый нравъ, конечно, наиболѣе желанный даръ. Веселый нравъ усиливаетъ удовольствія и дѣлаетъ наслажденіе ими болѣе полнымъ; онъ окрашиваетъ темные предметы самыми свѣтлыми красками; помогаетъ легко переносить всѣ печальныя явленія; укрѣпляетъ нашъ духъ спокойнымъ сномъ и надеждой, двумя наиболѣе дѣйствительными средствами отдохновенія, предоставленными несчастнымъ смертнымъ; веселый нравъ помогаетъ съ мужествомъ переносить величайшія непріятности, вольныя и невольныя, и ведетъ къ глубокой старости безъ жалобъ и скорби, наконецъ, къ легкой смерти. Веселый нравъ былъ данъ въ удѣлъ и тому, чью жизнь мы предлагаемъ въ этомъ неполномъ очеркѣ.

Иванъ Германъ Лестокъ родился въ 1692 году, въ Ганноверѣ; его родители были французы. Убѣжденные въ непогрѣшимости своей религіи и, поэтому, остававшіеся ей вѣрными, родители его, почтенные граждане, мирно жили во Франціи, пока страсть Людовика XIV къ обращеніемъ не принудила ихъ покинуть родину. Увлеченный дурно

понятыми религіозными цѣлями своей супруги, г-жи Ментенонъ, этотъ монархъ полагалъ, что искупить всяческія грѣхи своего правленія насильственнымъ обращеніемъ и преслѣдованіемъ своихъ протестантскихъ подданныхъ — обстоятельство, дающее довольно невыгодное представленіе объ умѣ этого короля. По его приказанію Франція вступила въ религіозную войну съ своими же французами, которая хотя и велась собственно одною лишь стороною, но была крайне убійственна, какъ обыкновенно всѣ войны, происходящія отъ различія мнѣній[1]). Слабѣйшіе должны были уступить. Они бѣжали въ Германію, гдѣ ихъ приняли въ терпимыя объятія; родители Лестока поселились въ Ганноверѣ. Отецъ, довольно искусный хирургъ, вступилъ въ службу герцогскаго еще тогда двора.

Своего средняго сына, о которомъ идетъ рѣчь и который показывалъ склонность и способности, онъ обучилъ также хирургіи и такъ удачно, что сынъ вскорѣ достигъ необыкновеннаго искусства. Генрихъ рано развилъ свой большой умъ и предпріимчивый духъ. Сцена, на которой онъ находился, была для него мала. Отъ путешественниковъ, прибывавшихъ изъ Россіи, онъ слышалъ, что способность всякаго рода, безразлично, была вѣрнѣйшимъ средствомъ добиться тамъ богатства и почета. Онъ надѣялся, что на этомъ театрѣ будетъ въ состояніи сыграть болѣе значительную роль.

Въ 1713 году молодой Лестокъ отправился въ

---

[1]) Примѣрами этого могутъ служить, между прочимъ, войны, бывшія послѣдствіемъ реформаціи Лютера и тѣ, которыя произошли отъ французской революціи.

Петербургъ и такъ какъ въ то время русскій дворъ нуждался въ способныхъ людяхъ, то ему посчастливилось очень скоро поступить въ службу Петра I, въ качествѣ хирурга. Императоръ назначилъ его своимъ лейбъ-хирургомъ. Это мѣсто сблизило его съ монархомъ. Онъ былъ обязанъ сопровождать его и его супругу во всѣхъ путешествіяхъ, даже въ увеселительныхъ прогулкахъ по водѣ. При этихъ случаяхъ, его шутки, часто нескромныя, подвергали его наказаніямъ отъ руки самаго императора. Вспышки его веселости или, лучше сказать, его эксцентричное поведеніе и необдуманность навлекли на него, наконецъ, немилость императора. Проступокъ его неизвѣстенъ. О немъ не говорятъ ни историки, ни устное преданіе. Самъ Лестокъ, всегда откровенный и довольно часто ботливый, никогда не говорилъ объ этомъ проступкѣ; онъ говорилъ только, что на него пожаловался одинъ изъ придворныхъ служителей. Судя, однако, по наказанію, можно думать, что его проступокъ былъ не маловажный. Петръ I послалъ его въ 1718 г. въ Азію, въ городъ Казань. Тамъ онъ жилъ до смерти государя и своимъ искусствомъ пріобрѣлъ большое довѣріе, приличное содержаніе и нѣкоторый достатокъ, необычный въ той сторонѣ для лицъ его категоріи.

Екатерина I вспомнила о добрыхъ услугахъ, оказанныхъ ей Лестокомъ въ 1716 г., во время ея болѣзни, въ путешествіи по Голландіи. Она вызвала его въ 1725 г. и дала ему мѣсто хирурга при дворѣ своей дочери Елизаветы. Съ этого момента Лестокъ представлялъ своей повелительницѣ докозательства своей непоколебимой вѣрности. Уже по смерти Петра II онъ хотѣлъ по-

мочь ей овладѣть русскимъ престоломъ, но царевна не имѣла тогда мужества отважиться на такой шагъ. Онъ съ досадой увидѣлъ, что его планъ отвергнутъ, но все таки возобновилъ чрезъ одиннадцать лѣтъ свои предложенія о насильственномъ восшествіи на престолъ, во время младенчества императора Ивана Антóновича подъ опекой его матери, правительницы Анны Карловны *), принцессы Брауншвейгскóй, рожденной принцессы Мекленбургской. Теперь эти предложенія произвели впечатлѣніе на Елизавету. Она согласилась на все, что предлагалъ Лестокъ. Онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, вообще, конечно, дольно рискованныя. Его необыкновенныя усилія удались. Это тѣмъ болѣе удивительно, когда знаешь участниковъ предпріятія. Это были: Михаилъ Воронцовъ[1]), камеръ-юнкеръ царевны Елизаветы и очень еще молодой человѣкъ; Лестокъ — хирургъ; Шварцъ, бывшій музыкантъ, не имѣвшій, вѣроятно, никакого музыкальнаго таланта, и Грюнштейнъ, гвардейскій солдатъ. Изъ знатныхъ и почетныхъ лицъ только французскій посланникъ маркизъ дела-Шетарди [2]) и секретарь его посольства знали

*) Анны Леопольдовны.

[1]) Въ царствованіе Елизаветы Михаилъ Воронцовъ сталъ нѣмецкимъ графомъ, вице-канцлеромъ и, наконецъ, великимъ канцлеромъ — должность, которую онъ занималъ и въ два послѣдующія царствованія. Онъ имѣлъ репутацію честнаго человѣка. Его жена, рожденная Скавронская, была двоюродной сестрой императрицы Елизаветы.

[2]) Лично Шетарди получилъ большія награды, но не могъ добиться прочныхъ выгодъ для своего двора. Его согласіе съ Елизаветой, безъ этого не имѣвшее особаго значенія, прекратилось вслѣдъ за вступленіемъ ея на престолъ. Онъ возвратился во Францію, но вскорѣ явился

въ общихъ чертахъ о планѣ революціи, но вовсе не были знакомы съ подробностями этого плана. Главнымъ двигателемъ въ этой машинѣ былъ Лестокъ и неоспоримо, конечно, что безъ него Елизавета никогда не была бы императрицей Россіи. Онъ, обладавшій геніемъ и государственными познаніями, зналъ, что возмущеніе въ Россіи должно быть пріятно французскому двору, такъ какъ могло представить, быть можетъ, большее вліяніе французской системѣ. По его совѣту, царевна, желая переманить Шетарди на свою сторону, начала съ нимъ дружить, въ чемъ ей помогали Лестокъ и Воронцовъ и что содержалось въ строгой тайнѣ. Затѣмъ Лестокъ, въ качествѣ соотечественника и подъ видомъ особой привязанности своей семьи къ ея коренному отечеству, обратился къ французскому послу, сообщилъ ему главныя основанія плана и требовалъ отъ него денегъ для выполненія этого плана. Шетарди, видѣвшій въ этомъ предпріятіи большія для себя выгоды, передалъ ему въ теченіи нѣсколькихъ дней 9,000 дукатовъ и потомъ еще 40,000 дукатовъ. Лестокъ былъ такъ остороженъ, что ни разу не появлялся въ домѣ посольства. Онъ, Шетарди, и его посольскій секретарь вели переговоры при дворѣ и въ обществѣ. Переговоры были всегда кратки, такъ какъ посольство никогда не знало подробностей предпріятія, и ему сообщались по временамъ лишь результаты предпринятыхъ уже мѣръ. Если имъ нужно было переписываться, они клали записочки

опять посломъ въ Россію. Здѣсь онъ сдѣлался подозрителенъ и былъ бы наказанъ, если-бъ его не защитало его званіе. У него отобрали русскій орденъ и портретъ императрицы и выслали за границу.

въ табакерки и такимъ образомъ вели корреспонденцію. Но какъ ни были предусмотрительны Лестокъ и его сообщники, они не могли, однако, избѣжать нѣкоторой огласки. Подробное описаніе всего хода этой революціи входитъ въ область исторіи императрицы Елизаветы. Ходъ этой революціи получилъ уже отчасти общую извѣстность. Кто не знаетъ сценъ, происходившихъ во время кризиса этого событія: какъ графъ Остерманъ, извѣщенный о большихъ денежныхъ суммахъ, полученныхъ Шетарди, обратилъ вниманіе регентши Анны, какъ на эти суммы, такъ и особенно на Лестока, который, какъ онъ узналъ, ведетъ тайныя сношенія съ французскимъ посольствомъ; какъ Финчъ[1]), англійскій посланникъ, предостерегалъ Анну; какъ графъ Левенвольде, получивъ свѣдѣнія о готовящемся переворотѣ, разбудилъ ночью регентшу, чтобъ увѣдомить ее объ опасности угрожающей императору, ей и ея супругу; какъ въ письмѣ, полученномъ будто-бы изъ Бреславля, регентшу извѣщали о поведеніи Елизаветы и совѣтовали арестовать Лестока; какъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Анна имѣла горячій разговоръ съ Елизаветою; какъ Елизавета, по слабости духа, залилась слезами; какъ Анна, столь же слабая, какъ и Елизавета, далась въ обманъ этими слезами; какъ Елизавета, объятая страхомъ и ужасомъ, поспѣшила домой и умоляла Лестока бросить всю затѣю; какъ онъ старался успокоить ее и даже укрѣпить въ намѣреніи поторопиться привести планъ въ исполненіе; какъ онъ, во время самаго жаркаго и важнаго объясненія съ Елизаветою, наскоро набро-

[1]) Если мы не ошибаемся, Финчъ былъ потомъ посланникомъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ.

салъ на клочкѣ бумаги монахиню и висѣлицу, и тѣмъ намекнулъ принцессѣ, что, при дальнѣйшемъ промедленіи, ей предстоитъ принять образъ инокини, ему — быть повѣшеннымъ, и какъ онъ, наконецъ, поборолъ всѣ трудности, въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. отправился съ царевной и камеръ-юнкеромъ Воронцовымъ въ гвардейскія казармы, началъ и окончилъ революцію, и возвелъ Елизавету на престолъ ея отца.

Первые дни царствованія этой государыни прошли въ арестахъ и милостяхъ, причемъ тѣ и другія были равно незаслуженны. Новая монархиня, казалось, была воодушевлена только благодарностью къ Лестоку. Какъ человѣкъ порицательнаго ума и, вслѣдствіе ума и по своей опытности, какъ тонкій и вѣрный знатокъ человѣческаго сердца, Лестокъ, съ свойственною ему откровенностью, тогда уже говорилъ своей повелительницѣ, что онъ предвидитъ, какъ она забудетъ его услуги, наградитъ его неблагодарностью и, въ концѣ концовъ, отдастъ его на жертву его нынѣшнимъ и будущимъ врагамъ. Хотя Елизавета и заклинала его въ своей неизмѣнной благодарности, говорила ему, что если она когда-либо дойдетъ до подобныхъ мыслей, ей въ настоящее время столь чуждыхъ и противоестественныхъ, то ему стоитъ только написать, напомнить о своихъ услугахъ и объ этомъ разговорѣ — Лестокъ, съ обычною своею игривостью, засмѣялся, но всегда былъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія и не забывалъ при случаѣ напоминать императрицѣ, что его мнѣніе о характерѣ этой государыни и о судьбѣ, какую онъ ожидаетъ отъ нея, остается все то же. Однако, какъ уже сказано, въ первое

время она вся была проникнута благодарностью къ Лестоку. Она возвела его въ дѣйствительные тайные совѣтники [1]), сдѣлала его своимъ первымъ лейбъ-медикомъ и директоромъ всѣхъ медицинскихъ канцелярій. Мы не знаемъ много-ли онъ получалъ какъ лейбъ-медикъ, но мѣсто директора сопряжено было съ жалованьемъ въ 7,000 рублей (страшно большая сумма для того скупаго времени). Это мѣсто было тѣмъ значительнѣе и сановитѣе, что въ Россіи ни одинъ врачъ и ни одинъ хирургъ не могъ практиковать, если не былъ записанъ въ этихъ канцеляріяхъ и не былъ испытанъ ими, и всѣ аптеки содержались правительствомъ. Онъ былъ обязанъ, какъ лейбъ-хирургъ, пускать кровь императрицѣ и получалъ за каждый разъ по 2,000 рублей — преимущество, обезпечивавшее ему равнымъ образомъ значительный годовой доходъ. 30 декабря (1741 г.), въ тотъ самый день, когда она пожаловала ему почетныя мѣста и должности, она присоединила къ этому еще знакъ величайшей милости, подаривъ ему свой портретъ, брильянтами украшенный, причемъ разрѣшила носить его на голубой лентѣ, на шеѣ, подобно орденскому знаку. Какъ ни было лестно это отличіе, ему все таки

---

[1]) Дѣйствительные тайные совѣтники и генералы-аншефы составляютъ въ Россіи второй классъ; фельдмаршалы, великіе канцлеры и великіе адмиралы — первый. Титулъ превосходительства начинается съ четвертаго класса, съ генералъ-майоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Лейбъ-медики, обыкновенно, дѣйствительные статскіе совѣтники или тайные совѣтники, имѣютъ разрѣшеніе практиковать въ городѣ. При этомъ въ нашихъ нѣмецкихъ ушахъ звучитъ чрезвычайно странно, что всякій больной можетъ призвать къ себѣ его превосходительство, чтобъ онъ прописалъ ему лекарство.

казалось, что оно звучало нѣкотораго рода пренебреженіемъ, такъ какъ онъ не получилъ при этомъ никакого ордена. Лестокъ охотнѣе удовольствовался бы простою лентою, которая и по внѣшности приравняла бы его къ другимъ сановникамъ высшаго класса. Съ свойственною ему искренностью онъ часто высказывалъ это свое желаніе, но Елизавета, неизвѣстно по какому предубѣжденію, никогда не обращала вниманія на такое его желаніе. Между тѣмъ, только предубѣжденное мнѣніе могло руководить въ этомъ случаѣ волею императрицы, потому что люди, значительно низшаго произхожденія и, въ чемъ Елизавета сама уже могла сознаться, несравненно меньшихъ заслугъ, были ею щедро увѣшаны орденами. Равнымъ образомъ и изъ заграницы Лестокъ получилъ званія и подарки. Король польскій и курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ II, ревностно продолжавшій дружественныя отношенія своего отца къ русскому двору, при всѣхъ, часто происходившихъ въ Россіи, перемѣнахъ правительствъ, считалъ своею обязанностью всѣмъ любимцамъ государей въ Россіи представлять доказательства своего благоволенія. Въ первые же дни 1742 года онъ возвелъ тайнаго совѣтника Лестока въ графское достоинство и подарилъ ему свой портретъ, щедро усыпанный брильянтами, для ношенія въ петличкѣ. Графъ Лестокъ занимался дѣлами, сопряженными съ занимаемыми имъ должностями, и, по требованію самой же императрицы, трудился и надъ государственными дѣлами. Это вмѣшательство Лестока въ дѣла, вовсе не входившія въ кругъ обязанностей собственно его должностей, возбудило неудовольствіе тѣхъ, которые желали

предоставить исключительно себѣ веденіе этихъ дѣлъ. Своимъ беззаботнымъ поведеніемъ, даже въ случаяхъ наиболѣе серьезныхъ и важныхъ, онъ далъ своимъ врагамъ случай и поводъ возбудить противъ него императрицу. Его непринужденность, переходившая иногда въ легкомыслiе, но еще болѣе природная, свойственная ему подвижность, его необузданная откровенность и всякаго рода дебоши, которые, конечно, могли казаться опасными въ лейбъ-медикѣ, сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ императрицы. Послѣ бракосочетанія цесаревича, позже императора Петра III, Лестокъ выражалъ большую преданность этому принцу и его супругѣ, не имѣя при этомъ ничего иного въ виду, какъ быть всегда въ веселомъ обществѣ великой княгини и слушать ея остроумныя бесѣды. Этими то ничтожными обстоятельствами воспользовались самые горячія противники Лестока, великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ и генералъ фельдмаршалъ графъ Апраксинъ [1]), чтобъ свергнуть его. Это было имъ легко сдѣлать, такъ какъ государыня не была способна ни обсудить что-либо, ни быть благодарною. Бестужевъ и Апраксинъ говорили ей, что Лестокъ работаетъ съ берлинскимъ и стокгольмскимъ дворами во вредъ русской системѣ, что онъ находится въ тайной связи съ прусскимъ посланникомъ и враждебенъ австрійскому двору. Въ то же время они нашептывали

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ, родомъ русскій, былъ вѣрнымъ другомъ Бестужева. Въ началѣ семилѣтней войны онъ командовалъ русскими войсками, принималъ участіе въ заговорѣ Бестужева и умеръ, не будучи еще наказанъ, въ 1758 году, въ Трирукомъ, императорскомъ загородномъ дворцѣ близь Петербурга.

императрицѣ на ухо: соглашеніе Лестока съ великокняжескимъ дворомъ легко можетъ имѣть въ виду революцію, при помощи которой онъ желаетъ прежде времени возвести цесаревича на русскій престолъ. Чтобъ сдѣлать эту инсинуацію болѣе правдоподобною, они прибавляли, что Лестокъ уже задумывалъ было возвести на престолъ Петра III, вмѣсто императрицы Елизаветы. Ничего не могло быть нелѣпѣе этихъ обвиненій, которыя, какъ легко понять, ничѣмъ не могли быть доказаны. Тѣмъ не менѣе, слабая императрица допустила стать несчастнымъ того человѣка, которому она была обязана величіемъ своего положенія.

Въ 1748 году она приказала арестовать его и отвести въ петербургскую крѣпость, гдѣ былъ учрежденъ судъ надъ нимъ. Веденіе этово суда было до того несправедливо, что возмущало всякаго безпристрастнаго человѣка; только для веселаго графа Лестока оно было новымъ источникомъ забавы. Но скоро веселость покинула его, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Для обвиненія его необходимо было собственное сознаніе, чего никоимъ образомъ нельзя было добиться отъ него. Хотѣли силою вынудить отъ него сознаніе и въ 1749 г. пригрозили ему пыткой. Но это варварское средство оказалось ненужнымъ. Нѣсколькихъ легкихъ ударовъ кнутомъ было достаточно, чтобъ графъ Лестокъ сознался въ преступленіяхъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ и которыя принялъ на себя, лишь бы избѣжать болѣе жестокихъ страданій. Между тѣмъ, хотя и было его сознаніе въ преступленіяхъ, но все же не было доказательствъ. Враги ни въ чемъ не могли изобличить его; но, рѣшившись

удалить отъ дѣлъ, погубить его и расхитить его имущество, они начали тянуть процессъ. Назначена была комиссія, члены которой содержались на его счетъ. Уже этимъ значительно расхищалось его имущество. Какъ вообще расточительно выдавалось содержаніе комиссіи и какъ произвольно дѣлались обманы всякаго рода, можно видѣть уже изъ того, что комиссія имѣла наглость вывесть счетъ на перья, чернила и бумагу въ 800 рублей! Надъ этимъ безстыдствомъ Лестокъ не переставалъ хохотать. Въ 1750 г. процессъ былъ оконченъ. Приговоръ, котораго безпечная Елизавета, быть можетъ, вовсе и не читала, но все же подписала, показалъ все варварство этой государыни, о которомъ она сама и не думала, и раскрылъ всю жестокость его враговъ, которые собственно и были его палачами. Теперь, когда Лестокъ узналъ уже свой приговоръ, онъ полагалъ, что настало время напомнить деликатнымъ образомъ императрицѣ о его заслугахъ и объ ея благодарности. Онъ написалъ государынѣ, но его письмо осталось безъ отвѣта. Къ чести Елизаветы можно, однако, думать, что враги Лестока вовсе и не передавали ей этого письма. Несчастный Лестокъ, потерявшій еще въ 1748 г. всѣ свои должности, званія и отличія, былъ теперь объявленъ лишеннымъ ихъ. Только графское достоинство, которое дано ему не Россіей, не могло быть отнято у него. Лестокъ имѣлъ большія богатства въ домахъ, имѣніяхъ и драгоцѣнностяхъ, которые онъ получилъ отъ императрицы Елизаветы еще въ счастливое для него время. Чистыми деньгами только было у него найдено 40 000 рублей. Все это было конфисковано и ра-

здарено по большей части его врагамъ. Такъ, напр., Апраксину достался домъ[1]) графа Лестока въ Петербургѣ. Потеря всего этого имущества мало тронула бы графа, но тѣлесныя наказанія, которымъ имѣли безстыдство подвергнуть его, удручили на нѣкоторое время его духъ. Онъ получилъ въ крѣпости позорное наказаніе кнутомъ. Когда зажили раны, причиненныя кнутомъ, онъ былъ отвезенъ въ Угличъ, провинціальный городъ на Волгѣ, въ ярославскомъ намѣстничествѣ, въ мѣсто его ссылки. Тамъ оставался онъ до 1753 года.

Неизвѣстны причины, побудившія правительство взять графа Лестока въ 1753 г. изъ Углича и перевести его въ Великій-Устюгъ, провинціальный городъ архангельскаго намѣстничества. Его третья жена сопровождала его повсюду.

О пребываніи его въ Угличѣ и Великомъ-Устюгѣ ничего неизвѣстно. Оно было, конечно, столь же стѣснительно, какъ были ограничены средства, отпускавшіяся на его содержаніе. Онъ оставался въ Великомъ-Устюгѣ до 1762 года.

Петръ III, добродѣтельный монархъ, старавшійся исправить многія несправедливости своей тетки, возвратилъ графа Лестока изъ ссылки, но, кромѣ почета, почти ничего не далъ ему. Хотя онъ и долженъ былъ получить опять все свое имущество, но онъ могъ отыскать только домъ свой, такъ какъ все движимое разошлось во время его

---

[1]) Два года назадъ домъ этотъ еще существовалъ; вѣроятно, существуетъ онъ и теперь. Онъ стоитъ на Марсовомъ полѣ. Въ свое время онъ слылъ за прекрасный домъ; теперь едва-ли любимецъ русскаго императора захотѣлъ бы жить въ немъ, такъ онъ убогъ и малъ.

ссылки по многимъ рукамъ. Хотя онъ и искалъ свои камни, драгоцѣнности и мебель въ императорскихъ конфискаціонныхъ складахъ, но ничего цѣннаго найти не могъ. Онъ пожаловался императору и этотъ монархъ, шутя, посовѣтовалъ ему самому разъискивать свои вещи, которыя онъ можетъ признать и которыя, вѣроятно, находятся въ частныхъ домахъ, и брать, гдѣ только онъ ихъ найдетъ. Это позволеніе дало графу Лестоку новую пищу его склонности позабавиться, которую онъ еще сохранилъ. Онъ издавна зналъ людей, неблаговоливших къ нему. Онъ отправлялся въ ихъ дома, и такъ какъ они не ожидали его посѣщенія, то и не принимали необходимыхъ предосторожностей. Находя въ этихъ домахъ что либо изъ своихъ картинъ, серебряныхъ вещей или драцѣнностей, онъ безъ всякихъ разговоровъ уносилъ ихъ, увѣряя, что эти вещи его и что онъ дѣйствуетъ по приказанію императора. Жаловаться на него не рѣшались и онъ, такимъ образомъ, собралъ часть своихъ вещей. Вѣроятно, Петръ III довелъ бы Лестока до его прежняго благосостоянія, если-бы этому не помѣшала злосчастная судьба самого этого государя.

Екатерина II была настолько великодушна, что привела въ исполненіе вѣроятныя намѣренія своего супруга. Она опять назначила графу Лестоку прежнее опредѣленное содержаніе въ 7,000 рублей, не возлагая, однако, на него прежнихъ обязанностей, которыя были бы крайне тяжелы въ его преклонныхъ лѣтахъ. Это соотвѣтствовало и желанію Лестока, который не хотѣлъ уже ничѣмъ болѣе заниматься. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ говорилъ еще о дѣлахъ, былъ фран-

цузскій посланникъ баронъ Бретэйль[1]). Самъ посланникъ далъ къ тому поводъ. Мы упоминали уже о 40,000 дукатахъ, полученныхъ Лестокомъ отъ маркиза де ла-Шетарди для содѣйствія восшествію на престолъ Елизаветы, преимущественно же для подкупа гвардейскихъ солдатъ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, изъ этой суммы была уплачена только половина[2]). Причины этого должно искать въ начинавшемся уже тогда безпорядочномъ государственномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, по паденіи Лестока, его враги стали утверждать, что онъ получилъ деньги для уплаты французскаго долга, но растратилъ ихъ. Бретэйль обратился къ Лестоку, который, однако, съумѣлъ отклонить отъ себя эти хлопоты, потому что, какъ онъ говорилъ посланнику, онъ предвидитъ, что всѣ его усилія окажутся безплодными.

Послѣ того какъ Лестокъ, въ 1762 году, выразилъ Петру III и Екатеринѣ II лично свою благодарность за ихъ къ нему милости, онъ болѣе не появлялся при дворѣ. Онъ остергался скользкой почвы, на которой онъ уже два раза падалъ. Небольшой кружокъ друзей, воспоминаніе чрезвычайныхъ событій его жизни и утѣхи обѣденнаго стола составляли всю его отраду. Но и они должны

---

[1]) Въ новѣйшее время, вслѣдствіе государственнаго переворота во Франціи, Бретэйль долженъ былъ покинуть отечество. Если мы не ошибаемся, только императоръ Наполеонъ разрѣшилъ ему возвратиться во Францію. Онъ умеръ въ 1807 году.

[2]) Такъ какъ этотъ долгъ не былъ уплаченъ самою Елизаветою, то легко догадаться, что ея ближайшіе преемники еще менѣе безпокоились объ этомъ, и, такимъ образомъ вѣроятно, что русскій дворъ съ 1741 г. все еще долженъ Франціи двадцать тысячъ дукатовъ.

были прекратиться, такъ какъ онъ вскорѣ по возвращеніи изъ ссылки началъ прихварывать. Умѣренный по необходимости образъ жизни въ изгнаніи сохранилъ его, быть можетъ, такъ долго. По возвращеніи изъ ссылки, онъ, казалось, обладалъ неразстроеннымъ здоровьемъ; но вскорѣ затѣмъ стали проявляться опасные признаки, мало-по-малу умножавшіеся и ставшіе, къ старости, а еще болѣе вслѣдствіе его невѣроятной нечистоплотности, смертельными. Вовсе не преувеличиваютъ, говоря, что Лестокъ былъ заѣденъ насѣкомыми. Онъ умеръ въ 1767 г., оставаясь реформатскаго исповѣданія.

Лестокъ былъ геніальный человѣкъ. Онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, необыкновеннымъ присутствіемъ духа, вѣрнымъ сужденіемъ, глубокимъ знаніемъ людей и добрымъ сердцемъ, которое, однако, къ сожалѣнію, очень часто приводило къ заблужденіямъ, благодаря его легкомыслію. Свои великія способности онъ развилъ науками и познаніями, особенно же въ политикѣ. Впрочемъ, онъ обладалъ неунывавшею веселостью, былъ живъ и рѣзвъ до послѣднихъ дней жизни, крайне беззаботенъ и вовсе невоздержанъ на языкъ —недостатки, которыми онъ вредилъ другимъ и, что еще важнѣе, самому себѣ гораздо болѣе, чѣмъ могла бы повредить ему злоба.

Лестокъ былъ три раза женатъ. Кто была первая его жена—неизвѣстно. Она, кажется, умерла задолго до успѣховъ Лестока. Быть жожетъ, она была съ нимъ въ Казани. Вторая жена его была нѣмка, простаго происхожденія, по фамиліи Миллеръ. Она была дурна, нечистоплотна и любила выпить; тѣмъ не менѣе (вотъ какъ трудно разгадать и измѣрить причины и дѣйствія любви)

эти прелести нашли своего поклонника. Въ то время жилъ въ Петербургѣ саксонецъ Куртъ фонъ-Шенбергъ, красивѣйшій мужчина своего времени [1]). Елизавета, въ то время царевна, будущая императрица, была поражена его красотою и дѣлала ему подъ рукою предложенія, которыя были настолько не двусмысленны и не секретны, что были всѣмъ извѣстны въ Петербургѣ. И что же? Шенбергъ отвергъ предложеніе красивой Елизаветы, стать фаворитомъ, которой зависѣло только отъ него, и предпочелъ цѣпи графини Лестокъ.

Третья жена Лестока была Марія Аврора, баронесса Менгденъ. И этотъ бракъ былъ оригиналенъ: могла-ли Аврора любить человѣка, который, произведенною имъ революціею, сдѣлалъ несчастными какъ ея сестру, извѣстную Юлію Менгденъ [2]), такъ и многихъ ея родственниковъ! Впро-

---

[1]) Шенбергъ прекрасно зналъ горное дѣло и былъ посланъ Фридрихомъ Августомъ въ Россію для устройства рудниковъ. Онъ получилъ большія награды за свои важныя услуги по этой части. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя зависть и сталъ несчастливъ, благодаря интригамъ двора слабой Елизаветы. Эта императрица подписала указъ объ арестованіи Шенберга, вовсе того и не предполагая. Когда она вышла изъ залы засѣданія сената въ пріемную, она увидѣла Шенберга, подошла къ нему, пожала руку, и несчастный поцѣловалъ ту руку, которая только что подписала его погибель. Въ Россіи онъ былъ генералъ, бергъ-директоръ и кавалеръ ордена св. Александра-Невскаго. Онъ потомъ возвратился въ Саксонію, гдѣ былъ бергъ-гауптманомъ.

[2]) Юлія, баронесса Менгденъ, была первою придворною дамою и любимицею правительницы Анны Леопольдовны и воспитательница юнаго императора Іоанна. Она была уже обручена съ графомъ Линаромъ, польско-саксонскимъ посланникомъ, когда Елизавета вступила на престолъ.

чемъ, графиня была прелестная женщина и вѣрная подруга своего мужа. Въ день, когда онъ былъ арестованъ, она была въ церкви и у причастія. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда она не нашла мужа дома. Она поѣхала къ нему въ крѣпость, чтобъ никогда уже не разставаться съ нимъ. Когда она возвратилась изъ Великаго Устюга и благодарила Петръ III, она сказала ему: „Ваше Величество все такой же любезный, человѣколюбивый государь, какимъ и были. Ваше великодушное сердце прощаетъ своимъ врагамъ, но, повѣрьте мнѣ, ваша доброта погубитъ [1]) васъ. Все

Юлія была сослана въ Сибирь, и люди были такъ злы, что назначили ей одно мѣсто ссылки и даже одно помѣщеніе съ ненавистнѣйшимъ для нея человѣкомъ. Это былъ полковникъ Гаимбургъ, адъютантъ принца Антона Ульриха брауншвейгскаго. Принцъ и принцесса рѣдко бывали вмѣстѣ; адъютантъ и придворная дама слѣдовали примѣру своихъ повелителей. Трудно и представить красивую, талантливую Юлію въ ея новомъ положеніи. Привыкшая къ придворной жизни, она должна была теперь исполнять самыя низкія работы по хозяйству. Она, наконецъ, чтобъ одѣться, должна была ткать себя матерію. У одного родственника Юліи видѣли мы образцы этой шерстяной матеріи, красной съ бѣлымъ. Въ 1762 г. она возвратилась изъ ссылки и жила въ Лифляндіи. Когда Екатерина II посѣтила въ 1764 г. Ригу, она разговорилась съ баронессой Менгденъ, приказала показать образцы матеріи и разсказать всѣ подробности ея ссылки. По окончаніи разсказа государыня вскричала: „Cela fait frémir!“ Это говорено было въ 1764 году, именно въ то время, когда бывшій императоръ Иванъ, юный воспитанникъ Юліи, былъ умерщвленъ въ Шлиссельбургѣ. Юлія, баронесса Менгденъ, умерла въ Лифляндіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

[1]) Пророчество графини Лестокъ, что доброта императора погубитъ его, исполнилось, къ сожалѣнію, буквально.

таки необходимо казнить многихъ людей, которые извѣстны какъ ваши враги". — „Ахъ, графиня", отвѣчалъ императоръ, улыбаясь, „имѣйте состраданіе къ этимъ бѣднымъ людямъ. Развѣ я не то, чего только могъ желать — не императоръ Россіи? Неужели необходимо съ кровопролитія начинать царствованіе? Предоставимъ жить этимъ людямъ, которыхъ я своими благодѣяніями направлю на лучшія мысли". Графиня жила, какъ и ея мужъ, въ тиши, и никогда не являлась ко двору. По смерти графа, она отправилась въ Лифляндію, гдѣ Екатерина II предоставила ей пожизненно доходы съ 30 гакеновъ [1]) земли. Тамъ жила она еще въ 1794 году.

Лестокъ не оставилъ дѣтей, но онъ имѣлъ двухъ братьевъ, отъ которыхъ у него была многочисленная родня, получившая изъ имущества графа до 10,000 рублей. Остальное досталось женѣ его. Его старшій братъ, Иванъ Павелъ, умеръ, кажется, въ сороковыхъ годахъ; мы не знаемъ какую онъ занималъ должность. Онъ оставилъ трехъ сыновей: Іоанна Лудвига, королевско-прусскаго военнаго и городскаго совѣтника въ Кенигсбергѣ; Августа, королевско-польскаго и курфирсто-саксонскаго полковника въ Дрезденѣ, и Христіана Вернера Теодора, императорско-русскаго полковника. Младшій братъ графа Лестока, Лудвигъ, былъ полковникъ прусской службы и умеръ въ семилѣтнюю войну. Онъ оставилъ одного сына, Вильгельма, прусскаго поручика въ гусарскомъ полку Цитена, и одну дочь — Анну Софію Гедвигу. Поручикъ

---

[1]) Гакенъ земли стоитъ въ Лифляндіи 5,000 рублей; въ Эстляндіи гакенъ меньше,

Вильгельмъ Лестокъ, вѣроятно, тотъ самый, который прославился въ послѣднюю войну, какъ прусскій гусарскій генералъ. Умершій полковникомъ саксонской службы Лудвигъ Лестокъ замѣчателенъ преимущественно тѣмъ, что прославившійся въ новѣйшей исторіи Польши генералъ Домбровскій[1]) воспитанъ въ его домѣ и отчасти имъ самимъ.

---

[1]) Домбровскій началъ свою военную карьеру въ саксонской службѣ, гдѣ находился и его отецъ. Во время повторявшихся возстаній въ Польшѣ, сынъ перешелъ въ польскую службу.

XLVI.

Шварцъ.

Шварцъ, нѣмецъ простаго происхожденія, былъ первоначально музыкантомъ въ Петербургѣ. Онъ былъ музыкантъ неискусный и едва кормился своею музыкою. Естественно, что онъ пыталъ счастья на другихъ путяхъ. Онъ имѣлъ случай сдѣлать путешествіе въ Китай и, какъ человѣкъ съ головой, вынесъ изъ него большую для себя пользу. По возвращеніи, Шварцъ былъ опредѣленъ въ академію наукъ въ содержаніемъ столь ничтожнымъ, что онъ не могъ имъ жить.

Въ этомъ-то печальномъ положеніи ему открылись болѣе радостныя перспективы. Онъ былъ знакомъ съ Лестокомъ, который съумѣлъ воспользоваться имъ, какъ человѣкомъ предпріимчивымъ. Лестокъ сообщилъ ему въ общихъ чертахъ планъ революціи и поручилъ ему уговорить гвардейскихъ солдатъ содѣйствовать предстоящему восшествію на престолъ царевны Елизаветы. Шварцъ принялся за дѣло съ необыкновенную ловкостью и рѣшимостью и, вмѣстѣ съ Лестокомъ и Воронцовымъ, своими неутомимыми хлопотами много содѣйствовалъ счастливому исходу революціи 1741 года. Елизавета подарила

ему за это значительныя помѣстья и назначила армейскимъ полковникомъ. Это былъ лишь почетный титулъ — онъ никогда не былъ въ военной службѣ, которую и не зналъ.

Шварцъ*) переѣхалъ въ свое помѣстье, гдѣ и оставался. Тамъ же застигла его и смерть, не особенно почетная: крестьянская дѣвушка заколола его вилами, когда онъ силою хотѣлъ сдѣлать ее своею наложницею.

---

*) Карлъ Ивановичъ, какъ онъ значится въ официальныхъ бумагахъ.

XLVII.

Грюнштейнъ.

Необходимость нравственнаго воспитанія тогда только становится очевидною, когда тотъ, у котораго его нѣтъ, почувствуетъ, что несчастливъ именно вслѣдствіе этого недостатка.

Грюнштейнъ, саксонецъ, простаго происхожденія, былъ простой гвардейскій солдатъ и трудился въ своей ротѣ, вмѣстѣ съ Шварцомъ, въ пользу Екатерины. По восшествіи ея на престолъ, Грюнштейнъ былъ назначенъ адъютантомъ съ чиномъ бригадира*) при вновь учрежденной лейбъ-кампаніи[1]). Онъ получилъ большія помѣстья

*) Дословно по Манштейну. Въ придворномъ журналѣ, хранящемся въ государственномъ архивѣ, подъ 23 мая 1742 года записано: „Ея И. Величество изволила быть воспріемницею лейбъ-кампаніи прапорщика Юрья Гринштейна невѣсты“; и подъ 8 ноября того же года: „ввечеру была свадьба при дворѣ Ея Императорскаго Величества бригадира и лейбъ-кампаніи адютанта господина Гринштейна“.

[1]) Эта лейбъ-кампанія была та рота гвардейскихъ солдатъ Преображенскаго полка, при насильственной помощи которой Елизавета взошла на россійскій нрестолъ. Всѣ солдаты этой роты были возведены въ дворянское достоинство и получили офицерскій чинъ, но въ лейбъ-компаніи оставались простыми солдатами. Офицерами въ

и скоро сталъ генералъ-маіоромъ. У Грюнштейна не было ума, и еще менѣе нравственности, чтобъ вести себя сообразно своему положенію. Онъ доказывалъ ежедневно, что рожденъ быть только солдатомъ, котораго можетъ сдержать лишь строгая военная дисциплина. Наконецъ, онъ даже въ публичныхъ мѣстахъ сталъ неприлично выражаться объ императрицѣ и ея возлюбленномъ. Онъ былъ арестованъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Великій-Устюгъ.

Въ 1762 г. онъ былъ возвращенъ и отправился въ дарованрыя ему нѣкогда имѣнія. Дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

лейбъ-кампаніи были люди первыхъ чиновъ. Елизазета сама объявила себя шефомъ. Эти люди считали себя призванными для произведенія революцій, для великихъ переворотовъ. Они были необузданны. Поэтому-то Петръ III и уничтожилъ ихъ. Екатерина II возстановила ихъ подъ названіемъ кавалергардовъ. Павелъ I далъ имъ роскошную форму, съ серебряными латами, и уставъ, который они сохраняютъ понынѣ. Простыми солдатами въ кавалергардахъ служа обыкновенно люди очень хорошихъ фамилій.

XLVIII.

Алексѣй Разумовскій I.

Прочитавъ эту книгу, читатели замѣтятъ, конечно, что ни при одномъ правительствѣ въ Россіи не было столько низкихъ и даже подлыхъ избранниковъ, не отличавшихся никакими душевными качествами, какъ въ правленіе императрицы Елизаветы. Дворъ этой государыни кишѣлъ крестьянами, конюхами, кучерами, солдатами и лакеями, которые, сознавая свои неспособности, хотя и не опредѣлялись на государственную службу, но занимали важныя придворныя должности, обвѣшивались орденами и получали совершенно незаслуженно страшныя богатства.

Алексѣй Разумовскій былъ сынъ украинскаго крестьянина. Изъ за своего прекраснаго голоса, онъ былъ принятъ пѣвчимъ въ церковь какого-то маленькаго городка. Полковникъ Вишневскій взялъ его оттуда къ себѣ въ услуженіе. Онъ рекомендовалъ его потомъ обергофмаршалу графу Левенвольде [1]), который далъ ему мѣсто въ

[1]) Непонятно, какимъ образомъ Алексѣй не сдѣлалъ ничего, чтобъ спасти Левенвольде, которому онъ всѣмъ обязанъ. Если его руки не были связаны, то такое поведеніе показываетъ крайнюю безчувственность.

хорѣ императорскихъ пѣвчихъ. Здѣсь увидала его царевна Елизавета и была поражена его красивымъ лицомъ. Хотя въ это время ея избранникомъ былъ Шубинъ, котораго она боялась, тѣмъ не менѣе Елизавета засматривалась уже на расцвѣтавшаго Разумовскаго. Подъ предлогомъ, что ее очень плѣняетъ музыкальный талантъ Разумовскаго, она упросила графа Левенвольде уступить ей этого молодаго человѣка.

Алексѣй сталъ сперва пѣвчимъ и, когда началъ терять голосъ, бандуристомъ при царевнѣ Елизаветѣ. Около этого же времени, одинъ изъ ея приближенныхъ, Шубинъ, по приказанію императрицы Анны, былъ сосланъ въ Сибирь. Его мѣсто при Елизаветѣ стало вакантнымъ. Подруга цесаревны, г-жа Измайлова, сдѣлала, по ея настоянію, предложенія молодому Разумовскому, которыя и были приняты. Онъ появился теперь въ числѣ придворныхъ слугъ Елизаветы и вскорѣ сталъ извѣстенъ, какъ ея открытый любовникъ. Цесаревна Елизавета повышала Разумовскаго, какъ могла, и вскорѣ сдѣлала его главнымъ интендантомъ всего своего двора. По смерти императрицы Анны, Елизавета, получившая тогда уже болѣе свободы, назначила его, незадолго до своего восшествія на престолъ, своимъ камеръ-юнкеромъ. Еще до полученія этаго званія небольшой дворъ цесаревны чтилъ уже Разумовскаго, какъ тайнаго супруга своей государыни. Все это не было секретомъ для императрицы Анны; но она видѣла что Разумовскій пользуется своимъ счастіемъ скромно и умѣренно, и такъ какъ она все еще надѣялась, при помощи какого либо брака, совсѣмъ удалить царевну, которая, какъ дочь Петра I, была для

нея неудобна — по этимъ-то соображеніямъ она признавала необходимымъ щадить чувствительность Елизаветы и не мѣшала ея любовнымъ похожденіямъ.

Какъ только Елизавета взошла на престолъ, она отбросила въ своемъ обхожденіи съ Разумовскимъ всякое принужденіе, даже всякое приличіе. Она жила почти открыто съ нимъ, какъ съ мужемъ. Его комнаты [1]) были ближайшими къ ея аппартаментамъ, и всѣ служители были свидѣтелями, какъ императрица и Алексѣй, каждое утро, посѣщали другъ друга въ халатахъ.

Такое близкое обхожденіе сдѣлало необходимымъ предоставить Разумовскому болѣе высокое положеніе. Въ первые же дни своего царствованія, императрица возвела его въ камеръ-геры. Въ день коронаціи этой государыни онъ сдѣланъ оберъегермейстеромъ, русскимъ графомъ и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Наконецъ, онъ получилъ званіе генералъ-фельдмаршала. Богатства, полученныя имъ мало-по-малу, были неисчислимы.

Друзья графа Разумовскаго, которые всегда должны были за него думать, находили необходимымъ, для сохраненія своихъ взаимныхъ выгодъ, чтобъ Елизавета и Алексѣй были бы церковью соединены брачными узами. Они предвидѣли, что Елизавета пресытится любовью Разумовскаго, и хотѣли по крайней мѣрѣ ихъ личныя отношенія связать такъ крѣпко брачными узами, чтобъ сдѣлать невозможнымъ формальное разлученіе и необходимо связанную съ нимъ потерю всѣхъ вы-

[1]) Этотъ обычай сохранялся во все время пока на русскій престолъ не вступилъ мущина.

годъ. Разумовскій долженъ въ этихъ видахъ привлечь на свою сторону духовныхъ лицъ, всегда окружавшихъ императрицу. Это не потребовалъ большаго труда. Духовенство сдѣлало изъ этого вопросъ совѣсти: оно представило императрицѣ, что ея связь съ Разумовскимъ, имѣвшая вполнѣ видъ брачной жизни, естя дѣло грѣховное, и что единственнымъ средствомъ покрыть этотъ грѣхъ является брачный союзъ, освѣщенный церковьи. Эти люди, такъ говорившіе, знали съ кѣмъ имѣли дѣло. Слабая Елизавета, не способная оцѣнить своихъ собственныхъ грѣховъ, поддалась этимъ увѣщаніямъ и тайно повѣнчалась съ Алексѣемъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ исполнилось то, что предвидѣли друзья тайнаго императора. Благодаря красотѣ молодого Шувалова, Разумовскій былъ лишенъ своихъ обязанностей, какъ любовникъ, но не могъ быть удаленъ, какъ супругъ. Постоянно, до самой смерти императрицы, онъ пользовался прежними же отличіями и прежнимъ же почетомъ.

По смерти Елизаветы онъ переѣхалъ въ Аничковскій дворецъ [1]), который для него и былъ выстроенъ. Такъ какъ онъ думалъ, что не можетъ полагаться на благоволеніе новаго государя Петра III, хотя они были, вообще говоря, въ хоро-

---

[1]) Аничковскій дворецъ до сихъ поръ одинъ изъ роскошнѣйшихъ дворцовъ въ Петербургѣ. Онъ построенъ по рисунку графа Растрелли, который много построилъ дворцовъ въ этой столицѣ. Даже императорскій зимній дворецъ построенъ имъ-же. Названіе Аничковъ дворецъ получилъ отъ близь лежащаго моста, который названъ такъ по фамиліи перваго полицейскаго пристава въ этой части города.

шихъ отношеніяхъ, то онъ, по русскому обычаю [1]), подарилъ императору по случаю переѣзда его въ Зимній дворецъ, великолѣпную палку и милліонъ рублей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовало сверженіе этаго государя съ трона.

Разумовскій прожилъ еще нѣсколько лѣтъ при слѣдующемъ правленіи, почитаемый и цѣнимый всѣми, кто его зналъ. Онъ рѣдко видѣлъ дворъ, не избѣгая его, однако, нарочно, и, напротивъ, былъ очень доволенъ, если придворные и вообще высшее общество собиралось у него. Сама императрица Екатерина II посѣщала его иногда.

Мы слышали, что Алексѣй Разумовскій умеръ въ семидесятыхъ годахъ *).

Лица знавшія его, говорятъ, что онъ былъ красивый, честный и добродѣтельный человѣкъ, но ограниченная голова. Ему никогда не поручалось никакихъ дѣлъ, потому что Елизавета хотѣла щадить его и даже издала для этого приказъ, чтобъ никто не осмѣливался подавать ему ни просьбъ, ни записокъ.

По смерти Елизаветы Разумовскій не вступалъ уже во второй бракъ.

Утверждаютъ [2]), будто Елизавета имѣла восемь

---

[1]) Въ Россіи, при переѣздѣ въ новый домъ, являются друзья семьи и приносятъ подарокъ, который называется хлѣбомъ-солью.

*) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій род. 1709 г., умеръ 1776 г.

[2]) Duclos, Mémoires secrets sur la France, говоря о русскомъ дворѣ, замѣчаетъ: Elisabeth a eu huit enfants naturels, dont aucun n'a été reconnu, et une de ses favorites, italienne, nommée Jouanna, prenait sur son compte. Насколько намъ извѣсно, Елизавета имѣла только двухъ дѣтей — сынъ отъ

дѣтей, къ числу которыхъ должны быть отнесены всѣ братья и сестры Закревскіе, но лица, которыя могли это знать, увѣряютъ, что одинъ только тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи Закревскій†) былъ сынъ императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго. Закревскій имѣлъ, сколько намъ извѣстно, трехъ дочерей,*) изъ которыхъ одна[1]) вышла за генерала Павла Потемкина. Двѣ же оставались дѣвушками еще въ девяностыхъ годахъ, и обѣ не такъ хороши, какъ ихъ старшая сестра. Закревскій умеръ, кажется, въ концѣ девяностыхъ годовъ.

Съ возвышеніемъ графа Алексѣя Разумовскаго въ Петербургъ пріѣхали, вѣроятно, многіе съ этою же фамиліею. Такъ въ Петербургѣ были двѣ дѣвицы Разумовскія, изъ которыхъ одна[2]) вышла за бригадира Деденова, человѣка крайне страннаго и для общества невозможнаго характера. Намъ неизвѣстно въ какомъ родствѣ была она съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ.

Разумовскаго и дочь отъ Шувалова, о которой будетъ еще сказано ниже.

†) Андрей Осиповичъ. 1744—1804, директоръ академіи художествъ въ царствованіе Екатерины II.

*) Пять: Прасковья, Елизавета, Екатерина, Марина и Анна. Три послѣднія умерли дѣвицами.

1) Прасковья Андреевна, 1763—1816. Ея сестра Елизавета была за гр. Д. Б. Толстымъ.

2) Александра Васильевна, род. 1760, за Алексѣемъ Михайловичемъ Деденевымъ; ее сестра, Наталья Васильевна, 1764—1844, за Муравьевымъ. Обѣ — двоюродныя внучки гр. А. Г. Разумовскаго.

XLIX.

Кириллъ Разумовскій II.

Кириллъ или Кирилла Разумовскій былъ младшій братъ графа Алексѣя Разумовскаго, любимца и супруга императрицы Елизаветы. По восшествіи на престолъ этой монархини, онъ былъ вызванъ вмѣстѣ съ своею матерью въ Петербургъ. Мать оставалась при дворѣ и императрица относилась къ ней съ большимъ почтеніемъ. Такъ какъ эта женщина была рождена не для того мѣста, на которое ее помѣстили, то отсюда происходили разныя комическія сцены, за которыя Елизаветѣ приходилось краснѣть.

Молодой Кириллъ былъ посланъ съ своимъ гофмейстеромъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и былъ воспитанъ знаменитымъ Эйлеромъ такъ хорошо, какъ только было возможно, не прибѣгая къ принужденію. Для академіи наукъ не было, конечно, завидной похвалой, что президентомъ этого собранія ученыхъ мужей назначили этого молодаго человѣка, когда онъ возвратился изъ Берлина. Вскорѣ затѣмъ императрица назначила его, тогда 19-ти лѣтняго юношу, казацкимъ гетманомъ[1]) — мѣсто, ставившее его

[1]) Гетманъ — то же, что фельдмаршалъ. Но съ гетманствомъ связывались нѣкоторыя верховныя права.

выше всѣхъ придворныхъ и дававшее большіе доходы. Елизавета же назначила его подполковникомъ л. гв. Измайловскаго полка.

Съ преемникомъ этой государыни онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, кажется, только въ началѣ, и вскорѣ же перешелъ вполнѣ на сторону Екатерины. Къ этому его побудили лица, на честность которыхъ онъ вполнѣ полагался; между прочимъ и Тепловъ.

Счастливый исходъ революціи 1762 года рѣшилъ, главнѣйшимъ образомъ, его полкъ. Какъ ни была велика услуга, которую Разумовскій оказалъ этимъ императрицѣ, она все таки забыла объ этомъ одолженіи. Она лишила его гетманства, сдѣлала его фельдмаршаломъ, что уже представляло низшій чинъ, и дала ему за это ежегодную пенсію въ 72 000 рублей — сумму, которая далеко не равнялась прежнимъ доходамъ.

Хотя Разумовскій былъ фельдмаршаломъ, онъ менѣе всего былъ военнымъ. Пріѣзжаетъ онъ однажды въ Берлинъ и Фридрихъ II спрашиваетъ его: „командовалъ-ли онъ уже арміей?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, шутя, „я только статскій генералъ“. — „А“, вскричалъ король смѣясь, „этого мы здѣсь не знаемъ!“ Дѣйствительно, онъ никогда не командовалъ ни арміей, ни даже небольшимъ отрядомъ. Тѣмъ не менѣе подъ его начальствомъ находилась дивизія изъ нѣсколькихъ полковъ, одна изъ самыхъ небольшихъ дивизій.

Когда умеръ его братъ, онъ наслѣдовалъ большую часть его громаднаго состоянія и сталъ вслѣдствіе этого необыкновенно богатъ. Его годовой доходъ значительно превышалъ 300 000 ру-

блей. Но должно сказать, что онъ много и расходовалъ. Онъ имѣлъ на Мойкѣ, въ Петербургѣ, одинъ изъ роскошнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дворцовъ въ городѣ. Здѣсь онъ жилъ какъ владѣтельная особа. Высчитывали, что у него въ этомъ домѣ было болѣе 200 человѣкъ одной прислуги. Онъ давалъ большія праздники, у него часто бывали многочисленныя собранія и ежедневно былъ пріемъ. Туда всѣхъ влекло доброе, искреннее и благородное обхожденіе фельдмаршала, его достойныхъ сыновей и его дочерей, соединявшихъ съ умомъ и утонченную любезность.

Князь Потемкинъ съ удовольствіемъ узналъ бы, что графъ Разумовскій, превосходившій его чиномъ, желаетъ выйти въ отставку. Но графъ не хотѣлъ доставить ему это удовольствіе. Только уже по смерти князя, въ срединѣ девяностыхъ годовъ, онъ попросился въ отставку. Екатерина II отказала ему въ этомъ и дала только отпускъ на два года. Онъ отправился въ Москву и былъ еще тамъ, когда умтрла императрица. Павелъ I, равнымъ образомъ, утвердилъ его во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Наконецъ, онъ умеръ, въ началѣ XIX столѣтія, въ глубокой старости*). Онъ былъ тогда генералъ-фельдмаршалъ, членъ верховнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, президентъ академіи наукъ, дѣйствительный камергеръ, подполковникъ л. гв. измайловскаго полка и кавалеръ орденовъ св. Андрея, Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго и св. Анны.

У него былъ не блестящій, но правильно раз-

*) Графъ Кириллъ Григоровичъ Разумовскій, 1728—1803.

витой умъ; онъ былъ не безъ знаній. Онъ говорилъ очень хорошо по нѣмецки и по французски. Недостатокъ крупныхъ талантовъ онъ возмѣщалъ патріотизмомъ, честностью и благотворительностью — качества, которыми онъ обладалъ въ значительной степени и которыми пріобрѣлъ общее уважевіе.

Графиня Разумовская была знатнаго рода, назвать которой мы не умѣемъ. Намъ кажется*), что она была сестра жены оберштальмейстера, Маріи Осиповны Нарышкиной[1]).

Изъ дѣтей, которыхъ у него было весьма много[2]), особенно замѣчательны три сына и двѣ дочери.

Андрей,**) человѣкъ крайне вѣжливый и обладавшій проницательнымъ умомъ, былъ посланникомъ въ Неаполѣ и Стокгольмѣ и посломъ въ Вѣнѣ. Онъ извѣстенъ своими отношеніями съ королевою неаполитанскою Маріею Каролиной и дружбою съ великою княгинею Натальею Алексѣевною, первою супругою Павла I.

Алексѣй, или вѣрнѣе Григорій[3]), тайный со-

---

*) Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной (1729—1771), двоюродной сестрѣ Льва Александровича Нарышкина, который былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской.

[1]) Ея мужъ былъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Александръ Львовичъ и Дмитрій Львовичъ. занимающіе высокія придворныя должности, произошли огъ этого брака.

[2]) Одинадцать: шесть сыновей и пять дочерей.

**) Андрей Кирилловичъ, 1752—1836, позже свѣтлѣйшій князь. Былъ женатъ два раза и умеръ бездѣтнымъ.

[3]) Графъ Алексѣй Кирилловичъ (1748—1822), министръ народнаго просвѣщенія, женатый на графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой. Григорій же Кирилловичъ, бригадиръ, замѣчателенъ лишь тѣмъ, что при живой женѣ (ба-

вѣтникъ и сенаторъ, вышедшій въ отставку, чтобъ посвятить себя только наукамъ. Онъ, быть можетъ, самый ученый изъ русскихъ и во всякой академіи наукъ считался бы однимъ изъ первыхъ ученыхъ.

Петръ былъ генералъ†) и, быть можетъ, остается генераломъ и по нынѣ. Онъ отличился въ шведскую войну.

Одна изъ дочерей вышла за Апраксина††) и жила въ Москвѣ. Другая дочь, Наталья, извѣстна своимъ умомъ, остротою и любезностью. Она—жена обершенка, камергера и кавалера орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны, Загрейскаго[1]), имя, которое не должно смѣшивать съ Закревскимъ. Заграйскій очень уважаемый человѣкъ какъ за свои познанія, такъ и за характеръ.

ронесеѣ Мальценъ), безъ развода, женился на Шенкъ де Кастель и дѣти отъ этого брака не признаны въ Россіи. А. Г. С. I, ч. 2, 4.

†) Петръ Кирилловичъ, 1751—1823, произведенъ въ 1794 г. въ генералъ-поручики.

††) Графъ Петръ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, во второмъ бракѣ на Елизаветѣ Кирилловнѣ Разумовской. Онъ увезъ ее при жизни первой жены, рожд. графинии Анны Павловны Ягужинской. Елизавета Кирилловна умерла въ 1813 году, въ монастырѣ (въ инокиняхъ Августа).

[1]) Николай Александровичъ Загряжскій. Его жена, Наталья Кирилловна, была старшею изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича.

L.

Шубинъ.

Достоинство тѣлесной красоты никогда не можетъ быть приравниваемо къ качествамъ душевнымъ. Эти качества разносторонни и неизмѣнны; красота же тѣлесная подвержена вліянію времени, болѣзней и печали — унигтоженная этими случайностыми, она не представляетъ уже болье никакого преимущества.

Шубинъ, русскій простолюдинъ, началъ свою военную службу съ низшихъ ступеней въ царствованіе императрицы Екатерины I. Онъ впервые научилъ Елизабету любви, когда цесаревнѣ не было еще и 17-ти лѣтъ. Эта связь, возникшая въ 1726 году, въ такъ называемомъ лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ, хранилась въ тайнѣ, пока была жива императрица Екатерина I. По смерти матери, Елизавета получила большую свободу, но кругъ ея вліянія сталъ еще тѣснѣе. Ея значеніе было настолько слабо въ царствованіе Петра II, что, не смотря на ея предстательною, Шубинъ могъ дослужиться не выше, какъ до чина сержанта. Образъ жизни всякой принцессы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ храниться долгое время въ тайны; это испытала на себѣ и Елизавета: нескромное поведеніе Шубина относительно цесаревны было открыто и дошло до свыдѣнія императрицы Анны, преемницы Петра II. Анна Ивановна, хотя и сла-

дострастная, но, по мѣткому выраженію Фридриха II, не раступная, намѣревалась немедленно воспользоваться своею властью для уничтоженія связи, заключенной при столь неравныхъ условіяхъ. Простой случай отсрочилъ исполненіе этого рѣшенія, пока императрицѣ не стали извѣстны новыя неприличныя сцены, которыя и заставили Анну привесть въ исполненіе свое намѣреніе.

Безъ всякаго предваренія Шубинъ былъ отвезенъ въ Сибирь, гдѣ томился въ подземной темницѣ, пока Елизавета, ставъ императрицей, не освободила его. Эта государыня взошла на престолъ въ ночь съ 24 на 25-е ноября 1741 года и уже въ 5 часовъ утра послала она въ Сибирь курьера и обѣщала ему большія награды, если онъ отыщетъ Шубина. Достигнуть этого, дѣйствительно, было трудно. Шубинъ, какъ и всѣ ссылаемые, долженъ былъ передъ отъѣздомъ измѣнить свое имя и поклясться никому не открывать его. Его настоящее имя было потомъ забыто и, напротивъ, въ тайной канцеляріи записано вновь принятое имъ имя. Такимъ образомъ, никто, кромѣ самаго Шубина, не могъ дать въ Сибири никакихъ свѣдѣній. Курьеръ, посланный съ порученіемъ отыскать Шубина, посѣтилъ въ обширной Сибири всѣ тюрьмы, спрашивалъ всѣхъ ссыльныхъ, какъ ихъ зовутъ, и не находилъ Шубина, потому что курьеръ былъ настолько недогадливъ, что не говорилъ, кто его послалъ и кто тогда царствовалъ въ Россіи. Наконецъ, тщетно проискавъ около двухъ лѣтъ, и уже возвращаясь въ Россію, посѣтилъ онъ вторично одну тюрьму, переспросилъ опять всѣхъ и, наконецъ, съ отчаяніемъ воскликнулъ: „Что же скажетъ наша императрица Елизавета Петровна,

если я не привезу ей Шубина?“ „Что?“ вскричалъ одинъ изъ арестантовъ, „если императрицею теперь Елизавета, то я — Шубинъ“. Такимъ образомъ этотъ несчастный получилъ возможность опять наслаждаться свободною жизнью.

Шубинъ выѣхалъ изъ Сибири и прибылъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1743 года. Онъ тотчасъ же (неслыханное повышеніе) изъ сержантовъ сталъ маіоромъ гвардіи, генералъ-маіоромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Прежняя связь Елизаветы съ Шубинымъ представлялась новому любимцу опасною. Алексѣй Разумовскій мелалъ поэтому удаленія Шубина. Это желаніе вполнѣ согласовалось съ склонностью Шубина къ частной жизни. Онъ не былъ созданъ для двора и дворъ былъ не для него. Елизавета подарила ему значительныя имѣнія въ Россіи. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-поручика, уѣхалъ въ имѣнія и никогда не выѣзжалъ изъ нихъ. Тамъ жилъ онъ еще въ 1749 году.*)

Лица, видѣвшія Шубина при дворѣ, по возвращеніи его изъ Сибири, увѣряли, что онъ былъ блѣдный и заботы сильно измѣнили его лицо, но что все еще можно было открыть слѣды прежней красоты. Что онъ былъ совершеннымъ мужикомъ — это вполнѣ понятно, и по его возвращеніи это замѣчалось съ перваго же взгляда. Вскорѣ увидѣли ясно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей способности къ какому либо дѣлу мало-мальски важному. Уже то, онъ открылся въ Сибири курьеру лишь послѣ усиленныхъ разспросовъ, ясно показываетъ, что это была крайне ограниченная голова.

*) Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, 1707—1765, бывшій ординарецъ при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

LI.

Бергеръ.

Имя человѣка, о которомъ говорится въ этой статьѣ, составляетъ почти все, что мы знаемъ о его жизни. Но этотъ человѣкъ даетъ поводъ разсказать одну изъ ужаснѣйшихъ сценъ въ царствованіе императрицы Елизаветы. Когда знаешь, что этотъ Бергеръ былъ виновникомъ этого ужаснаго несчастія, то ужь не нуждаешься знать другія обстоятельства его жизни. Злость была, вѣроятно, основою его характера и мотивомъ его поступковъ. Быть можетъ, вмѣсто этого гадкаго качества можно было бы поставить необдуманность и слабоуміе, но какъ печально извинять его поступки такими недостатками!

Бергеръ былъ курляндецъ, простаго происхожденія. Онъ отправился въ Россію, гдѣ владычествовалъ тогда Бирон при дворѣ Анны. Бергеръ вступилъ въ военную службу и, благодаря рекомендаціи, сталъ офицеромъ армейскаго полка. Въ 1743 г. онъ былъ назначенъ ѣхать въ Ярославль, въ мѣсто ссылки графа Левенвольде, чтобъ принять надзоръ надъ этимъ важнымъ узникомъ, исполнявшіся до того другимъ офицеромъ, Соликам-

скимъ[1]). Этотъ караулъ во всякомъ случаѣ былъ скученъ, подвергалъ большой отвѣтственности и былъ во всѣхъ отношеніяхъ непріятенъ. Бергеръ хотѣлъ отдѣлаться отъ этого порученія, но у него не было къ тому предлога. Наконецъ, случай представилъ ему такой предлогъ и онъ воспользовался имъ самымъ варварскимъ образомъ.

Статсъ-дама Лопухина, жена генералъ-поручика и камергера, услышавъ, что на поручика Бергера возложенъ караулъ при графѣ Левенвольде, поручила своему сыну, который былъ камеръ-юнкеромъ при императорѣ Иванѣ, а теперь былъ ничѣмъ, познакомится съ поручикомъ Бергеромъ и просить его передать графу Левенвольду, что она постоянно вспоминаетъ его и отъ своего имени проситъ не унывать и надѣяться на лучшія времена.

Этому невинному выраженію утѣшенія, которое подруга посылала своему страдающему другу и которое ни на чемъ не основывалось, было придано толкованіе, которое могло быть измышлено только злобою и которому могла повѣрить только глупость. Оно послужило предлогомъ къ тому, чтобъ наказать, какъ за государственное преступленіе, за сплетню, распространенную бабами и молодежью и принятую за оскорбленіе безмозглою головою слабой и тщеславной коронованной кокетки. Дѣло вотъ въ чемъ: графиня Лопухина и графиня Бестужева, жена обергофмаршала и нѣкогда вдова графа Ягужинскаго, сказали будто-бы однажды, что онѣ еще и теперь, уже довольно пожилыя дамы, красивѣе императрицы. Говорили-ли

---

[1]) Изъ простаго званія, безъ фамильнаго имени, родомъ изъ города Соликамска Казанской губерніи.

онѣ это или не говорили, но такой прошелъ слухъ, разнесенный бабьемъ и молодежью, и достигъ Елизаветы. Елизавета, приходила съ неистовую ярость какъ только ея красота подвергалась сомнѣнію. Ея довѣренныя приближенныя, такъ какъ сама она была для этаго слишкомъ лѣнива и ограниченна, должны были теперь найти случай къ мщенію, и этотъ случай скоро представился.

Бергеръ, понимавшій негодность правительства, напалъ на дьявольскую мысль, что порученіе г-жи Лопухиной можетъ освободить его отъ караула при графѣ Левенвольде. Вопреки своему убѣжденію, онъ это порученіе истолковалъ въ смыслѣ задуманнаго возмущенія, доносомъ на которое думалъ выслужиться. Онъ донесъ генералу Ушакову, князю Никитѣ Трубецкому и графу Лестоку.

Генералъ Ушаковъ много лѣтъ уже былъ инквизиторомъ Россіи или президентомъ тайной канцеляріи. Въ этомъ качествѣ кругъ его вѣдѣнія при Елизаветѣ былъ неограниченъ. Князь и мужикъ равно чувствовали всю свою ничтожность передъ авторитетомъ генерала Ушакова. Онъ славился необыкновенною строгостью, и хотя ему нельзя было отказать и въ большой справедливости, но при одномъ его имени трепетали всѣ жители Россіи. Князь Никита Трубецкой имѣлъ чрезвычайно деспотическіе принципы и не отличался ни человѣколюбіемъ, ни снисходительностью. Характеръ графа Лестока извѣстенъ уже изъ этой книги. Тогда, въ 1743 году, онъ, ради предосторожности, соблюдалъ большую строгость, чѣмъ та, которая была въ его характерѣ: онъ все еще опасался, что

новое зданіе правленія Елизаветы такъ же легко можетъ быть разрушено, какъ онъ воздвигъ его.

Къ этимъ-то тремъ людямъ отправился Бергеръ, разсказалъ имъ порученіе г-жи Лопухиной и далъ при этомъ понять, что, какъ онъ полагаетъ, заманчивая надежда, выраженная Лопухиной, должна же на чемъ нибудь основываться. Ему посовѣтовали разговориться объ этомъ съ молодымъ Лопухинымъ при свидѣтеляхъ. Бергеръ исполнилъ совѣтъ. Онъ отправился въ тотъ трактиръ, гдѣ собирались обыкновенно молодые люди. Лопухинъ явился. Онъ, Бергеръ и извѣстный Мальтицъ*), адъютантъ принца гессенъ-гомбургскаго, явившійся въ качествѣ свидѣтеля, пили вмѣстѣ. Бергеръ прикинулся недовольнымъ и простодушный Лопухинъ попался въ ловушку: онъ сталъ говорить объ императрицѣ довольно свободно и вообще въ выраженіяхъ неосторожныхъ. Больше ничего и не нужно было его измѣнникамъ. Все это было передано Елизаветѣ. Бывшія при ней приживалки тотчасъ закричали, что Лопухина и графиня Бестужева всегда дурно отзывались объ императрицѣ, что въ этомъ кроется проэктъ заговора и что зло надо пресѣчь въ самомъ корнѣ. Елизавета пришла въ страшный гнѣвъ, вспомнила преступленіе противъ ея оскорбленной красоты и, въ полномъ пылу своего женскаго гнѣва, тотчасъ же приказала арестовать даже самыхъ отдаленныхъ участниковъ этого государственнаго преступленія, которые, конечно, въ связи съ изгнанниками, судить и публично наказать, особенно же обѣихъ дамъ. Им-

*) Маіоръ Фалькенбергъ, по Манштейну, Мальтицъ— по Пецольду.

ператрица хотѣла даже уѣхать въ Петергофъ, но раздумала.

Начало слѣдствія было ужасно. Въ ночь съ 4-го на 5-е августа 1743 г. по всѣмъ улицамъ Петербурга ходили патрули. Въ тотъ же вечеръ начались аресты. Генералъ-лейтенантъ Лопухинъ, его жена и сынъ ихъ были арестованы. Придворная дама, фрейлина Лопухина, дочь генералъ-поручика Лопухина, была въ Петергофѣ, при молодомъ великомъ князѣ, который очень ее любилъ за веселую бесѣду. На другое утра она пріѣхала въ городъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, и, подъ предлогомъ, что ея мать смертельно больна, она была отвезена въ родительскій домъ и тамъ арестована. 6-го августа, графиня Бестужева, жившая въ деревнѣ, была арестована, вмѣстѣ съ своею старшею дочерью, и привезена въ Петербургъ. Ея супругу дано было знать, чтобъ онъ ничего не опасался и что онъ можетъ оставатьтя въ деревнѣ. Всѣ арестованные были сперва отвезены въ Елизаветинскій дворецъ, который можно еще видѣтъ но нынѣшнемъ Марсовомъ Полѣ. Вскорѣ затѣмъ Лопухинъ, Лопухина и графиня Бестужева были перевезены въ петербургскую крѣпость. Дочери, найденныя невиновными, были отосланы по домамъ.

Была образована особая комиссія. Членами ея назначены: генералъ Ушаковъ, князь Трубецкой и графъ Лестокъ; протоколистомъ былъ статскій совѣтникъ Демидовъ. Ежедневно арестовывали многихъ: если кто-либо, хоть годъ назадъ, сказалъ какое-либо слово, которое поддавалось произвольному истолкованію, выразилъ недовольство настоящимъ и вспомнилъ о счастливомъ прошедшемъ, и былъ теперь оговоренъ своимъ врагомъ, онъ

считался уже соучастникомъ этого мнимаго государственнаго заговора и привлекался къ суду. На этомъ основаніи были арестованы, между прочими, жены камергеровъ Лиліенфельдъ и княгиня Гагарина, рожд. Ягужинская, гвардейскій поручикъ Машковъ, гвардейскій капитанъ князь Путятинъ, статскій совѣтникъ Зыбинъ и другіе. Молодой Лопухинъ былъ пытанъ подъ кнутомъ и боль вынудила у него сознаніе во всемъ, что ему диктовали.

Дѣло приняло еще болѣе серьезный оборотъ, даже внѣшне-политическій. Маркизъ Ботта [1]), посланникъ королевы венгерской и чешской, давно уже выѣхавшій изъ Россіи, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ домами Лопухиныхъ и Бестужевыхъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалось французское посольство, чтобъ привлечь на свою сторону русскій дворъ и нанести чувствительный ударъ австрійскому, который тогда постоянно враждовалъ съ французскимъ дворомъ. Далльйонъ сообщилъ экстракты изъ никому неизвѣстныхъ писаній, въ которыхъ значилось, будто Ботта говорилъ, что правленіе Елизаветы не можетъ продолжаться. Онъ прибавлялъ къ этому, будто Ботта передъ своимъ отъѣздомъ переговаривалъ съ г-жей Лопухиной и графиней Бестужевой о томъ, чтобъ побудить прусскаго короля Фридриха II къ возстановленію брауншвейгской фамиліи.

Въ Вѣну отправились жалобы на Ботту. Марія Терезія, болѣе человѣчная, умная и справедливая, чѣмъ Елизавета, написала своему резиденту Го-

---

[1]) Маркизъ Ботта былъ миланецъ родомъ; позже онъ удалился отъ дѣлъ и умеръ въ Италіи.

генгольцеру, что маркиза Ботту нельзя осудить; что для этого необходимо имѣть точныя доказательства. Тогда было приказано отправить въ Вѣну цѣлую кипу — протоколовъ, въ которыхъ почти ничего не было, кромѣ бабьихъ сплетенъ, причемъ императрица увѣряла, что сама присутствовала при допросахъ и требовала удовлетворенія. Первое, ея присутствіе при допросахъ, оказалось ложью; тѣмъ не менѣе во второмъ, въ требованіи удовлетворенія, вѣнскій дворъ до нѣкоторой степени уступилъ: Ботта дѣйствительно былъ нѣкоторое время въ немилости, по крайней мѣрѣ по виду. Фридрихъ II, о которомъ тоже шла рѣчь въ этихъ допросахъ, какъ только освѣдомился объ этомъ, принесъ чрезъ своего посланника, барона Мардефельда, большія извиненія въ Петербургѣ и торжественно завѣрялъ, что ему никогда не были дѣлаемы предложенія о возстановленіи брауншвейгской фамиліи на русскомъ престолѣ, но если-бъ таковыя и были сдѣланы, то они, конечно, тотчасъ были бы отвергнуты.

Между тѣмъ какъ все это продѣлывалось заграницей, въ Россіи продолжалось слѣдствіе, чтобъ доставить глазамъ удовольствіе видѣть совершеніе казней палачомъ. Состоялось большое засѣданіе. Сенатъ и синодъ должны были поклясться, что будутъ молчать и судить. Синодъ хотѣлъ устраниться отъ дѣла, но долженъ былъ присутствовать, чтобъ самому не показаться подозрительнымъ.

На другой день послѣ праздника Александра Невскаго, т. е. 31 августа, происходила казнь на тогдашнемъ лобномъ мѣстѣ на Васильевскомъ островѣ. За два дня предъ тѣмъ объ этомъ извѣщалось съ барабаннымъ боемъ. Генералъ-пору-

чикъ Лопухинъ, его жена, статсдама императрицы, жена обергофмаршала графиня Бестужева, молодой Лопухинъ, поручикъ гвардіи Машковъ, князь Путятинъ, маіоръ гвардіи, и статскій совѣтникъ Зыбинъ были биты кнутомъ. Первымъ четверымъ, сверхъ того, отрѣзаны языки. Палачи, наказывавшіе кнутомъ, показывали присутствовавшимъ вырванные куски мяса и съ дьявольскою усмѣшкою предлагали купить ихъ. Затѣмъ несчастные были отвезены на маленькихъ мужицкихъ телѣгахъ за десять верстъ, гдѣ они въ деревушкѣ могли проститься съ родными. Потомъ, по одиночкѣ, были они развезены въ мѣста ихъ ссылки. Многія другія лица, привлеченныя къ слѣдствію, были сосланы въ Сибирь прямо изъ тюрьмы. Очень немногіе избѣгли наказанія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе сплетни, основанной, вѣроятно, на одной лжи, погибло много семей. И такъ часто бываетъ. Ничтожныя причины ведутъ къ страшнымъ послѣдствіямъ.

Чувствованія Бергера, если онъ способенъ былъ чувствовать, должны были быть ужасны при видѣ этихъ казней.

Болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ его презрѣнной жизни не имѣетъ, конечно, никакой прелести для любопытства нашихъ читателей [1]).

---

[1]) По этой, вѣроятно, причинѣ, въ Біографическомъ Словарѣ русскаго историческаго общества пропущенъ Яковъ Ѳедоровичъ Бергеръ, генералъ-маіоръ, хотя отмѣчены три Бергера: петербургскій скрипачъ, харьковскій баритонъ и живописецъ начала XIX вѣка! За свой доносъ Бергеръ былъ переведенъ, 22 октября 1743 г., изъ поручиковъ кирасирскаго полка въ секундгъ-ротмистеры конной гвардіи. Въ 1761 г. онъ командовалъ полкомъ конной

Бергеръ получилъ разрѣшеніе не ѣхать къ графу Левенвольде, которое онъ купилъ несчастіемъ столь многихъ людей. Хотя онъ довольно быстро повышался въ арміи, но имѣлъ дурное счастіе и умеръ наконецъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, генералъ-маіоромъ, но въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

гвардіи, и за услугу, оказанную 28-го іюня 1762 г., былъ произведенъ въ подполковники конной гвардіи.

LII.

Карлъ Сиверсъ I.

Карлъ Сиверсъ, сынъ слуги герцога курляндскаго Бирона, былъ и самъ слугою у нѣкоего Нирота, въ Лифляндіи. Оттуда онъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ краткаго здѣсь пребыванія, поступилъ на службу къ царевнѣ Елизаветѣ. Онъ получилъ при этомъ дворѣ должность кафешенка. Елизавета такъ привыкла къ этому напитку, приготовленному именно ея кафешенкомъ, что Сиверсъ былъ обязанъ являться во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ обѣдала царевна, чтобъ варить для нея кофе.

По восшествіи ея на престолъ, Сиверсъ получилъ придворныя должности и, мало-по-малу, сталъ наконецъ нѣмецкимъ имперскимъ графомъ, кавалеромъ различныхъ орденовъ и оберъ-гофмаршаломъ. Въ этомъ званіи онъ и умеръ въ царствованіе императрицы Екатерины II и оставилъ огромныя богатства.

Сиверсъ былъ чистосердечный, благомыслящій и услужливый человѣкъ, обладавшій посредственнымъ умомъ, и, какъ легко себѣ представить, не имѣвшій ни воспитанія, ни знаній.

Женою *) его была сестра тайнаго совѣтника

*) Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ былъ женатъ на Бенедиктѣ Елизаветѣ фонъ Крузе, ум. 1777 г,

и лейбмедика Крузе. Онъ оставилъ отъ этого брака трехъ сыновей, бывшихъ въ руссой военной службѣ, и одну дочь.

Эта прелестная женщина *) вышла замужъ за своего двоюроднаго брата [1]), о которомъ говорится въ особой статьѣ, и развелась съ нимъ, родивъ уже трехъ дочерей. Она вышла потомъ за очень свѣдущаго человѣка, тайнаго совѣтника, камергера и директора строительной части князя Путятина [2]) и жила съ нимъ весьма счастливо много лѣтъ въ Саксоніи.

---

*) Графиня Елизавета Карловна Сиверсъ.

[1]) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ.

[2]) Князь Николай Авраамовичъ Путятинъ.

LIII.

Сиверсъ II.

Нѣкоторые утверждали, будто этотъ Сиверсъ происходилъ отъ дворянской голштинской фамиліи того же наименованія*), но это совершенно неосновательно. Онъ былъ ближайшій родственникъ предъидущаго Сиверса. Какъ только тотъ Сиверсъ пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе, онъ предоставилъ своему двоюродному брату**) незначительныя мѣста въ магистратахъ маленькихъ лифляндскихъ городковъ. Мало-по-малу и этотъ Сиверсъ добился высшихъ мѣстъ. Онъ явился въ Петербургъ и сталъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Въ графское достоинство онъ возведенъ не былъ.

Только сынъ[1]) его получилъ графство. Въ качествѣ посла Екатерины II онъ уничтожилъ поли-

*) Бумаги Петра В., I, 177; Штуки и потѣхи Петра I („Русская Старина", 1872, V, 886); Дипломатич. документы (Сборникъ, VI, 390); Петръ Сиверсъ и его жена (Россія, 1880, IV, 815); Пекарскій, Ист. акад. наукъ, I, 104, 252; Военно-энциклоп. лексиконъ, XII, 215; Берхъ, 298; Вейдемейеръ, Обзоръ, I, 131; Арестъ II. Ѳ. Сиверса (Историч. Вѣстн. 1882, VII, 243).

**) Ефимъ Ефимовичъ Сиверсъ, женатый на своей родственницѣ, дѣвицѣ Сиверсъ.

[1]) Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, 1731—1808. Императоръ Павелъ I возвёлъ его въ 1798 г. въ графское достоинство.

тическое существованіе Польши, дѣло, за которое онъ справедливо навлекъ на себя ненависть всего безпристрастнаго міра. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ членомъ верховнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, имѣлъ много еще незначительныхъ званій и былъ кавалеромъ десяти орденовъ.

Его супрогою была нынѣшняя княгиня Путятина, подарившая его только тремя дочерьми, изъ которыхъ первая и третья вышли замужъ въ Россіи, вторая же, давно уже умершая, была за саксонскимъ графомъ Шенбургъ-Пенигъ, нынѣшнимъ королевско-саксонскумъ посланникомъ въ Касселѣ.

LIV.

Лялинъ.

Лялинъ, молодой русскій красавецъ, изъ низшаго класса народа[1]), понравился царевнѣ Елизаветѣ, увидѣвшей его однажды на улицѣ, и такъ сильно, что она тотчасъ же взяла его къ себѣ въ услуженіе. Онъ оставался у нея въ услуженіи, пока она не вступила на тронъ. Два для послѣ этого. она сдѣлала его камергеромъ, подарила ему помѣстья и предоставила ему еще значительные доходы. Онъ ежедневно бывалъ въ обществѣ этой государыни.

---

[1]) Пименъ Васильевичъ Лялинъ не оставилъ потомства; извѣстные медальеры Лялинъ были его родственниками.

LV.

Возжинскій.

Возжинскій, императорскій конюхъ, обыкновенно держалъ возжи въ императорскомъ экипажѣ. Отъ слова возжи получилъ онъ фамилію Возжинскій, такъ какъ прежде, подобно многимъ русскимъ крестьянамъ, у него не было фамиліи — только имя, данное ему при крещеніи. Въ царствованіе Елизаветы онъ сталъ камергеромъ, пользовался жалованьемъ и получилъ значительныя помѣстья*).

*) Никита Андреяновичъ Возжинскій получилъ 5 сентября 1751 г., въ день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны, орденъ св. Александра Невскаго 1-й степени.

LVI.

Ермолай Скворцовъ.

Ермолай Скворцовъ былъ сынъ кучера. Онъ былъ въ услуженіи у цесаревны Елизаветы, а когда она взошла на престолъ, сталъ камергеромъ этой государыни. Онъ, впрочемъ, никогда не игралъ важной роли.

Его сынъ, Василій Ермолаевичъ, былъ генералъ, камергеръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго *). Онъ былъ живъ въ 1770 году.

*) Ермолай Ивановичъ Скворцовъ ничѣмъ рѣшительно не оставилъ ни малѣйшаго слѣда своей дѣйствительности; его сынъ — единственный генералъ-аншефъ, возведенный въ этотъ санъ императоромъ Петромъ III.

LVII.

Чоглоковъ.

Чоглоковъ, сынъ бѣднаго русскаго, прижитый имъ отъ нѣмки простаго званія, былъ такъ счастливъ, что поступилъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ могъ бы получить хорошее образованіе, если-бъ у него была охота воспользоваться этою случайностью. Оставивъ корпусъ, онъ сталъ танцоромъ при дворѣ. Имъ онъ не долго оставался. Чоглоковъ понравился графинѣ Маріи Гендриковой, и это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ, почему онъ могъ, не имѣя заслугъ, повышаться отъ одного почетнаго мѣста къ другому.

Онъ умеръ обергофмейстеромъ императрицы и кавалеромъ ордена Данеброга.

Его женою была та же графиня Марія Гендрикова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы. Онъ оставилъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей *). По крайней мѣрѣ, трое изъ его сыновей сидѣли въ тюрьмѣ **), отчасти потому, что на-

*) Екатерина была замужемъ за генералъ-поручикомъ Рославлевымъ; Елизавета — за генералъ-маіоромъ Загряжскимъ; Вѣра — за графомъ А. С. Минихомъ.

**) Братья Наумъ, Николай и Самойло Чоглоковы (Кашпиревъ, III, 323).

рушали общественную тишину, отчасти потому, что были замѣшаны въ заговорахъ противъ императрицы Екатерины II. Фамилія Чоглоковыхъ еще существуетъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, внукъ перваго замѣчательнаго человѣка изъ этой фамиліи [1]) былъ штабъ-офицеромъ въ пѣхотномъ полку.

---

1) Николай Наумовичъ Чоглоковъ замѣченъ лишь своею женитьбою на гр. Гендриковой.

LVIII.

Чулковъ.

Чулковъ былъ простымъ служителемъ *) у цесаревны Елизаветы. По восшествіи этой государыни на престолъ, онъ сталъ камергеромъ и получилъ отъ нея большія земли въ Россіи.

Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ не красотѣ, какъ другіе — онъ былъ малъ ростомъ и безобразенъ; но у него былъ чуткій сонъ, какой только можно себѣ представить, и это составило его счастье. Елизавета была, какъ всѣ узурпаторы, труслива. Она боялась какихъ-либо переворотовъ, на которые могли бы рѣшиться ночью, такъ какъ она сама произвела революцію ночью и такъ какъ нападеніе на герцога курляндскаго было сдѣлано ночью же, и результатъ обѣихъ возмущеній соотвѣтствовалъ желанію возмутителей. Чтобъ не быть пораженною, по недостатку бдительности, Чулковъ долженъ былъ каждую ночь оставаться при императрицѣ. Можно сказать, что она не провела безъ него ни одной ночи — каждую ночь онъ былъ обязанъ дремать на креслѣ въ ея комнатѣ. Много лѣтъ Чулковъ вовсе не

*) Василій Васильевичъ Чулковъ былъ придворнымъ истопникомъ.

ложился въ постель. Сонъ былъ для него гораздо меньшею потребностью, чѣмъ для другихъ. Легкая дремота на стулѣ была для него достаточнымъ отдыхомъ, такъ что онъ никогда и днемъ не чувствовалъ потребности ложиться въ постель. Такъ какъ у Чулкова была оригинальная должность — проводить всѣ ночи у императрицы, то легко понять, что государыня должна была имѣть къ нему полное довѣріе. Онъ зналъ всѣ тайны ея частной жизни.

Въ семидесятыхъ годахъ, Василій Ивановичъ Чулковъ былъ генералъ, камергеръ и съ 1755 года кавалеръ ордена св. Александра Невскаго *). Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ былъ еще статскій совѣтникъ Чулковъ, кавалеръ ордена св. Анны. Можно полагать, что оба они были родня вышеупомянутому камергеру Чулкову [1]).

---

*) Оберъ-кригсъ-комиссаръ въ Москвѣ, 1759—1761.

[1]) Наиболѣе замѣчательный изъ фамилій Чулковыхъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ, 1737—1793, поэтъ, писатель, ученый и публицистъ, издавшій болѣе 75 томовъ своихъ сочиненій. Онъ на цѣлое столѣтіе упредилъ насъ своимъ неизданнымъ еще „Проектомъ трактата между европейскими государями для вѣчнаго истребленія въ Европѣ войны“.

LIX.

Иванъ Черкасовъ.

Иванъ Черкасовъ былъ простолюдинъ. Петръ I взялъ его къ себѣ и приказалъ учить письму. Когда онъ напрактиковался нѣсколько, онъ сдѣлалъ его своимъ писцомъ. При этой службѣ онъ долженъ былъ сопровождать императора въ путешествіяхъ, но въ царствованіе этого монарха никакъ не могъ добиться высшаго мѣста.

Екатерина I оставила его въ императорскомъ кабинетѣ, гдѣ онъ долженъ былъ работать для тайнаго совѣтника Макарова, все еще какъ писецъ, но съ титуломъ кабинетъ-секретаря. Въ царствованіе императрицы Анны, Черкасовъ, за многія проказы, былъ сосланъ, по приказанію Бирона, въ Астрахань. Тогда нельзя было и думать, что, по странному сплетенію обстоятельствъ, этотъ Черкасовъ сдѣлается тестемъ дочери всеснльнаго Бирона. Въ Астрахани онъ долженъ былъ оставаться до 1742 года.

Елизавета, считавшая большою заслугою службу ея отцу, все равно былъ-ли этотъ монархъ доволенъ службою или нѣтъ, вызвала его изъ Астрахани и осыпала почетными мѣстами и богатствами, хотя онъ не заслуживалъ ни того, ни другаго.

Онъ сталъ, наконецъ, барономъ, кабинетъ-министромъ и, непонятнымъ образомъ, достигъ того, что подписанные имъ приказы имѣли силу императорскихъ указовъ. Черкасовъ умеръ въ 1760 г.*), въ Петербургѣ.

Онъ былъ грубъ, невѣжественъ и безпеченъ превыше всякаго описанія. Послѣ его смерти нашли 570 пакетовъ, присланныхъ ему въ кабинетъ изъ сената и не распечатанныхъ.

Его сынъ Александръ**) женился въ 1759 году на принцессѣ Курландской Гедвигѣ Елизаветѣ[1]) Бирон.

Впрочемъ, фамилія Черкасовыхъ, какъ одна изъ знатнѣйшихъ, пользуется большимъ уваженіемъ при русскомъ дворѣ.

---

*) Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, 1690—1752.

**) Александръ Ивановичъ Черкасовъ, президентъ медицинской коллегіи, ум. 1788 г.

[1]) Екатерина Ивановна, 1727—1797.

LX.

Олофъ.

Олофъ*) былъ сынъ такъ называвшихся старонѣмцевъ въ Москвѣ. Онъ сталъ офицеромъ по рекомендаціи. Какъ офицеръ, онъ познакомился съ придворными людьми императрицы Елизаветы, которые посовѣтовали ему перейти въ греческую вѣру. Онъ послушался совѣта и его благополучіе было сдѣлано. Елизавета, считавшая, что она этимъ выполнила часть своихъ религіозныхъ обязанностей, приняла на себя заботу о его земномъ благополучіи. Онъ вскорѣ сталъ полковникомъ и получилъ полкъ.

Однажды онъ получилъ приказаніе вступить съ своими войсками въ провинцію для подавленія возстанія крестьянъ. Однако, возставшіе, будучи въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ солдаты, прогнали ихъ, захватили полковника, побили его и прогнали прочь. Эта неудача не имѣла, однако, никакого

*) Когда Олофъ обратили въ Олица — неизвѣстно; единственый извѣстный намъ Олицъ, Петръ Ивановичъ, отличился въ Семилытнюю войну, былъ ранемъ при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ, и возведенъ въ генералъ-аншефы; въ 1770 г. занятъ Валахію, за что и получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Онъ умеръ въ 1771 г. въ Букарестѣ.

вліянія на судьбу Олофа, пока жила Елизавета. По очереди онъ сталъ генералъ-маіоромъ.

Иначе пошли дѣла вслѣдъ за смертью императрицы. Однажды вечеромъ, за обѣдомъ, когда зашла рѣчь о повышеніяхъ, которыя должны были быть объявлены при предстоявшемъ празднованіи мира, Петръ III приказалъ своему генералъ-адъютанту Гудовичу прочесть списокъ полковниковъ и генералъ-маіоровъ, которые могли быть повышены по этому случаю. Гудовичъ сталъ читать фамиліи, при чемъ императоръ, при каждой фамиліи, дѣлалъ, съ свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, вполнѣ основательныя замѣчанія. Когда очередь дошла до генерала-маіора Олофа, Петръ III вскричалъ: „Вычеркнуть. Я не желаю имѣть генераловъ, битыхъ крестьянами. Можетъ убираться вонъ съ своимъ генералъ-маіорскимъ чиномъ, даннымъ ему моею теткою“. И онъ, дѣйствительно, получилъ отставку.

Онъ теперь склонился болѣе на сторону императрицы и увеличилъ собою число тѣхъ, которые свергли императора съ престола. Въ царствованіе Екатерины II онъ опять поступилъ на службу, исполнялъ иногда довольно важныя порученія, велъ себя хорошо и во время турецкой войны достигъ чина генералъ-аншефа.

Олофъ умеръ въ 1771 году.

Его женою была русская [1]), и любовь къ ней могла, конечно, имѣть вліяніе на перемѣну имъ вѣры. Мы не знаемъ, оставилъ-ли онъ дѣтей.

---

[1]) Наталья Александровна Олицова („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 94).

LXI.

Полтарацкій.

Полтарацкій былъ сынъ украинскаго крестьянина.*) Благодаря своему прекрасному голосу онъ попалъ въ императорскую капеллу. Здѣзь онъ отыскалъ тайные ходы, чтобъ выскочить въ люди. Елизавета подарила ему значительныя имѣнія.

Онъ умеръ въ 1795 году.

Полтарацкій былъ директоромъ императорской капелли и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ съ титуломъ превосходительства.

---

*) Маркъ Ѳедоровичъ Полторацкій, 1729—1795, былъ сынъ соборного протоіерея въ Сосницѣ, Черниговской Губерніи. Его сынъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, получилъ знаменитую библіотеку купца Хлабникова; его внукъ, Сергѣй Дмитріевичъ, 1803—1884, былъ извѣстній библіофилъ.

LXII.

Иванъ Шуваловъ.

Иванъ Шуваловъ былъ древняго дворянскаго рода, но родился отъ родителей небогатыхъ и не пользовавшихся значеніемъ. Его родственники при дворѣ, генералъ-поручикъ и позже генералъ-фельдмаршалъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ*) и его жена, рожденная Шепелева, подруга Елизаветы, приняли въ немъ участіе, какъ въ родственникѣ. При ихъ поддержкѣ, онъ былъ принятъ въ число императорскихъ пажей и сталъ вскорѣ камеръ-пажемъ. Онъ оставался имъ не долго. Елизъветѣ понравилась его физіономія и она избрала его въ свои любимцы. Это случилось въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Тотчасъ же Шуваловъ сталъ камеръ-юнкеромъ и вскорѣ затѣмъ камергеромъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Бѣлаго Орла. Онъ оставался открытымъ любимцемъ императрицы до самой смерти этой государыни, не имѣя, однако, большаго значенія. За нѣсколько часовъ до своей смерти Елизавета дала Шувалову ключъ отъ денежной шкатулки и ска-

*) П. И. Шуваловъ, 1711—1762, женатъ на Маврѣ Егоровнѣ (1708—1759), рожд. Шепелевой.

зала ему, что все, что онъ найдетъ вней, все его. Побуждаемый чувствомъ страха и честностью, Шуваловъ, по смерти императрицы, передалъ ключъ ея преемнику, Петру III. Этотъ государь открылъ шкатулку и нашелъ вней 300,000 дукатовъ.

Въ то даже время, когда Шуваловъ былъ въ наибольшей милости, онъ выказывалъ такую скромность, какая рѣдко замѣчалась въ избранникахъ русскихъ императрицъ. За это онъ до послѣдней минуты пользовался милостями государыни, которая очень любила его. Если онъ и раздражалъ иногда Елизавету какою-либо временною юношескою невѣрностью, — единственные проступки, въ которыхъ онъ былъ виноватъ, — она скоро прощала его и свалила вину его заблужденій на другихъ, по ея мнѣнію, увлекшихъ его. Такимъ-то образомъ возникло въ Петербургѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, преслѣдованіе женщинъ, которыхъ арестовывали и подъ плеткой допрашивали не дерзнула-ли которая изъ нихъ дѣлать глазки любимцу императрицы. Елизавета Петровна сама читала всѣ показанія и не нашла въ нихъ того, чего искала.

Шуваловъ неоднократно давалъ доказательства своего добродушія. Онъ постоянно возстановлялъ согласіе въ императорской фамиліи, которое такъ часто нарушалось при Елизаветѣ. Главныя черты его характера заключались въ страхѣ и слабости. Онъ позволилъ сманить себя стать посредникомъ въ сношеніяхъ великой княгини Екатерины съ Графомъ Понятовскимъ, за что его позже такъ дурно вознаградили. Его крайная боязливость была причиною, что онъ никогда не искалъ высокихъ мѣстъ и не путался въ государственныя дѣла постоянно опасаясь быть привлеченнымъ къ

отвѣтственности по смерти императрицы и потерять всѣ добытыя имъ выгоды. Онъ не обладалъ блестящимъ умомъ и познанія его были ограничены; во время Елизаветы онъ былъ, вслѣдствіе этого, весьма посредственный покровитель искуствъ и наукъ. Но онъ былъ настолько тщеславенъ, что желалъ составить себѣ имя, и ему принадлежитъ учрежденіе академіи художествъ.

Въ краткое царствованіе Петра III Шуваловъ постоянно оставался въ Петербургѣ, но не имѣлъ никакого вліянія. Однако, императоръ очень отличалъ его и далъ ему публичное удостовѣреніе своей дружбы. Когда, однажды, за обѣдомъ у государя, на которомъ присутствовалъ и Шуваловъ, стали говорить объ умершей императрицѣ, у Шувалова показались слезы на глазахъ. „Не плачь", сказалъ[1]) ему участливо Петръ III. „Не ищи печали въ прошломъ, котораго нельзя воротить. Императрица любила тебя и ради ея памяти ты всегда будешь имѣть во мнѣ друга".

Поведеніе Шувалова не соотвѣтствовало этимъ дружескимъ выраженіямъ. Хотя и очень отдаленное, онъ все-таки принималъ нѣкоторое участіе въ возмущеніи противъ своего государя. Къ этому шагу его побудила слабость, которая нерѣдко управляла его поступками. Его склонили, чтобъ его участіемъ или скорѣе только его присутствіемъ напомнить солдатамъ столь ими цѣнимыя, безпечныя времена Елизаветы. Вечеромъ, въ день вос-

---

[1]) Вѣроятно, подражая этому анекдоту, Павелъ I сказалъ приблизительно то же самое князю Зубову по смерти Екатерины II. Извѣстно, какъ оба поступили нѣсколько времени спустя.

шествія Екатерины на престолъ, онъ сказалъ рядомъ съ новою императрицей, во главѣ небольшаго отряда, въ Красный Кабачекъ, трактиръ по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ государыня переночевала. Шуваловъ надѣялся, вѣроятно, играть роль при новомъ правительствѣ, но ошибся. О немъ болѣе и не думали. Между тѣмъ, онъ оставался всегда въ Петербургѣ, живя на свои громадныя богатства. Значительную часть его онъ проигралъ въ карты. Наконецъ, мы не знаемъ почему, онъ впалъ въ немилость. Онъ отправился путешествовать. Екатерина II считала себя въ долгу передъ нимъ и, въ то время, когда онъ менѣе всего думалъ объ этомъ, вновь призвала его, въ 1777 году, къ дѣламъ. Она назначила ему опредѣленное содержаніе въ 4,000 рублей и пенсію въ 6,000 рублей и мало-по-малу пожаловала ему важныя придворныя должности. Шуваловъ, прожившій почти все свое состояніе, долженъ былъ очень радоваться получкѣ увѣренности въ извѣстномъ доходѣ, хотя поводъ къ этому, какъ мы увидимъ ниже, былъ для него весьма печаленъ. Онъ жилъ на эти 10,000 рублей и на спасенные остатки своего нѣкогда блестящаго состоянія, довольно уединенно, но весьма прилично, въ своемъ дворцѣ [1]) въ Пе-

[1]) Шуваловъ владѣлъ огромнымъ четырехъ-угольникомъ, выходившимъ на Невскій и на Садовую къ сторонѣ Лѣтняго Сада. Четверть этой земли, на Невскій, занималъ его дворецъ. Остальныя три четверти онъ распродалъ въ послѣднее время. Два его дворца въ Садовой улицѣ купилъ князь Вяземскій. При Елизаветѣ, въ одномъ изъ нихъ жилъ принцъ Карлъ саксонскій. Четвертую часть, рядомъ съ помѣщеніемъ Шувалова, купила, какъ намъ кажется, семья Бороздиныхъ и выстроила тамъ великолѣпный домъ.

тербургѣ. Насколько мы знаемъ, въ его судьбѣ не было уже болѣе знаменательныхъ событій.

Смерть его послѣдовала въ концѣ девяностыхъ годовъ. Онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный оберъ-камергеръ, кураторъ московскаго университета, кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго, имѣлъ большой крестъ ордена св. Владиміра [1]) перваго класса и былъ кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и св. Анны.

Шуваловъ признается отцомъ дѣвочки, которую родила императрица Елизавета около 1753 года. Ее назвали Елизаветою и дали ей, если мы не ошибаемся, позже фамилію княжны Таракановой. Этотъ ребенокъ, матерью котораго выставляли итальянскую камерфрау императрицы, былъ отправленъ въ Италію и тамъ воспитанъ. Пока жила императрица Елизавета, ребенокъ ни въ чемъ не нуждался; но по смерти этой государыни — рѣшительно во всемъ. Путешествуя, Шуваловъ былъ въ Италіи, гдѣ видѣлъ свою дочь, не рѣшившись, однако, открыться ей. Въ семидесятыхъ годахъ она была въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Архенгольцъ разсказываетъ [2]) о ней анекдотъ, случившійся незадолго до печальной катастрофы, стоившей жизни этой несчастной дѣвушкѣ. Съ нашей стороны было бы большою дерзостью

---

[1]) Екатерина II учредила орденъ св. Владиміра для гражданскихъ чиновъ, оказавшихъ особенныя заслуги. Онъ раздѣленъ на четыре класса и сообразно этому раздѣленію носится различнымъ образомъ на красной съ черною каймою лентѣ. Павелъ I не жаловалъ его, но Александръ I придалъ ему прежнее значеніе.

[2]) Въ своей книгѣ „England und Italien“.

разсказывать по Архенгольцу то же самое событіе, но своими словами. Читатели наши будутъ благодарны, если мы сообщимъ подлинныя слова этого любимаго писателя. „Въ мартѣ 1775 г. случилось здѣсь (въ Ливорно) замѣчательное событіе. Въ теченіи двухъ лѣтъ въ Римѣ находилась русская дама, родившаяся внѣ брака, но отъ матири очень высокаго званія. Она жила въ крайне бѣдственномъ положеніи. При такомъ состояніи она и не думала мечтать о коронѣ. Она была умна, хорошо образована и кроткаго нрава. Ея скромная жизнь была однажды потревожена присланнымъ къ ней русскимъ офицеромъ, сдѣлавшимъ ей на словахъ заявленія чрезвычайной важности, которымъ онъ придалъ большой вѣсъ предложеніемъ весьма значительной суммы денегъ. Этотъ послѣдній аргументъ произвелъ на даму, при ея нуждѣ, ожидавшееся дѣйствіе. Дама согласилась и въ началѣ 1775 г. явилась въ Пизу, гдѣ тогда находился графъ Алексѣй Орловъ. Графъ принялъ ее какъ королеву. Онъ повсюду сопровождалъ ее, и, когда былъ съ нею въ театрѣ, относился къ ней передъ всею публикою съ такимъ подобострастіемъ, что приводилъ въ удивленіе всю мѣстную аристократію. Никто не могъ узнать, кто эта неизвѣстная дама, предъ которою такъ унижался гордый графъ. Наконецъ, ей было предложено посѣтить близлежащее Ливорно. Она согласилась. Остановились у англійскаго консула Дика и все шло хорошо. За обѣдомъ зашла рѣчь о флотѣ, и такъ какъ дама никогда не была на военномъ кораблѣ, то ей не отказали въ желаніи посѣтить русскій военный фрегатъ. Несчастная и не предвидѣла своей судьбы! Она садится съ графомъ въ шлюбку, плыветъ

къ назначенному кораблю и они поднимаются на судно. Вдругъ сцена мѣняется. Презрительнымъ тономъ ей объявляютъ, что она въ плѣну и надѣваютъ цѣпи на руки. Корабль остается двое еще сутокъ на рейдѣ, приготовляясь къ отплытію въ Россію. Никакой иностранный ботъ не долженъ приближаться къ кораблю; находящійся на кораблѣ караулъ угрожаетъ стрѣлять. Эта угроза не помѣшала, однако, тому, что многочисленныя лодки съ ливорнцами подъѣзжали настолько близко, чтобъ видѣть иногда несчастный предметъ ихъ любопытства; она часто стояла у окна каюты, ясно выражая свое отчаяніе. На третій день корабль отплылъ съ своею добычею. Дворъ далъ ясно понять свое неудовольствіе по этому случаю и весь городъ былъ этимъ возмущенъ'. Далѣе мы сами уже разскажемъ, что знаемъ объ этой ужасной исторіи.

Ставшій впослѣдствіи знаменитымъ адмиралъ Грейгъ отвезъ даму въ Петербургъ. Здѣсь, подъ предлогомъ, будто она сумасшедшая, ее заперли сперва въ крѣпость, но вскорѣ затѣмъ перевезли въ Шлиссельбургъ, гдѣ она, въ первые же мѣсяцы 1776 года, послѣ кратковременной болѣзни, испустила духъ, причемъ явилось подозрѣніе въ насильственной ея смерти. Если это подозрѣніе справедливо, то приходить въ ужасъ, что число убійствъ важныхъ особъ увеличилось еще однимъ, непринешимъ ни малѣйшей пользы и умертвившимъ лицо, которое ни въ какомъ политическомъ отношеніи не могло быть опасно русской государынѣ.

Если же эта несчастная Елизавета умерла естественною смертью, то, во всякомъ случаѣ, Екатерина II можетъ пожалѣть о той жестокой слу-

чайности, по кототой эта дама умерла именно въ то время, когда и безъ того уже противъ русскаго двора были возбуждены всевозможныя подозрѣнія. Положимъ даже, что эта смерть была чистою случайностію, какое извиненіе петербургскій дворъ можетъ привести въ злополучной отправкѣ русскаго офицера, который сманилъ Елизавету на ея первый необдуманный шагъ? и чѣмъ можетъ онъ оправдаться въ жестокомъ овхожденіи съ несчастною, которую нельзя было обвинить ни въ какомъ преступленіи, но лишь въ непроизвольной ошибкѣ, по которой она оказалась незаконнорожденною дочерью развратной императрицы. Черезъ годъ послѣ этой смерти, Екитерина II вызвала отца несчастной Елизаветы Таракановой, Шувалова, пребывавшаго заграницею, и осыпала его тѣми знаками своего благоволенія, о которыхъ мы говорили выше. Не представляется-ли, что этими благоволеніями хотѣли утѣшить отца въ погибели его дочери?[1]) Не порождается-ли этимъ самимъ вновь подозрѣніе въ ея умерщвленіи?

---

[1]) Донесенія гр А. Г. Орлова о княжнѣ Таракановой (Бесѣда, 1859, VI, 69); Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой (Сборникъ, I, 169); Письмо Екатерины II гр. А. Г. Орлову (Сборникъ, I, 103; Вѣсти. Евр., 1867, IV, 38); Castera, II, 31; Гр. В. Н. Панинъ, Елизавета Алексѣевна Тараканова (Чтенія, 1867, I, 37; II, 155; III, 194); Georg v. Brevern, Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth, Brln., 1867; Лонгиновъ, Княжна Тараканова (Русск. Вѣстн., 1859, XXIV, 716); Княжна Тараканова („Русск. Старина", 1874, X, 773); Herrmann, V, 707.

LXIII.

Дмитрій Волковъ.

Другу исторіи ничего, конечно, не можетъ быть пріятнѣе, какъ если онъ, усталый отъ чтенія подробностей о цѣлой массѣ незначительныхъ или злыхъ выскочекъ, встрѣчаетъ иногда человѣка, который возвышается, благодаря своимъ дарованіямъ, оказывается необходимымъ государю и его министрамъ, полезнымъ націи, и ошибки котораго, относящіяся по бо́льшей части лишь къ образу его жизни, служатъ, кажется, лишь къ тому, чтобы выставить еще болѣе совершенство его главныхъ качествъ. Въ этомъ случаѣ историкъ уподобляется путнику, который долго бродилъ по печальнымъ и безплоднымъ путямъ, по дикимъ и необработаннымъ мѣстностямъ, или по песчанымъ пустынямъ и, наконецъ, вступаетъ на тропинку, по которой можетъ продолжать свой путь съ удобствомъ и удовольствіемъ, и гдѣ окрестности, своими небольшими уклоненіями отъ красоты природы, становятся тѣмъ болѣе очаровательными.

Дмитрій Волковъ[1]), русскій простолюдинъ*),

---

[1]) Существуетъ дворянская фамилія Волковыхъ и есть актеръ, котораго зовутъ Волковъ и о которомъ мы будемъ еще говорить. Но тотъ Волковъ, о которомъ идетъ рѣчь, не родня ни тѣмъ, ни другому.

*) Это не вѣрно. Онъ былъ „столбовой дворянинъ“

былъ случайнымъ образомъ такъ счастливъ, что получилъ весьма порядочное образованіе. Прослуживъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ и доказавъ всюду свою годность, онъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, постопилъ секретаремъ въ такъ насывавшуюся тогда конференцію[1]). Здѣсь онъ былъ очень полезенъ. Не было ни одной политической тайны при русскомъ дворѣ, въ которую онъ не былъ бы посвященъ. Всѣ донесенія въ конференцію и всѣ поступавшія въ нее бумаги Волковъ долженъ былъ, прежде чѣмъ эти бумаги представлялись императрицѣ, переработывать такимъ образомъ, чтобы онѣ были въ состояніи поддерживать въ императрицѣ ненависть къ Пруссіи. Во время семилѣтней войны, онъ, благодаря своей страсти къ картамъ, оказался въ такомъ затруднительномъ положеніи, что даже его высокій умъ не могъ спасти его. Онъ вдругъ исчезъ и покинулъ, самымъ недостойнымъ образомъ, свою жену, дѣтей и, во всякомъ случаѣ, весьма блистательную карьеру. Такъ какъ онъ изготовлялъ иностранные паспорты, то полагали, что онъ взялъ себѣ паспортъ и отправился въ Берлинъ, чтобы тамъ измѣннически продать государственныя тайны русскаго двора. Этимъ были очень озабочены и обратились къ посланникамъ дружественныхъ дворовъ въ Берлинѣ, чтобы разыскать его тамъ. Какъ только до слуха Волкова, скрывавшагося въ одномъ изъ темныхъ притоновъ, дошли эти подозрѣ-

---

древняго рода, зажиточнаго помѣщика Рузскаго и Московскаго уѣздовъ.

[1]) Конференціей называлось то, что зовется теперь совѣтомъ. Петръ III уничтожилъ ее, по названію только.

нія, онъ явился, чтобъ, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны спасти свою честь. При дворѣ были рады вновь увидѣть его и искупили его возвращеніе уплатою его карточныхъ долговъ. Вскорѣ послѣ этого онъ поссорился съ графомъ Бестужевымъ и разоблачилъ его планъ объ устраненіи великаго князя отъ престолонаслѣдія, что и было причиною возвращенія русскихъ войскъ изъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого обстоятельства Бестужевъ палъ; Волковъ же, хотя и не получилъ никакого выдающагося мѣста, но остался главною личностью въ русскомъ кабинетѣ.

Петръ Ш, благодарный Волкову за услугу, оказанную ему въ прежніе годы, оказывалъ ему большое довѣріе и возлагалъ на него важныя порученія. Императоръ ничего не предпринималъ безъ совѣта и рѣшенія Волкова и, можно сказать, что этому человѣку принадлежитъ значительная доля въ славныхъ и благодѣтельныхъ дѣяніяхъ монарха. Онъ былъ настолько правдивъ, что предъувѣдомилъ своего государя о возмущеніи, которое готовилось противъ него. Проницательный умъ Волкова развѣдалъ почти весь планъ возмущенія, но несчалтный государь былъ настолько увѣренъ въ своей безопасности, что пренебрегъ совѣтами своего друга, вѣрнымъ указаніямъ котораго долженъ былъ бы слѣдовать.

Екатерина II знала предпріимчивость Волкова и его преданность ея супругу. Она приказала, поэтому, арестовать его и не раньше освободила, какъ уже вполнѣ утвердившись. Она знала его пригодность, но не хотѣла держать его около себя. Говорятъ, будто эта государыня удалила отъ себя многихъ умныхъ людей, не желая показать даже

и вида, будто она управляетъ при ихъ помощи. Какъ бы ни было, извѣстно, однако, что Волковъ удалился отъ двора и получилъ мѣсто въ Оренбургѣ. Но при посредствѣ своихъ друзей онъ былъ скоро возвращенъ. Его назначили полиціймейстеромъ и, наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и губернаторомъ Петербурга — мѣсто, которымъ онъ до самой своей смерти управлялъ весьма разумно. Когда въ Москвѣ свирѣпствовала чума, онъ былъ посланъ туда и, благодаря его цѣлесообразнымъ распоряженіямъ и неусыпнымъ трудамъ, эта ужасная болѣзнь была сдержана и подавлена *). Его всюду употребляли, потому что при всѣхъ обстоятельствахъ онъ предлагалъ наиболѣе разумныя мѣропріятія. Такъ, въ 1772 году, онъ былъ назначенъ ѣхать съ Орловымъ на конгрессъ въ Фокшаны, но долженъ былъ остаться еще въ Москвѣ, гдѣ его присутствіе оказалось крайне необходимымъ.

Намъ неизвѣстны ни годъ его смерти **), ни ближайшія подробности о его семьѣ [1]).

Волковъ обладалъ просвѣщеннымъ умомъ, говорилъ очень хорошо на многихъ языкахъ, хотя не выѣзжалъ изъ Россіи, хорошо зналъ свое отечество, зналъ человѣческое сердце и вообще былъ наиболѣе свѣтлая голова, когда либо рождавшаяся въ Россіи. Онъ всегда занимался политическими

---

*) Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 283).

**) Дмитрій Васильевичъ Волковъ, 1718—1785.

[1]) Волковъ былъ женатъ на Прасковьѣ Борисовнѣ Никитиной и у него было три сына и три дочери. Подробности о семьѣ см. въ показаніяхъ С. А. Рудаковой, помѣщенныхъ въ „Русскоц Старинѣ“, 1874, IX, 168,

дѣлами и могъ, поэтому, знать, насколско это возможно для иностранца, сильныя и слабыя стороны остальныхъ европейскихъ государствъ и судить объ ихъ взаимныхъ естественныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Всѣ, кто зналъ Волкова, хвалятъ его какъ мужа, отца и друга.

LXIV.

Брессанъ.

Царствованіе Петра Ш уже и тѣмъ выдается съ хорошей стороны, что въ теченіи шести мѣсяцевъ оказался только одинъ[1]) „избранникъ“, составившій при немъ свое благополучіе. Къ тому же это благополучіе было весьма умѣренно и его получилъ человѣкъ достойный, соединявшій и необыкновенныя познанія въ своей спеціальности, и рѣдкую честность.

Брессанъ*), родомъ изъ Монако, въ Италіи, провелъ часть молодости во Франціи, гдѣ получилъ очень хорошее образованіе и пріобрѣлъ полезныя свѣдѣнія въ камеральныхъ наукахъ, въ искусствахъ и торговлѣ. Какъ человѣкъ бѣдный, онъ искалъ счастія въ чужихъ странахъ и нашелъ его въ Россіи, гдѣ тогда царствовала Елизавета и куда онъ попалъ совершенно случайно. Здѣсь онъ выдавалъ себя за француза, зная, что это служитъ хорошею рекомендаціей въ странѣ, которая тогда только что начинала цивилизоваться. Его

---

[1]) Волковъ, о которомъ говорилось въ предъидущей статьѣ, хотя и возвысился при Петрѣ Ш, но уже въ царствованіе Елизаветы завѣдывалъ важными дѣлами.

*) Александръ Ивановичъ Брессанъ, 1719—1779.

предложили великому князю Петру въ камердинеры. Петръ взялъ его и былъ имъ чрезвычайно доволенъ. Ему тѣмъ болѣе пріятно было услышать, что Брессанъ собственно итальянецъ, что онъ неохотно отказывался отъ своего предразсудка считать всѣхъ французовъ легкомысленными и ненадежными. Мало-по-малу честный Брессанъ заслужилъ полное довѣріе своего государя.

Какъ только Петръ вступилъ на престолъ, онъ озаботился дать Брессану хорошее назначеніе и вознаградить его преданность. Онъ сдѣлалъ его голштинскимъ камергеромъ и бригадиромъ, директоромъ гобелэновой фабрики[1]) въ Петербургѣ, президентомъ мануфактуръ-коллегіи, директоромъ всѣхъ зависимыхъ отъ коллегіи фабрикъ и, наконецъ, статскимъ совѣтникомъ.

Во время весшествія на престолъ Екатерины II Брессанъ далъ блистательное доказательство своего присутствія духа и своей вѣрности императору. Въ это ужасное утро сторонники императрицы признали, что для успѣха ихъ предпріятія было бы хорошо прервать сообщеніе съ Ораніенбаумомъ, чтобъ Петръ III не былъ извѣщенъ до времени о ходѣ возстанія. Чтобъ исполнить это, они хотѣли занять Калинкинъ мостъ, ведущій ближайшимъ путемъ на дорогу въ Ораніенбаумъ. Они такъ и сдѣлали, выставивъ на мосту отрядъ войска и тѣмъ прервавъ по немъ всякое сообщеніе. Но Брессанъ упредилъ ихъ. Какъ только онъ услышалъ, что

---

[1]) Гобелэновая фабрика въ Петербургѣ еще существуетъ и достигла большаго совершенства, но стоитъ казнѣ большихъ денегъ. Павелъ I болѣе всѣхъ тратилъ на нее.

вспыхнуло возстаніе и узналъ о поведеніи императрицы, поступки которой давно уже казались ему подозрительными, онъ написалъ императору записочку, въ которой излагалъ ходъ дѣла, назколько это было ему извѣстно. Эту записочку онъ отдалъ своему вѣрному слугѣ, переодѣлъ его мужикомъ, посадилъ въ крестьянскую маленькую таратайку въ одну лошадь и послалъ его въ Ораніенбаумъ, съ строгимъ наказомъ, отдать записку только въ руки императора. Едва этотъ переодѣтый мужикъ переѣхалъ мостъ, какъ явились войска, чтобъ занять его. Брессанъ исполнилъ свою обязанность, но Петръ III исполнилъ своей. Онъ получилъ записочку своего вѣрнаго слуги, но у него недоставало предпріимчивости, которая должна бы воодушевить его, чтобъ послѣдовать совѣтамъ своего друга.

По смерти Петра III Брессанъ потерялъ все. Онъ стушевался. Впрочемъ, мы не знаемъ ничего о судьбѣ этого хорошаго человѣка.

LXV.

Григорій Орловъ I.

Маловажныя, въ началѣ почти незамѣтныя, обстоятельства были издавна рычагомъ наиболѣе важныхъ событій. Нерадивость русскаго статс-министра графа Панина[1]), положившаго въ карманъ не читая, поданную ему во время карточной игры депешу изъ Константинополя съ примирительными предложеніями Порты, и забывшаго о ней, привела къ первой турецкой войнѣ въ царствованіе послѣдней русской императрицы; насмѣшливыя донесенія русскаго дипломата въ Стокгольмѣ, забавлявшія Екатерину II и взбѣсившія Густава III, когда онъ узналъ о нихъ, вооружили Швецію противъ Россіи во время второй турецкой войны; а одинъ взглядъ этой императрицы, полный печали и разсѣянія, брошенный ею изъ окна, еще великою княгиною, и подхваченный, стоявшимъ

[1]) Никита Панинъ былъ уменъ, правдивъ, пріятенъ, добросердеченъ и неподкупенъ, Онъ былъ гофмейстеромъ великаго князя Павла и принималъ участіе въ лишеніи Петра III престола. Это очень омрачаетъ хорошія качества Панина, которыя умаляются также и тѣмъ, что онъ былъ очень слабъ и лѣнивъ или, лучше сказать, небреженъ. Екатерина II сдѣлала его графомъ; онъ умеръ въ санѣ фельдмаршала.

насупротивъ, красивымъ Орловымъ, произвелъ впослѣдствіи самыя неожиданныя событія. Этотъ взглядъ похитилъ у Петра III престолъ и жизнь, измѣнилъ видъ государственнаго въ Россіи и имѣлъ извѣстное, часто диктаторское и, по большей части, вредное вліяніе на большую половину Европы.

Фамилія Орловыхъ не прусскаго происхожденія, какъ утверждали; она принадлежитъ къ стародворянскимъ родамъ русскаго государства. Намъ, однако, неизвѣстно, объясняется-ли ея происхожденіе маленькимъ городомъ Орловымъ, при рѣкѣ Вяткѣ, Казанской губерніи или другими небольшими мѣстечками Орловыми, или же оно было болѣе знаменито.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, которыя быть можетъ, ради опредѣленія ранга, были составлены въ слишкомъ выгодномъ смыслѣ, отецъ ихъ, Григорій Орловъ, занималъ въ царствованіе Петра I почти мѣсто подполковника стрѣлецкаго войска; будучи 53 лѣтъ, онъ женился на дѣвицѣ Зиновьевой, дѣвушкѣ 16 лѣтъ, и прижилъ съ нею девять сынотей. Четверо изъ нихъ умерли, вѣроятно, дѣтьми; по пятеро хорошо намъ извѣстны. Они носили имена: Ивана, Григорія, Алексѣя, Ѳедора и Владимира. О каждомъ будетъ сказано особо.

Три старшіе брата, изъ которыхъ Григорій былъ вторымъ, вступили въ шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ получили очень хорошее военное образованіе и особенно изучили главнѣйшіе иностранные языки, нѣмецкій и французскій. Изъ корпуса Григорій вышелъ въ гвардейскій пѣхотный полкъ, но вскорѣ, вѣроятно, по собственному желанію, былъ переведенъ въ артиллерію. Онъ былъ

красивѣйшій мужчина Сѣвера и это преимущество содѣйствовало ему къ пріобрѣтенію мѣста адъютанта при генералъ-фельдцейхмейстерѣ. Въ это время, вслѣдствіе открывшейся его связи съ одною дамою, онъ имѣлъ непріятности и уже почти лишился было свободы, но это прошло ему пока благополучно. Григорій и его три брата, такъ какъ къ нимъ присоединился уже и Ѳедоръ, жили въ полномъ согласіи. Они продали довольно порядочное имѣніе своего отца и проживали капиталъ, вращаясь всегда въ веселомъ, но неизысканномъ обществѣ, ведя карточную игру и своими выходками заставляя говорить о себѣ и при дворѣ, и въ городѣ. Благодаря такому образу жизни состояніе ихъ было прожито и на мѣсто его явились долги. Такъ какъ они скоро потеряли кредитъ, то положеніе четырехъ братьевъ стало довольно опаснымъ, но ихъ спасали умъ и счастливая карточная игра.

Когда, въ царствованіе Елизаветы, взятый во время семилѣтней войны русскими въ плѣнъ прусскій графъ Шверинъ [1]) долженъ былъ прибыть въ Петербургъ и затруднялись въ выборѣ людей, которые соединяли бы приличную внѣшность съ рѣшимостью и мужествомъ, кому-то вспало на мысль, что Григорій Орловъ, бывшій тогда уже офицеромъ, могъ бы быть пригоденъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми требуемыми качествами и, сверхъ того, ничего не дѣлаетъ, кромѣ безчинства въ публичныхъ домахъ Петербурга. Григорій, дѣйствительно, получилъ это назначеніе.

---

[1]) Если мы не ошибаемся, это тотъ самый Шверинъ, который умеръ оберъ-шталмейстеромъ и былъ любимцемъ Фридриха II.

Прибывъ съ графомъ Шверинымъ, которому назначили для житья воронцовскій, нынѣ строгоновскій, домъ, на углу Невскаго проспекта и Мойки, Орловъ поселился въ небольшомъ домѣ [1]) по близости, чтобъ всегда быть подъ рукою.

Въ этой же мѣстности стоялъ тогдашній зимній дворецъ, въ которомъ помѣщалась императорская фамилія. Разсказываютъ за достовѣрное, что Екатерина послѣ одной изъ непріятнѣйшихъ сценъ, которыя она имѣла иногда съ императрицей или съ своимъ супругомъ, открыла, чтобъ освѣжиться окно и ея взглядъ упалъ на Орлова. Это мгновеніе рѣшило все. Взглядъ красиваго юноши былъ электрическимъ токомъ, одушевившимъ Екатерину. Одна мысль о немъ заполняла въ ея сердцѣ ту пустоту, которая образовалась вслѣдствіе отъѣзда графа Понятовскаго изъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ многое производило на нее впечатлѣніе, но лишь мимолетное. Григорій Орловъ, вполнѣ сознававшій свою красоту и, поэтому, увѣренный такъ сказать въ своемъ успѣхѣ, очень скоро и не безъ удовольствія замѣтилъ, какъ знатокъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на великую княгиню. Такъ зародилась между Екатериной и Орловымъ интрига, шедшая обычнымъ ходомъ. Ночныя потемки прикрывали въ комнатахъ Григорія запретныя свиданія, остававшіяся тайною для дневнаго свѣта. Послѣдствія этаго стали замѣтны еще при жизни Елизаветы Петровны, и вынудили великую княгиню притворяться, что у нее болитъ

[1]) Это крайній угловой домъ въ Морской, рядомъ съ домомъ Завадовскаго, принадлежавшій нѣкогда графу Панину. Когда Орловъ поселился въ маленькомъ домѣ, онъ принадлежалъ купцу и придворному банкиру Кнутзену.

нога, и, подъ такимъ предлогомъ, показываться императрицѣ не иначе, какъ сидя. Только въ апрѣлѣ 1762 года, т. е. уже во царствованіе ПетраШ, Екатеринѣ вполнѣ оправилась.

Финансы этой цесаревны, какъ супруги наслѣдника престола, были очень ограничены. Она не могла удовлетворять расточительности Орлова и его братьевъ, и была въ затруднительномъ положеніи. Это положеніе стало особенно затруднительно въ первые шесть мѣсяцевъ 1762 года, когда важныя обстоятельства потребовали большихъ издержекъ. Примѣры удавшихся заговоровъ въ новѣйшей исторіи русскаго двора возбудили въ Екатеринѣ мысль о возможности подобнаго предпріятія. Эта мысль была подкрѣпляема въ Екатеринѣ какъ властолюбіемъ, такъ и тѣмъ чувствомъ, которое такъ несправедливо называютъ любовью. Екатерина сообщила эту мысль о революціи своему возлюбленному и тогда составленъ былъ уже формальный проектъ. Братья Григорія принимали въ этомъ живѣйшее и существенное участіе. Они познакомились съ императрицей въ квартирѣ брата. Эта квартира Орлова, бывшая до селѣ притономъ чувственныхъ наслажденій, стала теперь вертепомъ заговора. Братья Орлова приняли на себя трудъ переманить гвардію на сторону императрицы, между тѣмъ какъ сама государыня предоставила своей подругѣ, княгинѣ Дашковой[1]), привлечь нѣкото-

[1]) Эта дама, рожденная Воронцова, была сестрой фаворитки Петра Ш и обоихъ великихъ государственныхъ мужей Семена и Александра Воронцова. Она жила еще въ концѣ девяностыхъ годовъ, но держалась вдали отъ двора и отъ дѣлъ. Эта женщина обладала большимъ умомъ, очень многими познаніями и непревосходимою пріятностью

рыхъ придворныхъ вельможъ къ интересамъ Екатерины. Для этого требовалаль только ловкость, для привлеченія же гвардіи нужны были также и деньги. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи большія суммы, пришли къ мысли добыть поручику Григорію Орлову вакантное тогда мѣсто казначея при артиллерійскомъ вѣдомствѣ. Императрица рекомендовала его черезъ третьи руки. Генералъ Пурпуръ[1]), бывшій въ то время его начальникомъ, возражалъ, правда, что негодится столь значительную кассу довѣрять столь молодому и во всякомъ случаѣ не вполнѣ порядочному человѣку; однако, и онъ замолчалъ, наконецъ, когда услышалъ, что рекомендація исходитъ изъ высшихъ сферъ. Обладаніе столь значительными суммами дало Григорію Орлову возможность дѣйствовать въ пользу императрицы. Петръ Ш утомлялъ и раздражалъ войска прусскими военными упражненіями; Орловы разжигали это недовольство войскъ и раздавали солдатамъ, отъ имени императрицы, небольшія суммы. Одною рукою они сѣяли во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ сѣмя недовольства императоромъ, а другою раздавали благодѣянія императрицы. Такимъ образомъ, они пріобрѣли въ свою пользу, прежде всего, два баталіона Измайловскаго полка, бывшаго подъ командою Кирилла Разумовскаго, который подъ рукою объявилъ уже себя за императрицу.

въ обращеніи, но также и нѣкоторою долею притязательности, особенно невыносимой для императрицы.

[1]) Пурпуръ былъ тогда генералъ-маіоръ и за такую большую угодливость получилъ все-таки только чинъ генералъ-поручика. Онъ жилъ еще въ 1779 г. и былъ только кавалеръ ордена св. Анны.

Извѣстно, что революція должна была произойти лишь тогда, когда императоръ отправился бы въ походъ противъ Даніи, но что ее произвели ранѣе, пототу что Пассекъ, одинъ изъ заговорщиковъ, проболтался въ пьяномъ видѣ и былъ уже арестованъ. Къ счастію для предпріятія, все уже было готово и страшная завѣса могла быть поднята въ каждое мгновеніе безъ всякой опасности. Это и было сдѣлано по поводу ареста Пассека. Заговорщики согласились начать дѣло, не спрашивая императрицы. Еще въ ту же ночь Алексѣй Орловъ поѣхалъ въ Петергофъ за императрицей. Григорій остался въ городѣ, картежничалъ и бражничалъ всю ночь напролетъ съ извѣстнымъ Перфильевымъ[1]), имѣвшимъ отъ Петра III порученіе наблюдать за приверженцами Екатерины, которые не были ему вполнѣ неизвѣстны*). Орловъ проигралъ Перфильеву въ эту ночь нѣсколько тысячъ рублей. Подъ утро, когда уже никакія усилія Перфильева не могли быть опасны, онъ его отпустилъ, а самъ отправился въ гвардейскіе полки, и все было готово прежде, чѣмъ императрица прибыла въ Петербургъ. Григорій поѣхалъ ей на встрѣчу; онъ закричалъ ей, что все готово! Поспѣшили къ гвардіи, революція началась и имѣла желанный успѣхъ.

Въ тотъ же вечеръ, императрица, во главѣ довольно значительной арміи, отправилась, верхомъ, по дорогѣ въ Петергофъ, чтобъ тамъ порабоще-

---

[1]) Перфильевъ былъ тогда гвардейскимъ офицеромъ; понятно, что позже онъ имъ никогда не былъ.

*) Лонгиновъ, Первые пособники Екатерины II (Арх., 1870, 966).

ніемъ Петра III*), въ случаѣ, если-бъ онъ вздумалъ оказать сопротивленіе, окончить революцію. Григорій былъ въ свитѣ государыни. Только на другой день поутру прибыли въ Петерговъ. Изъ Петергофа Орловъ съ Измайловымъ[1]) отправился въ Ораніенбаумъ, но не видѣлся съ императоромъ. Жалкимъ отреченіемъ императора окончилась революція.

Въ этотъ же день возвратились въ Петербуръ. Вечеромъ былъ пріемъ во дворцѣ Лѣтняго сада, и при этомъ-то обнаружилось для всѣхъ придворныхъ то обстоятельство, которое до того было для нихъ тайною. За день до этого Орловъ ушибъ колѣно. Такъ какъ онъ не могъ стоять, то сидѣлъ въ креслѣ и, что особенно знаменательно, рядомъ съ тономъ. Когда вошли генералы, Орловъ извинился, что не можетъ встать; немного времени спустя, эти же генералы должны были вставать передъ нимъ. Дѣлу была придана еще большая огласка. Орловъ занялъ много комнатъ въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ, близь новой государыни и, по примѣру великихъ предшественницъ Екатерины, императрицъ Анны и Елизаветы, былъ торжественно представленъ всему двору, еще при жизни плѣннаго Петра III, какъ публично объявленный любимецъ.

Григорій Ортовъ былъ виновникъ умерщвленія Петра III, но самъ онъ не принималъ въ этомъ участія.

---

*) Коксъ, XIX, 49.

1) Михаилъ Измайловъ былъ собственно при дворѣ императора, когда измѣнилъ ему. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ жилъ еще, будучи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св, Андрея.

Награды за важныя услуги, оказанныя Григоріемъ Орловымъ, начались съ того, что императрица дала ему камергерскіе ключи и орденъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ вскорѣ послѣдовали графское достоинство ему и его братьямъ и почетныя должности, именно: генералъ-адъютантъ императрицы, генералъ-директоръ всѣхъ укрѣпленій, шефъ кавалергардовъ, подполковникъ конной гвардіи и президентъ суда надъ новыми переселенцами. Наконецъ, онъ сталъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, кавалеромъ русской голубой ленты и различныхъ иностранныхъ орденовъ и имперскій князь. Онъ былъ, сверхъ того, долгіе годы единственный русскій, имѣвшій счастіе носить въ петличкѣ портретъ своей государыни. Этотъ портретъ былъ украшенъ огромнымъ брильянтомъ, такъ называемымъ плоскимъ алмазомъ, имѣвшимъ форму сердца. Что его богатства измѣрялись мильонами, понятно само собою. Къ этому присоединяется еще великолѣпный штегельмановскій дворецъ[1]) въ Петербургѣ, на Мойкѣ*), императорскія дворцовыя имѣнія, Гатчина[2]) и Ропша[3]), гдѣ умеръ Петръ III, и весьма значительныя земли въ Лифляндіи, Эстляндіи и особенно въ Россіи.

Могушество Орлова равнялось уже власти го-

---

[1]) Позже въ немъ жилъ графъ Ангальтъ; наконецъ — Костюшко. Кто теперь обитаетъ въ немъ, мы не знаемъ.

*) Сборникъ, XVII, 258.

[2]) Гатчина — прекрасный замокъ и садъ, съ небольшимъ городкомъ — принадлежитъ теперь вдовствующей императрицѣ (Маріи Ѳедоровнѣ).

[3]) Ропша — деревня съ замкомъ и садомъ — была Орловымъ продана армянину Лазареву. У него купилъ ее Павелъ I.

сударя. По запискамъ за своею подписью онъ могъ брать изъ всѣхъ императорскихъ кассъ до 100 000 рублей. Но его значеніе болжно было еще болѣе возвыситься. Екатерина и онъ хотѣли сочетаться бракомъ. Въ 1762 и 1763 годахъ былъ весьма искусно распущенъ слухъ объ этомъ брачномъ проектѣ, чтобъ разузнать мнѣніе націи и двора. Этому неоспоримому доказательству ослѣпленія императрицы воспротивились графы Бестужевъ, Воронцевъ и Панинъ, три лица, ставшія въ русской исторіи одинъ — опозореннымъ, другой — извѣстнымъ, третій — прославленнымъ. Такъ какъ этому проекту не суждено было осуществиться, то Орловъ, въ видѣ возмездія, былъ возведенъ въ княжеское достоинство, дипломъ на каторое императрица, однако, удержала еще у себя.

Этотъ избранникъ, виновный въ большой небрежности относительно управленія разнообразными, требовавшими постоянныхъ занятій, должностями, особенно же надзора за переселенческимъ вѣдомствомъ, всегда, однако, съ первой минуты своего знакомства съ императрицей, выказывалъ неизмѣнную ей преданность. Его предусмотрительности, его рѣшимости и его мужеству обязана императрица тѣмъ, что были открыты и уничтожены три заговора противъ нея.

Но если со стороны Орлова все еще продолжалась, лишь на мгновеніе прерываясь, вѣрная преданность, то со стороны Екатерины склонность уступила свое мѣсто рѣшительному равнодушію. Самъ избранникъ далъ къ этому поводъ грубымъ, всегда весьма своевольнымъ, поведеніемъ въ своей частной жизни. Орловъ не имѣлъ по-

нятія о приличіи. Его отношенія къ Екатеринѣ имѣли характеръ обыкновенной связи, лишенной всякихъ нравственныхъ началъ и заключенной только для плотского наслажденія. Екатерина поняла, наконецъ, какъ было хорошо, что не состоялся ея бракъ съ Орловымъ. Она стала теперь подумывать, какъ бы удалить его, ставшаво уже ей въ тягость. Случай къ этому скоро представился: въ 1771 г. чума въ Москвѣ такъ свирѣпствовала, что тамъ умерло 150 000 душъ и нуженъ былъ человѣкъ высокаго положенія, который постарался бы прекратить бѣдствіе мудрыми мѣрами. Сама императрица представила своему избраннику что такъ какъ онъ всю войну мирно прожилъ въ Петербургѣ, то теперь поѣздкой на короткое время въ Москву и своими тамъ усиліями, онъ могъ бы стяжать живѣшую благодарность націи. Графъ Орловъ выѣхалъ въ Москву съ многочисленною свитою; его сопровождалъ очень искусный хирургъ Тодте[1]). Предусмотрительными и цѣлесообразными мѣрами этого человѣка, особенно же тайнаво совѣтника Волкова, не только было задержано дальнѣйшее развитіе болѣзни, но даже гнѣзда заразы были искоренены*) Орловъ возвратился въ Петербургъ, но долженъ былъ выдержать карантинъ. Когда онъ появился

[1]) Тодте былъ дурно вознагражденъ за свои безконечныя хлопоты. Онъ получилъ всего лишь 200 рублей.

*) Описаніе моровой язвы въ Москвѣ съ 1770 по 1772 г. Москва, 1775 (по всевысочайшему повелѣнію); П. Алексѣевъ, Московскій бунтъ 1771 г, (Архивъ, 1863, 491); Мухановъ, Москва въ 1771 г. (Архивъ, 1866, 320); Бумаги о моровой язвѣ въ Москвѣ 1771 г, (Воронцевъ, XVI, 449); Бюлеръ, Замѣтка о москов. чумѣ 1771 г. (Россія 1875, III, 78).

въ Петербургѣ, его приняли съ лицемѣрною радостью. Въ честь его была выбита медаль, на которой онъ какъ второй Курцій, пригаетъ въ преисподнюю. Въ Царскомъ Селѣ ему была воздвигнута, по обычаю римлянъ, мраморная тріумфальная арка. Эта арка, какъ бывало иногда и въ древнія времена, была не знакомъ побѣдѣ, но назначалась къ тому, чтобъ напоминать потомкамъ о великихъ гражданскихъ заслугахъ.

Императрица и ея друзья, ставшіе теперь противниками Орлова, думали только объ удобномъ поводѣ удалить его навсегда, и поводъ вскорѣ былъ найденъ. Въ Фокшанахъ, небольшомъ городѣ Валахіи, на границѣ Молдавіи, долженъ былъ открыться конгрессъ для окончанія турецкой войны. Было предложено Орлову принять на себя переговоры о мирѣ и этимъ путемъ вторично заслужить благодарность націи. Гордость ослѣпила его; онъ на видѣлъ западни, ему разставленной, и попалъ въ сѣти. Приготовленія къ путешествію могущественнѣйшаго государя не могли быть сдѣланы съ бо́льшими издержками. Онъ имѣлъ маршаловъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ,пажей, императорскихъ слугъ и великолѣпные экинажи. Соотвѣтственно этому были кухня, погребъ и все остальное. Драгоцѣнности на его костюмѣ достигали чудовищной цѣны. Впрочемъ, понятно, что графъ Орловъ участвовалъ въ переговорахъ только своимъ именемъ, работа же была возложена на другихъ. Тѣмъ не менѣе, цѣль его поѣздки не была достигнута. Онъ велъ себя съ такимъ высокомѣріемъ, что возмущалъ всѣхъ; онъ дурно обходился даже съ турками.

Онъ былъ еще въ Фокшанахъ, когда, въ сен-

тябрѣ 1772 года, узналъ, что, по рекомендаціи его врага, графа Панина, императрица избрала офицера Васильчикова своимъ любимцемъ. Орловъ разсвирѣпѣлъ при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ же бросился въ кибитку[1]) парой, и день, и ночь летѣлъ въ Петербургъ. Онъ полагалъ, что можетъ неожиданно явиться въ Петербургѣ, но здѣсь догадывались о его поспѣшности и приняли мѣры. На взтрѣчу ему былъ посланъ курьеръ съ письмомъ императрицы. Она писала ему, что „нѣтъ надобности выдерживать карантинъ, но она предлагаетъ ему избрать пока Гатчину мѣстомъ своего пребыванія". Курьеръ, везшій ему это письмо встрѣтилъ его на дорогѣ. Орловъ былъ близокъ къ отчаянію. Было бы несправедливо назвать это чувство оскорбленною любовью; это былъ только стыдъ видѣть себя обойденнымъ и обидчивое честолюбіе—не быть болѣе первымъ повелителемъ въ государствѣ. Это событіе произвело совершенно различныя и странныя дѣйствія. Въ Гатчинѣ Орловъ предавался бѣшенству и его гнѣвъ былъ сдѣланъ безвреднымъ, благодаря той силѣ, которая была ему противопоставлена. Въ Петербургѣ же императрица, при всемъ сознаніи окружавшаго ея могущества, выражала такую боязливость, что приходилось думать, будто столь мужественный нѣкогда характеръ совсѣмъ покинулъ ее. Когда Панинъ, желая ее успоконть, назвалъ этотъ страхъ безполезнымъ, она сказала ему: „Вы его не знаете — онъ способенъ извести и меня, и великаго князя". Это заявленіе императрицы заставляетъ

---

[1]) Кибитка—совершенно простая, но очень легка на ходу—повозка, употребляемая обыкновенно курьерами.

до нѣкоторой степени догадываться, что Екатерина по опыту знала бѣшенство Орлова. У двери въ свою спальню она приказала сдѣлать желѣзный засовъ и камердинеръ Захаровъ долженъ былъ сторожить у древи съ заряженными пистолетами. Позже, узнавъ объ этомъ, Орловъ горько упрекалъ Екатерину за эти предосторожности.

Между тѣмъ, гнѣвъ Орлова въ Гатчинѣ выражался въ самыхъ отчаянныхъ вспышкахъ. Дворъ нашелъ (какое доказательство собственной слабости!) болѣе сообразнымъ съ собственною безопасностью войти съ нимъ въ переговоры. Отъ него потребовали только, чтобъ онъ велъ себя мирно и уступилъ другому свое мѣсто любимца императрицы. Въ числѣ лицъ съ значеніемъ и вѣсомъ, посланныхъ къ нему, чтобъ завязать переговоры, находился и Бецкій, давнишній другъ его, но никто не могъ получить отъ него ни малѣйшей уступки. Императрица послала ему съ тайнымъ совѣтникомъ Адамомъ Васильевичемъ Алсуфьевымъ милліонъ рублей, извиняясь, что не имѣетъ большой суммы. Дѣло въ томъ, что государыня сама назначила ему въ день ангела и въ день рожденія вмѣстѣ 200,000 рублей; но этихъ денегъ Орловъ никогда не бралъ и въ десять лѣтъ накопилось два милліона рублей, изъ которыхъ. слѣдовательно, Екатерина оставалась теперь ему должна одинъ милліонъ. Орловъ, когда ему привезли милліонъ, сказалъ, что „не требуетъ болѣе ничего, зная, что это было бы слишкомъ тяжело для государства“. Впрочемъ, этотъ шагъ императрицы не произвелъ никакого особеннаго дѣйствія. Три послѣдніе мѣсяца 1772 года были страшною четвертью года какъ для Екатерины, такъ и для Орлова. Орловъ доказалъ, что врагъ, даже и въ

оковахъ (въ это время онъ былъ и врагъ, и въ оковахъ), можетъ быть страшенъ. Императрица выражала постоянную и преувеличенную боязливость; она никакъ не могла понять, что человѣкъ, котораго даже не допускаютъ къ ней, не можетъ быть опасенъ; Орловъ, напротивъ, проявлялъ въ своемъ поведеніи всѣ симптомы безумнаго. Его бѣшенство было тщетно, такъ какъ противъ него было выставлено все верховное могущество двора. Такъ какъ онъ не хотѣлъ ничему подчиниться, то нашли необходимымъ прибѣгнуть къ угрозамъ — но какое мужество потребовалось для этого! Онъ долженъ сложить съ себя всѣ должности и сохранить только титулы; онъ можетъ путешествовать въ Россіи и за ея предѣлами, гдѣ ему угодно, только не смѣетъ въѣзжать въ Петербургъ и Москву; долженъ возвратить портретъ императрицы. За это ему хотѣли дать пенсію въ 150,000 рублей и 100,000 руб. на постройку дома въ одномъ изъ его имѣній. Если же онъ не принялъ бы дѣлаемыхъ ему предложеній, то его хотѣли сослать (какая дьявольская выдумка!) въ Ропшу, гдѣ по приказанію Орлова-же умерщвленъ Петръ III. На всѣ эти предложенія Орловъ отвѣчалъ отрицательно. Онъ тотчасъ же снялъ брилліанты съ портрета и отдалъ ихъ обратно; самое же изображеніе удержалъ, говоря, что отдастъ его только въ руки императрицы. Понятно, что она никогда не имѣла мужества потребовать портрета, и была очень рада, что и онъ не настаивалъ на этомъ. „Объ оставкѣ, сказалъ онъ, его могутъ увѣдомить указомъ“. Указъ тотчасъ же и послѣдовалъ. „Что же касается, прибавилъ онъ, его будущаго мѣстопребыванія, то онъ ничѣмъ не желаетъ связывать себя, но,

по окончаніи карантина, явится въ Петербургъ". Тѣмъ не менѣе угрозу Ропшей не дерзнули исполнить.

Наконецъ, сдѣлана была еще попытка уговорить его, чтобъ онъ удалился. Къ нему отправился графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ[1]), предложилъ ему ѣхать на воды, путешествовать и, именемъ императрицы, требовалъ категорическаго отвѣта. Орловъ началъ болтать о вещахъ, не относившихся къ дѣлу, но, въ концѣ концовъ, заявилъ, что будетъ дѣлать то, что ему вздумается. Чернышевъ возвратился, ничего не достигнувъ, но увѣрялъ, что замѣтилъ въ Орловѣ очедивное помѣшательство. Тогда послали къ нему доктора. Едва докторъ вошелъ въ комнату, Орловъ закричалъ ему:

— „А, ты, конецно, принесъ мнѣ то бургонское вино, которое такъ охотно пилъ Петръ III".

Тогда императрица написала ему, что „она слышала, что онъ нездоровъ и поэтому даетъ ему разрѣшеніе перемѣнить воздухъ и отправиться въ путешествіе". Вѣроятно, и ему наскучило уже его мѣстопребываніе. Онъ отвѣчалъ ей въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, что „онъ вполнѣ здоровъ и желаетъ только имѣть счастіе представить императрицѣ устныя и убѣдительныя тому досазательства и получить разрѣшеніе завѣдывать, какъ прежде, всѣми дѣлами". Но императрица не согласилась на устную бесѣду. Она послала ему дипломъ на княжеское достоинство, наименовала его свѣт-

---

[1]) Графъ Чернышевъ былъ тогда президонтомъ военной коллегіи. Онъ умеръ будучи генералъ-фельдмаршаломъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ.

лѣйшимъ и просила его избрать для жительства одинъ изъ ея загородныхъ дворцовъ. Орловъ переѣхалъ въ Царское Село, и переѣхалъ охотно, такъ какъ оно на половину пути приближало его къ резиденціи. Орловъ жилъ въ Царскомъ Селѣ нѣкоторое время, жилъ роскошно, какъ императоръ, и ежедневно собиралъ вокругъ себя много знатныхъ собъ изъ Петербурга.

Но, однажды, въ декабрѣ 1772 г., онъ изчезъ изъ Царскаго Села, явился въ Петербургъ и вошелъ въ комнату императрицы. Въ началѣ, отъ страха, она едва не упала въ обморокъ, но вскорѣ овладѣла собой, такъ какъ Орловъ держалъ себя непринужденно, какъ старый другъ. Они обошлись другъ съ другомъ очень хорошо и формально примирились. Орловъ провелъ всю зиму въ Петербургѣ, просилъ опять занятій и императрица возвратила ему всѣ прежнія должности его въ государствѣ.

Государыня старалась теперь подарками, какъ говорится, задобрить его — принципъ, которому она всегда слѣдовала съ отставными избранниками. Такъ, напр., она дала ему, между прочимъ. 6,000 крестьянъ, 150,000 пенсіи и изготовленный во Франціи серебряный сервизъ, стоившій 250,000 рублей. Но самымъ дорогимъ подаркомъ былъ Мраморный дворецъ[1]). Князь Орловъ съ своей

---

[1]) Постройка Мраморнаго дворца начата въ 1770 г. и окончена въ 1783 г. на императорскія средства. Даря дворецъ Орлову, Екатерина сдѣлала надпись: „зданіе изъ благодарности“. Нижняя часть его изъ гранита, верхняя— сѣраго мрамора съ красными колонками, оконныя рамы— бронзовыя, позолоченныя, въ окнахъ зеркальныя стекла, стропила желѣзныя, крыша мѣдная. Екатерина II выкупила

стороны сдѣлалъ императицѣ такой подарокъ, который постоянно будетъ напоминать этого избранника, пока русскій дворъ сохранитъ свой нынѣшній блескъ. Онъ купилъ знаменитый большой брильянтъ[1]), купить который было не по средствамъ императрицы, заплатилъ за него 460,000 рублей и подарилъ его государынѣ; но еще болѣе прославилъ соъ свою эпоху постройкою на свой счетъ прекраснаго арсенала въ Петербургѣ.

Но ощущеніе, что онъ уже не всесильный человѣкъ, какимъ былъ прежде, вызвало въ немъ безпокойство, которое никакимъ образомъ не могло быть побѣждено. Ему вдругъ вздумалось поселиться въ Ревелѣ. Онъ испросилъ на это разрѣшеніе императрицы, которая съ радостью дала его и предложила ему для житья свой небольшой замокъ близь города, Катеринеталь[2]). Едва прибывъ туда, онъ вдругъ задумалъ путешествовать. Онъ отправился во Францію, но оставался тамъ недолго и возвратился въ Петербургъ.

дворецъ у наслѣдниковъ Орлова. Когда великій князь Константинъ Павловичъ женился, онъ поселился въ немъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ злосчастному Станиславу Понятовзкому, который въ немъ и умеръ. Теперь онъ опять принадлежитъ великому князю.

[1]) Первое извѣстное свѣдѣніе объ этомъ большомъ брильянтѣ, украшающемъ теперь русскій скиптръ, гласитъ, что онъ находился въ числѣ сокровищъ извѣстнаго шаха Надира. Послѣ многихъ превратностей судьбы, онъ былъ привезенъ армянскими купцами въ Петербургъ и былъ застрахованъ въ 110,000 гульденовъ. Часть покупной цѣны, 460,000 рублей, князь Орловъ уплатилъ немедленно, другую же во время своего путешествія.

[2]) Катеринеталь—императорскій садъ съ домомъ—находится въ $^1/_4$ часахъ отъ Ревеля.

Тамъ сцена уже перемѣнилась—мѣсто Васильчикова занялъ Потемкинъ, на рѣшительность котораго императрица могла болѣе разсчитывать, и потому менѣе боялась князя Орлова. Этотъ, хорошо понимая, что ему уже нечего дѣлать при дворѣ, покинулъ мѣсто, ставшее ему невыносимымъ, и отправился въ Москву, обычное мѣстопребываніе многихъ недовольныхъ въ царствованіе Екатерины.

Не смотря на то, онъ все еще путешествовалъ взадъ и впередъ, являлся ко двору и, наконецъ, женился въ Петербургѣ*). Съ этого момента замѣтно возвращеніе спокойствія въ его сердце. Онъ предпочиталъ теперь частную жизнь своему прежнему бурному и блестящему существованію. Князь Орловъ отправился съ своею супругою путешествовать, но имѣлъ несчастіе очень скоро потерять ее. По смерти жены, которая умѣряла его порывы, онъ возвратился въ Петербургъ въ 1782 году. При видѣ мѣстностей, въ которыхъ онъ жилъ нѣкогда какъ повелитель, явилось прежнее безпокойство духа.

Своими откровенными и собственно необдуманными выраженіями онъ увеличилъ число своихъ противниковъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что враги Орлова дали ему разрушительнаго яда; его крѣпкая натура хотя и противодѣйствовала вліянію яда, насколько могла, но все же слѣды его дѣйствія обнаружились въ нѣкоромъ разстройствѣ умственныхъ способностей. По счастью, это настроеніе смѣнилось у него спокойствіемъ, которое лишь изрѣдка прерыва-

*) Княгиня Екатерина Николаевна (1758—1781), рожд. Зиновьева.

лось. Вопреки своимъ прежнимъ привычкамъ, онъ сталъ теперь одѣваться хотя также роскошно, но въ древнерусскія царскія одежды. Хотя онъ часто говорилъ очень разумно, но всегда чрезвычайно свободно. Враги его, въ тайнѣ радовавшіеся такому странному и для него крайне опасному поведенію, открыто сожалѣли, что горесть по поводу смерти его супруги имѣла такія печальныя для него послѣдствія, но не упускали случая намекать императрицѣ на неосторожныя рѣчи ея избранника. Не смотря на то, Екатерина ничего болѣе не сдѣлала, какъ дала ему понять, что его значеніе пало. Орловъ, имѣвшій еще разсудка настолько, чтобъ замѣтить, что его вліяніе ежедневно умаляется, и не выносившій этой потери, началъ все болѣе страдать душевно. Онъ и прежде часто разговаривалъ съ императрицей довольно свободно, но теперь сталъ говорить неосторожныыя рѣчи громко и въ присутствіи всего двора. Такъ, по случаю паденія графа Панина, котораго онъ прежде ненавидѣлъ, теперь же измѣнилъ свое о немъ мнѣніе, онъ сказалъ императрицѣ, что она, любя окружать себя недостойными людьми, хорошо сдѣлала, удаливъ отъ себя этого честнаго человѣка. Князь сказалъ всему двору, что онъ знаетъ, что долженъ вскорѣ умереть, такъ какъ онъ все еще сохраняетъ нѣкоторую долю честности, но что онъ желалъ бы дожить до возвращенія великаго князя изъ заграницы. Легко понять, что враги Орлова не дозволили ему дожить до этого весьма близкаго срока. Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, болѣзнь приняла такой острый характеръ, какого прежде никогда не имѣла. Въ минуты

припадка умопомѣшательства, онъ представилъ всему двору страшное зрѣлище: онъ все видѣлъ предъ собою кровавый призракъ умирающаго Петра III и блуждающая вокругъ него тѣнь этаго императора призываетъ его предъ вѣчный судъ и тѣмъ устрашаетъ его совѣсть. Крѣпкая натура Орлова не поддавалась еще нѣкоторое время, но вскорѣ изнемогла. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1783 г. въ полномъ отчаяніи.

Таковъ былъ конецъ человѣка, который свою родь въ большомъ свѣтѣ началъ поручикомъ, жилъ въ теченіи десяти лѣтъ какъ императоръ, хотя не былъ императоромъ, и умеръ сумасшедшимъ. Орловъ былъ красивѣйшій избранникъ Екатерины. Онъ былъ болѣе уменъ, чѣмъ свѣдущъ, болѣе легкомысленъ, чѣмъ золъ, болѣе расточителенъ, чѣмъ благотворителенъ; онъ былъ рѣшителенъ и мужественъ. Въ послѣдніе года своей жизни онъ выказывалъ чрезвычайную честность. Или чувство это было подавлено въ молодости его легкомысліемъ, его склонностью къ сладострастію, расточительности и гордости, или же эту перемѣну въ немъ должно приписать вліянію его достойной супруги, или тому обстоятельству, что при меньшемъ значеніи онъ имѣлъ менѣе, чѣмъ прежде поводовъ извращать свой характеръ.

Княгиня Орлова была урожденная Зиновьева, изъ того же дворянскаго рода, изъ котораго происходила мать Орлова. Она была фрейлиной императрицы, когда вышла за Орлова. Тотчасъ послѣ свадьбы она стала статсъ-дамой и получила орденъ св. Екатерины. Подарки, полученные ею отъ императрицы, соотвѣтствовали и ея высокому

званію, и великодушію государыни. Изъ всѣхъ подарковъ назовемъ только золотой туалетъ, такой высокой цѣны и такой прекрасной работы, что, быть можетъ, немногія владѣтельныя принцессы могутъ похвалиться подобнымъ ночнымъ столикомъ. Вообще, княгиня Орлова славилась какъ женжина прекрасныхъ принциповъ, умѣвшая своимъ мудрымъ вліяніемъ придавать печальнымъ, недовольнымъ и вспыльчивымъ капризамъ своего супруга такое направленіе, которое было благодѣтельно и для него, и для его окружающихъ. Эта достойная женшина умерла чрѣзъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, въ Лозаннѣ, куда отправилась для поправленія своего здоровья.

Орловъ[1]) не имѣлъ отъ нее дѣтей; у него были дѣти отъ другихъ женщинъ, и объ этомъ мы должны сообщить кое-что.

Въ апрѣлѣ 1762 г. приблизался срокъ облегченія отъ болѣзни супруги Петра III. Было расчитано такъ, что въ моментъ родовъ вспыхнетъ пожаръ и государь отправится изъ дворца на мѣсто пожара—это истопникъ Шкуринъ устроитъ пожаръ на окраинѣ города, въ своемъ домѣ, представляющемъ собственно не домъ, а деревянную хижину. Первый сынъ Орлова родился 18-го апрѣля стараго стиля или 29-го новаго. Вслѣдъ за рожденіемъ Шкуринъ взялъ ребенка къ себѣ, и воспитывалъ его до опредѣленія въ сухопутный кадетскій корпусъ. Къ этому времени стало уже извѣстно, хотя и подъ секретомъ, что это сынъ императрицы. Сама государыня содѣйствовала обнаруже-

---

[1]) Д. Ѳ. Кобеко. Дѣти князя Г. Г. Орлова (Архивъ, 1884, II, 209).

нію тайны. Она съ удовольствіемъ замѣчала, что Рибасъ, его воспитатель, и Бецкій, директоръ корпуса, отличаютъ ребенка отъ его товарищей. Дѣло зашло такъ далеко, что, по выходѣ его изъ корпуча, всѣмъ вельможамъ двора и даже иностраннымъ посланникамъ дано было знать, что устройство празднѣковъ въ честь Бобринскаго будетъ принято особенно благосклонно. Фамилію свою онъ получилъ отъ помѣстыя Боберъ или Бобринъ, которое было для него куплено; сверхъ того, на его имя былъ положенъ милліонъ рублей въ судный банкъ. Такъ какъ этотъ молодой человѣкъ, во время своего путешествія, особенно же въ Парижѣ, гдѣ онъ открыто заявлялъ, что онъ сынъ императрицы, дѣлалъ догли, то они уплачивались изъ его капитала, и впослѣдствіи онъ получалъ только 30,000 руб. ежегодно, которые онъ проживалъ въ Ревелѣ, куда сослала его недовольная имъ императрица. Тамъ жилъ онъ въ началѣ девяностыхъ годовъ и мы слышали, что онъ находился еще въ Ревелѣ, когда Павелъ I, въ самомъ началѣ своего царствованія, въ 1797 году, вызвалъ его ко двору. Этотъ государь очень отличалъ его, возвелъ въ графское достоинство, сдѣлалъ его генералъ-маіоромъ и далъ ему орденъ св. Анны. Всѣми этими отличіями императоръ придалъ извѣстную достовѣрность слухамъ, которые самъ Бобринскій распространялъ о своемъ рожденіи. Гдѣ онъ находится въ настоящее время, мы не знаемъ. Императрица, сильно любившая его ребенкомъ, не могла его терпѣть, когда онъ возмужалъ — немилость, которой онъ подпалъ, вѣроятно, вслѣдствіе своего поведенія. Бобринскій не похожъ лицомъ

на своихъ красивыхъ родителей, но наслѣдовалъ отъ отца его дикій нравъ.

Другаго сына Орлова звали Галактеонъ,*) совершенно простымъ именемъ. Его, какъ маленькаго неизвѣстнаго баловыя, видѣли въ комнатахъ Орлова и императрицы. Онъ былъ офицеромъ. Его отправили въ Англію, для полученія образованія, гдѣ излишества убили его еще въ юныхъ годахъ.

Третій сынъ назывался Оспеннымъ,**) такъ какъ отъ него была взята оспенная матерія для великаго князя Павла.***) Онъ умеръ еще пажемъ, въ Петербургѣ.

Говорятъ, будто на счетъ императрицы воспитывались въ Петербургѣ, въ женскомъ пансіонѣ, двѣ дочири Орлова, но съ достовѣрностію можетъ быть принята только одна. Она впослѣдствіи вышла за нынѣшняго генерала графа Буксгевдена[1]). Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ она была пре-

---

*) Галактіонъ Ивановичъ. Русск. Архивъ, 1871, стр. 1321; 1884, III, 70.

**) Александръ Даниловичъ Оспинъ, род. 1763. Прежде его звали Марковъ. 24 ноября 1768 г. ему пожаловано дворянское достоинство.

***) Для императрицы (Русск. Архивъ, 1871, стр. 1321).

[1]) Буксгевденъ — одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ. Свою военную карьеру онъ началъ кадетомъ въ первую турецкую войну и особенно отличился при взятіи Бендеръ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно давалъ доказательства своего военнаго искусства и личной храбрости. Онъ соединяетъ съ талантами и отличный характеръ. Онъ теперь графъ, генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи и кавалеръ всѣхъ русскихъ орденовъ.

лестною блондинкою[1]) и славилась, какъ превосходная жена.

Въ 1792 году въ Петербургѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ: Лѣтъ 20 назадъ, быть можетъ, въ 1770 или 1771 г., одинъ итальянецъ привезъ въ Шамбери и помѣстилъ въ монастырь ребенка, щедро уплативъ его содержаніе за 20 лѣтъ впередъ. Этотъ ребенокъ родился въ Гатчинѣ и при немъ находились бумаги, которыя могли быть вскрыты лишь черезъ 20 лѣтъ. Такъ и было сдѣлано, и оказалось, что за ребенкомъ обезпечены 30,000 руб., хранящіеся въ Петербургѣ. Въ 1792 г. сардинское посольство получило приказъ потребовать эти деньги. Догадывались, что это дитя Орлова и одной придворной дамы, которая еще нѣсколько лѣтъ назадъ жила незамужнею въ Петербургѣ. Достовѣрно, что при дворѣ въ названное выше время утверждали, что эта дама находится въ интересномъ положеніи и что вскорѣ затѣмъ эта дама лежала въ родахъ.

Лѣтомъ слѣдующаго 1793 года было узнано о существованіи еще одной дочери князя Орлова, жившей въ обстановкѣ, вовсе не соотвѣтствовавшей блестящей жизни ея отца. Однажды императрица пошла одна гулять по царскосельскому саду. Вдругъ изъ за куста выпрыгиваетъ молодая женщина, бросается ницъ и обнимаетъ колѣни императрицы. Дѣвушка разсказываетъ, что она дочь князя Орлова, подкрѣпляетъ свои слова письменными документами, жалуется, что находится въ

---

[1]) Наталья Алексѣевна Алексѣева за гр. Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Буксгевденомъ, 1750—1811 (Русск. Архивъ, 1871, стр. 1321).

тяжкой бѣдности и молитъ объ улучшеніи ея положенія. Императрица обѣщала и дѣйствительно обезпечила ее приличнымъ содержаніемъ на всю жизнь. Между тѣмъ, императрица страшно испугалась при этомъ случаѣ и, чтобъ избѣжать впредь подобныхъ появленій, было запрещено показываться въ саду въ тѣ часы, когда тамъ гуляла Екатерина.

LXVI.

Иванъ Орловъ II.

Иванъ Григорьевичъ Орловъ, старшій братъ князя, воспитывался вмѣстѣ съ нимъ и Алексѣемъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ и въ этомъ званіи много содѣйствовалъ перевороту, которымъ Орловы составили свое счастіе. Когда возмущеніе было счастливо исполнено, онъ вышелъ въ отставку. Онъ никогда не хотѣлъ занимать никакого мѣста ни при дворѣ, ни въ арміи. Онъ принялъ только графское достоинство, значительныя имѣнія и ежегодную пенсію въ 20 000 рублей[1]), которая была обезпечена каждому изъ главныхъ дѣятелей въ заговорѣ Екатерины II. Изъ всѣхъ братьевъ онъ пользовался наибольшимъ вѣсомъ у своего брата князя. Императрица знала это и потому вызвала его въ 1772 г. въ Петербургъ и послала въ Гатчину и въ Царское Село, чтобы сдѣлать „избраннука въ отставкѣ“ болѣе сговорчивымъ; но на этотъ разъ краснорѣчіе Ивана оказалось

[1]) Извѣстія объ этихъ пенсіяхъ за революцію весьма различны, но большинство мнѣній сходится въ томъ, что онѣ достигали 20 000 рувлей. Самые незначительные помощники получали по 2 000 рублей ежегодно.

тщетнымъ. Григорій упрямо стоялъ на своемъ мнѣніи, пока самъ, наконецъ, не сдался.

Графъ Иванъ Орловъ жилъ еще въ 1794 г.; но мы полагаемъ, что онъ умеръ до начала царствованія Павла I, потому что этотъ государь, вѣроятно, силою привлекъ бы его ко двору, подобно его брату Алексѣю, по случаю торжественнаго погребенія Петра III.

LXVII.

Алексѣй Орловъ Ш.

Дорогіе монументы въ царскосельскомъ саду представляются только воспоминаніемъ павшаго величія. Большая часть высокихъ государственныхъ мужей, въ честь которыхъ они воздвинуты, пережиди свое значеніе и, вмѣстѣ съ нимъ, шаткою милось государыни, которая ставила эти памятники въ припадкѣ слабости, даже иногда страха, или изъ склонности къ тщеславію и расточительности такъ что ихъ можно назвать монументами ея собственныхъ страстей. Взглядъ на эти монументы даетъ богатый матеріалъ для размышленія. Чувствуешь серьезную печаль о павшемъ земномъ величіи, мимолетное существованіе котораго обязано единственно людямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ радостью понимаешь блаженное успокоеніе, даруемое сознаніемъ превосходства собственнаго духа и сердца, не нуждающагося ни въ какихъ тлѣнныхъ памятникахъ изъ мѣди и камня, но благотворительностію своихъ дѣяній воздвигающаго себѣ прочные монументы, которые не могутъ быть разрушены никакою человѣческою рукою, какъ ни была бы она властна, и даже противостоятъ всеразрушающему времени.

Алексѣй, третій изъ братьевъ Орловыхъ. получилъ одинаковое воспитаніе съ обоими старшими братьями и сталъ потомъ также унтеръ-офицеромъ въ гвардіи. Онъ оказывалъ полное согласіе съ мнѣніями всѣхъ своихъ братьевъ, но, кажется имѣлъ все-таки большее пристрастіе къ Григорію, чѣмъ къ другимъ. Впрочемъ, онъ раздѣлялъ съ братьями всѣ ихъ юношескіе дебоши, изъ которыхъ одинъ отпечаталъ на его лицѣ знакъ, оставшійся навсегда. Въ домѣ виноторговца Юберкампфа[1]) въ Большой Милліонной улицѣ, въ Петербургѣ, Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, бывшій тогда только сержантомъ гвардіи, затѣялъ серьезную ссору съ простымъ лейбъ-кампанцемъ Сваневичемъ*). Орловъ хотѣлъ уже удалиться, но былъ имъ преслѣдуемъ, настигнутъ на улицѣ и избитъ. Ударъ пришелся по лѣвой сторонѣ рта. Раненый Алексѣй былъ тотчасъ же отнесенъ къ знаменитому врачу Каавъ-Бергаве[2]) и тамъ перевязанъ. Когда онъ вылечился, все еще оставался рубецъ, отчего онъ и получилъ прозваніе Орловъ со шрамомъ (le balafré).

Въ революцію 1762 г. онъ былъ, быть можетъ, самый дѣятельный изъ братьевъ и своими усиліями содѣйствовалъ переходу гвардіи на сторону Екатерины. Когда въ ночь передъ рѣшительнымъ

---

[1]) Этотъ прекрасный домъ, въ которомъ нѣкогда былъ почтамтъ, принадлежалъ вп девяностыхъ годахъ виноторговцу Сиверсу.

*) Шванвичъ, позже кронштадтскій комендантъ.

[2]) Германъ Каавъ, лейбъ-медикъ великаго князя Петра, былъ племянникъ всемірно извѣстнаго Бергаве, фамилію котораго онъ принялъ. Каавъ-Бергаве жилъ въ домѣ графа Шереметева въ Милліонной улицѣ.

днемъ, заговорщики распредѣлили между собою роли, какія каждый изъ нихъ долженъ былъ взять на себя при возмущеніи на слѣдующее утро, Алексѣю Орлову было поручено ѣхать вмѣстѣ съ Бибиковымъ[1]), сержантомъ гвардіи*), въ Петергофъ и взять императрицу, которая находилась тамъ съ нѣсколькими лицами. Они это исполнили. Княгиня Дашкова, уже давно приготовившая для императрицы телѣжку и крестьянскую лошадь, не вдалекѣ отъ Петергофа, дала Орлову записочку къ императрицѣ, чтобъ убѣдить ее, что отсылка обоихъ сержантовъ состоялась по общему соглашенію всѣхъ заговорщиковъ. Съ быстротою молніи поскакали Орловъ и Бибиковъ въ Петергофъ и скоро прибыли туда. Алексѣй не зналъ петергофскаго дворца, но Григорій, хорошо знавшій внутреннее расположеніе комнатъ, хорошо научилъ его, и братъ хорошо усвоилъ урокъ. Никѣмъ не остановленный (Екатерина и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, позаботилась, чтобъ остаться ночью одной, безъ надзора), Орловъ проникъ до спальни императрицы. Онъ разбудилъ Екатерину и, не упоминая о письмѣ Дашковой, сказалъ ей просто:

---

[1]) Бибиковъ — быть можетъ, тотъ, который въ послѣдующіе годы жилъ съ великимъ княземъ Павломъ. Онъ поэтому былъ жертвою ненависти Потемкина, котораго Бибиковъ въ своихъ письмахъ къ Александру Куракину, нынѣшнему послу въ Вѣнѣ и тогдашнему другу наслѣдника, всегда называлъ le borgne и о которомъ писалъ много дурнаго. Быть можетъ также, что это тотъ генералъ, который былъ посланъ противъ Пугачева.

*) Василій Ильичъ Бибиковъ, 1740—1787, капитанъ-поручикъ инженернаго корпуса, писатель, актеръ-любитель, директоръ петербургскихъ театровъ.

— „Поспѣшите, нельзя терять ни минуты. Въ Петербургѣ все готово“.

Какъ стрѣла выскочилъ онъ изъ комнаты, добылъ карету и, прежде чѣмъ Екатерина, обуреваемая различными ощущеніями, могла до нѣкоторой степени собраться съ духомъ и одѣться, Алексѣй былъ уже опять въ комнатѣ и крикнулъ ей:

— „Вотъ ваша карета — садитесь“.

Императрица сѣла; рядомъ съ нею сѣла ея камерфрау Екатерина Ивановна Шаргородская; на запятки сталъ ея слуга Шкуринъ; Орловъ былъ кучеромъ. Бибиковъ ѣхалъ верхомъ. Какъ ни мало соотвѣтствовало это положенію дѣла и весьма понятной боязливости путниковъ, все таки, какъ мы увидимъ, это маленькое путешествіе прошло очень весело. Императрица и ея камерфрау, обѣ, второпяхъ, забыли надѣть весьма существенныя принадлежности дамскаго туалета, что и дало поводъ къ смѣху. Лошади Орлова были слабы. Когда они на дорогѣ встрѣтили крестьянина съ возомъ сѣна, у котораго была добрая лошадка, Алексѣй предложилъ ему обмѣнять ее на одну изъ своихъ. Крестьянинъ отказался. Орловъ вступилъ въ драку съ нимъ, осилилъ его, выпрягъ ето хорошую лошадь и оставилъ ему свою дрянную. Когда путники приблизились уже къ столицѣ, они встрѣтили саксонца Неймана, содержателя публичнаго дома, въ которомъ сходились многіе молодые люди и въ томъ числѣ Орловы. Нейманъ, увидя своего друга Алексѣя, закричалъ ему дружески по русски:

— „Эй, Алексѣй Григорьевичъ, кѣмъ это ты навьючилъ экипажъ?“

— „Знай помалчивай“, отвѣчалъ Орловъ, „завтра все узнаешь“.

Такимъ образомъ прибыли они въ казармы Измайловскаго полка, ближайшія по пути. Возстаніе началось тотчасъ-же. Послѣ того, какъ поддержка всей гвардіи была обезпечена, императрица, въ той же каретѣ, отправилась въ Казанскій соборъ. Прежде еще, чѣмъ поѣздъ тронулся, Алексѣй, увлеченный промелькнувшимъ добрымъ побужденіемъ, подошелъ къ императрицѣ и сталъ шептаться съ нею. Онъ условился съ нею, что передъ церковью провозгласитъ ее не императрицей-регентшей, какъ было въ планѣ заговорщиковъ, особенно же обергофмейстера Панина, но самодержицею Россіи: она, однако, должна была обѣщать ему взять себѣ въ помощники, по достиженіи совершеннолѣтія, великаго князя Павла, которому собственно принадлежалъ престолъ по устраненіи Петра Ш. Екатерина обѣщала. Орловъ вскочилъ на лошадь, поскакалъ впередъ и, едва императрица приблизилась къ церкви, провозгласилъ ее монархиней Россіи.

Извѣстно, что новое правительство признавало необходимымъ, для своей безопасности, умертвить Петра Ш. Адексѣй съ нѣкоторыми другими поѣхалъ въ Ропшу, чтобъ ускорить его смерть. Величайшій злодѣй ощущаетъ иногда добрыя побужденія. У Орлова не хватило безстыдства стать убіицей своего государя. Хотя онъ первый бросился на него, но тотчасъ же отступилъ, когда императоръ сталъ упрекать его, и выбежалъ на террасу. Здѣсь предался онъ страшному отчаянію. Какъ только убіеніе было совершено, Алексѣй поскакалъ во весь опоръ въ Петербургъ. Лица,

видѣвшіе его прибытіе въ столицу, говорили, что его отъ природы грубыя черты лица были въ это время еще болѣе ужасны и еще болѣе безобразны отъ сознанія своей низости, безчеловѣчія и отъ угрызенія совѣсти. Онъ привезъ эту печальную вѣсть императрицѣ и она приняла ее съ присутствіемъ духа, свойственнымъ только лицамъ, которыя, какъ Екатерина, обладаютъ въ полной мѣрѣ твердымъ характеромъ.

Алексѣй былъ щедро вознагражденъ за свои старанія. Изъ всѣхъ Орловыхъ, онъ получилъ наиболѣе, послѣ Григорія, и почетныхъ должностей, и богатствъ. Онъ имѣлъ случай пользоваться этими богатствами. Въ это время дворъ Екатерины былъ болѣе роскошнымъ и шумнымъ, чѣмъ когда либо. Орловы прославляли его своею красотою, увлекательною веселостью и изысканнымъ обращеніемъ. Орловы, съ успѣхомъ вступавшіе въ состязаніе со всѣми рубаками и превосходившіе ихъ даже въ такъ называемыхъ русскими кулачныхъ бояхъ, легко одерживали побѣды и въ рыцарскихъ упражненіяхъ. Въ то время въ Петербургѣ устроился знаменитый карусель. Григорій велъ римскій кадриль, Алексѣй — турецкій. Ихъ костюмъ превзошелъ все, что только можно себѣ представить, а ихъ ловкость и сила соотвѣтствовали ожиданію, внушавшемуся ихъ величественнымъ видомъ. Изъ всѣхъ рыцарей, Григорій и Алексѣй были самые искусные. Они одержали рѣшительную побѣду, которая была сомнительна только между ними обоими. Алексѣй былъ настолько уменъ, что предоставилъ ее брату. Оба брата заказали свои портреты, во весь ростъ, верхомъ, въ карусельныхъ костюмахъ, и эти прекрасныя картины видны еще

и теперь въ императорскомъ Эримитажѣ, рядомъ съ картиною Екатерины II, на которой она изображена верхомъ на лошади, въ формѣ гвардейскаго пѣхотинца, въ день восшествія на престолъ.

Но Алексѣй Орловъ не находилъ удовлетворенія своему честолюбію въ блестящемъ и изнѣженномъ придворномъ кружкѣ. Въ это именно время первая турецкая война представляла случай стяжать себѣ славу. Орловъ былъ генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ императрицы, поручикъ кавалергардовъ, подполковникъ Преображенскаго полка и кавалеръ тогдашнихъ русскихъ орденовъ. При такомъ выдающемся положеніи онъ не желалъ играть подчиненную роль. Равнымъ образомъ, ему нельзя было поручить никакого командованія надъ сухопутными арміями, которыя были ввѣрены старѣйшимъ и опытнѣйшимъ полководцамъ. Онъ сдѣлалъ или, скорѣе, только представилъ императрицѣ операціонный планъ для флота, который долженъ крейсировать въ Архипелагѣ и дѣлать завоеванія въ тамошнихъ турецкихъ владѣніяхъ. Планъ льстилъ славолюбію императрицы, поэтому понравился и былъ принятъ. Алексѣй Орловъ былъ назначенъ генералиссимусомъ или генералъ-адмираломъ всего русскаго флота въ Архипелагѣ. Въ 1771 г. Орловъ появился на короткое время въ Петербургѣ и представилъ дальнѣйшіе проэкты. Онъ получилъ тогда подписанное имцератрицей полномочіе, которымъ ему предоставлялась полнѣйшая власть предпринимать со ввѣреннымъ ему флотомъ всѣ, какія ему заблагоразсудится, дѣйствія, не опасаясь никакой когда либо отвѣтственности. Никогда ни прежде, ни послѣ не выдавалось такого безграничнаго и законнаго

полномочія. Вся эта экспедиція представляла европейскимъ берегамъ зрѣлище какого-то пышнаго театральнаго спектакля. Это сравненіе справедливо и въ другомъ отношеніи. Эта экспедиція была дорога и безцѣльна. Уже въ 1772 году она стоила болѣе 20 милліоновъ рублей. Эта экспедиція сдѣлала незначительныя завоеванія, которыя, къ тому же, были возвращены по заключеніи мира, и имѣли для побѣжденныхъ самыя злосчастныя послѣдствія. Однимъ изъ величайшихъ подвиговъ Орлова было сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, за что онъ получилъ прозваніе Чесменскаго. Алексѣй заказалъ знаменитому живописцу Гакерту[1]) представить это страшное и величественное событіе въ четырехъ картинахъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, и въ четыре послѣдовательные момента. Чтобъ дать возможность художнику представить себѣ во очію это страшное событіе, генералиссимусъ (конечно, съ безразсудствомъ) взорвалъ на воздухъ, близь Ливорно, старое военное судно. Остальное же было дополнено разсказами или предоставлено художественной фантазіи живописца. Эти прекрасныя картины висятъ еще и теперь въ аудіенцъ-залѣ въ Петергофѣ и были выгравированы на мѣди англійскимъ художникомъ.

Тамъ же, Ливорно, Алексѣй Орловъ обманулъ безпомощную и ужъ, конечно, безвредную дочь Елизаветы и увезъ ее умирать въ Россію*).

Но прежде еще, чѣмъ все это произошло, и

---

[1]) Филиппъ Гакертъ, родомъ бранденбуржецъ, былъ величайшимъ ландшафтнымъ живописцемъ своего времени; онъ умеръ въ Римѣ, въ 1807 году.

*) См. послѣднее примѣч. подъ № 62.

когда Орловъ находился еще при флотѣ, Григорій потерялъ мѣсто любимца. Императрица, опасавшаяся того и другаго, послала къ Алексѣю курьера, сообщила ему объ удаленіи его брата отъ двора и присоединила обычныя въ подобныхъ случаяхъ завѣренія и любезности. Этотъ шагъ казался, однако, императрицѣ недостаточнымъ для ея спокойствія. Она страшилась предпріимчиваго духа Алексѣя Орлова, которому легко могло придти на мысль поддержать неподатливый характеръ своего брата. Она послала, поэтому, втораго курьера къ генераль-адмиралу, приказывая ему ни въ какомъ случаѣ не покидать флота. Но такъ какъ и это казалось недостаточнымъ, то графу Броуну [1]), генераль-губернатору Лифляндіи, данъ былъ строжайшій приказъ наблюдать за всѣми путешественниками, прибывающими въ Ригу, и если въ числѣ ихъ окажется Алексѣй Орловъ, то не пропускать его.

Когда Орловъ, нѣсколько лѣтъ спустя, явился, наконецъ, въ Петербургъ, онъ нашелъ здѣсь большія перемѣны, которыя, однако, не имѣли дурнаго вліянія на его судьбу. Напротивъ, императрица, вѣроятно изъ осторожности, дѣлала всевозможное, чтобъ показать ему, что она желаетъ, по крайней мѣрѣ, по виду оставаться его другомъ. Всѣ искусства должны были соревновать въ прославленіи и увѣковѣченіи его побѣды. Въ театрѣ давались представленія въ его прославленіе. Образы Петра I,

---

[1]) Графъ Броунъ, родомъ англичанинъ, еще при Петрѣ I вступилъ въ русскую военную службу и умеръ въ девяностыхъ годахъ, въ Ригѣ, будучи генераль-губернаторомъ Лифляндіи и генералъ-аншефомъ.

Екатерины II и Алексѣя Орлова—странное сопоставленіе—смѣнялись одинъ другимъ и хоры величали въ хвалебныхъ гимнахъ подвиги побѣдителя турокъ. Въ честь его были вычеканены медали съ изображеніемъ его въ костюмѣ бога войны. Въ Царскомъ Селѣ его память прославили однимъ изъ прекраснѣйшихъ и дорогихъ памятниковъ. Огромный кусокъ мрамора, обдѣланный въ форму монумента, возвышается на глыбѣ гранита. Небольшой императорскій загородный дворецъ, до настоящаго времени называвшійся Кикерикексино (Лягушечье гнѣздо), былъ названъ Чесмою и обращенъ во дворецъ или въ домъ капитула военнаго ордена св. Георгія. Бв главной залѣ стоитъ большой и великолѣпный письменый приборъ изъ бронзы и эмали. Посединѣ—колонна, украшенная военными доспѣхами. Около нихъ три щита. На двухъ нарисованы преллестные ландшафты Чесмы; на третьемъ изображена императрица на тронѣ и графъ Алексѣй Орловъ, колѣнопреклоненный, принимаетъ большую ленту военнаго ордена, — настолько рѣдкое отличіе[1]), что до сихъ поръ никогда болѣе четырехъ кавалеровъ не носили этой ленты. Но самымъ существеннымъ изъ всего

[1]) Въ годъ смерти Екатерины II, основательницы ордена, большую ленту посили: генералъ-аншефъ Орловъ-Чесменскій, фелдмаршалъ Суворовъ-Рымникскій, адмиралъ Чичаговъ и фелдмаршалъ Репнинъ. Павелъ I никогда не носилъ ея: будучи великимъ княземъ, онъ не получилъ ее, а ставъ императоромъ не хотѣлъ носить. Онъ и не жаловалъ ея, но взамѣнъ того орденъ св. Анны сдѣлалъ военнымъ орденомъ. Орденъ св. Георгія имѣетъ бѣлый крестъ. Кавалеры ордена раздѣляются на четыре степени и носятъ орденъ на лентѣ изъ трехъ оранжевыхъ и четырехъ и черныхъ полосъ.

были тѣ несмѣтныя богатства, которыя получилъ Орловъ.

Все это, однако, не могло уже болѣе привзывать его ко двору, гдѣ, съ уходомъ брата Григорія, съ нимъ обходились хотя и съ видимымъ отличіемъ но не съ прежнею сердечностью. Для него было невыносимо своевольное всемогущество Потемкина. Такъ какъ онъ былъ очень богатъ и могъ жить роскошно и совершенно независимо, то и провилъ объ отставкѣ. Онъ получилъ ее послѣ нѣкотораго удерживанія, бывшаго результатомъ скорѣе вѣжливости, чѣмъ серьезнаго желанія удержать его на службѣ, и отправился въ Москву. Тогда онъ былъ генералъ-аншефомъ. Когда умеръ его братъ, князь, императрица отдала графу Алексѣю тотъ свой портретъ, который посилъ Григорій—знакъ отличія, бывшій только у Потемкина.

Лѣтомъ 1791 года графъ Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и присутствовалъ въ Петергофѣ на празднествахъ въ день восшествія на престолъ. Видѣть Орлова на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло это знаменательное событіе, видѣть въ тотъ именно день, когда чествуется воспоминаніе объ этомъ событіи, и видѣть окруженнымъ многими соучастниками, было зрѣлищемъ весьма оригинальнымъ и поучительнымъ для психологовъ, но ни мало неутѣшительнымъ для друзей человѣчества. Видно было, что прошлое сдѣлало его угрюмымъ, а настоящее—недовольнымъ. Быть можетъ, онъ говорилъ самъ себѣ, что если-бъ онъ въ 1762 году поступилъ болѣе сообразно съ своимъ долгомъ, положеніе Россіи въ 1791 году могло бы быть лучше, и что еслибъ онъ остался во то время вѣ-

ренъ своему государю, онъ теперь хотя и не былъ бы въ такой блестящей матерьяльной обстановкѣ, но за то не испытывалъ бы угрызеній совѣсти и раздала въ своемъ сердцѣ.

Вѣроятно, болѣе вслѣдствіе досады, чѣмъ доброжелательства, Орловъ очень свободно говорилъ тогда съ императрицей, и напомнилъ ей объ ея обѣщаніи принять въ соправители великаго князя Павла по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Неизвестно, что она отвѣчала ему, но послѣдствія показали, что она не обратила никакого вниманія на это напоминаніе.

Алексѣй поѣхалъ обратно въ Москву и, пока жила Екатерина, никогда уже не пріѣзжалъ въ Петербургъ. Но вскорѣ по ея кончинѣ обязанъ былъ посѣтить Петербургъ, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ прежде.

Павелъ I вступилъ на престолъ и (доказательство, что онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, исторію Петра III) тотчасъ же вызвалъ графа Алексѣя Орлова въ Петербургъ. Легко себѣ представить съ какимъ судорожнымъ чувствомъ онъ ѣхалъ изъ Москвы, прибылъ въ Петербургъ и отправился на аудіенцію. Аудіенція происходила при закрытыхъ дверяхъ; слышенъ былъ только горячій разговоръ. Нѣкоторые утверждаютъ, что слышали отъ другихъ, будто графъ вышелъ изъ комнаты императора прихрамывая. Это, однако, не доказано и не можетъ намекать на дурное обращеніе. Павелъ I никогда не могъ бы забыться до такой степени, ни Орловъ—стерпѣть такое обращеніе. Быть можетъ, Алексѣй страдалъ подагрой и уже прихрамывая вошелъ въ комнату, такъ какъ извѣстно, что его видѣли прихрамывающимъ при

погребеніи Петра III. Какъ бы то ни было, но его еще ожидала болѣе ужасная месть. При торжественномъ принятіи праха Петра III изъ Александроневскаго монастыря и перенесеніи изъ монастыря въ императорскій Зимній дворецъ и изъ дворца въ крѣпость, графъ Алексѣй долженъ былъ идти передъ гробомъ и нести императорскую корону, которую онъ нѣкогда помогалъ отнять у ея законнаго собственника, останки котораго несли сзади его! Не нужно быть очень чувствительнымъ, чтобъ содрогнуться, живо представивъ себѣ настроеніе, въ которомъ долженъ былъ находиться Орловъ. Одинъ изъ первыхъ чиновъ при императорскомъ дворѣ, уже въ глубокой старости и въ болѣзненномъ состояніи, онъ долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ трудный переходъ болѣе, чѣмъ въ три четверти часа, и на всемъ этомъ пути быть предметомъ любопытства, явительныхъ улыбокъ и утонченной мести! Для него, конечно, не могло служить успокоеніемъ то обстоятельство, что его сопровождалъ соучастникъ—князъ Барятинскій[1]),

---

[1]) Въ послѣдніе годы жизни Екатерины II князь Барятинскій былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Послѣ провожанія, какъ и Алексѣй Орловъ, трупа Петра III, Павелъ I сослалъ Барятинскаго на житье въ его помѣстье. Гдѣ онъ въ настоящее время и живъли, мы не знаемъ.*) По милости Екатерины II, онъ былъ очень богатъ. Его жена была урожденная княжна Хованская; его дочь, прекрасную и даровитую княгиню Долгорукую,[2]) мы видѣли въ Германіи.

*) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, 1742—1812, женатъ на княжнѣ Маріи Васильевнѣ Хованской.

[2]) Княжна Екатерина Ѳедоровна Барятинская, 1769—1849, за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ, 1752—1812.

бывшій при смерти Петра III и теперь также несшій регаліи.

Послѣ торжественнаго погребенія императорской четы, Петра III и Екатерины II, Орловъ долженъ былъ немедленно уѣхать, что онъ охотно исполнилъ, но не могъ оставаться въ Москвѣ, когда новый монархъ прибылъ туда для коронаціи. Съ трудомъ получилъ онъ разрѣшеніе ѣхать за границу и отправиля въ Дрезденъ. Онъ хотѣлъ купить себѣ помѣстье въ Саксоніи, но мудрое саксонское правительство постаралось отклонить его отъ этого намѣренія, не желая ссориться съ тогдашнимъ русскимъ дворомъ, крайне чувствительнымъ малѣйшимъ оскорбленіямъ.

По умерщвленіи Павла I, Алексѣй Орловъ возвратился въ Россію и умеръ въ Москвѣ, въ январѣ 1808 году*). Въ газетахъ было напечатано: восьмидесятилѣтній сержантъ, тридцать лѣтъ служившій въ домѣ графа Орлова и спасшій ему однажды жизнь, былъ въ числѣ провожавшихъ тѣло графа Орлова, помогалъ опустить гробъ въ могилу и тутъ же мгновенно умеръ.

Извѣстны высокія должности, которыя занималъ Алексѣй Орловъ; было замѣчено, что онъ характеромъ весьма походилъ на своего брата Григорія, но былъ умнѣе его.

По слухамъ, графъ Алексѣй Орловъ оставилъ пять мильоновъ рублей деньгами и 32,000 крестьянъ. Какъ ни былъ онъ богатъ, но мы всетаки полагаемъ, что эти цифры преувеличены. По нимъ онъ долженъ бы имѣть 400,000 руб. дохода,—чего онъ, конечно, не имѣлъ.

---

*) 24 декабря 1808 г. ст. ст., т. е. 5 января 1809 г. н. ст.

Графъ Алексѣй Орловъ былъ женатъ, но мы не знаемъ на комъ*). Онъ имѣлъ дочь, которая десяти лѣтъ была уже придворною дамою императрицы Екатерины II. Она была еще незамужнею въ Дрезденѣ съ своимъ отцомъ. У Орлова былъ еще незаконнорожденный сынъ, котораго онъ усыновилъ. Мы не знаемъ имя матери, сыну же отецъ далъ свое прозваніе—Чесменскій[1]). Это былъ чрезвычайно красивый мущина. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ всѣ говорили, что онъ сдѣлался бы любимцемъ императрицы, еслибъ Потемкинъ, зная высокомѣріе его отца, не затруднился предоставить ему важное и прибылное мѣсто. Чесменскій былъ тогда офицеромъ конной гвардіи. По смерти Екатерины II онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Онъ былъ женатъ.

---

*) Анна Алексѣевна, 1785—1848, рожд. Лопухина.

[1]) Александръ Алексѣевичъ.

LXVIII.

Ѳедоръ Орловъ IV.

Злоупотребленіе, дѣлавшее избранниковъ въ царствованіе Екатерины II особенно вредными для государства, заключалось въ томъ, что каждый изъ нихъ тащилъ за собою массу другихъ. Мало того, что избранникъ, не имѣвшій ни малѣйшихъ заслугъ предъ государствомъ, получалъ отъ самой императрицы, не напоминая ей даже объ этомъ, несмѣтныя богатства, но она часто раздавала даже отдаленнѣйшимъ родственникамъ не только доходныя мѣста и прибыльныя занятія, нѣтъ — высокія званія, ордена, крупныя жалованья, земли и денежные подарки.

Ѳедоръ былъ четвертымъ изъ Орловыхъ. Какъ и они, онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго братья вышли вскорѣ по его поступленіи. Затѣмъ онъ имѣлъ ту-же участь и поступилъ въ гвардію. Здѣсь онъ служилъ одновременно съ ними. Не сдѣлавъ ничего особеннаго, онъ все же пользовался плодами усилій трехъ старшихъ братьевъ на пользу императрицы. Чрезъ нихъ онъ быстро повысился на военной службѣ,

но и самъ прославился во многихъ дѣлахъ первой турецкой войны. Онъ былъ награжденъ за это многими почетными должностями. Онъ сопровождалъ своего брата Алексѣя въ экспедицію въ Архипелагъ и подъ его высшимъ командованіемъ исполнялъ важныя порученія. Такъ, между прочимъ, онъ выигралъ важное морское сраженіе близь Мореи. За это онъ получилъ награды, льстившія его честолюбію и приносившія ему большія выгоды. Въ царскосельскомъ саду видна еще колонна сѣраго мрамора съ корабельнымъ носомъ изъ бѣлаго мрамора, которая должна напоминать потомству о его морскомъ подвигѣ.

Въ сентябрѣ 1772 года пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Онъ услыхалъ о перемѣнѣ въ отношеніяхъ императрицы къ его брату Григорію и не являлся при дворѣ. Наконецъ, по требованію Екатерины, онъ отправился во дворецъ, но держалъ себя, насколько могъ, подальше.

По удаленіи князя Орлова съ его мѣста и по возвращеніи его ко двору, въ январѣ 1773 года, стали замѣчать, что императрица очень печальна, озабочена. Тогда ничѣмъ не могли объяснить себѣ этого, но, наконецъ, узнали, что это происходитъ отъ того, что Ѳедоръ вполнѣ свободно высказалъ ей всю правду. Утверждали будто онъ разъяснилъ ей, что, удаливъ его брата, она осталась безъ приверженцевъ и находится въ рукахъ ея собственныхъ враговъ.

Послѣ этого онъ недолго оставался въ Петербургѣ. Потемкинъ, спугнувшій всѣхъ Орловыхъ, прогналъ и этого. Ѳедоръ переѣхалъ въ Москву и постоянно оставался тамъ, пока не умеръ въ концѣ девяностыхъ годовъ, будучи генералъ-анше-

фомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго и большаго креста военнаго ордена св. Георгія.

Изъ всѣхъ Орловыхъ Ѳедоръ былъ самый умный, тонкій, наиболѣе свѣдущій, но, быть можетъ, и наиболѣе злой. Его храбрость презирала всякое сопротивленіе.

LXIX.

Владиміръ Орловъ V.

Владиміръ*), младшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ, воспитывался три года въ Лейпцигѣ. Такъ какъ братья его были уже тогда въ милости, то легко понять, что на воспитаніе тратилось много, не обращая вниманія на то — учится ли молодой человѣкъ или нѣтъ.

Когда, въ 1765 г., онъ возвратился въ Россію, государыня назначила его директоромъ академіи наукъ, по примѣру императрицы Елизаветы, давшей подобное же мѣсто брату своего избранника — какъ будто прожить заграницей нѣсколько лѣтъ достаточно, чтобы получить столь важное мѣсто! Тогда же графъ Владиміръ былъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Впрочемъ, болѣе высокаго сана онъ не домогался и не получилъ.

Не смотря на то, что у него не было столько случаевъ, какъ у его братьевъ, получить богатства, все же его ежегодный доходъ достигалъ 130,000 рублей. Если принять эту сумму за достовѣрную, то разсчетъ, по которому всѣ пять братьевъ Орловыхъ стоили русской имперіи 17 милліоновъ рублей, окажется весьма малымъ.

*) Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, 1743—1836.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ жилъ въ Москвѣ, куда переѣхалъ вслѣдъ за удаленіемъ отъ двора его брата Григорія. Вѣроятно, онъ и понынѣ живетъ въ Москвѣ.

По своему характеру, Владиміръ обладалъ большою твердостью и добросердечіемъ. Онъ никогда ие имѣлъ случая развить свои таланты.

Владиміръ Орловъ былъ женатъ. Его жена, родомъ изъ Лифляндіи, изъ старой дворянской фамиліи, имени которой мы не знаемъ*), подарила ему много дѣтей. Одна изъ его дочерей[1]) вышла за чрезвычайно образованнаго и достойнаго мужа — графа Панина, бывшаго посломъ въ Берлинѣ и потомъ вице-канцлеромъ.

---

*) Елизавета Ивановна, рожд. Штакельбергъ, 1741—1817.

[1]) Софья Владиміровна, род. 1775 г., за гр. Никитомъ Петровичемъ Панинымъ, 1770—1837.

LXX.

Орловъ VI.

Орловъ*), родственникъ этихъ пяти братьевъ, былъ счастьемъ своихъ родственниковъ вытянутъ изъ грязи тѣмъ, что во время революціи 1762 года исполнялъ неважныя порученія и при умерщвленіи Петра III роль безъ значенія.

Онъ не былъ возведенъ въ графское достоинство, но, мало по малу, получилъ богатства и значительныя мѣста при дворѣ.

Въ 1795 г. онъ вышелъ въ отставку, но жилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ былъ обергофмаршалъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.

Этотъ Орловъ не получилъ никакого образованія и былъ такъ невѣжественъ, что говорилъ только по-русски.

Странно, что по довольно вѣрнымъ извѣстіямъ, въ числѣ убійцъ Павла I также находился какой-то Орловъ. Говорили, будто это былъ генералъ. Впрочемъ, мы не знаемъ, насколько онъ былъ въ родствѣ съ этими Орловыми.

---

*) Григорій Никитовичъ Орловъ, оберъ-гофмаршалъ двора Екатерины II,

LXXI.

Пассекъ.

Пассекъ*), русскій, изъ мелкомѣстныхъ дворянъ, вступилъ въ военную службу и выслужился, болѣе по протекціи, нежели по заслугамъ; въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ.

Орловы знали его дерзкую отвагу и поэтому сообщили ему тайну заговора противъ императора Петра Ш. Какъ только онъ узналъ этотъ проектъ, онъ предался ему съ такимъ энтузіазмомъ, который былъ бы достоинъ болѣе славнаго предпріятія. Онъ хотѣлъ стать главнымъ рычагомъ революціи; но, будучи человѣкомъ ограниченнымъ, мало содѣйствовалъ выработкѣ плана этого предпріятія. Остальные же участники, умѣвшіе цѣнить его безумную отвагу, тѣмъ болѣе разсчитывали на него при исполненіи плана. Императрица познакомилась съ нимъ у Орлова и могла только похвалить его рвеніе въ ея пользу. Съ воодушевленіемъ, доходившемъ до безумія, онъ бросился къ ногамъ государыни и просилъ только объ одномъ — дозволить ему убить императора на гла-

*) Петръ Богдановичъ Пассекъ, 1736—1804.

захъ всего народа и во главѣ всей гвардіи. Она, какъ легко понять, отказала ему; но его бѣшеное стремленіе быть полезнымъ императрицѣ не успокоилось на этомъ. На собственный страхъ онъ подкарауливалъ нмператора въ мѣстахъ его уединенныхъ прогулокъ, но часъ смерти Петра III еще не пробилъ — Пассекъ всегда прозѣвывалъ императора. Но именно Пассекомъ былъ ускоренъ взрывъ революціи. Будучи на-веселѣ, онъ говорилъ объ этомъ событіи, которое должно вскорѣ послѣдовать, и о томъ усердіи къ службѣ императрицы, которое онъ хочетъ показать при этомъ. Бывшій при этомъ простой гвардейскій солдатъ услышалъ это, и, не будучи въ числѣ заговорщиковъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ отомстить Пассеку, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ наказалъ его. Онъ отправился въ полковую канцелярію и донесъ на этого офицера, какъ на участника заговора противъ императора. 8-го іюля н. с. 1762 г., вечеромъ, въ 9 часовъ, Пассекъ былъ арестованъ и монархъ, находившійся въ Ораніенбаумѣ, извѣщенъ объ этомъ происшествіи особымъ курьеромъ. Петръ III отложилъ слѣдствіе до послѣпраздниковъ, которые должны были происходить въ Петергофѣ. Его избавили отъ этого труда. Заговорщики узнали объ арестѣ Пассека и о поводахъ къ нему. Счастье поддержало смѣлость и отвагу. Поторопились начать революцію въ слѣдующее же утро. Императрица, проѣзжая мимо тюрьмы, въ которой сидѣлъ Пассекъ, приказала освободить его. Онъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію и лишь съ трудомъ уговорили его послѣдовать за ошалѣвшею отъ радости толпою. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ

выказывавшій такое необузданное желаніе убить императора, когда онъ былъ на свободѣ и государемъ, теперь не соглашался на подобное дѣло, когда не могъ опасаться ни сопротивленія, ни дурныхъ послѣдствій. Это обстоятельство, доказывающее, какъ намъ думается, что Пассекъ былъ злодѣй скорѣе по безумной отвагѣ, чѣмъ по кровожадности, могъ бы правильнѣе объяснить психологъ.

Пассекъ остался вѣренъ своему характеру и былъ неизмѣннымъ сторонникомъ Орловыхъ. Мы знаемъ, что однажды была рѣчь о бракосочетаніи императрицы съ Григоріемъ и что Панинъ противился этому проекту. Узнавъ объ этомъ, Пассекъ тотчасъ вызвался убить Панина. Орловъ, не желавшій пятнать себя кровью, не согласился на это и Панинъ остался живъ.

Легко понять, что по окончаніи революціи Пассекъ получилъ значительныя награды. Какъ и всѣ, принимавшіе ближайшее участіе, онъ получилъ почетныя должности, подарки и пенсію. Сверхъ того, пока Орловы были въ милости, онъ пользовался при дворѣ большимъ почетомъ. Но по мѣрѣ того, какъ падало вліяніе братьевъ Орловыхъ, и кругъ дѣятельности Пассека становился все незначительнѣе. Потемкинъ презиралъ его и всѣ громко говорили, что онъ однажды побилъ за карточной игрой въ Могилевѣ мѣстнаго генералъ-губернатора Пассека. Хоть и не доказано, дѣйствительно ли это случилось, но все-же крайне нехорошо, когда человѣкъ столь высокаго сана стоитъ въ общественномъ мнѣніи такъ низко, что на его счетъ могутъ измышляться позорныя обвиненія. Терпѣливое поведеніе Пассека при этомъ

происшествіи выказало бы опять необыкновенную черту человѣческаго сердца, которую могли бы объяснить только опытные знатоки человѣческаго сердца. Какъ могъ Пассекъ, безумно отважный человѣкъ, какого можно только себѣ представить, перенести столь позорное обхожденіе, не отомстивъ тотчасъ же кровью?

По смерти Екатерины, онъ потерялъ свое губернаторство, лучшее въ имперіи. Пассекъ жилъ еще въ 1799 г., былъ генералъ-аншефъ и кавалеръ важнѣйшихъ русскихъ орденовъ.

Послѣ всего, что мы знаемъ, нѣтъ надовности говорить о его характерѣ. Военныхъ способностей онъ, конечно, не имѣлъ; по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не доказалъ ихъ, какъ и свою личную храбрость. На его лицѣ лежала печать коварства и ограниченности.

Пассекъ имѣлъ дочь[1]), которая была фрейлиной императрицы.

---

[1]) Варвари Петровна Пассекъ, отъ перваго брака ея отца съ баронессой Натальей Исаевной Шафировой, род. 1761 г., ум. 1787.

LXXII.

Шкуринъ.

Во время императрицы Елизаветы Шкуринъ былъ придворнымъ истопникомъ. Счастливая наружность пріобрѣла ему милость великой княгини Екатерины. Шкуринъ сталъ ея прислужникомъ, а когда Петръ Ш взошелъ на престолъ, Екатерина сдѣлала Шкурина своимъ камердинеромъ.

Во время появленія на свѣтъ Бобринскаго, Шкуринъ поджогъ свой деревянный домъ, въ отдаленной части города, чтобъ удалить императора изъ дворца, такъ какъ было извѣстно, что Петръ Ш присутствовалъ на всѣхъ пожарахъ. Еще въ ту же ночь Шкуринъ взялъ новорожденнаго ребенка къ себѣ, въ заранѣе приготовленное къ тому помѣщеніе, и держалъ его постоянно при себѣ.

Шкуринъ постоянно выказывалъ большую преданность своей государынѣ и никогда не покидалъ ее. Въ ночь передъ днемъ революціи 1762 года, онъ, какъ слуга, ѣхалъ съ Екатериной изъ Петергофа въ Петербургъ.

Какъ всѣ, сдѣлавшіе что-либо при этомъ событіи, Шкуринъ, послѣ счастливаго окончанія революціи, получилъ почетныя должности и богатства. Большая щедрость императрицы относительно

Шкурина казалась подозрительною любимцу Орлову и онъ хотѣлъ удалить его, но это ему не удалось.

Шкуринъ сталъ, наконецъ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и директоръ императорскаго гардероба.

Онъ умеръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ*).

Оставленныя имъ двѣ дочери были фрейлинами. Одна изъ нихъ была фрейлиною еще въ 1799 году**). Другая, содѣйствовавшая въ распутствѣ графу Мамонову, должна была оставить дворъ[1]) въ 1789 году, вслѣдъ за удаленіемъ графа Мамонова.

---

*) Василій Григорьевичъ, ум. 1782 г.

**) Наталья Васильевна Шкурина. Письма А. А. Безбородко (Сборникъ, XXVI, 495, 496).

[1]) Марья Васильевна Шкурина, въ схимѣ Павла. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 34); Храповицкій, 306, 308, 337.

LXXIII.

Григорій Тепловъ.

Григорій Тепловъ*) былъ сынъ истопника въ Александро-невскомъ монастырѣ. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей или архіепископъ назвалъ его Тепловымъ, что должно было всегда напоминать ему его происхожденіе отъ отца, разливавшаго тепло по зданію.

Молодой Тепловъ изучилъ нѣкоторыя науки въ монастырѣ и обучался потомъ на средства архіерея за границей, гдѣ съ успѣхомъ занимался, между прочимъ, ботаникой, преуспѣвая также и въ другихъ наукахъ.

По возвращеніи въ Россію, онъ, какъ искусный человѣкъ, обратилъ на себя вниманіе, особенно же министра Волынскаго[1]), что уже гово-

*) Григорій Николаевичъ, 1720—1779.

[1]) Волынскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи, но имѣлъ несчастіе стать врагомъ Бирона. Упоминаемая ниже таблица дала Бирону поводъ обвинять Волынскаго въ притязаніи на русскій престолъ. Предлогъ былъ нелѣпъ. Только такой человѣкъ, какъ Биронъ, могъ осмѣлиться такъ грубо надругаться надъ общественнымъ мнѣніемъ и за вымышленный проступокъ наказать также строго, какъ за государственное преступленіе. Волынскій сложилъ голову на эшафотѣ.

ритъ въ пользу Теплова, такъ какъ знаменитый государственный человѣкъ никогда не покровительствовалъ невѣжеству. Въ видѣ отдохновенія отъ важныхъ дѣлъ, Тепловъ трудился вмѣстѣ съ этимъ министромъ надъ составленіемъ, по архивнымъ извѣстіямъ, родословной таблицы, которою подтверждалось извѣстное мнѣніе, что домъ Волынскихъ родственъ дому Рюрика, древнѣйшему владѣтельному дому въ Россіи. Эта таблица составила несчастіе Волынскаго, въ которое былъ запутанъ нѣкоторое время и Тепловъ.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы онъ былъ сдѣланъ гофмейстеромъ графа Кирилла Разумовскаго, у котораго онъ съ тѣхъ поръ всѣмъ завѣдывалъ.

По смерти этой государыни, которая незадолго до того назначила Теплова камергеромъ, онъ присталъ къ приверженцамъ императрицы Екатерины, и въ своемъ кругу постоянно высказывался противъ Петра Ш. Императоръ, узнавъ о козняхъ Теплова, позвалъ его, ударилъ палкою и сказалъ:

— Ступай, я прощаю тебѣ, но исправься.

Онъ не сдѣлалъ этого. По его совѣту, Кириллъ Разумовскій перешелъ на сторону императрицы и употребилъ свое вліяніе, какъ командиръ гвардейскаго полка, противъ Петра Ш. При взрывѣ революціи, которою Екатерина II взошла на престолъ своего супруга, Тепловъ составилъ распространенный по этому случаю клеветническій манифестъ.

Убійство бывшаго императора Ивана Антоновича, который со смерти Петра Ш сидѣлъ въ строго охраняемой и возбуждающей ужасъ тюрьмѣ, въ Шлиссельбургѣ, было дѣломъ Теплова. Этотъ

несчастный принцъ, существованія котораго не настолько опасалась даже слабоумная и боязливая Елизавета, чтобъ приказать убить его, казался страшнымъ двору Екатерины. Затрудненіе заключалось лишь въ томъ, чтобъ приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ него. Обратились къ Теплову, злокозненность котораго была извѣстна, и онъ, дѣйствительно, придумалъ отвратительный проектъ, вполнѣ удавшійся. Согласно проекту, отыскали пѣхотнаго офицера, которому обѣщали большія награды, если онъ возбудитъ смуту въ пользу принца Ивана. Этого офицера звали Мировичъ; онъ былъ внукъ человѣка, бывшаго рьянымъ сторонникомъ извѣстнаго казацкаго гетмана Мазепы[1]) и Карла XII, и противникомъ Петра I. Въ то время его родители потеряли все свое состояніе. Теперь молодому Василію Мировичу обѣщали еще болѣе, чѣмъ имѣли его родители, если онъ рѣшится на смуту. Мировичъ былъ человѣкъ недальновидный, любившій поживиться. Все было условлено и подготовлено къ желательному концу. Офицерамъ, содержавшимъ караулъ въ самомъ казематѣ, заранѣе было приказано, при малѣйшемъ шумѣ внѣ каземата, немедленно убить узника. Мировичъ, находясь на караулѣ въ крѣпости, возбудилъ смуту, шумъ достигъ до каземата, офицеры

---

[1]) Мазепа, родомъ полякъ, случайно прибыль въ Украйну и своимъ умомъ, познаніями и храбостью пріобрѣлъ такую партію среди казаковъ, что Петръ I долженъ былъ назначить его гетманомъ Малороссіи, бывшей подъ защитой Россіи. Мазепа не былъ ему благодаренъ за это. Въ тогдашнихъ смутахъ онъ принялъ сторону Карла XII и польскихъ бунтовщиковъ противъ Петра I и Фридриха Августа I.

исполнили приказаніе и Иванъ — окончилъ свою печальную жизнь. Добровольно сдавшійся Мировичъ былъ арестованъ и преданъ суду. Во время производства слѣдствія онъ только улыбался, убѣжденный, что онъ не только не будетъ наказанъ, но, напротивъ, получитъ большія награды. Его палачи, изъ опасенія, что онъ выдастъ ихъ, имѣли жестокость не разоблачать его заблужденія. Мировичъ все улыбался, даже когда его вели на лобное мѣсто и прочли приговоръ; онъ улыбался еще и тогда, когда, вмѣсто прощенія, сѣкира отрубила его голову. Лишь послѣ смерти онъ убѣдился въ своей ошибкѣ и въ притворствѣ своихъ палачей.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Тепловъ получилъ занятія совсѣмъ иного рода. Императрица, какъ говорятъ, пожелала научить наслѣдника государственнымъ дѣламъ. Но какое же ученіе досталось великому князю! Это было поручено Теплову. Онъ принялся за дѣло съ утонченной злобой. Вмѣсто того, чтобъ преподать великому князю основательныя познанія въ государственномъ хозяйствѣ и политикѣ, онъ преподнесъ ему связки тяжебныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ сенатѣ. Это возбудило въ цесаревичѣ отвращеніе. Онъ не хотѣлъ уже слышать о государственныхъ дѣлахъ и, такимъ образомъ, цѣль была достигнута. Павелъ ничему отъ Теплова не научился и получилъ отвращеніе къ дѣламъ такого рода.

За всѣ эти столь существенныя услуги Тепловъ былъ щедро вознагражденъ и умеръ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ.

Нѣтъ надобности прибавлять еще что-либо о способностяхъ и характерѣ этого человѣка. Ска-

званнаго довольно, чтобъ оцѣнить пригодность его способностей и вредность его характера.

Его сынъ*), всѣми уважаемый человѣкъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны. Онъ живетъ, удалившись отъ дѣлъ, въ Москвѣ, на доходы съ большаго состоянія, унаслѣдованнаго имъ отъ отца. Знаменитый математикъ и филологъ, Іоганъ Яковъ Эбертъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ профессоромъ въ Витенбергѣ, человѣкъ прекрасныхъ принциповъ, былъ его воспитателемъ въ Россіи, его гувернеромъ въ нѣмецкихъ университетахъ и провожатымъ въ путешествіяхъ.

---

*) Василій Григорьевичъ Тепловъ. Его переводы выдерживали нѣсколько изданій: Лесажева Жилблаза—8 изд.; комическаго романа изъ Скарона—2 изд.; изъ Рафи о Кирѣ младшемъ и отступленіи 10,000 грековъ и французской грамматики Ресто—4 изд.

LXXIV.

Энгельгардтъ.

Даже самый закоронѣлый злодѣй рудко можетъ заставить навсегда замолчать внутренняго, неподкупнаго судію своихъ поступковъ. Удовлетвореніе скупости, гордости, сладострастія или другихъ чувственныхъ страстей, которое сдѣлало его преступникомъ, теряетъ, наконецъ, для него свою прелесть. Его любимыя ощущенія притупляются. Онъ чувствуетъ только угрызенія своей совѣсти.

Энгельгардтъ[1]), сынъ нѣмецкаго врача, родился въ Петербургѣ. Онъ слѣдовалъ своей склонности и сталъ солдатомъ. Отецъ рано записалъ его въ одинъ изъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, и молодой человѣкъ, въ 1761 г., сталъ гвардейскимъ сержантомъ. Это обстоятельство привело его къ знакомству съ братьями Орловыми. Отъ этой первой связи Энгельгардтъ, по своей склонности къ неправильной и безнравственной жизни, дошелъ скоро до второй и сталъ ежеднев-

---

[1]) Энгельгардтъ не былъ въ родствѣ ни съ дворянскою фамиліею Энгельгардтовъ въ Лифляндіи, ни съ старонѣмецкимъ родомъ Энгельгардтовъ, который давно уже поселился въ Россіи и отъ котораго происходилъ зять князя Потемкина.

нымъ состоварищемъ Орловыхъ. Орловы вмѣстѣ съ другими[1]) трудились, въ началѣ 1762 года, надъ планомъ возстанія, который вскорѣ былъ приведенъ въ исполненіе. Какъ ни было для нихъ важно усилить свою банду предпріимчивыми сочленами, они все таки усумнились повѣрить Энгельгардту свое предпріятіе. Они, вѣроятно, сомнѣвались въ твердости его характера и думали, что, ради своей личной карьеры, онъ не задумается измѣнить и пожертвовать ими. Сверхъ того, они могли замѣтить его посредственный умъ, который не могъ быть существенно полезенъ при составленіи подобнаго плана. Нити этой позорной ткани должны были быть сучены съ такою тонкостью, на которую Энгельгардтъ никоимъ образомъ не былъ способенъ. Между тѣмъ Орловы не могли отрицать его весьма пригодной отваги. Какъ только все было готово и возстаніе должно было начаться, Энгельгардтъ безъ большаго труда былъ вовлеченъ въ интересы императрицы и оказалъ существенныя услуги.

Императрица замѣтила Энгельгардта по его смѣлымъ поступкамъ, и сама увѣрила его въ своемъ особенномъ благоволѣніи къ нему. Его друзья, братья Орловы, убѣжденные теперь въ его полезности, нестѣсняющейся никакими принципами, поручили ему такое дѣло, исполненіемъ котораго онъ могъ бы высказать всю свою низость и затѣмъ расчитывать на значительное вознагражденіе. Въ сущности Энгелгардтъ до сихъ поръ способствовалъ

---

[1]) Было бы слишкомъ пространно и неумѣстно говорить о всѣхъ лицахъ, трудившихея надъ проектомъ и выполненіемъ революціи.

счастливому исходу революціи не болѣе, чѣмъ всякій сторонникъ Екатерины и всякій другъ Орловыхъ; теперь же Энгельгардту предстояло короновать все это мерзкое дѣло страшнымъ преступленіемъ. Требовалась большая рѣшимость и полная безчувственность, чтобъ насильно прекратить несчастное существованіе Петра III.

Алексѣй Орловъ, другой Орловъ, его родственникъ князь Барятинскій, актеръ Волковъ*), Тепловъ, Энгельгардтъ и другія лица, меньшаго значенія, отправились въ Ропшу, гдѣ содержался бывшій императоръ, съ намѣреніемъ собственно ручно умертвыть его, въ случаѣ если ядъ, который ему дадутъ, не довольно скоро удветъ его. Такъ какъ ядъ не дѣйствовалъ, потому что Петръ пилъ теплое молоко, то убійцы рѣшились задушить его. Они были убѣждены, что это единственный родъ смерти оставляющій наименѣе слѣдовъ насилія. Они обвязали шею Петра платкомъ, и такъ какъ онъ сталъ кричать, то покрыли матрацомъ, послѣ чего крѣпко затянули платокъ. Энгельгардтъ именно сдѣлалъ послѣднее усиліе, которое лишило жизни злосчастнаго монарха. До настоящаго времени участіе Энгельгардта въ умерщвленіи Петра III было почти неизвѣстно; но оно настолько достовѣрно, что не можетъ быть оспариваемо. Другіе всѣ извѣстны по именамъ, только о немъ умалчивалось, между тѣмъ какъ его преступленіе даетъ во всякомъ случаѣ право спасти его имя отъ забвенія.

---

*) Очень хорошій актеръ; онъ часто бывалъ тогда въ общество Орловыхъ. Онъ умеръ, если мы не ожибаемся, въ семидесятыхъ годахъ.

Съ этаго момента карьера Энгельгардта была сдѣлана. Орловы заботились объ этомъ, и Екатерина II, каковы ни были-бы ея ощущенія при этомъ, вознаграждала Энгельгардта. Онъ получалъ подарки по всякому случаю и повышался отъ одной почетной должности къ другой. Между тѣмъ онъ рѣдко являлся при дворѣ, который не звалъ его и не замѣчалъ его отсутствія.

Онъ умеръ генералъ-поручикомъ и выборгскимъ губернаторомъ въ семидесятыхъ, если не ошибаемся, или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Каковъ былъ характеръ этого человѣка, легко себѣ представить. Онъ не имѣлъ ни нравственныхъ принциповъ, ни просвѣщеннаго ума. По своему нраву, онъ былъ грубъ и низокъ. Какъ ни былъ, впрочемъ, Энгельгардтъ отвратителенъ, онъ все же не могъ оставаться хладнокровнымъ при воспоминаніи о страшномъ преступленіи, въ которомъ онъ принималъ существенное участіе. Въ немъ часто замѣчали явные признаки отчаянія.

Мы не знаемъ, былъ-ли Энгельгардтъ когда либо женатъ и оставилъ-ли онъ дѣтей. Но онъ имѣлъ родственниковъ, которые оказали важныя услуги государству и обществу.

Изъ этого неполнаго очерка видно, что нѣтъ точныхъ извѣстій о жизни этого человѣка; но по тому, что о немъ извѣстно, объ этомъ и не сожалѣешь. Подробное изложеніе его исторіи увеличило бы негодованіе писателя и читателя.

LXXV.

Станиславъ Августъ Понятовскій.

Оскорбленія, наносимыя намъ лицами, неизмѣнную привязанность которыхъ мы заслужили строгою преданностію и жертвами, обезславившими насъ самихъ въ глазахъ всего свѣта, принадлежатъ, безспорно, къ наиболѣе чувствительнымъ оскорбленіямъ, которымъ подвержено человѣчество.

Представьте себѣ два любящія существа, живущія въ тайной, но восхитительной плотской связи. Эта связь узнаетая, нравственное чувство порицаетъ ее, и насильно разрывается эта связь, заключенная при неравныхъ и недозволенныхъ условіяхъ. Вскорѣ затѣмъ возлюбленная достигаетъ высшаго пункта земнаго величія; вмѣстѣ съ тѣмъ, она получаетъ власть самопроизвольно отчасти опредѣлять, отчасти направлять своимъ вліяніемъ судьбу многихъ милліоновъ людей. Она вспоминаетъ о своемъ возлюбленномъ, и хотя сама уже скована новыми узами, она все таки поднимаетъ его своею крѣпкою рукою изъ состоянія частныхъ лицъ, возвышаетъ до собственнаго положенія и ставитъ его во главѣ сосѣдняго, порабощеннаго народа. Впослѣдствіи она забываетъ ту связь,

при которой она была столь счастлива; она пользуется положеніемъ своего бывшаго избранника для исполненія своего проекта и такъ какъ онъ благъ, такъ какъ онъ постоянно уступаетъ, она дѣлаетъ его презреннымъ. Блескъ, его окружавшій, превращаетъ она въ блѣдный отблескъ. Наконецъ, она совсѣмъ лишаетъ его владѣній, оставляетъ ему лишь ничтожныя средства для поддержанія его существованія и дѣлаетъ его вполнѣ несчастнымъ.

Въ такомъ положеніи былъ Станиславъ Августъ Понятовскій, который необходимо долженъ занять свое мѣсто въ этой книгѣ. Человѣкъ, который, благодаря Россіи, сталъ играть замѣтную роль въ политическомъ мірѣ; который, властью русской императрицы, былъ возведенъ на шаткій, такъ называемый избирательный тронъ своего народа; котораго эта же императрица постепенно свела съ этаго жо трона, и оставила его (какое ужасное испытаніе для несчастного!) на произволъ состраданію, презрѣнію и ядовитой насмѣшнѣ — такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, занять мѣсто въ ряду русснихъ избранниковъ.

Фамилія Понятовскихъ не принадлежитъ къ числу знатнѣйшихъ родовъ польской націи; она стала знаменитою толко со времени отца того, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Онъ носилъ имя Станислава и родилзя въ 1678 году. Въ войнахъ Фрндриха Августа I съ Карломъ XII Понятовскій-отецъ былъ на сторонѣ шведскаго короля, въ службу котораго онъ вступилъ. Послѣ полтавской битвы, рѣшившей участъ двѣнадцатаго Карла и принудившей его бѣжать въ Бендеры, было уже весьма вѣроятно, что въ Польшѣ возникнетъ меж-

дупарствіе. Фридрихъ-Августъ I не могъ еще вступить на польскій престолъ, на которомъ уже колебался безсильный Станиславъ Лещинскій. При этихъ-то обстоятельствахъ, Понятовскому, который покинулъ своего государя и былъ еще молодымъ человѣкомъ, вспало на умъ,—что казалось возможнымъ всякому польскому дворянину,—стать самому королемъ. Съ этимъ намѣреніемъ отправился онъ въ Польшу. На пути, прибылъ онъ, однажды вечеромъ, въ гостинницу. Рядомъ съ его комнатой находилось веселое общество. Такъ какъ онъ не могъ спать, то всталъ и отправился къ сосѣдямъ. Онъ нашелъ, что всѣ присутствовавшіе заняты ворожбой цыганки, которая, едва его увидѣла, назвала „превосходительствомъ". Онъ показалъ ей свою руку. „Вы стремитесь, сказала цыганка, къ высшему сану, но вы его не получите; его, однако, достигнетъ одинъ изъ вашихъ сыновей". Понятовскій запизалъ это предсказиніе и Станиславъ Августъ нашелъ его въ бумагахъ своего отца.

Съ перваго взгляда, этотъ анекдотъ можетъ быть принятъ за суевѣрную сказку; но онъ поддается совершенно естественному объясненію. Люди Понятовскаго могли знать намѣреніе своего господина и даже похваляться имъ. Этимъ путемъ могла узнать его и цыганка, которая, при помощи разумныхъ комбинацій тогдашняго положенія дѣлъ, ей, пожалуй, болѣе доступныхъ, чѣмъ самимъ кандидатамъ на корону, могла вывесть заключеніе, что его усилія будутъ тщетны. Въ то же время, она хотѣла утѣшить его надеждою, что одинъ изъ его сыновей, изъ которыхъ ни одинъ еще тогда не родился, можетъ, при другихъ обстоятельствахъ, стать

королемъ. Какъ бы ни было, но это предсказаніе сдѣлало такое впетчатленіе на Понятовскаго-отца, что онъ добровольно отказался отъ своего намѣренія сдѣлаться королемъ, которое, впрочемъ, и безъ этого ему пришлось бы бросить. Онъ выбралъ другое средство прославится, которое едвали выдерживаетъ критику строгой морали.

Онъ отправился къ королю Станиславу Лещинскому, пріобрѣлъ выданный этому королю актъ отреченія короля Фридриха Августа I и поспѣшилъ возвратить его тому, который былъ вынужденъ его выдать. За эту, во всякомъ случаѣ, важную, но, конечно, непочтенную услугу, Понятовскій былъ но королевски вознагражденъ Фридрихомъ Августомъ I или, какъ онъ зовется въ польскомъ королевствѣ, Августомъ II. Нѣсколько времени спустя, король породнилъ его въ одною изъ первыхъ фамилій съ государствѣ, доставивъ ему въ супруги княжну Чарторижскую. Понятовскій назвался съ тѣхъ поръ графомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ поляки, когда причисляютъ себя къ великимъ родамъ своей земли. Графиня Понятовская, бывшая весьма богатою и славившаяся своимъ остроуміемъ и любезностью, сдѣлала своего супруга вполнѣ счастливымъ. Король, всегда благодарный и великодушный, предоставилъ ему, находившемуся подъ руководствомъ иногда противоположныхъ принциновъ своей супруги, различныя высокія и прибыльныя должности въ государствѣ, пожаловалъ ему, въ 1726 году, орденъ Бѣлаго Орла и назначилъ его, въ 1731 г., мазуровскимъ воеводою. Этотъ Станиславъ умеръ въ 1762 году краковскимъ кастеляномъ.

Его жена, умершая тремя годами ранѣе его,

подарила его пятью сыновьями. Первый, Казиміръ, былъ короннымъ великимъ камергеромъ и занималъ другія важныя должности. Онъ былъ отцемъ князя Станислава Понятовскаго, который состоитъ теперь военнымъ министромъ на службѣ короля саксонскаго и герцога варшавскаго, и извѣстенъ какъ благороднѣйшій человѣкъ. Второй сынъ умеръ, состоя на французской службѣ. Третій сынъ былъ Станиславъ Августъ, о которомъ здѣсь будетъ подробно разсказано. Четвертый сынъ, Михаилъ, избралъ духовную карьеру. Онъ былъ примасомъ королевства, хотя и было противно основнымъ законамъ государства, чтобы эту должность занималъ столь близкій родственникъ короля. Этотъ Понятовскій былъ сторонникъ Россіи и умеръ въ 1704 году въ Варшавѣ. Пятый сынъ, Андрей, умеръ, состоя на австрійской службѣ. Его сынъ Іосифъ, отъ графини Кинской, отличился въ несчастной польской революціи, во время которой онъ, благодаря русскимъ, потерялъ все свое состояніе.

Станиславъ Августъ, третій изъ братьевъ, родился 17-го января 1732 года. Онъ получилъ превосходное образованіе, какого только можно было ожидать отъ заботливости какой превосходной матери. По окончаніи ученія, онъ отправился путешествовать — въ Саксонію, Германію и Францію. Его изумительная красота и его любезность приводили его въ сношенія съ знатнѣйшими женщинами при всѣхъ дворахъ. Онъ повсюду входилъ, впрочемъ, въ сношенія съ иностранными дипломатами и выказалъ способность къ мелкой интригѣ, этой незаконнорожденной сестры истинной политики, отъ которой она часто

заимствуетъ маску и тѣмъ вводитъ въ обманъ несвѣдущихъ людей. Изъ Франціи Понятовскій отправился въ Англію, гдѣ жизнь понравилась ему несравненно болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Съ этого времени и до самой смерти онъ сохранилъ рѣшителное пристрастіе къ Англіи и ея учрежденіямъ. Въ Лондонѣ онъ опять увидѣлъ кавалера Уильямса Гэнбури[1]), котораго онъ уже зналъ и который питалъ къ нему необыкновенную дружбу. Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ Гэнбури отправился посломъ въ Петербургъ и предложилъ графу Понятовскому сопровождать его. Въ началѣ онъ не могъ получить согласія своей матери на это путешествіе. Она, урожденная Чарторижская, и, слѣдовательно, врагъ царствовавшаго въ Польшѣ саксонскаго дома, не хотѣла отпустить своего сына ко двору, бывшему въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ саксонскимъ. Наконецъ, она уступила доводамъ, которые выставляли ей и поддерживали краснорѣчіемъ. Ей говорили, что, въ союзѣ съ Гэнбури, ея сынъ работалъ бы въ Петербургѣ въ интересахъ Англіи и Пруссіи и особенно фамиліи Чарторижскихъ, которая тогда явно выказывала свои виды на польскій тронъ. Гэнбури и Понятовскій отправились въ Петербургъ[2]); одинъ какъ посолъ, другой какъ секретарь миссіи, хотя и не имѣлъ

---

[1]) Гэнбури былъ прежде посланникомъ при дрезденскомъ дворѣ. Онъ умеръ въ Англіи, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи.

[2]) Понятовскій вмѣстѣ съ посланникомъ жилъ въ домѣ графа Скавронскаго, на Невѣ; Станиславъ Августъ занималъ угловую комнату, насупротивъ Мраморнаго дворца, имѣвшую окна на всѣ четыре стороны.

этого титула. Здѣсъ, по рекомендаціи посла, молодой человѣкъ познакомился съ великой княгиней, которая составила его счастіе въ молодости и несчастіе въ старости. Свое значеніе при великой княгинѣ онъ употребилъ къ тому чтобъ приготобить ее на тотъ случай, когда, за смертію Фридриха Августа II, польскій престолъ станетъ вакантнымъ, и добиться ея содѣйстія къ возведенію одного изъ Чарторижскихъ — преимущество, на которое не могъ тогда разсчитывать менѣе могущественный домъ Понятовскихъ, хотя отецъ его лелѣялъ уже эту мечту въ смутныя времена Польши. Великаго князя, который, какъ это всегда бываетъ, послѣднымъ узналъ о связи своей супруги съ красивымъ польякомъ, Понятовскій привлекъ на свою сторону пріятностью бесѣды, фанатическими восхваленіями короля прусскаго и своимъ отвращеніемъ къ королю, своему государю. Онъ выказывалъ это отвращеніе публично и въ формѣ крайне оскорбительной. Однажды, онъ ѣздилъ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ въ Кронштадтъ для осмотра гавани и мѣстныхъ учрежденій. Общество обѣдало у адмирала. За столомъ, всякій, по тогдашнему обычаю, провозглашалъ здоворье своего государя. Когда очередь дошла до Понятовскаго, онъ предложилъ тостъ за благополучіе республики, и когда его спросили, почему онъ забылъ о королѣ, онъ сталъ говорить объ этомъ монархѣ и о графѣ Брюлѣ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ. Все это, какъ и отношенія молодого человѣка къ великой княгинѣ, также хорошо было извѣстно въ Варшавѣ, какъ и въ Петербургѣ, и вызвало со стороны Польши приказъ Понятовскому воз-

вратиться въ свое отечество. Онъ исполнилъ это, но съ твердымъ намѣреніемъ вскорѣ же опять прибыть въ русскому двору.

Прибывъ ви Варшаву, Понятовскій сталъ обдумывать побудительныя причины быть снова отправленнымъ въ Петербургъ. На собравшемся тогда сеймѣ онъ съ большою горячностью говорилъ о необходимости имѣть, при тогдашнемъ положеніи Саксоніи, собственно польскаго посланника въ Россіи, обязанности котораго не должны быть смѣшиваемы съ обязанностями саксонскаго посланника. При этомъ онъ ясно намекалъ, что, по своимъ большимъ связамъ въ Россіи, онъ собственно и есть тотъ человѣкъ, который можетъ въ Петербургѣ оказать своей родинѣ наибольшія услуги. И другія обстоятельства поддержали планъ графа Понятовскаго. Великая княгиня желала его возвращенія и обращалась по этому поводу къ своему супругу, даже и къ великому канцлеру графу Бестужеву. Добродушный великій князь, не подозрѣвавшій о связи своей супруги съ Понятовскимъ, былъ обойденъ весьма тонко и незамѣтнымъ образомъ, и самъ же выразилъ великому канцлеру желаніе видѣть польскаго графа опять въ Россіи. Бестужевъ весьма легко согласился сдѣлать необходимыя для этого приготовленія, отчасти потому, что не хотѣлъ огорчить великой княгини, въ содѣйствіи которой еще надолго нуждался, отчасти потому, что, какъ онъ былъ увѣренъ, въ Варшавѣ никогда не назначать посланникомъ въ Россію человѣка, о которомъ было извѣстно, что онъ сторонникъ Англіи и Пруссіи и, слѣдовательно, врагъ коалиціи противъ Фридриха II. Въ этомъ онъ, однако, ошибся. Фран-

цузское посольство [1]) въ Варшавѣ, считавшее графа Понятовскаго человѣкомъ подозрительнымъ, даже опаснымъ, употребляло всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать его назначенію. Брюль страшно обидѣлся. Давать ему предписанія въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ за вторженіе въ его права. Не обращая вниманія на то, что предписывалось разумомъ и политикой, онъ содѣйствовалъ назначенію графа Понятовскаго польскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобъ заранѣе быть увѣреннымъ въ благосклонности векикокняжескаго двора въ нужныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ. Еще прежде отправки новаго посланника въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ великимъ стольникомъ Литовскимъ и получилъ орденъ Бѣлаго Орла — неслыханное отличіе, такъ какъ до него ни одинъ частный человѣкъ не получилъ этого ордера, будучи только 26 лѣтъ. При этомъ случилось обстоятельство, заслуживающее быть разсказаннымъ. Когда Понятовскій получилъ отъ короля орденъ, камердинеру монарха было приказано принести звѣзду. Камердинеръ ошибся и принесъ ту, которую носитъ гросмейстеръ ордена, съ надписью: pro fide, grege et lege, между тѣмъ какъ на кавалерской звѣздѣ надпись гласитъ такъ: pro fide, rege et lege. Многіе видѣли тогда въ этой ошибкѣ дурное предзнаменованіе.

По пріѣздѣ въ Петербургъ [2]) Понятовскій во-

---

[1]) Брольи и Д'Алльйонъ,

[2]) Какъ посланникъ, Понятовскій жилъ на Невскомъ проспектѣ, на углу Екатерининскаго канала. Въ восьмидесятыхъ годахъ домъ этотъ принадлежалъ княгинѣ Голицыной, женѣ генералъ-фельдмаршала, которая и умерла въ немъ. Отъ ея наслѣдниковъ домъ былъ купленъ трактир-

все уже не думалъ о своихъ посланническихъ обязанностяхъ, исполненіемъ которыхъ онъ заранѣе еще похвалялся въ Варшавѣ. Онъ жилъ только для чувственныхъ наслажденій. Онъ продолжалъ свою связь съ великой княгиней. Первоначально они видѣлись въ домѣ Елагина. Послѣдствія этихъ свиданій стали извѣстны всѣму свѣту къ концу 1757 г. Но его все еще терпѣли. Настроеніе русскаго двора было, однако, крайне возбуждено противъ него, когда въ Петербугъ прибылъ принцъ Карлъ саксонскій и польскій. Императрица и великокняжескій дворъ обратились къ этому принцу по поводу посланника его отца. Елизавета охотно удалила бы его отъ двора, наслѣдникъ же престола и его супруга желали его удержать. Наконецъ, онъ самъ содѣйствовалъ своему насильственному удаленію, однимъ необдуманнымъ поступкомъ.

Въ то время Понятовскій навѣщалъ великую княгиню даже и въ императорскихъ загородныхъ дворцахъ. Однажды, онъ, переодѣтый парикмахеромъ, прокрадывался въ ораніенбаумскій дворецъ, гдѣ жила великая княгиня. Петра извѣстили объ этомъ; онъ подкараулилъ его и принялъ весьма недружелюбно. Понятовскій былъ арестованъ, приведенъ къ великому князю, и графомъ Браницкимъ[1]), который какъ разъ въ это время былъ у

щикомъ Ліономъ, который очень его увеличилъ и давалъ въ немъ маскарады.

[1]) Браницкій, происходившій не отъ знаменитой фамиліи этого названія, сталъ, при поддержкѣ Россіи, великимъ короннымъ гетманомъ Польши. Онъ женился на племянницѣ Потемкина и затѣмъ его употребляли для возбужденія неудовольствій въ своемъ отечествѣ или для оскорбле-

великаго князя, былъ вытолканъ за двери и такимъ образомъ освобожденъ. Великій князь отъ души хохоталъ надъ этимъ необычнымъ способомъ удаленія. Оно, однако, было весьма полезно. Случай этотъ дошелъ до императрицы, и лѣтомъ 1758 годи Понятовскій долженъ былъ покинуть Петербургъ, не получивъ даже отзывной грамоты.

Онъ отправился въ Варшаву, гдѣ былъ весьма неблагосклонно принятъ даже графомъ Брюлемъ, имѣвшимъ достаточно причинъ раскаяться въ своемъ упрямствѣ. Понятовскій велъ теперь самую мизерную жизнь въ своемъ отечествѣ. Между тѣмъ онъ старался поддерживать сношенія съ Екатериною, но, конечно, при помощи писемъ. Посредниками великой княгини были при этомъ Иванъ Шуваловъ, любимецъ императрицы Елизаветы, и баронъ фонъ-деръ Остенъ*), датскій посланникъ въ Россіи, такъ какъ оба они давно уже были посвящены въ ея тайну. Скоро, однако, жаръ переписки началъ охладѣвать со стороны великой княгини, особенно же съ тѣхъ поръ какъ она сошлась съ Григоріемъ Орловымъ. Но переписка эта не была совсѣмъ прекращена; Екатерина находила нужнымъ никогда не прерывать ее вполнѣ.

По смерти Елизаветы, Понятовскій отомстилъ за равнодушіе, съ которымъ относился къ нему

нія королевскаго сана, смотря что требовалось. Повело бы слишкомъ далеко передавать всѣ его низости. Онъ хотѣлъ быть королемъ, но поступилъ опять на службу и дослужился только до русскаго генерала, чѣмъ и былъ еще въ 1799 году.

*) Адольфъ Сигфридъ фонъ-деръ Остенъ отправился изъ Петербурга, какъ посланникъ, въ Неаполь.

дворъ его родины. Особымъ, не дѣлающимъ чести его характеру, образомъ высказался онъ на польскомъ сеймѣ открытымъ врагомъ саксонскаго дома, который не былъ уже болѣе подоерживаемъ Россіею. Этимъ поведеніемъ значительно выиграло его значеніе въ глазахъ супруги Петра Ш. Она публично высказывала теперь свое благорасположеніе къ нему по этому поводу.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала революція. Въ одной изъ первыхъ депешъ, писанныхъ Фридрихомъ II своему посланнику Гольцу въ Россію, онъ поручилъ ему освѣдомиться подъ рукою, пріѣдетъли опять въ Петербургъ графъ Понятовскій. Но о возобновленіи прежней связи нечего было и думать. Между тѣмъ, Екатерина постоянно продолжала сношенія съ своимъ бывшимъ другомъ, и вызвалась дать ему, при подходящемъ случаѣ, фактическое доказательство ея благоволонія.

Случай скоро представился. Фридрихъ Августъ I былъ убитъ горемъ, причиненнымъ несчастіями его и его земли, и, вѣроятно, мыслью, что онъ лишенъ всѣхъ моральныхъ и физическихъ средствъ помочь своей наслѣдственной землѣ. Благородномыслящій и достойный сожалѣнія монархъ умеръ въ октябрѣ 1763 года. Екатерина II тотчасъ предназначила вакантный тронъ Польши своему бывшему любимцу, который, какъ легко догадаться, самъ навелъ ее на эту мысль. Она созвала для вида свой совѣтъ, чтобъ услышать его мнѣніе о польскихъ дѣлахъ. Бестужевъ, старый приверженецъ саксонскаго дома, знавшій уже о видахъ Понятовскаго на польскую корону, совѣтовалъ не нарушать свободы выборовъ въ Польшѣ. Всѣ пристали къ этому мнѣнію; одна лишь Екатерина

оспаривала его и, наконецъ, своимъ рѣшеніемъ показала, что вовсе не желаетъ принимать никакихъ совѣтовъ. Она объявила всему собравшемуся совѣту, что желала бы видѣть на польскомъ престолѣ графа Станислава Августа Понятовскаго. Едва онм высказала это, какъ вскочилъ Григорій Орловъ, стоявшій, какъ генералъ-адъютантъ, за ея стуломъ. Своимъ обычнымъ энергическимъ языкомъ онъ придалъ крѣпкій эпитетъ этому кандидату на корону и сказалъ: „только этого недоставало, чтобъ такой господинъ сталъ королемъ!“ Но такъ какъ этимъ путемъ онъ могъ отдѣлаться отъ тягостнаго ему человѣка, соперничества котораго онъ все еще опасался, то онъ не возражалъ уже болѣе. Екатерина II много говорила о мнимой свободѣ избранія въ Польшѣ, но сама соединилась съ прусскимъ королемъ, чтобъ поддержать эту свободу самымъ несоотвѣтственнымъ образомъ — выставленіемъ войскъ на границѣ. Въ то же время она объявила, что всѣ иностранные принцы исключаются изъ выборнаго списка и она признаетъ польскимъ королемъ только потомка Пястовъ. Наконецъ (можно было-бы посмѣяться надъ такимъ противорѣчіемъ и также насмѣшкою надъ всею Европою, еслибъ побудительныя причины не были столь печальны), она сама послала свои войска въ Польшу, чтобъ оградить свободу выборовъ!

Въ трепетѣ отступаетъ муза исторіи передъ ужасами, которыя она встрѣчаетъ въ польскихъ анналахъ съ этаго момента непрерывно вплоть до 1795 г. Подъ шумъ русскаго оружія, 7 сентября 1764 г., Станиславъ Августъ Понятовскій былъ не избранъ, а провозглашенъ королемъ Польши, и

возведенъ на тронъ при помощи угрозъ, насилія и кровопролитія. Этотъ государь самъ ужаснулся тому способу, при помощи котораго онъ получилъ королевское достоинство. Быть можетъ, онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся со временемъ согласить различныя мнѣнія, волновавшія родину; но враги его личныя и его государства ловко съумѣли воспрепятствовать этому соглашенію. Казалось, что успокоеніе Польши, такъ дорого купленное при помощи столькихъ насилій, близко уже, а между тѣмъ оно никогда не было столь далеко, какъ теперь. Этотъ избирательный сеймъ опредѣлилъ надолго несчастіе страны. Съ нимъ связанъ цѣлый рядъ событій, которыя представлялись-бы потомству преувеличеніями, еслибъ неопровержимая достовѣрность ихъ не подтверждалось подлинными документами и другими неоспоримыми свидѣтельствами. Подробное изложеніе этихъ ужасныхъ событій принадлежитъ исторіи Россіи и Польши, отчасти также исторіи Австріи и Пруссіи; но ему не мѣсто въ краткомъ очеркѣ біографіи человѣка, хотя и стоявшаго въ главѣ народа, судьбы котораго сосѣднія державы признавали возможнымъ насильно опредѣлять по ихъ желанію, но вслѣдствіе указанныхъ причинъ игравшаго страдательную и незначительную роль. Мы лишь всколзь коснемся славнѣйшихъ событій царствованія Станислава-Августа.

8 мая 1765 г. онъ учредилъ орденъ св. Станислава, который, по слабости короля и вслѣдствіе его безцѣльнаго и легкомысленнаго стремленія пріобрѣтать себѣ друзей и сторонниковъ, былъ обезцѣненъ до того, что заграницей, даже въ Россіи, никто не хотѣлъ принимать его, по

крайней мѣрѣ, безъ ордена Бѣлаго Орла; въ Польшѣ же его носили только молодые люди.

Въ 1765 и 1766 годахъ обнаружились истинныя побужденія, возведшія этого короля на польскій престолъ: при помощи Понятовскаго, Екатерина II хотѣла совсѣмъ поработить Польшу. Грекій не-уніаты и диссиденты или не-католики, именно же лютеране и кальвинисты, за исключеніемъ однако, всѣхъ сектъ, составляли до сихъ поръ отдѣльный классъ въ Польшѣ. Они занимали если не первыя, то во всякомъ случаѣ, важныя должности въ государственной службѣ и всѣ безъ различія мѣста въ арміи, до которыхъ только могли дойти; вообще, они были довольны (!?) своимъ положеніемъ и жили мирно. Теперь же нѣкоторыхъ изъ диссидентовъ, особенно же двухъ братьевъ Грабовскихъ, уговорили требовать отъ новаго короля сообразной съ вѣротерпимостью вѣка и, слѣдовательно, болѣе широкой, чѣмъ прежде, свободы вѣры. Станиславъ Августъ былъ готовъ удовлетворить ихъ желаніе, но деспотическіе дворяне-католини, составлявшіе сеймъ, воспротивились волѣ короля. Тогда диссиденты обратились къ русской императрицѣ, и эта государыня обѣщала поддержать ихъ; она потребовала испольненія оливскаго трактата, по которому диссидентамъ обѣщаны большія права, но въ которомъ Россія не принимала ни малѣйшаго участія, и приказала своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Польши. Репнинъ[1]) отправился по-

---

1) Объ этомъ мужѣ, ставшемъ знаменитымъ въ полѣ и совѣтѣ, достогочно сказать, что онъ умеръ фельдмаршаломъ въ началѣ этого столѣтія.

сломъ въ Польшу. Онъ неограниченно распоряжался тамъ отъ имени императрицы и соломенный король долженъ былъ первый его слушаться. Императрицѣ представляли, что правительственная мудрость и общее благо необходимо требуютъ сдѣлать извѣстныя разграниченія между господствующую религіею и терпимою, но Екатеринѣ было мало терпимости, она требовала полнаго уравненія диссидентовъ съ католиками. Планъ порабощенія Польши былъ начертанъ и подлежалъ выполненію. Тѣхъ, которые возставали противъ введеніе въ Польшу чужестранныхъ войскъ, признавали мятежниками. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Радзивиллъ*), были взяты въ плѣнъ и нѣкоторые даже сосланы въ Сибирь, гдѣ они шестилѣтнимъ заключеніемъ поплатились за свой патріотизмъ, за одну изъ наиболѣе важныхъ добродѣтелей. Въ Барѣ, въ Подоліи, образовалась конфедерація, низложившая короля. Въ началѣ ей была противупоставлена конфедерація диссидентовъ, образовавшаяся подъ защитою Репнина, а потожъ была разогнана силою барская конфедерація, про которую такъ несправедливо утверждали, будто она составлена саксонскимъ дворомъ. Во всѣхъ концахъ Полши текла польская кровь. Наконецъ, былъ заключенъ, — иначе этого назвать нелзя, — миръ съ Польшею. Въ февралѣ 1768 года, грекамъ-не уніатамъ и диссидентамъ была предоставлена формальнымъ документомъ свобода богослуженія и другія вольности, но все же съ большими

*) Радзивилсъ, наиболѣе богатый полякъ, имѣлъ наиболѣе обширныя имѣнія въ Литвѣ. Говорятъ, что въ случаѣ нужды онъ могъ выставить въ поле 10,000 воиновъ.

ограниченіями, чѣмъ требовала императрица. Затѣмъ былъ заключенъ, такъ называемый, вѣчный,—нельзя найти болѣе короткую вѣчность, — миръ между Россіею и Польшею. При этомъ король находился въ самомъ злосчастномъ положеніи. Съ одной стороны, Россія предписывала ему приказанія, которыя онъ долженъ былъ исполнять, но не имѣлъ необходимыхъ для этого силъ; съ другой стороны, поляки требовали его энергическаго заступничества, которое имъ также мало могло помочь, какъ и его сопротивленіе повредить. Такимъ-то образомъ онъ потерялъ пріязнь своихъ соотечественниковъ, не пріобрѣтя благоволенія русскихъ.

Въ 1771 году съ этимъ королемъ случилось рѣдчайшее происшествіе, которому, если мы не ошибаемся, кромѣ извѣстнаго похищенія саксонскаго принца, нѣтъ примера въ исторіи. Въ ноябрѣ, вечеромъ, на одной изъ варшавскихъ улицъ, на него напали конфедераты и онъ былъ формально украденъ у государства или увезенъ. Планъ этого предпріятія былъ составленъ Пулавскимъ[1]); другіе привели его въ исполненіе. При этомъ нападеніи Станиславъ Августъ былъ раненъ въ ногу. Мало-по-малу похитители покинули его, а послѣдній изъ увозившихъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны. На другое утро онъ былъ опять доставленъ въ столицу.

Равнымъ образомъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ баронъ фонъ-деръ-Остенъ, съ которымъ Станис-

---

[1]) Послѣ этого происшествія Пулавскій долженъ былъ бѣжать изъ своей родины, и умеръ въ изгнаніи, если не ошибаемся, во Франціи.

лавъ Августъ въ одно и то-же время принадлежалъ къ дипломатическому корпусу въ Петербургѣ, былъ датскимъ при немъ посланникомъ. Король думалъ, что можетъ положиться на дружбу этого человѣка, и поэтому просилъ датскій дворъ послать фонъ-деръ-Остена посланникомъ въ Россію, гдѣ онъ, по старому знакомству съ императрицей, могъ бы позаботиться объ интересахъ короля. Въ то время Понятовскій былъ страшнымъ образомъ утѣзняемъ русскимъ дворомъ; особенно же братьями Чернышевыми [1]). Наконецъ, кредитъ Чернышевыхъ палъ и король, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, далъ Остену письмо къ Екатеринѣ, въ которомъ жаловался на Чернышевыхъ. Когда датскій посланникъ прибылъ въ Петербургъ, обстоятельства перемѣнились. Чернышевы узнали о письмѣ короля и, чтобы отомстить, содѣйствовали первому раздѣлу Польши, тогда только что предложенному.

Саллернъ былъ, какъ извѣстно, творцемъ этого проекта. Прусскому посланнику въ Россіи были сдѣланы объ этомъ заявленія, но Фридрихъ II отвѣчалъ: „Non, mon principe est de protéger les faibles [2]) et de me défendre contre mes ennemis. Je

---

[1]) Было три брата Чернышевыхъ: Петръ Григорьевичъ былъ нѣкода посломъ во Франціи и Англіи, камергеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; о Захарѣ мы ужз говорили; Иванъ былъ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи (президентомъ былъ великій князь Павелъ), камергеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ членомъ верхоснагв совѣта. Всѣ трое были кавалерами главнѣйшихъ русскихъ арденовъ.

[2]) Таковъ долженъ быть принципъ всѣхъ истинно-великихъ государей. Такъ думалъ Фридрихъ II, который,

n'ajoute rien à mes Etats, c'est l'héritage, que je laisse à mon neveu". Но Австрія и Россія стояли на своемъ. Фридрихъ II зналъ это; онъ послалъ въ Россію своего брата Генриха, чтобъ разузнать намѣренія императрицы, и, наконецъ, согласился, не желая быть исключеннымъ изъ раздѣла, который въ противномъ случаѣ состоялся бы безъ его участія.

Послѣдній, съ которымъ говорили о намѣреніи раздѣла, былъ Станиславъ Августъ. Онъ бѣсился, сыпалъ просьбами и угрозами. На просьбы не обращали вниманія; надъ угрозами смѣялись. Былъ созванъ сеймъ. Депутація отправилась къ королю; онъ долженъ былъ выслушать самые жосткіе упреки, но измѣнить ничего не могъ. Все было уже испорчено—онъ съ самаго начала былъ слишкомъ слабъ. Русскіе офицеры Игелстромъ[1]) и Древицъ[2]) отличились своими жестокостыми. Польская земля опять была упитана польскою кровью и лучшіе поляки были сосланы въ Сибирь. Раздѣлъ Польши 1772 г. стоилъ этому государству

однако, при малой власти, долженъ былъ подчинять свою волю обстоятельствамъ; этому же принципу слѣдовалъ съ неограниченною властью герой нашего столѣтія, Наполеонъ, достойный называться первымъ не только по имени, по и во всѣхъ отношеніяхъ.

[1]) Игельстромъ (баронъ, позже графъ, Осипъ Андреевичъ, 1737—1823) заключилъ съ Армфельдомъ верельскій договоръ, и тѣмъ составилъ себѣ лучше имя, чѣмъ жестокостяльвъ Польшѣ. Насколько намъ известно, онъ умеръ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Тогда онъ былъ генералъ-аншефъ и кавалеръ главнѣйшихъ русскихъ и шведскихъ орденовъ.

[2]) Древицъ былъ вѣрнымъ помощникомъ Игельстрома въ Польшѣ. Кажется, онъ вскорѣ и умеръ, въ чинъ только полковника.

пяти милліоновъ населенія и отчасти лучшихъ провинцій. Король и сеймъ должны были ратифицировать его. Станиславъ Августъ печалился и постоянно жаловался на свое несчастіе и положеніе своей родины; но еще вопросъ, не достигъ-ли бы онъ большаго, если-бъ, пожертвовавъ своимъ политическимъ существованіемъ, воспротивился бы этимъ насиліямъ?

Какъ послѣ всякаго насильственнаго дѣйствія, послѣ всякаго захвата, такъ и теперь были изготовлены гарантіи оставшимся у Польши землямъ, проектъ конституціи, статуты и т. под. Въ этомъ шагѣ русскаго посланника заключался переворотъ всего государственнаго устройства, и онъ былъ отвергнутъ.

Преступная податливость короля не защитила его отъ чувствительныхъ возмездій, которыхъ онъ вовсе не заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, со стороны Россіи. 15-го мая 1775 г. онъ, по предложенію трехъ державъ, подпалъ подъ полную опеку Conseil permanent, который, какъ вся Польша, зависѣлъ отъ Россіи. Замѣчательно, что актъ объ этомъ подписанъ только русскимъ посломъ. Какъ доказательство несомнѣннаго деспотизма Россіи можетъ быть приведено то, что русскій дворъ не обратилъ никакого вниманія на отсутствіе ратификаціи Пруссіи и Австріи.

Станиславъ Августъ, чувствовавшій себя въ конецъ несчастнымъ, хотѣлъ попытаться примириться съ Россіею, или скорѣе съ императрицей и Потемкинымъ, возобновивъ завѣренія въ своей готовности служить имъ и надѣясь, такимъ образомъ, выпросить для себя нѣкоторыя преимущества. Онъ просилъ о разрѣшеніи, или устроилъ

такъ, будто его просили, повидаться съ императрицей, когда она будетъ плыть по Днѣпру близь Канева. Туда онъ могъ съѣздить, такъ какъ Каневъ принадлежалъ еще тогда Польшѣ, выѣзжать же за предѣлы государства запрещала ему конституція. Для этого путешествія король получилъ отъ императрицы 100,000 рублей. Съ лѣта 1758 года, послѣ ораніенбаумскаго приключенія, Екатерина и Станиславъ Августъ не видѣлись. Какъ съ тѣхъ поръ все измѣнилось! Мы вскорѣ увидимъ, что Понятовскій теперь ясно могъ замѣтить, что мнѣніе о немъ Екатерины было уже не то. Между тѣмъ, онъ былъ принятъ на маленькой русской флотиліи на Днѣпрѣ, на которой находилась императрица, съ тѣмъ изысканнымъ почтеніемъ, какое подобаетъ титулованному брату русской монархини. Онъ поцѣловалъ у нея руку, она обняла и поцѣловала его. Онъ, казалось, смутился въ началѣ; она же вовсе не стѣснялась его присутствіемъ. Скоро настроеніе ихъ обоихъ подчинилось этикету и стало спокойнымъ и яснымъ. Послѣ первыхъ краснорѣчивыхъ привѣтствій, къ которымъ обѣ стороны были должнымъ образомъ подготовлены, они взаимно представили другъ другу свою свиту. Затѣмъ послѣдовалъ общій разговоръ, въ присутствіи обоихъ дворовъ, непринужденный, но какъ всегда, незначительный, хотя и не непріятный. Перешли на другое судно, къ обѣденному столу, и разговоръ сталъ живѣе, привлекательнѣе, остроумнѣе. Когда встали изъ-за стола, онъ передалъ императрицѣ ея перчатки, она ему — его шляпу.

— „Ah, Madame, сказалъ онъ, желая намекнуть на польскую корону, Vous m'en avez donné un plus beau".

Она ничего не отвѣтила на это, вѣроятно потому, что имѣла еще виды на ту шляпу, на которую намекалъ король. Послѣ кофе они разошлись; она ушла въ свой кабинетъ, онъ — дѣлать визиты дамамъ русскаго двора. Въ пять часовъ онъ возвратился къ императрицѣ. Онъ опять былъ принятъ всѣмъ дворомъ, но одинъ Мамоновъ проводилъ его въ ту залу, гдѣ императрица ожидала его. Они ходили взадъ и впередъ по залѣ и начали говорить о политикѣ. Король жаловался на свое злополучное положеніе и ясно далъ понять, что оно происходитъ отъ раздѣла Польши. Это было тѣмъ неразумнѣе, что эти жалобы ничему не могли помочь въ прошломъ и могли лишь повредить въ будущемъ. Екатерина извинилась, сваливъ всю вину на Австрію и Пруссію. Тогда Станиславъ Августъ перешелъ къ своимъ личнимъ просьбамъ, составляшимъ главную цѣль его путешествія. Онъ просилъ объ уплатѣ его долговъ, объ уничтоженіи постояннаго совѣта и объ утвержденіи наслѣдственности польской короны въ его родѣ. Императрица, недовольная его предъидущими жалобами, хотя и обѣщала ему исполнить первый пунктъ, объ уплатѣ долговъ, но въ совершенно неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Она сказала ему, что онъ долженъ сперва составить роспись всѣхъ своихъ долговъ, затѣмъ она переговоритъ съ своимъ министромъ финансовъ, и если это окажется возможнымъ, то можно будетъ войти въ дальнѣйшіе переговоры объ уплатѣ долговъ. Король не могъ добиться отъ императрицы болѣе опредѣленнаго и болѣе выгоднаго для себя заявленія. Относительно двухъ другихъ пунктовъ Екатерина опять спряталась за вѣн-

скимъ и берлинскимъ дворами и увѣряла, будто не въ ея власти измѣнить что либо безъ ихъ согласія въ польской конституціи или прибавить что либо новое. Станиславъ Августъ пріунылъ; разговоръ не клеился. Наконецъ, императрица подала знакъ Мамонову и весь дворъ вошелъ въ залу. Иные сѣли играть въ карты. Императрица, король и графиня Браницкая[1]) также сѣли, но не играли. Потемкинъ, Мамоновъ, иностранные посланники, пріѣхавшіе съ ними изъ Петербурга и Варшавы, и знатнѣйшія особы обоихъ дворовъ стояли. Начались разговоры; но смущеніе, исходившее отъ обоихъ главныхъ лицъ, было вскорѣ замѣчено и передалось другимъ. Бесѣда шла вяло. Всѣхъ расшевелилъ только фейерверкъ и иллюминація. Вся гора, на которой стоитъ Каневъ, до самаго Днѣпра, казалась въ огнѣ. Невозможно выразить какъ былъ великолѣпенъ видъ этой декораціи съ судна императрицы. Императрица, тронутая вниманіемъ короля, сказала ему нѣсколько любезныхъ фразъ. Вскорѣ они разошлись, чтобъ ужъ никогда болѣе не видѣться. Вѣроятно, каждый изъ нихъ подумалъ про себя, что если они такъ долго, и при столь пріятныхъ отношеніяхъ, не видѣлись, то это можетъ и впредь продолжаться. Но въ присутствіи двора они простились такъ трогательно, какъ только это было возможно. Государыня проводила короля до берега и даже ступила на польскую землю. За-

[1]) Графиня Браницкая была старшею и самою красивою племянницею Потемкина. Она была статсдамою императрицы и кавалерственною дамою св. Екатерины. Характеромъ своимъ она также славилась, какъ и ея супругъ, о которомъ мы говорили уже выше.

тѣмъ она возвратилась и отправилась въ спальню. Станиславъ же Августъ далъ великолѣпный праздникъ обоимъ дворамъ и многимъ иностранцамъ, привлеченнымъ любопытствомъ. На слѣдующее утро оба государя продолжали свой путь.

Станиславъ Августъ предложилъ Іосифу II, ѣхавшему тогда къ Екатеринѣ, переговорить гдѣ нибудь на пути; но австрійскій монархъ уклонился отъ тяжелой для него бесѣды. Это обстоятельство увеличило недовольство короля.

Полный отчаянія возвратился король въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ публично выслушивать ядовитые упреки за это путешествіе отъ своихъ враговъ и отъ враговъ Россіи.

Поляки и ихъ король были погружены въ глухую печаль. Ихъ чувства, казалось, притупились. Это была лишь уснувшая месть, разбуженная въ 1788 году судорожными конвульсіями. Въ то время Россія была занята двумя войнами и мало могла удѣлять вниманія Польшѣ. Тамъ, подъ обманчивою эгидою Пруссіи, уничтожили навязанную имъ въ 1775 году конституцію, отказались отъ русской гарантіи и соединились съ прусскимъ дворомъ. Вся Польша, или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть населенія, трудилась надъ новою конституціею: сильные — съ разумнымъ обсужденіемъ, безъ притязательности; слабые — съ преданностью и усерднымъ послушаніемъ. Самъ король, увлеченный благороднымъ воодушевленіемъ сейма и націи, былъ чрезвычайно дѣятеленъ, пожертвовалъ всѣми частными выгодами, и своими совѣтами показалъ, что онъ воодушевленъ патріотизмомъ, которому можно было только пожелать терпѣнія.

Наконецъ, 3 мая 1791 года, появилась новая конституція. Польша стала наслѣдственнымъ государствомъ, престолонаслѣдіе въ которомъ предлагалось нынѣшнему королю саксонскому и герцогу варшавскому и его дочери; но, ради благополучія своей земли, которая легко могла быть вовлечена въ войну, этотъ Fabius Cunctator не рѣшился принять это предложеніе. Новая конституція, понятно, заключала много еще пунктовъ, изъ которыхъ самымъ важнымъ было образованіе большой арміи. Чтобъ возжечь мужество въ воинахъ, Станиславъ Августъ учредилъ военный орденъ, который онъ позорнымъ образомъ самъ же и долженъ былъ уничтожить, по приказанію императрицы, въ 1793 году.

Русскій дворъ очень скоро разрушилъ эту новую конституцію, согласившись по этому поводу съ прусскимъ. Соблазнили самозванныхъ патріотовъ, объявили все, что было сдѣлано, противозаконнымъ и составили тарговицскую конфедерацію. Императрица написала королю, что если онъ желаетъ, чтобъ она продолжала называть себя его сестрою, то долженъ присоединиться къ этой конфедераціи. Слабый Станиславъ Августъ понялъ угрозу и, вслѣдствіе этого, объявилъ, что онъ не можетъ противиться силѣ русскаго оружія, и присоединился къ конфедераціи.

Наконецъ, по приказанію императрицы, король, получивъ отъ нея 8,000 дукатовъ на путевыя издержки, долженъ былъ отправиться въ Гродно, гдѣ былъ назначенъ сеймъ. Такъ какъ сеймъ былъ буренъ, то русскій посолъ Сиверсъ приказалъ арестовать короля и все собраніе. Результатомъ этой жестокости явилось вынужденное со-

изволеніе короля и чиновъ на второй раздѣлъ Польши. Это случилось 9 апрѣля 1793 года. На этотъ разъ въ дѣлежѣ участвовали только Россія и Пруссія, которая, какъ казалось, только для того и приняла на себя въ 1788 и 1790 гг. извѣстную роль, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе участвовать въ захватѣ. Отъ всей Польши осталась теперь только третья и, быть можетъ, самая дурная часть. Король и сеймъ торжественно утвердили этотъ раздѣлъ.

Какъ обыкновенно, явился опять трактатъ на сцену, которымъ несчастному остатку земли, сохранившему свое наименованіе Польшею, предоставлялось теперь, когда она не имѣла уже силы поддержать себя, болѣе правъ и вольностей, чѣмъ прежде. Проектъ этотъ былъ обнародованъ 13-го іюня. Изъ него ясно видно, что русское правительство глумится надъ легковѣріемъ и слабости подчиненной націи, требуя отъ нея утвержденія за Россіей владѣнія тѣми провинціями, которыя отняты силою, и предлагая ей гарантію оставшихся у Польши развалинъ, гарантію со стороны Россіи, когда всѣмъ извѣстно, что именно Россія никогда этой гарантіи не исполнитъ, какъ не исполнила и гарантіи, данной послѣ перваго раздѣла. При всемъ томъ остается нерѣшеннымъ, кто возбуждаетъ больше негодованія — Станиславъ Августъ или дворы петербургскій и берлинскій.

Въ 1794 году Ѳаддѣй Костюшко [1]) хотѣлъ

---

[1]) И Костюшко, подобно многимъ другимъ, отплатилъ Павлу I неблагодарностью. Императоръ возвратилъ ему свободу и щедро одарилъ его. Онъ, казалось, былъ тронутъ этимъ и просилъ о разрѣшеніи отправиться въ Америку. Павелъ разрѣшилъ, но Костюшко не сдержалъ слова. Ему можно простить это, какъ горячему патріоту. Больной,

спасти остатки польской свободы. Но онъ обладалъ только личнымъ мужествомъ и желаніемъ ему недоставало поддержки. Онъ и Мадалинскій[1]) собрали нѣсколько отрядовъ и разбили 7000 русскихъ. Генералъ Игельстромъ приказалъ арестовать въ Варшавѣ нѣсколько подозрительныхъ лицъ. Это обстоятельство и поведеніе графа Валерьяна Зубова вызвали возстаніе, вспыхнувшее въ Варшавѣ. Многіе изъ подкупленныхъ Россіею измѣнниковъ родины, въ томъ числѣ и нѣкоторые невинные, были повѣшены. Костюшко увеличилъ, на сколько могъ, свою армію. Станиславъ Августъ, долги котораго русское правительство согласилось уплатить, у силахъ негодованіе своихъ подданныхъ веденіемъ переговоровъ въ пользу русскаго двора. Россія и Пруссія выслали лучшія свои войска противъ инсургентовъ, какъ называли польскихъ патріотовъ. Костюшко палъ и былъ отправленъ плѣнникомъ въ Петербургъ. Суворовъ отличился взятіемъ Праги, предмѣстья города Варшавы. Кровопролитіе, тамъ имъ учиненное, превосходитъ всякое вѣроятіе. Суевѣріе и невѣріе такъ часто граничатъ другъ съ другомъ въ своихъ неистовыхъ проявленіяхъ. Суворовъ[2]), этотъ суе-

---

изувѣченный, онъ отправился въ Саксонію и Францію, гдѣ собиралъ вокругъ себя недовольныхъ поляковъ и задумывалъ новое возстаніе, которое, однако, не состоялось. Онъ живетъ еще, быть можетъ, во Франціи.

[1]) При паденіи Польши Мадалинскій бѣжалъ, если мы не ошибаемся, во Францію.

[2]) Кто не знаетъ безчеловѣчнаго Суворова, умершаго фельдмаршаломъ въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ честь его поставлена Павломъ I статуя на Марсовомъ полѣ, въ Петербургѣ.

вѣрный нехристъ, не могшій видѣть какъ убиваютъ комара, спокойно дозволилъ переколоть тысячи людей. Число безоружныхъ обитателей Праги, умерщвленныхъ по его приказанію, доходило до 18,000 приблизительно.

Концомъ всего этого было полное уничтоженіе политическаго существованія Польши. Дроры Петербурга, Вѣны и Берлина подѣлили между собою остатокъ злополучной страны.

Станиславъ Августъ пересталъ теперь быть государемъ, чѣмъ онъ, впрочемъ, и прежде былъ только по имени. 15-го ноября 1795 года онъ отрекся отъ польскаго престола[1]). Онъ долженъ былъ оставаться въ Гродно, гдѣ находился какъ бы подъ камандою русскаго генералъ-губернатора, князя Репнина, и потому можетъ быть названъ только титулованнымъ королемъ in partibus infidelium. Его долги доходили до трехъ милліоновъ дукатовъ; были приняты мѣры къ уплатѣ ихъ. Для своего содержанія онъ получалъ пенсію въ 200,000 дукатовъ, выдача которыхъ была раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ Россія уплачивала три, Австрія и Пруссія по одной. Въ этомъ положеніи оставался ex-король до смерти Екатерины II.

---

[1]) Польскія королевскія регаліи, насколько намъ извѣстно, сохранялись прежде въ Краковѣ. Куда дѣлись онѣ по уничтоженіи королевства? Въ Берлинѣ и Петербургѣ ихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего неизвѣстно. Не въ Вѣнѣ ли онѣ? Онѣ, однако, не могли быть брошены въ кладовую. Не время ли вынести ихъ на свѣтъ Божій? Въ Дрезденѣ хранятся скипертъ и короны, которыя носили Фридрихъ Августъ II и Марія-Іозефа. Но онѣ принадлежатъ саксонскому дому.

Павелъ I вызвалъ его въ Петербургъ[1]) и ради хвастливости, составлявшей важный недостатокъ этого государя, часто заставлялъ несчастнаго Станислава Августа увеличивать собою блескъ русскаго двора; онъ выказывалъ къ нему, однако, что собственно всегда дѣлалъ, много добросердечія и дружбы. Сдѣлать болѣе, или возвратить ему все имъ потерянное или часть его императоръ не былъ въ силахъ; отдатя же ему то, что Россія оторвала отъ Польши, не позволяли ему государственные интересы Россіи.

Станиславъ Августъ велъ въ Петербургѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, довольно счастливую жизнь. Павелъ оказывалъ ему весь почетъ, должный его высокому сану. Король часто являлся при дворѣ; императоръ, императрица и императорская фамилія часто посѣщали его. Сверхъ того, Станиславъ Августъ приглашалъ къ своему столу государственныхъ сановниковъ и ученыхъ, составлявшихъ его любимое общество. Недолго велъ онъ такую жизнь. Спазматическіе припадки, которыми онъ давно уже страдалъ, разслабили его нервы и истощили его силы. Онъ умеръ 12-го февраля 1798 года и былъ погребенъ въ католической церкви, гдѣ Павелъ I приказалъ вырѣзать замѣчательную надгробную надпись своему другу[2]).

Станиславъ Августъ не былъ женатъ. Насколько намъ извѣстно, было только два проекта

---

[1]) Какъ король, Понятовскій жилъ въ Мраморномъ дворцѣ. Онъ въ немъ и умеръ.

[2]) Мы чнтали эту надпись, но не помнимъ уже гдѣ. Быть можетъ, въ одномъ изъ томовъ знаменитаго Коцебу: „Романы, повѣсти, анекдоты и мелочи“, гдѣ много говорится объ этомъ королѣ.

его женитьбы. Во-первыхъ, съ русской императрицей Екатериной II — и, дѣйствительно, въ совѣтѣ этой монархини была однажды, какъ намъ кажется, въ 1766 году, рѣчь объ этомъ, и на столько, что Григорій Орловъ позволилъ себѣ высказать страшныя угрозы противъ короля. Во-вторыхъ, съ принцессой саксонской и польской Кунигундой-это предложеніе, однако, не состоялось.

Станиславъ Августъ Понятовскій, по отзыву всѣхъ, бывшихъ къ нему близкими въ цвѣтущіе дни его зрѣлой молодости, былъ однимъ изъ красивѣйшихъ мущинъ своего времени. Онъ былъ статенъ и высокъ, но не имѣлъ колоссальнаго вида Потемкина и Орлова. Его внѣшность была внушительная; выраженіе глазъ въ высшей степени пріятное. Онъ обладалъ всѣми самыми любезными и интересными свойствами частнаго человѣка, но не имѣлъ ни одного качества, которое дѣлало бы его достойнымъ трона. По польски, по латыни, нѣмецки, французски, англійски, итальянски, и по русски онъ говорилъ и писалъ въ совершенствѣ, легко и изящно. У него не было охоты для трудовой работы. Его краснорѣчіе, великій талантъ его лучшихъ соотечественниковъ, было только фразерствомъ, которое не обманываетъ никого, знающаго ему цѣну. Онъ, кажется, самъ не понималъ своего характера. Слабость онъ принималъ за кротость, расточительность за щедрость, гордость за честолюбіе, способность ослѣплять толпу своими блестящими дарованіями за искусство убѣждать дѣловыхъ людей. Всѣ эти недоразумѣнія вмѣстѣ сдѣлали то, что онъ былъ чрезвычайно занятъ собою, чрезъ что его недостатки еще болѣе увеличивались. Но самый большій его недостатокъ

была его слабость. Это слабость, безспорно, самый большій его недостатокъ у правителя, не смягчалась его естественною, дѣйствительно выдающеюся, сердечною добротою, и невольно заставляла считать его характеръ подозрительнымъ, какимъ онъ собственно не былъ. Станиславъ Августъ часто показывалъ добрыя намѣренія относительно своего отечества; но именно его слабость дѣлала наилучшіе замыслы шаткими, даже роняла ихъ, и давала его дѣйствіямъ неприглядный оттѣнокъ. Многіе его враги утверждали, что въ критическіе моменты своей жизни онъ выказывалъ мало личнаго мужества; но для такого позорнаго обвиненія вовсе нѣтъ докалательствъ.

Никогда ни съ однимъ монархомъ не говорили такъ откровенно, скорѣе такъ непристойно, какъ съ Станиславомъ Августомъ. Извѣстно и часто повторялось, что одна дама, когда рѣчь зашла о пріятныхъ общественныхъ дарованіяхъ короля, сказала ему: „Il faut avouer, Sire, que vous êtes le particulier le plus aimable, mais aussi“, при чемъ она сострадательно пожала плечами, „le roi le plus insupportable qu'on puisse trouver.“ Во время спора о диссидентахъ, въ 1766 году, кіевскій епископъ сказалъ ему публично, при всемъ дворѣ: Autrefois je priais Dieu pour votre prospérité; aujourd'hui je le prie, pour que le diable vous emporte“. Что сказалъ, что сдѣлалъ бы этотъ человѣкъ, если-бы жилъ въ 1795 году! По случаю приступленія короля къ тарговицкой конфедераціи, Феликсъ Потоцкій писалъ ему между прочимъ: „L'accession de Votre Majesté n'est que forcée, et ce n'est la bonne volonté de l'imperatrice, qui vous a empeché, Sire, de ne pas faire, ce que votre mauvaise volonté vous dicte“. Было

чрезвычайно позорно, что Станиславъ Августъ послалъ это письмо императрицѣ и жаловался ей на своего же подданнаго. Вскорѣ затѣмъ послѣ втораго раздѣла польскихъ провинцій, появился памфлетъ, въ которомъ были поименованы всѣ поляки, содѣйствовавшіе погибели своего отечества. Это былъ мнимый каталогъ книгъ, вывѣшенный на углахъ улицъ, на замкѣ и даже у королевской комнаты. Въ немъ было 28 книгъ; заглавіе каталога было такое: „Catalogue des livres, qu'on trouve chez Gröll, libraire de sa majèsté polonaise". Двѣ книги, трактовавшія о королѣ, были: „Deux traités sur les devoirs des rois, comparés avec les actions des trois Boleslas, des Jagellons, d'Etienne Battory et de Jean Sobieski, ouvrage immortel de Stanislas Auguste Poniatowski, roi de Pologne". Въ выборѣ числа, два, былъ намекъ на трактаты двухъ раздѣловъ Польши, которые Станиславъ Августъ заключилъ и подписалъ. Вторая книга называлась: „Moyen aisé de payer ses dettes, par le même"—сатира, менѣе остроумная, чѣмъ первая книга.

Крайне печально, если государь имѣетъ несчастіе выслушивать столь горькіе упреки и не можетъ ничего противопоставить имъ въ свое оправданіе, кромѣ слабости характера, которая столь часто бываетъ источникомъ чудовищныхъ несчастій. Истиннѣй другъ человѣчества всегда будетъ искренно оплакивать память такого государя на его могилѣ.

LXXVI.

Иванъ Елагинъ.

Иванъ Елагинъ, русскій, совершенно простаго присхожденія, былъ писцомъ въ экспедиціи лейбъ-кампаніи, учрежденной императрицею Елизаветой. Это мѣсто не довало ему никакого чина. Такъ какъ на службѣ онъ имѣлъ мало дѣла, то свободное время онъ употреблялъ на развитіе науками своихъ, во всякомъ случаѣ, большихъ способностей. Онъ хорошо изучилъ французскій и нѣмѣцкій языки, и пріобрѣлъ много полезныхъ и пріятныхъ познаній въ новѣйшей литературѣ, за которою въ послѣдующіе годы постоянно слѣдилъ. Случайно имѣлъ онъ возможность познакомиться съ придворными служителями низшихъ разрядовъ и уже этимъ достигъ значительныхъ для себя выгодъ.

Наконецъ, онъ женился на камеръ-юнферѣ императрицы Елизаветы и тѣмъ составилъ свою карьеру. Елагинъ достигъ теперь почетныхъ должностей и пріобрѣлъ правдою и, какъ говорятъ, неправдою богатства и даже значительныя имѣнія. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, Елагинъ былъ сосланъ въ свои имѣнія близь Казани, за то, что былъ посредникомъ въ тайной связи великой княгини Екатерины Алексѣевны съ гра-

фомъ Понятовскимъ и позволялъ имъ имѣть въ его домѣ тайныя свиданія.

Петръ III зналъ причины наказанія Елагина и потому не дозволилъ ему возвратиться.

Но Екатерина II вспомнила объ услугахъ, которыя онъ ей оказывалъ, и призвала его изъ изгнанія опять ко двору. Онъ тотчасъ сталъ тайнымъ секретаремъ[1]) императрицы, ея ежедневнымъ собесѣдникомъ, когда она хотѣла вести научный разговоръ, и ея помощникомъ въ литературныхъ работахъ*). Въ царствованіе этой государыни онъ получилъ богатства и значительныя почетныя должности. Между прочимъ, онъ былъ оберъ-гофмейстеръ двора.

Въ 1786 году, мы не знаемъ по какой причинѣ, Елагинымъ были недовольны при дворѣ, и настолько дали ему это замѣтить, что онъ долженъ былъ подать въ отставку. Мѣсто оберъ-гофмейстера было отдано Безбородко, который чрезъ это могъ, не опережая другихъ, получить чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Елагинъ умеръ въ началѣ девяностыхъ годовъ[2]).

Онъ былъ оберъ-гофмейстеръ императорскаго придворнаго штата, сенаторъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго.

---

[1]) О тайномъ секретарѣ или кабинетъ-секретарѣ Екатерины II будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

*) Nachricht von einigen russischen Schriftstellern (Библіогр. Зап., III, 609). Литературные труды Елагина: 1) переводъ романа Д'Аржанса „Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ", Спб., 1756; 2) переводъ трагедіи Браве „Безбожный", Спб., 1781; 3) переводъ комедіи „Мизантропъ или Нелюдимъ", Москва, 1788. Историческій трудъ Елагина упомянутъ ниже.

[2]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, 1725—1793.

LXXVII.

Дитрихъ Остервальдъ.

Выборъ воспитателей для наслѣдника престола долженъ составлять одну изъ главныхъ заботъ государей. Въ рукахъ такого человѣка находится отчасти благо потомства; часто же государи пренебрегаютъ этою обязанностію изъ мелочныхъ соображеній. Менѣе заботливымъ воспитаніемъ своего наслѣдника они думаютъ достичь того, что ихъ правленіе, въ сравненіи съ будущимъ, будетъ казаться болѣе привлекательнымъ.

Дитрихъ*) Остервальдъ, рожденный въ Петербургѣ, отъ родителей мѣщанъ, безъ всякаго значенія, получилъ хорошее, но совершенно обыкновенное, образованіе въ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ изъ корпуса, онъ былъ сперва ассесоромъ въ комерцъ-коллегіи, а потомъ офицеромъ въ кадетскомъ корпусѣ. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ учителемъ великаго князя Павла. Онъ обучалъ этого принца исторіи, географіи, русскому и нѣмецкому языкамъ. По окончаніи образованія наслѣдника, Остервальдъ поступилъ въ сенатъ.

Онъ умеръ въ 1794 году, будучи дѣйствитель-

*) Тимофѣй Ивановичъ Остервальдъ.

нымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны.

Остервальдъ былъ очень добрый и честный человѣкъ, но имѣлъ самый посредственный умъ, и вовсе не имѣлъ ни познаній, ни характера, которые долженъ имѣть воспитатель наслѣдника престола въ Россіи.

Жена Остервальда была урожденная фонъ-Зассъ*), фрейлина императрицы. Она была очень красива и имѣла много семейныхъ добродѣтелей. Отъ этого брака не было дѣтей.

---

*) Анна Павловна.

LXXVIII.

Иванъ Бецкой.

Иванъ Бецкой*) незаконнорожденный сынъ генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого[1]), родился отъ шведки, въ 1702 г., въ Стокгольмѣ, гдѣ его отецъ содержался плѣнникомъ. Фельдмаршалъ, давшій этому побочному сыну свое фамильное имя, отбросивъ[2]) первый слогъ, Тру, хорошо воспиталъ его, обучилъ искуствамъ и наукамъ, особенно же языкамъ, и по-

*) Иванъ Ивановичъ Бецкой, 1704—1795.

[1]) Князь И. Ю. Трубецкой, заслуженный генералъ, которому Петръ I издавна оказывалъ величайшее довѣріе. Какъ капитанъ гвардіи, онъ содержалъ уже караулъ при арестованной сводной сестрѣ монарха, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. При всѣхъ послѣдующихъ правительствахъ онъ сохранялъ посредственный кредитъ и умеръ въ 1751 году, будучи фельдмаршаломъ, но вдали отъ двора, имѣя 82 года.

[2]) Въ Россіи много лицъ, фамильныя имена которыхъ произошли отъ сокращеній, перестановокъ и измѣненій дѣйствительныхъ фамилій: Лицынъ отъ Голицына, Фитинъ отъ Фитингофа, Ронцовъ отъ Воронцова, Лотъ отъ Толль, Некасъ отъ Сакенъ. Другіе давали своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ фамиліи отъ своихъ прозвищъ или отъ свонхъ имѣній: Чесменекій отъ Орлова-Чесменскаго, Муромской отъ Мурома, имѣнія графовъ Чернышевыхъ.

слалъ путешествовать. Онъ служилъ сперва солдатомъ, но вскорѣ потомъ опредѣлился къ гражданскимъ дѣламъ.

При производствѣ суда надъ государственными преступниками въ 1742 году, Бецкой велъ протоколъ. Мало-по-малу онъ получилъ почетныя должности при дворѣ, и въ военной службѣ достигъ поста генералъ-поручика.

Онъ оставилъ военную службу, чтобъ посвятить себя только гражданскимъ дѣламъ. Россія обязана ему многими хорошими и великолѣпными общественными учрежденіями; но проницательные люди утверждаютъ, что онъ сдѣлалъ большія ошибки въ первоначальныхъ уставахъ. Имъ учреждены, главнымъ образомъ, женскій институтъ, воспитательный домъ и заемный банкъ въ Петербургѣ, воспитательный домъ и институтъ кормилицъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, нелзя отрицать что до него, при немъ и послѣ него устройству этихъ прекрасныхъ заведеній много содѣйствовали также идеи и другихъ лицъ. Всѣ эти заведенія, столь полезныя по своему внутреннему достоинству, много способствуютъ своими великолѣпными зданіями украшенію обоихъ главныхъ городовъ имперіи.

Украшеніе города, по крайней мѣрѣ, Петербурга, было по большей части возложено на него. Подъ его руководствомъ сдѣлана, между прочимъ, гранитная набережная Невы, Фонтанки и Екатериненскаго канала съ ихъ мостами, равнымъ образомъ и постановка знаменитаго памятника Петру I.

Кругъ дѣлъ, порученныхъ Бецкому, былъ чрезвычайно обширенъ; дѣйствительно, можно сказать, что для точнаго исполненія этихъ дѣлъ

были бы недостаточны способности и силы одного человѣка, если-бъ онъ не имѣлъ талантливыхъ помощниковъ[1]). Еще прежде Бецкой былъ директоромъ пѣхотнаго кадетскаго корпуса и, что особенно странно, женскаго института въ Петербургѣ; онъ былъ также директоромъ петербургскаго воспитательнаго дома и заемнаго банка. Отъ него отобрали эти дѣла потому, что онъ былъ слишкомъ старъ и слабъ и уже не могъ долѣе заботиться о нихъ. Но и тѣ занятія, которыя онъ сохранилъ, были слишкомъ тяжелы для его физическихъ силъ, которыя, по его крайней дряхлости, приближались къ полному разложенію. Онъ оставался еще начальникомъ строительной конторы и императорскихъ садовъ[2]), президентомъ академіи художествъ и первымъ куратором воспитательнаго дома въ Москвѣ. По рангу онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго, командоръ перваго класса ордена св. Владиміра и кавалеръ ордена св. Анны.

Бецкой умеръ, наконецъ, въ Петербургѣ, въ 1795 году.

Люди, знавшіе его въ прекрасные дни зрѣлаго

---

[1]) По строительной части онъ имѣлъ, между прочимъ, весьма дѣятельнаго помощника въ князѣ Путятинѣ, о которомъ было уже говорено въ этой книгѣ.

[2]) Бецкой осуществилъ висячіе сады Вавилона, которые, быть можетъ, составляли просто мифъ, или же были не что иное, какъ сады, расположенные на холмахъ. Висячіе сады въ Петербургѣ находятся во второмъ этажѣ и очень тѣнисты, благодаря высокимъ и густолиственнымъ деревьямъ. Бецкой устроилъ также зимній садъ въ эрмитажѣ, который собственно долженъ бы называться оранжереей.

возраста и могшіе оцѣнить его, утверждали, что это былъ человѣкъ посредственнаго ума и не вполнѣ правильнаго сужденія, которому, однако, нельзя отказать въ большихъ и обширныхъ познаніяхъ всякаго рода. У него были возвышенныя, благодѣтельныя для человѣчества идеи, которыя онъ легко могъ приводить въ исполненіе, благодаря изумительному великодушію императрицы Екатерины II, какъ мы то видѣли изъ основанія и улучшенія многихъ прекрасныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе, однако, справедливо, что встрѣчаются иногда недостатки, столь очевидные, что кажутся невѣроятными; если они происходили и не отъ него, все же зоркій взглядъ начальника долженъ былъ замѣтить ихъ и измѣнить. Такъ, напримѣръ, въ институтѣ для повивалныхъ бабокъ принимались незамужнія женщины, которыя обучались быть повитухами. Впрочемъ, онъ обладалъ глубокими эстетическими познаніями и въ совершенствѣ излагалъ свои мысли, устно и письменно, на главнѣйшихъ живыхъ языкахъ. Кромѣ своего роднаго языка, онъ говорилъ по французскій, нѣмецки, итальянски и англійски. Охотнѣе и лучше всего онъ говорилъ по нѣмецки, притомъ съ такою правильностью, какъ въ самой Германіи говорятъ только въ лучшемъ обществѣ. При такихъ вспомогательныхъ средствахъ ему легко было читать лучшія и полезнѣйшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ, входившимъ въ кругъ его вѣдѣнія. Обо всемъ, что онъ читалъ, онъ любилъ говорить даже и въ старости, изъ чего можно заключить, что онъ въ юности любилъ подобныя бесѣды. Но онъ всегда говорилъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, вслѣдствіе чего люди, злоупотребляющіе любезнымъ

талантомъ подобной односторонней бесѣды, легко прославились-бы болтунами. Онъ былъ неистощимъ въ анекдотахъ о русскихъ государяхъ и придворныхъ, особенно же изъ времени Петра I, которое онъ хорошо зналъ; онъ разсказывалъ эти анекдоты съ благородною непринужденностью, но всегда весьма осторожно и скромно. Главныя черты его характера были: вѣрность, честность и человѣколюбіе.

Расточительная щедрость Екатерины II, не имѣющая себѣ примѣра въ неизмѣримомъ полѣ исторіи, и дружба Орловыхъ доставили Бецкому возможность собрать большія богатства[1]). Онъ оставилъ ихъ лицамъ, оказавшимъ ему свои услуги. Большую же часть его богатствъ получили любезныя и прекрасно воспитанныя своею матерью дочери адмирала Рибаса.

Бецкой никогда не былъ женатъ но, въ числѣ другихъ связей съ замѣчательными женщинами, онъ былъ связи съ ангальтъ-цербстскою княгинею, матерью Екатерины II, съ которою жилъ въ Парижѣ, по смерти ея мужа.

---

[1]) Между прочимъ, онъ имѣлъ три прекрасные дома въ Петербургѣ, на берегу Невы. Два дома, стоящіе рядомъ, соединены внутри. Здѣсь жилъ и умеръ Бецкой. Здѣсь находятся прекраснѣйшіе висячіе сады, какіе только можно себѣ вообразить. Третій домъ, близъ императорскаго лѣтняго сада, отличается оригинальной постройкой. Онъ имѣетъ особенности, какія нигдѣ нельзя отыскать. Напримѣръ, витая чугунная лѣстница, весьма, конечно, опасная въ пожарномъ отношеніи. Далѣе, обширный верхній садъ, который устроенъ надъ службами, конюшнями и хозяйственными строеніями, отчего весь дворъ застроенъ и сдѣланъ неудобнымъ. Вообще же, это прекрасный домъ, вполнѣ приспособленный для знатнаго обывателя.

Ни въ одной, конечно, странѣ не выказываютъ столько разумной терпимости къ незаконнорожденнымъ, какъ въ Россіи. Принцесса гессенъ-гомбургская[1]), законная дочь фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого*) и, слѣдовательно, сводная сестра Бецкаго, публично жила съ нимъ, какъ родная сестра. Она заказала свое и его изображеніе, изъ мѣди, и портреты ихъ продавались въ книжной лавкѣ академіи наукъ.

---

[1]) Когда она вышла за принца гессенгомбургскаго, она была вдовою молдавскаго князя Кантемира, отъ котораго у нея была дочь, вышедшая за князя Голицына, вѣнскаго посла. Принцесса гессенгомбургская была довѣренною подругою императрицы Екатерины, которая наградила ее орденомъ св. Екатерины. Эту орденскую ленту можно видѣть еще въ академіи художествъ, гдѣ она хранится въ урнѣ, въ которую положила ее сама принцесса гомбургская. Она умерла въ 1755 году и погребена въ Александро-Невской церкви. Тамъ сооруженъ ей прекрасный, но не очень красивый памятникъ.

*) Княжна Анастасія Ивановна, 1700—1755.

LXXIX.

Рибасъ.

Рибасъ родился въ Неаполѣ. Его отецъ, кузнецъ, родомъ испанецъ, жилъ въ Барцелонѣ. Будучи не очень то счастливъ и имѣя предпріимчивую голову, онъ отправился въ свитѣ короля Донъ-Карлоса въ Неаполь, гдѣ получилъ мѣсто въ военной канцеляріи.

Его сынъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ офицеромъ, но вскорѣ вынужденъ былъ покинуть Неаполь. Онъ отправился въ Ливорно, гдѣ тогда жилъ Алексѣй Орловъ. Онъ сдѣлалъ его лейтенантомъ корабля и пользовался имъ, какъ могъ. Рибасъ помогъ погубить злосчастную дочь Елизаветы и былъ посланъ въ Петербургъ курьеромъ, съ извѣстіемъ, что она въ рукахъ Орлова. Онъ остался въ Петербургѣ, сталъ гофмейстеромъ молодаго Бобринскаго и сопровождалъ его въ путешествіи. За эти услуги онъ сталъ мало по малу подполковникомъ, полковникомъ и бригадиромъ. Будучи полковникомъ, онъ командовалъ карабинернымъ полкомъ.

Во время осады Очакова Потемкинъ сдѣлалъ его контръ-адмираломъ. Вскорѣ затѣмъ онъ сталъ вице-адмираломъ и командовалъ гребною флотиліею на Дунаѣ.

Рибасъ умеръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія*), будучи генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, вице-адмираломъ, кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Георгія второй степени, и мальтійскаго ордена, полученнаго имъ одновременно съ Зоричемъ.

О его умѣ мало говорятъ; мало и о сердцѣ. Весьма сомнительно, имѣлъ ли онъ способности, необходимыя на многоразличныхъ постахъ, которые онъ занималъ; но ему нельзя отказать въ личной храбрости.

Онъ былъ женатъ на достойнѣйшей женщинѣ. Она называлась mademoiselle Baby**) и была камерфрейлиной императрицы. Увѣряли, будто она дочь Бецкаго. Несомнѣнно, что никто не зналъ ее происхожденія. Она была умнѣйшею, образованнѣйшею и прекраснѣйшею женщиною всего двора.

Отъ этого брака произошли двѣ любезнѣйшія дочери, которыя своими принципами и своимъ образованіемъ могли бы составить счастіе своихъ мужей.

---

*) Don Giuseppe di Ribas e Bayonce, въ Россіи Осипъ Михайловичъ, 1750—1800.

**) Анастасья Ивановна, рожд. Соколови (Бильбасовъ, Дидро въ Петербургѣ, стр. 316, прим. 87), 1741 — 1822, авторъ записокъ.

LXXX.

Андрей Чернышевъ.

Андрей Чернышевъ, сынъ крестьянина изъ деревни графа Чернышева, не имѣя фамильнаго имени, принялъ имя своего барина. Онъ былъ доставленъ въ Петербургъ*), какъ рекрутъ; но обладаніе красивымъ лицомъ сдѣлало то, что онъ, вмѣсто того, чтобъ стать солдатомъ, получилъ служительское мѣсто при дворѣ. Онъ понравился Екатеринѣ, которая сдѣлала его камеръ-лакеемъ. Тогдашній избранникъ, Орловъ, нашелъ нужнымъ удалить его. Чернышевъ получилъ мѣсто капитана въ арміи. Позже, онъ опять былъ вызванъ императрицею въ Петербургъ и сталъ повышаться по службѣ. Наши свѣдѣнія о Чернышевѣ доходятъ только до 1796 года. Онъ былъ тогда генералъ-маіоромъ и командиромъ Петербургской крѣпости**).

*) Андрей Гавриловичъ Чернышевъ, сынъ лейбъ-компанца, 1721—1797.

**) Петербургскій оберъ-комендантъ съ 1773 по 1780 г.

LXXXI.

Кишенскій.

Выселеніе калмыковъ въ 1770 году принадлежитъ, безспорно, къ самымъ страннымъ явленіямъ царствованія Екатерины II. Это поразительное событіе было тѣмъ обиднѣе для славолюбія государыни, что было вызвано самымъ низкимъ, злымъ и неограниченнымъ грабительствомъ человѣка, который происходилъ изъ низшихъ слоевъ народа и, по своему рожденію, способностямъ и характеру, долженъ былъ считать для себя верхомъ счастія, что его терпѣли субалтернъ-офицеромъ пѣхотнаго полка.

Имя этого негодяя было Кишенскій*). Онъ былъ подпоручикъ Астраханскаго полка, когда получилъ отъ генералъ-губернатора кавказскаго намѣстничества или отъ коменданта астраханской провинціи, во всякомъ случаѣ, безразсудный приказъ принять на себя надзоръ за калмыками. Чтобъ лучше поняль всю нелѣпость этого порученія, необходимо сказать два слова объ этомъ народѣ.

Калмыки или Халмики — весьма замѣчательная отрасль великаго монгольскаго племени. Они

*) Ѳедоръ Ивановичъ Кишенскій.

себя называютъ Элэтъ. За нѣсколько столѣтій до этого, ихъ предки были уже на мѣстахъ, обитаемыхъ русскими. Потомки этихъ калмыковъ обитали, до своего выселенія въ 1770 году, на неизмѣримой и плодородной долинѣ между Волгой и Ураломъ. Въ то время ихъ насчитывалось до 95,000 кибитокъ или палатокъ, отъ 5 до 6 лицъ въ каждой. Черты лица этого племени, равно какъ монголовъ и бурятъ[1]), рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ породъ. Всѣ калмыки—номады, и живутъ въ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ матеріи, называемой въ Россіи войлокомъ. Такія войлочныя палатки употребляются всѣми кочующими племенами въ Азіи. Калмыки имѣютъ безчисленныя стада рогатаго скота, лошадей, верблюдовъ и овецъ. Ихъ овцы отличаются отъ всѣхъ остальныхъ большими головами, длинными, висящими ушами и очень жирными и тяжолыми хвостами. Это единственная порода овецъ на всемъ азіатскомъ Востокѣ. Калмыки придерживаются религіи Далай-Ламы, которая встрѣчается въ различныхъ земляхъ восточной части Азіи. Обычныя письмена калмыковъ и вообще монголовъ похожи на письмена сирійскаго языка. Сирійскіе монахи или миссіонеры распространили во многихъ земляхъ Азіи знаніе и употребленіе письменъ.

Это богатое или, по крайней мѣрѣ, достаточное и многочисленное племя жило подъ могущественною

---

[1]) Фамилія Борятинскихъ, еще и теперь одна изъ знатнѣйшихъ въ Россіи, о которой мы кое-что говорили уже, господствовала нѣкогда надъ этимъ племенемъ, еще до принятія ею крещенія (вѣроятно, при Иванѣ Васильевичѣ). Отъ названія племени—буряты, буряты—получила она свое фамильное имя Борятинскихъ.

защитою русскихъ государей и въ теченіи вѣковъ спокоїно пользовалось правомъ гостепріимства. За это благодѣяніе на калмыковъ были возложены весьма незначительныя повинности. Они удержали свое древнее устройство и жили, особенно въ 1770 г., весьма счастливо подъ управленіемъ хана, стараго, почтеннаго человѣка, которому Екатерина II дала, за его добродѣтели, многія доказательства своего благоволенія и который носилъ на шеѣ портретъ императрицы, усыпанный брильянтами — подарокъ ея великодушія.

Все это необходимо было сообщить, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ неразумный поступокъ тѣхъ, которые рѣшились поручить надзору поручика Кишенскаго это добродушное, спокойное и даже боязливое племя, во главѣ котораго находился честный ханъ.

Кишенскій, этотъ презрѣнный человѣкъ, былъ и гувернеромъ хана, и губернаторомъ всего племени. Только временами появлялся онъ въ жилищахъ калмыковъ, но каждое его появленіе распространяло общій страхъ и ужасъ — это было знакомъ новыхъ и всегда тяжелыхъ вымогательствъ. Такъ какъ онъ ловко умѣлъ всякій разъ собрать произвольно наложенный имъ трибутъ, и калмыки, изъ боязни, оставались спокойными, то такимъ веденіемъ дѣла его ближайшіе начальники были до такой степени довольны, что онъ очень скоро прошелъ по службѣ всѣ чины и дошелъ до подполковника. Кишенскій, безъ всякой церемоніи, угонялъ изъ стадъ тѣ экземпляры, которые ему казались лучшими, и писалъ хану какіе и въ какую цѣну подарки долженъ онъ прислать ему. Все это онъ обращалъ въ деньги и собралъ такимъ обра-

зомъ невѣроятныя богатства. Но самые большіе поборы дѣлалъ онъ при помощи мнимыхъ рекуртскихъ наборовъ. Калмыки никогда не подлежали рекрутчинѣ. Ихъ обязательство въ военномъ отношеніи заключалось лишь въ томъ, чтобы, когда потребуется, выставить на службу императрицы отрядъ всадниковъ для войны съ Китаемъ; этотъ отрядъ состоялъ только изъ калмыковъ, но, конечно, находился подъ начальствомъ русскаго генерала. Но русское правительство никогда и не думало о поставкѣ калмыками рекрутъ[1]). Калмыки, какъ и многіе русскіе инородцы, вовсе не пригодны для службы, совмѣстной съ дисциплинованными войсками. Ихъ религія, нравы, обычаи, особенно же ихъ странный, нелюдимый и боязливый характеръ, подобный тому, какой былъ у евреевъ лѣтъ 15 назадъ, не поддавались цивилизованнымъ военнымъ учрежденіямъ. Тѣмъ не менѣе, Кишенскій заявилъ, что у него есть приказъ императрицы взять рекрутовъ среди калмыковъ. Ханъ воспротивился, сослался на освященныя права своего народа и просилъ убѣдительно и покорно, но тщетно. Все, что онъ могъ добиться — онъ откупился отъ рекрутскаго набора чудовищными подарками, которые Кишенскій оставилъ себѣ. Но Кишенскій и этимъ не удовольствовался: онъ вскорѣ явился опять и подъ разными предлогами сталъ требовать еще большаго. Ханъ, возмущенный несправедливостью и хищничествомъ русскихъ, высказалъ ему горькіе, но правдивые упреки. Этотъ негодяй забылся до того, что имѣлъ на-

---

[1]) Архивъ Г. С., I, ч. 2, стр. 241, засѣданія 6-го ноября 1768 г., и 19 и 23 марта 1769 г.

глость ударить хана и повелѣть публично наказать его перваго министра. Такими средствами Кишенскій вынудилъ потребованныя имъ вымогательства, но за то они были послѣдними.

Боязливый характеръ, доведенный несправедливостью до послѣдней стспени негодованія, получаетъ часто энергическое движеніе, дѣйствующее скоро и съ выдержкою. Ханъ собралъ совѣтъ своихъ министровъ, старѣйшинъ и духовныхъ, и теперь торопились принять соотвѣтствующія мѣры и привесть ихъ въ исполненіе тотчасъ же прежде чѣмъ Кишенскій могъ бы настичь, а русскія войска могли-бы задержать или по крайней мѣрѣ потревожить. Наконецъ, насталъ рѣшительный моментъ и тутъ-то проявился рѣдкій примѣръ: разомъ пропало цѣлое племя. 75000 кибитокъ, палатокъ или, собственно, семей покинули, въ октябрѣ 1770 года, свои кочевья и искали новыхъ мѣстъ для поселенія на китайской землѣ, куда они прибыли въ маѣ 1771 года. Они подчинились китайскому богдыхану, который съ радостью принялъ ихъ[1]), и они еще и теперь мирно и въ довольствѣ живутъ подъ его благодѣтельнымъ и покровительственнымъ скипетромъ. Русское правительство вскорѣ потребовало выдачи его ех-подданныхъ, но богдыханъ отвѣчалъ, что калмыки возвратились на тѣ же мѣста, на которыхъ много столѣтій назадъ жили ихъ предки, что онъ не можетъ быть настолько несправедливымъ, чтобъ съ людьми, довѣрившимися ему, поступить дурно, тѣмъ менѣе изгнать ихъ, что императрица должна требовать отвѣтъ у Кишен-

---

[1]) Архивъ Г. С., I, ч. 2, 245.

скаго, который своимъ позорнымъ поведеніемъ причинилъ это выселеніе.

Можно себѣ представить изумленіе виновника этого событія, о которомъ онъ узналъ только два дня спустя. Тотчасъ же были приняты мѣры къ задержанію бѣглецовъ, но эти мѣры не могли быть цѣлесообразны. Въ то время первая турецкая война была въ разгарѣ. Во всемъ обширномъ намѣстничествѣ было не болѣе четырехъ пѣхотныхъ полковъ. Три полка, ближайшіе, поспѣшно были посланы въ погоню[1]). Они не догнали калмыковъ, и такъ какъ русскіе вступили въ необозримую степь, мѣстность и пути которой были имъ неизвѣстны, къ тому же они страгали отъ недостатка провіанта, то многіе изъ нихъ погибли. Они проблуждали по етепи и половина войска осталась на мѣстѣ.

Изъ всего племени осталось только 20 000 кибитокъ, которыя были расположены отдѣлно отъ другихъ и ближе къ Астрахани. Они тоже ушли съ этого мѣсла, но остались подъ русскою властью и заняли кочевья между Волгой и Дономъ, гдѣ они еще и теперь кочуютъ.

Кишенскій, о преступномъ поведеніи котораго русское правительство узнало только изъ отвѣта китайскаго богдыхана, былъ преданъ военному суду. Грабитель употребилъ часть награбленнаго на пріобрѣтеніе себѣ друзей при дворѣ. Вслѣдствіе этого дѣло получило совершенно иной оборотъ. Къ тому же, императрица приняла за правило, всѣхъ бывшихъ въ ея службѣ защищать

[1]) Генерялъ-маіоръ Давыдовъ (Архивъ Г. С., I, ч. 2, 243, засѣданіе 14 февр. 1771 г. и Генералъ-маіоръ Траубенбергъ (Id. 244, засѣданіе 27 іюня 1771 г.).

противъ иностранныхъ обвиненій и даже еще награждать ихъ, если-бъ они и были неправы въ глазахъ всего свѣта. Быть можетъ, это правило было весьма благородно по идеѣ, по въ примѣненіи оно оставляетъ иногда тяжелое впечатлѣніе въ безпристрастномъ критикѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ: Кишенскій, вмѣсто наказанія, былъ еще награжденъ чиномъ полкника*).

Къ счасью, мы ничего болѣе не знаемъ объ этомъ человѣкѣ, какъ только то, что онъ сталъ, наконецъ, генералъ-маіоромъ и на награбленныя жилъ роскошно и спокойно.

---

*) Кишенскій вступилъ въ службу въ 1758 г.; онъ былъ секундъ-маіоръ, и лишь въ 1786 г. былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ вп 1790 г. въ бригадиры, въ 1793 въ генералъ-маіори. Съ 1790 по 1796 г. онъ состоялъ правителемъ Харьковсаго намѣстничества.

LXXXII.

Саллернъ.

Саллернъ, голштинецъ родомъ, былъ сынъ рабочаго.

Его умъ былъ больше, чѣмъ сила его сужденія. Такъ какъ случайнымъ образомъ онъ получилъ хорошее литературное образованіе, то на его развитіе вліяли познанія всякаго рода. Онъ вообразилъ, что можетъ быть intriguant; но онъ былъ не болѣе, какъ обыкновенный русскій эмиссаръ того времени. Кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи груды золота и армію въ 200,000 человѣкъ, тому не надо мыслящей головы, которая могла бы опредѣлить назначеніе и денегъ, и солдатъ. Словомъ, Саллернъ былъ мастеръ только низкой деспотической интриги. Впрочемъ, говорятъ, что его мораль была запятнана, а его нравъ былъ и остался мужицкимъ.

Въ Голштиніи Саллернъ не нашелъ своего счастія. Онъ получилъ незначительную должность, которою едва могъ кормиться. Извѣстіе о томъ, будто онъ потерялъ службу, вслѣдствіе нанесенныхъ ему оскорбленій, вѣроятно, клевета. Извѣстно только, что онъ покинулъ службу и родину, и отправился въ Россію—страну, которую большинство голштинцевъ считали своимъ вторымъ отече-

ствомъ и какъ бы убѣжищемъ, вслѣдствіе бывшаго уже однажды и ожидавшагося въ будущемъ соединенія обѣихъ земель подъ однимъ скипетромъ.

Уже въ царствованіе императрицы Елизаветы Саллернъ получилъ мѣсто въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ выказалъ нѣкоторыя способности и вскорѣ получилъ мѣста, открывавшія ему очень выгодную перспективу. Прежде его замѣчали не болѣе, какъ и всякаго писца; но когда онъ получилъ титулъ и значительную должность, онъ самъ сдѣлалъ себя извѣстнымъ. Теперь уже его фамилія звучала слишкомъ вульгарно. Онъ сталъ себя называть Сальдернъ, и говорилъ, что происходитъ отъ извѣстной древнегерманской фамиліи въ Пруссіи. Родъ Сальдерновъ, къ которому принадлежалъ бывшій губернаторъ Магдебурга, генералъ Сальдернъ, хотя и дѣлалъ заявленія противъ такого присвоенія чужой фамиліи, но новый Сальдернъ не обращалъ на это вниманія, а настоящіе Сальдерны замолчали, тѣмъ болѣе, что этотъ выскочка находился уже въ чинѣ довольно почетномъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II Сальдернъ особенно отличился своими способностями; но онъ обладалъ также талантомъ придавать цѣну своимъ знаніямъ. Императрица, давно уже не благоволившая къ датскому двору и постоянно старавшаяся унизить его, назначила г. Сальдерна, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, посланникомъ въ Копенгагенъ. Датскій король часто испытывалъ обиды русскаго двора при Екатеринѣ II, но ни одна не была такъ жестока, какъ тѣ, которыя нанесъ ему Сальдернъ. Повеленіе этого человѣка вполнѣ соотвѣтствовало его происхожденію.

Онъ велъ себя съ возмутительнымъ высокомѣріемъ, требовалъ свѣдній о самыхъ тайныхъ государственныхъ дѣлахъ и вмѣшивался даже въ домашнія дѣла двора. Громкія жалобы сдѣлали его отозваніе необходимымъ, если не желательно было нарушить взаимныя отношенія между Даніей и Россіей.

По возвращеніи въ Петербургъ, Сальдернъ подлежалъ наказанію, между тѣмъ онъ былъ награжденъ. Немного времени спустя, ему были даны новыя порученія за границей. Съ Польшей обходились уже тогда какъ съ русской провинціей. Чтобъ сдерживать тѣхъ поляковъ, которые сохранили еще нѣкоторое чувство чести и добровольно не подчинялись желаніямъ императрицы, въ Варшаву требовался такой посолъ, который съ мудростью соединялъ бы и энергію. Избрали Сальдерна. Въ инструкціи, данной ему при отъѣздѣ, въ 1771 году, значилось, что онъ долженъ былъ стараться не выпускать короля изъ подъ опеки, руководить колеблющимися и, вообще, подчинить всѣхъ общему вліянію русскаго двора. Сальдернъ, которому это представлялось слишкомъ обширнымъ и слишкомъ тонкимъ, измыслилъ планъ, исполненіе котораго казалось ему болѣе выгоднымъ для интересовъ его двора. Онъ былъ творцемъ наиболѣе злостнаго дѣла, когда либо измышленнаго политикой—перваго раздѣла Польши, за которымъ послѣдовалъ второй захватъ польскихъ провинцій и, наконецъ, полное уничтоженіе политическаго существованія Польши. Императрицѣ проектъ понравился вполнѣ. Чтобъ оградить себя отъ всякаго вмѣшательства и обезпечить себѣ, на случай нужды, дѣйствительную поддержку, Екатерина II сдѣлала берлинскому и вѣнскому дворамъ предло-

женіе о раздѣлѣ Польши. Австрійскій дворъ принялъ безъ раздумья это предложеніе; но мудрый Фридрихъ II колебался и согласился лишь послѣ нѣкотораго размышленія. Такъ какъ Фридрихъ не былъ въ состояніи воспрепятствовать этому хищенію, то онъ справедливо полагалъ, что съ политической точки зрѣнія было болѣе разумно принять участіе съ раздѣлѣ, чѣмъ допустить, что два могущественные сосѣда обогатились земельными пріобрѣтеніями, причемъ онъ не получилъ-бы никакой выгоды. Сальдернъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, требовалъ значительныхъ суммъ для подкуповъ, требовалъ войскъ. и получилъ все, что желалъ имѣть. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не могъ довести свое дѣло до конца. Онъ повсюду нажилъ себѣ враговъ. Въ Варшавѣ его ненавидѣли не только за его планъ, но и за его грубое обращеніе; прусскому королю онъ написалъ дерзкое письмо; въ Петербургѣ, гдѣ онъ соими донесеніями обнаружилъ свою слабую сторону, Репнинъ подкапывался подъ него. Все это сдѣлало его пребываніе въ Варшавѣ непріятнымъ и даже опаснымъ для него лично. Насколько могъ, онъ осуществилъ дѣло раздѣла, но еще лѣтомъ 1772 года просилъ объ отозваніи его изъ Варшавы. Екатерина II отвѣчала ему собственноручнымъ письмомъ и обѣщала, что онъ возвратится еще въ сентябрѣ. Дѣйствительно, онъ выѣхалъ изъ Варшавы, такъ сказать, въ первые часы сентября, и прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ. Раздѣлъ же состоялся въ первыхъ числахъ сентября.

Сальдернъ получилъ отъ императрицы большіе подарки и въ то-же время обѣщаніе, что получитъ болѣе пріятное назначеніе. Это было сопряжено,

однако, съ большими затрудненіями. Враги его были многочисленны и сильны. Марковъ, его бывшій секретарь миссіи въ Варшавѣ, съ которымъ онъ жилъ въ разладѣ и который прежде его прибылъ въ Петербургъ, очень довко возстановилъ противъ него придворныхъ вельможъ. Сама императрица начала выказывать ему уже не то расположеніе, какого онъ ожидалъ. Наконецъ, онъ впалъ даже въ немилость, когда, желая обезпечить себѣ въ будущемъ благоволеніе великаго князя, подъ рукою перелалъ императрицѣ планъ сдѣлать наслѣдника своимъ соправителемъ. Этимъ необдуманнымъ шагомъ Сальдернъ почти совсѣмъ себя уронилъ и лишь съ трудомъ еще удерживался.

Замѣтивъ, что ему придется вскорѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ, онъ хотѣлъ обезпечить себѣ въ будущемъ тихое пристанище, гдѣ онъ могъ бы спокойно проживать доходы своего громаднаго состоянія. Въ этихъ видахъ онъ началъ частные переговоры съ датскимъ дворомъ, принималъ отъ этого двора подарки и предвидѣлъ еще большіе, если достигнетъ своей цѣли. Цѣль же эта заключалась въ формальномъ отреченіи отъ Голштиніи. Сальдернъ представлялъ императрицѣ, что не дѣлаетъ чести ни ей, ни ея сыну зависѣть до извѣстной степени отъ германской имперіи ради небольшаго клочка земли; онъ далъ ей ясно понять, что великій князь, становясь все старше, долженъ быть лишенъ этого владѣнія, такъ какъ можно опасаться, что наслѣдникъ, какъ германскій имперскій князь, можетъ получить нѣкотораго рода независимость отъ императрицы и, какъ независимый владѣтель, можетъ, если у него злая воля, вступить въ союзъ во вредъ императрицѣ. Екатерина II, на

которую подобная боязнь дѣйствовала болѣе всего, нашла, къ своему вреду, эти доводы основательными. Голштинія была уступлена Данін въ обмѣнъ на Ольденбургъ и Делменгорстъ, причемъ оба эти графства были предоставлены князью-епископу любекскому. Актъ объ этой уступкѣ былъ подписанъ въ ноябрѣ 1773 года. Вскорѣ затѣмъ императрица узнала всю махинацію этого дѣла и на Сальдерна обрушилась ея немилость, какъ онъ того и заслуживалъ. Онъ замѣтилъ это, просилъ объ отставкѣ и получилъ ее.

Въ то время Сальдернъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ.

Сальдернъ переселился въ Голштинію, гдѣ онъ жилъ еще много лѣтъ, удалившись совершенно отъ дѣлъ и посвятивъ свой досугъ наукамъ. Здѣсь онъ далъ полную волю своему языку и своему перу. Вѣроятно, русскій дворъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ наставить его на лучшій путь. Сальдернъ получилъ приглашеніе явиться въ Петербургъ, но уклонился отъ подобной поѣздки.

По смерти Екатерины появилась въ печати біографія Петра III*), составленная г. Сальдерномъ. Въ этой книгѣ авторъ часто грѣшитъ противъ истины и руководствуется только своею ненавистью къ императрицѣ; ненависть же эта есть послѣдствіе его неудовлетворенныхъ страстей, гордости и скрупости.

*) Saldern, Biographie Peters des Dritten, Peterburg. 1800. Два года спустя появился французскій переводъ: Histoire de la vie de Pierre III. Francfort sur-le-Mein, 1802.

LXXXIII.

Фредериксъ.

Фредериксъ, простой купеческій парень изъ Архангельска, хорошо зналъ Орловыхъ, когда они были ничто. Когда Орловы возвысились, они составили также карьеру и своему другу. Благодаря имъ онъ сталъ барономъ и придворнымъ банкиромъ, получивъ возможность нажить невѣроятныя богатства. Такъ какъ онъ началъ менѣе, чѣмъ ни съ чѣмъ, т. е. съ долгами, то его богатства доказываютъ, что онъ имѣлъ большія финансовыя способности. Наиболѣе принесла ему первая турецкая война при Екатеринѣ. Во время этой войны онъ задалъ однажды праздникъ избраннику Орлову, на которомъ присутствовали придворные вельможи и дипломатическій корпусъ. По этому случаю, надъ дверьми въ столовую была сдѣлана надпись: „война насыщаетъ, миръ пожираетъ“.

Фредериксъ умеръ въ восьмидесятыхъ годахъ и оставилъ много сыновей и дочерей. Сыновья его прославились въ военной службѣ[1]).

---

[1]) Андрей Ивановичъ, род. 1760 г., артиллеристъ, былъ адъютантомъ кн. Потемкина.

LXXXIV.

Владиміровъ.

Владиміровъ*) былъ сынъ русскаго купца, оставившаго ему приблизительно 50,000 рублей. Молодой человѣкъ началъ свою меркантильную карьеру при извѣстномъ богачѣ Демидовѣ. Онъ потомъ торговалъ за свой счетъ и женился на дочери своего бывшаго хозяйна, за которою тоже получилъ большія богатства. Его торговля стала обширнѣе и прибыльнѣе. Долгое время, и еще въ началѣ царствованія Екатерины II, Владиміровъ былъ единственный сахарный фабрикантъ въ Россіи. Умъ и удача настолько поддерживали его, что онъ, умирая, въ 1792 году, оставилъ состояніе болѣе, чѣмъ въ 13 милліоновъ рублей. Онъ завѣщалъ все свое огромное состояніе императрицѣ.

Князь Орловъ, покровительствовавшій одному придворному, который втерся въ зятья къ Владимірову, причинилъ этому почтенному человѣку много горя угрозами и такъ называемыми добрыми увѣщаніями. Эта дочь Владимірова, единственное его дитя, вскорѣ умерла, не оставивъ дѣтей, такъ что зять не достигъ своей цѣли[1]).

*) Ѳедоръ Петровичъ Владиміровъ.

[1]) По этому именно поводу состоялся, 31 января 1764 г., указъ сенату о неучастіи дочерей, выданныхъ замужъ съ приданымъ, въ раздѣлѣ наслѣдства отъ отца. П. С. З., № 12031.

LXXXV.

Александръ Васильчиковъ.

Царедворцы временъ Екатерины II скоро поняли, что они всегда будутъ видѣть около своей государыни ея любимца, въ обществѣ котораго она могла-бы отдыхать отъ важныхъ и разнообразныхъ государственныхъ заботъ. Они видѣли, что при выборѣ любимца обращается вниманіе не на дѣловыя его способности, а всегда лишь на любезность и красоту избранника. Вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣдились, на примѣрѣ Орлова, въ необходимости часто мѣнять выборъ любимцевъ государыни, чтобъ такимъ образомъ препятствовать притязаніямъ всякаго рода, являющимся послѣдствіемъ продолжительнаго и потому болѣе довѣреннаго общенія съ императрицею. Наиболѣе разумные и наиболѣе знатные изъ царедворцевъ признавали за собою правъ дѣлать необходимыя въ этомъ отношеніи предложенія, направлять дѣло и, наконецъ, склонять импецатрицу къ извѣстному выбору.

Теперь, когда власть Орлова слишкомъ ужъ стѣсняла царедворцевъ и даже замѣтно стало, что и самой императрицѣ уже въ тягость ею неумѣренное и рѣзкое поведеніе, теперь-то Панинъ и братья Чернишевы согласились замѣнить деспоти-

ческаго избранника другимъ любимцемъ. Умному Панину по праву предоставлено было выискать такого юношу, котораго онъ признавалъ-бы наиболѣе достойнымъ занять подобное мѣсто.

Александръ Васильчиковъ, русскій дворянинъ изъ очень хорошей фамиліи, былъ офицеромъ конной гвардіи, когда Панинъ предложилъ его императрицѣ. Это былъ красивый мущина съ умнымъ, многообѣщающимъ лицомъ и Екатерина приняла это предложеніе. Во время отсутствія Орлова, лѣтомъ 1772 года, онъ занялъ во дворцѣ тѣ же комнаты, въ которыхъ жилъ Орловъ, и передъ его дверьми гренадеры дежурили день и ночь. Желая возвести его въ высшій и болѣе соотвѣтствующій его положенію рангъ, императрица пожаловала ему титулъ дежурнаго камергера и вскорѣ затѣмъ орденъ св. Александра Невскаго. Панинъ, Чернышевъ и Барятинскій учили его искусству быть любимымъ и сохранять себя въ милости, и такъ какъ онъ былъ понятливъ, а императрица рада была отдѣлаться отъ Орлова и скорѣе завязать новую связь, то Васильчиковъ чрезвычайно ей понравился.

Но воспитаніе и добрая воля лишь въ слабой степени и на короткое время возмѣщаютъ недостатокъ природныхъ талантовъ. Съ трудомъ удержалъ Васильчиковъ милость императрицы не полные два года. Болѣе умный Потемкинъ протискался на его мѣсто. Мы не рѣшаемся подъискать названіе поведенію императрицы при отставкѣ своего любимца, но всякій читатель легко опредѣлитъ его. Когда Васильчиковъ былъ въ послѣдній разъ у императрицы, онъ вовсе не могъ даже предчувствовать той судьбы, которая ожидала его нѣ-

сколько минутъ позже. Она расточала ему самыя льстивыя доказательства своей милости, не дѣвая рѣшительно ничего замѣтить въ своемъ поведеніи. Едва только простодушный избранникъ возвратился въ свои комнаты, какъ получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Москву. Онъ повиновался безъ всякаго противорѣчія, и тѣмъ доказалъ, что онъ игралъ предоставленную ему блистательную роль не con amore, а какъ истый актеръ.

Еслибъ Васильчиковъ, при его красивой наружности, обладалъ большимъ умомъ и смѣлостью, Потемкинъ не такъ легко занялъ-бы его мѣсто. Между тѣмъ, Васильчиковъ прославился именно тѣмъ, чего ни одинъ изъ любимцевъ Екатерины не могъ у него оспорить—онъ былъ самый безкорыстный, самый любезный и самый скромный. Эти великія и столь рѣдкія въ любимцахъ добродѣтели заставили сожалѣть объ его отставкѣ. У Васильчикова не было завистниковъ, потому что онъ умѣренно пользовался своимъ вліяніемъ у императрицы. Онъ многимъ помогалъ и никому не вредилъ. Онъ мало заботился о личной выгодѣ и въ день отъѣзда въ Москву былъ въ томъ же чинѣ, какой императрица пожаловала ему въ первый же день своей милости. Она сама очень хвалила его умѣренность и старалась, съ свойственнымъ ей великодушіемъ, вознаградить его скромность. Любимцы не получали тогда опредѣленнаго жалованья, соотвѣтствующаго ихъ положенію; но по свѣдѣніемъ уже обнародованнимъ Васильчиковъ получилъ за время менѣе двухъ лѣтъ, что онъ состоялъ въ любимцахъ, деньгами и подарками: сто тысячъ рублей, семь тысячъ крестьянъ, приносившихъ по самому умѣренному расчету, тридцать пять тысячъ рублей

ежегоднаго дохода, на шестьдесятъ тысячъ рублей брильянтовъ, серебрянный сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, пожизненную пенсію въ двадцать тысячъ рублей и великолѣтный, роскошно меблированный домъ[1]) въ Петербургѣ. Императрица выстроила его по собственному плану и тѣмъ подтвердила только, что нельзя быть во всемъ равно великою. Такъ какъ домъ этотъ былъ готовъ лишь тогда, когда Васильчиковъ жилъ уже въ Москвѣ, то императрица купила у него этотъ домъ за 100,000 руб.

Вскорѣ по удаленіи отъ двора онъ женился и былъ очень счастливъ*).

Васильчиковъ жилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія и былъ вполнѣ доволенъ своего судьбою. „При самыхъ важныхъ услугахъ государству — говорилъ онъ — я не могъ бы пріобрѣсти такого громаднаго состоянія, какое я получилъ, бывъ въ случаѣ“.

---

[1]) Купивъ у Васильчика этотъ домъ, императрица подарила его Корсанову, который, если мы не ошибаемся, отдавалъ его въ наймы французскому резиденту де Везаку за 3000 рублей въ годъ. Теперь его сдаютъ, конечно, не менѣе какъ за 10,000 рублей, до того вздорожала неемная плата за квартиры. Расположеніе и внѣшній видъ дома превосходны. Онъ помѣщается на Дворцовой площади, неподалеку отъ Зимняго дворца, наискось отъ комнатъ Екатерины. Императрица, одно время очень недовольная Везакомъ, упрекала его, что онъ смотритъ въ ея окна. У дома прекрасный балконъ на мраморныхъ колоннахъ.

*) Мы не знаемъ былъ-ли онъ женатъ и тѣмъ менѣе — былъ-ли счастливъ.

LXXXVI.

Григорій Потемкинъ.

Говорятъ, будто опытность дѣлаетъ людей лучшими — это пустыя слова, которыя такъ же часто опровергаются, какъ и подтверждаются. Исторія Екатерины представляетъ блистательное доказательство, что это изрѣченіе можетъ быть и пустою фразою. Эта государыня забыла надменный деспотизмъ, который проявлялъ Орловъ въ теченіи десяти лѣтъ, отпустило безпритязательнаго, мягкаго и любезнаго Васильчикова и избрала наглаго, все вокругъ себя сокрушавшаго Потемкина, котораго она съ удовольствіемъ замѣтила еще въ времена Орлова. Это былъ выборъ, доставившій государинѣ многія вигоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ подававшій часто поводы раскаиваться въ немъ.

Было бы совершенно безполезно сообщать о жизни и дѣяніяхъ Потемкина, такъ какъ большей части читающей публики извѣстна „Минерва“ капитана Архенгольца. Къ ней мы и отсылаемъ нашихъ читателей. Если мы не ошибаемся, въ 1797, 1798 и 1799 годахъ этого драгоцѣннаго журнала они найдутъ извѣстія о Потемкинѣ-Таврическомъ, въ которыхъ все, что можно сообщить объ этомъ человѣкѣ, разсказано подробно и, по край-

ней мѣрѣ, вѣрно. Здѣсь мы лишь вскользь коснемся главнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни.

Григорій Потемкинъ, сынъ*) гарнизоннаго маіора въ отставкѣ происходилъ изъ русской дворянской фамиліи, польскаго собственно происхожденія. Она поселилась въ Россіи, но, какъ все русское дворянство, никогда сама не имѣла значенія. Впервые только этому Потемкину, о которомъ идетъ рѣчь, суждено было сдѣлать свою фамилію знаменитою. Онъ родился въ сентябрѣ 1736 г., близь Смоленска, и получилъ самое простое образованіе. Сперва его предназначали къ духовному званію, но, замѣтивъ въ немъ военныя способности, послали въ Петербургъ и опредѣлили въ конную гвардію.

При низложеніи Петра III онъ былъ вахмистромъ и одинъ изъ тѣхъ, кого сманили въ пользу императрицы. Послѣ революціи онъ сталъ офицеромъ и камеръ-юнкеромъ и посланъ былъ въ Швецію съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ новой повелительницы. По возвращеніи, онъ находился нѣкоторое время при дворѣ и составилъ себѣ планъ сдѣлаться избранникомъ. Орловы воспротивились исполненію этого проекта и послали его въ армію. Тамъ онъ былъ до того безполезенъ, что графъ Румянцевъ[1]) воспользовался пер-

---

*) Мать кн. Потемкина, въ „Русск. Стар.“, 1871, III, 40.

[1]) Кто не знаетъ имени покорителя турокъ? Потемкинъ принесъ его въ жертву своей гордости, не честолюбія. Павелъ I воздвигъ ему на одной изъ площадей великолѣпный памятникъ въ видѣ обелиска. Онъ оставилъ трехъ сыновей. Николай и Сергѣй, какъ посланники въ Германіи, не были столь знамениты, какъ теперь. Оба — люди большихъ познаній и считаются важными государ-

вымъ же случаемъ, чтобъ послать его въ Петербургъ съ какимъ-то важнымъ извѣстіемъ.

По удаленіи Орлова и Васильчикова достигъ наконецъ Потемкинъ своей цѣли и сталъ открытымъ избранникомъ Екатерины, но оставался на этомъ посту, по собственному желанію, лишь короткое время.

Тѣмъ не менѣе, съ этого момента вплоть до 1791 года онъ оставался главнымъ двигателемъ русской государственной машины. Его жизнь за это время представляетъ богатый матерьялъ для исторіи государства. Онъ былъ самымъ важнымъ человѣкомъ въ имперіи, въ кабинетѣ, на войнѣ, при дворѣ и даже въ частной жизни государыни. Какъ ни обширны и ни своеобразны примѣры исторіи, все же въ ней встрѣчается мало выскочекъ, которые съ такими слабыми средствами, какъ у Потемкина, восходили бы на такую высокую ступень счастія, на которой онъ стоялъ. Вся Россія и сосѣднія государства должны были трепетать при страшной мысли, что судьба цѣлыхъ поколѣній зависитъ отъ каприза этого человѣка.

Блестящее прозвище Таврическаго получилъ онъ отъ завладѣнія Крымомъ въ 1783 г., причемъ было воскрешено древнее наименованіе полуострова Тавридой. Онъ помогалъ при начертаніи плана этого предпріятія, но исполненіе его — предоставилъ другимъ.

Князь Потемкинъ-Таврическій умеръ въ октя-

ственными людьми. Третій, Петръ, былъ уже, при смерти отца, генералъ-лейтенантомъ и служилъ съ честью.

брѣ 1791 г., не отъ яда, какъ утверждали нѣкоторые, но отъ изнурительной болѣзни, бывшей послѣдствіемъ его безпорядочной жизни; умеръ на дорогѣ, на травѣ, направляясь изъ Молдавіи къ Очакову*).

И по смерти Потемкина прославлялась его память. При торжествѣ по случаю турецкаго мира, въ сенатѣ было изготовлено, по повелѣнію императрицы, похвальное ему слово, которое хранится въ херсонской соборной церкви, въ серебряномъ ларцѣ. Въ этой же церкви воздвигнутъ ему памятникъ[1]) и въ ризницѣ поставлено его изображеніе. Въ честь его была выбита монета.

Неизвѣстно, по какому капризу Потемкинъ лишь въ старости позволилъ снять съ себя портретъ**). Въ 1789 году только далъ онъ сеансы русскому художнику, который написалъ его слишкомъ молодымъ, и слишкомъ польстилъ ему. Этотъ портретъ виситъ въ эрмитажѣ; позже, онъ былъ вырѣзанъ на мѣди. Въ частныхъ коллекціяхъ находятся, однако, его портреты, весьма схожіе.

Весьма неточно показаніе относительно суммы, которою государства должно было оплатить ненужное существованіе Потемкина, въ 50 милліоновъ

---

*) Донесеніе о смерти кн. Потемкина (Архивъ, 1878, I, 20); Манифестъ о смерти Потемкиина (Архивъ, 1862, I, 173); Письмо гр. Эстерази (Осмнадц. вѣкъ, I, 357), Кончина кн. Потемкина (Русск. Стар., 1870, II, 129).

[1]) Шугуровъ, Гробница кн. Потемкина (Архивъ, 1867, 203); Могила кн. Потемкина (Россія, 187, IV, 804).

**) Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Спб. 1873, 89.

рублей. Еслибъ дѣйствительно было возможно точно опредѣлить его состояніе и расходы, тратившіеся на содержаніе его придворнаго штата, то, конечно, оказалось-бы, что вышеприведеннная сумма, какъ она ни безобразно велика, все-же слишкомъ недостаточна.

LXXXVII.

Турчаниновъ.

Турчаниновъ [1]), выкрещенный еврей [2]), имѣлъ возможность пріобрѣсти весьма полезныя свѣдѣнія и изучить языки. Онъ былъ дѣльный человѣкъ и таковымъ былъ рекомендованъ князю Потемкину, который взялъ его къ себѣ въ секретари. Отъ него онъ перешелъ на службу къ императрицѣ, которая давала ему, мало по малу, все высшія должности. Сперва она сдѣлала его кабинетъ-секретаремъ [3]), потомъ, въ 1793 году, директоромъ

---

[1]) Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.

[2]) Въ Россіи есть также дворянская фамилія Турчаниновыхъ. Отъ нея-то, не знаемъ по какому поводу, этотъ выскочка заимствовалъ свою фамилію.

[3]) Кругъ вѣдѣнія кабинетъ-секретарей Екатерины II, которыхъ всегда было много, была весьма обширенъ. Они находились подъ начальствомъ самой императрицы, изготовляли всѣ императорскія повелѣнія въ сенатъ, генералъ-губернаторамъ провинцій, въ военную коллегію, въ адмиралтейство, всѣ такъ называемые именные указы отдѣльнымъ лицамъ; они присутствовали въ высшемъ совѣтѣ, вели въ немъ протоколы и направляли повелѣнія императрицы по заключеніямъ совѣта; наконецъ, они писали проекты всѣхъ писемъ государыни, писанныхъ иностраннымъ государямъ и другимъ лицамъ. Таковы государственныя и политическія дѣла, которыми они завѣдывали; но, сверхъ

строительной конторы и императорскихъ дворцовъ и садовъ, подъ начальствомъ Бецкаго, и, наконецъ, кабинетъ-министромъ[1]). Онъ вышелъ въ отставку еще до смерти императрицы Екатерины II и жилъ съ доходовъ своихъ весьма значительныхъ имѣній.

Онъ и теперь еще, вѣроятно, живъ.

Въ 1799 году онъ былъ генералъ-поручикъ и кавалеръ ордена св. Анны.

Женою Турчанинова была дочь генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Эльмпта*). Она была придворною дамою императрицы Екатерины II и извѣстна своею остроумною и любезною бесѣдою. Ее и г-жу Дивову[2]) заподозрили, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ томъ, что онѣ участвовали въ составленіи карикатуръ и пасквилей, которые тогда появились на многихъ придворныхъ особъ, преимущественно же на князя Потемкина.

того, они должны были, если обладали требовавшимися для того способностями, принимать на себя, вмѣстѣ съ другими, опредѣленными къ тому лицами, литературныя занятія. Между прочимъ, на ихъ обязанности лежало исправлять литературные труды государыни.

[1]) Кабинетъ-министры вѣдали доходы и расходы императорской частной кассы и всѣ сопряженныя съ этимъ дѣла.

*) Софья Ивановна, рожд. баронесса Эльмптъ (позже графъ, Иванъ Карловичъ). Mémoires de M-me Tourtschaninoff, née comtesse d'Elmpt. Berlin, 1816.

[2]) Г-жа Дивова, рожденная графини Бутурлина — та самая, которая въ послѣднее время провела нѣсколько лѣтъ въ Германіи и Франціи, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и сыновьями. Ея мать была, въ началѣ 1754 года, большою подругою великой княгини Екатерины (Елизавета Петровна Бутурлина за Адріаномъ Ивановичемъ Дивовымъ).

LXXXVIII.

Михельсонъ.

Михельсонъ*) былъ, говорятъ, сынъ столяра на о. Эзелѣ.

Онъ вступилъ въ военную службу, былъ поддерживаемъ своими соотечественниками и, такимъ образомъ, скоро сталъ офицеромъ. Онъ всегда отличался военными способностями и личною храбростью. Къ тому же онъ былъ очень красивъ, что ему снискало высшія милости; ему было довольно легко занять весьма скоро важныя должности въ арміи.

Уже въ первую турецкую войну онъ доказалъ свои военные таланты и былъ за то произведенъ въ полковники.

Но гораздо большую славу стяжалъ онъ во время возстанія пресловутаго Пугачева[1]). Въ тотъ моментъ, когда этотъ возмутитель осадилъ Казань, Михельсонъ поспѣшилъ на помощь обложенному городу. Но Пугачевъ не считалъ удобнымъ дождаться его. Онъ снялъ осаду и хотѣлъ бѣжать. Михельсонъ преслѣдовалъ его, настигъ черезъ нѣ-

*) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, 1740—1807.

[1]) Бунтовщикъ Пугачевъ казненъ въ Москвѣ 24-го января 1774 года.

сколько дней и разбилъ совершенно корпусъ бунтовщиковъ. Самъ Пугачевъ едва спасся во главѣ нѣсколькихъ сотенъ своихъ храбрыхъ приверженцевъ. Вскорѣ затѣмъ Михельсонъ отрѣзалъ подвозъ провіанта къ арміи бунтовщиковъ и, наконецъ, напалъ на нихъ. Они были обезсилены трудностями похода, голодомъ и малодушіемъ; должно быть ихъ много легло на мѣстѣ. Самъ же Пугачевъ опять бѣжалъ и переплылъ, какъ и въ первый разъ, Волгу. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ схваченъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ и въ надалѣ девяностыхъ годовъ, во время войны Россіи со Швеціею, Михельсонъ, командовавшій корпусомъ въ Финляндіи, имѣлъ мало случаевъ отличиться. Но какъ только такіе случаи представлялись, онъ пользовался ими старательно и счастливо.

Великодушная императрица и теперь также щедро наградила его, какъ послѣ первой турецкой войны и усмиренія Пугачева.

Даже въ глубокой старости мужество не покидало его. Въ 1807 г. онъ предводительствовалъ арміей, предназначавшейся противъ османовъ. Въ этомъ походѣ Михельсонъ и умеръ, на 79 году. Его тѣло погребено въ Бухарестѣ.

Михельсонъ былъ генералъ-аншефъ и кавалеръ важнѣйшихъ русскихъ орденовъ.

LXXXIX.

Петеръ Завадовскій.

Петръ Завадовскій*) былъ сынъ русскаго священника на Украйнѣ. Заботливостью своего отца онъ получилъ еще въ ранней молодости нѣкоторое образованіе, особенно въ латинскомъ языкѣ, исторіи и философіи.

Отецъ привезъ его въ Петербургъ, въ домъ своего земляка, генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго. Здѣсь же находился и молодой Безбородко, съ которымъ Петръ Завадовскій свелъ дружбу, поддерживавшуюся въ теченіи всей ихъ жизни. Въ домѣ этаго боярина, оба юные украйнца были не болѣе, какъ слугами. Онъ научилъ ихъ калиграфіи и рекомендовалъ ихъ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, который обѣщалъ пристроить ихъ.

Завадовскій поступилъ сперва въ военную службу и такъ отличился въ турецкую войну, что получилъ даже георгіевскій орденъ; потомъ онъ перешолъ въ канцелярію генералъ-фельдмаршала графа Рюмянцева и вышелъ оттуда, что было тогда въ Россіи очень легко, въ военный штатъ съ чиномъ подполковника.

*) Петръ Васильевичъ Завадовскій, 1733—1812.

Когда императрица прибыла въ 1775 году въ Москву, Завадовскій былъ еще въ канцеляріи графа Румянцева. Государыня просила фельдмаршала представить ей нѣсколько людей, которые могли бы быть ея кабинетъ-секретарями. Румянцевъ рекомендовалъ ей Завадовскаго и Безбородко. Обоими онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Они также были весьма ему преданы, и только повелѣніе императрицы и то обстоятельство, что они дѣлали этимъ свою карьнру, могло побудить ихъ покинуть его.

Завадовскій пользовался, съ первой же минуты, большимъ вниманіемъ, чѣмъ Безбородко, и было замѣчено, что государына особенно благоволила къ нему. Но она вела себя при этомъ очень осторожно. Завадовскій и Безбородко всегда получали награды, повышенія и подарки одновременно, одинъ не раньше и не больше, чѣмъ другой. Эта осмотрительность была необходима, чтобъ не оскорбить всесильнаго Потемкина. Лишь послѣ того, какъ самъ Потемкинъ рѣшился оставить постъ „избранника“, Завадовскій сталъ открытымъ любимцемъ императрицы.

Эта перемѣна, случившаяся въ ноябрѣ 1776 г., стала извѣстна при дворѣ вслѣдствіе того, что Завадовскій переѣхалъ во дворецъ, въ тѣ именно комнаты, которыя занималъ Потемкинъ. Въ то время новый любимецъ, хотя и былъ еще кабинетъ-секретаремъ, имѣлъ уже чинъ генералъ-маіора. У него не было таланта, чтобъ долго удержаться, и онъ самъ послужилъ поводомъ къ своему паденію, которое, быть можетъ, могло бы быть еще отсрочено, благодаря милости императрицы и его собственному великодушію. Именно, онъ, какъ сто-

ронникъ Орловыхъ и графа Румянцева, хотѣлъ свергнуть Потемкина, который превосходилъ его умомъ и могуществомъ и который своимъ въ то время всесильнымъ деспотизмомъ, въ 1777 году, скоро уволилъ его въ отпускъ отъ двора, опасаясь, что онъ есть только орудіе другихъ.

Завадовскій, однако, вскорѣ опять явился ко двору и, считаясь ученымъ человѣкомъ, былъ вскорѣ же опредѣленъ къ дѣламъ. Потемкинъ, вовсе не бывшій мстительнымъ, не препятствовалъ этому. Екатерина II тѣмъ болѣе была рада этому, что дѣйствительно вполнѣ довѣряла Завадовскому. Было время, въ восьмидесятыхъ годахъ, когда, по внушенію своихъ лучшихъ друзей, одинъ только Завадовскій осмѣливался дѣлать въ совѣтѣ возраженія императрицѣ на ея заявленія. Она все выслушивала отъ него и часто выражала ему за это свою благодарность. Можно поэтому уже догадываться, какъ императрица повысила бы его мало-по-малу въ чинахъ, такъ какъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ онъ былъ, какъ мы видѣли, членомъ высшаго совѣта государыни. Между тѣмъ, его вліяніе не всегда оставалось одинаковымъ и когда падало значеніе его друзей, Воронцова и Безбородко, понижалось и его вліяніе. Однако, изъ всѣхъ избранниковъ этой имцератрицы онъ одинъ, кромѣ Потемкина, и по удаленіи изъ дворца императрицы, остался въ столицѣ, всегда посѣщалъ дворъ и даже завѣдывалъ важными дѣлами. Въ этомъ положеніи оставался онъ до смерти императрицы и былъ осыпаемъ знаками ея милости, почетными должностями и подарками.

Павелъ I продолжалъ съ Завадовскимъ дружескія отношенія своей матери, утвердилъ его во

всѣхъ должностяхъ и оказывалъ ему равнымъ образомъ знаки своего благоволенія.

Александръ I слѣдовалъ примѣру своихъ августѣйшихъ предковъ и Завадовскій живетъ, вѣроятно, и теперь еще при дворѣ этого государя, почтенный его довѣріемъ и милостью.

Въ 1799 году онъ былъ графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, директоръ и начальникъ банка, кавалеръ орденовъ Андрея, Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Станислава, командоръ первой степени ордена св. Георгія четвертой степени.

Завадовскій не обладалъ блестящимъ умомъ, но имѣлъ много здраваго смысла и имѣлъ къ тому же очень хорошую особенность — онъ не считалъ себя умнѣе, чѣмъ былъ. Онъ былъ очень силенъ въ русскомъ языкѣ и могъ изготовлять широковѣщательные манифесты и указы. Нѣкоторыя познанія и обладаніе латинскимъ языкомъ дали ему славу ученаго. Вслѣдствіе этого ему была поручена, вмѣстѣ съ великимъ и почтеннымъ Эпинусомъ, главная дирекція при учрежденіи нормальныхъ школъ. Онъ былъ, впрочемъ, непритязательный, ровный и спокойный человѣкъ. Въ девяностыхъ годахъ ему ставили въ укоръ, что онъ началъ бражничать и, поэтому, сталъ менѣе пригоденъ для дѣла. Въ молодости онъ былъ очень красивъ и въ его глазахъ даже въ старости видно было много живости и любезности.

Будучи любимцемъ, онъ не имѣлъ времени составить себѣ большое состояніе; къ тому же у него недоставало умѣнья выманивать подачки. Но позже представились случаи и явилось умѣнье собрать значительныя богатства. На сколько из-

вѣстно, онъ получилъ при удаленіи изъ дворца, восемьдесять тысячъ рублей, двѣ тысячи крестьянъ въ Польшѣ и пожизненную пенсію въ 5000 рублей. Позже онъ получилъ, какъ говорятъ, шесть тысячъ крестьянъ на Украйнѣ и тысячу восемьсотъ крестьянъ въ Россіи. Сверхъ того, ему былъ пожалованъ столовый сервизъ въ восемьдесять тысячъ рублей, такъ какъ другой сервизъ [1]), стоимостью въ пятьдесять тысячъ, былъ для него недостаточно хорошъ. Мы не можемъ точно все подсчитать, но въ концѣ прошлаго вѣка утверждали, что онъ имѣетъ болѣе ста тысячъ рублей дохода.

Онъ имѣлъ дѣтей*) отъ своей жены, рожденной графини Апраксиной [2]), которая была очень красивая женщина.

---

[1]) Этотъ сервизъ получилъ генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ.

*) Двухъ сыновей — Александра и Василія — и одну дочь, Татьяну Петровну, за Владиміромъ Ивановичемъ Каблуковымъ.

[2]) Вѣры Николаевны, ум. 1845.

XC.

Александръ Безбородко I.

Когда знаешь великіе таланты человѣка, очеркъ жизни котораго мы хотимъ представить, то миришься съ государыней, въ теченіе своего долгаго царствованія поставившей множество выскочекъ на важныя мѣста государственнаго управленія, во главѣ своего войска, при дворѣ, словомъ, вблизи и вдали своей священной особы, на всѣхъ ступеняхъ трона, съ низшей до самой высшей, и бывшей столь несчастливою, что она всегда ошибалась. Но дань уваженія, платимую этому человѣку, мы увеличили бы еще, еслибъ онъ приложилъ болѣе стараній къ развитію своихъ способностей.

Мы должны оставить нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, чей былъ сынъ Александръ Безбородко*) — мелкаго ли украинскаго дворянина, или же, какъ говорятъ другіе, украинскаго крестьянина, торговца мѣстнымъ рогатымъ скотомъ.

Онъ получилъ дома обыкновенное школьное образованіе, но былъ еще въ юныхъ лѣтахъ привезенъ въ Петербургъ, въ домъ генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго. Здѣсь онъ встрѣтилъ молодаго Завадовскаго, съ которымъ оста-

*) Александръ Андреевичъ Безбородко, 1747—1799.

вался съ этого момента всегда друженъ. Они также сходились въ дружбѣ, какъ расходились въ способностяхъ. По добротѣ фельдмаршала, Безбородко изучилъ науки и языки, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ до совершенства.

Графъ Кириллъ Разумовскій рекомендовалъ его и Завадовскаго генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, который опредѣлилъ ихъ обоихъ въ свою канцелярію, а особенно Безбородко употреблялъ съ большою пользою въ важныхъ дѣлахъ и при разработкѣ вопросовъ. Здѣсь, гдѣ Безбородко имѣлъ уже значительные доходы, онъ употреблялъ часть ихъ, а равно и время, свободное отъ занятій, на то, чтобъ чрезвычайно увеличить свои познанія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Равнымъ образомъ и въ наукахъ, особенно же во французской и нѣмецкой литературѣ, сдѣлалъ онъ тогда значительные успѣхи. Онъ научился совершенно правильно говорить на обоихъ языкахъ.

Такимъ образомъ, Румянцевъ имѣлъ право рекомендовать его императрицѣ, которая, въ 1775 году, нуждалась въ двухъ кабинетъ-секретаряхъ. На этомъ мѣстѣ Безбородко, своею ловкостью, сдѣлался совершенно необходимымъ человѣкомъ для императрицы. Она рѣшительно не могла отказаться отъ его помощи, и въ 1781 году онъ все еще былъ кабинетъ-секретаремъ. Ни одинъ изъ государственныхъ министровъ не могъ представить ей такого яснаго доклада, какъ Безбородко, даже по самымъ запутаннымъ дѣламъ и по всевозможнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Одною изъ выдающихся его способностей было его полное владѣніе русскимъ языкомъ. Когда императрица приказывала ему набросать

указъ, письмо или что либо подобное — онъ отправлялся въ сосѣднюю комнату и, чрезъ самое короткое время, возвращался и приносилъ проектъ, составленный такъ точно, такъ изящно, что не оставалось желать ничего лучшаго.

Въ 1781 году онъ сталъ генералъ-маіоромъ, т. е. это значило въ то время, что онъ получилъ въ гражданской службѣ рангъ генералъ-маіора и принятъ въ совѣтъ. Съ этимъ оканчивается его прилежаніе. Хотя ему поручали теперь, болѣе еще чѣмъ прежде, самыя важныя государственныя дѣла, и ничего безъ него не дѣлалось, но уже не такъ легко, какъ прежде, его можно было заставить взяться за подробную министерскую работу по дѣламъ еще болѣе важнымъ. У него залеживались всѣ дѣла подобнаго рода и, ради собственнаго спокойствія, онъ часто вовсе не отвѣчалъ даже на письма, которыя ему писали особы царствующихъ домовъ. Отъ него можно было добиться только совѣтовъ, которые онъ щедро раздавалъ. Императрица, конечно, поступила бы гораздо лучше, если бы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилась Безбородко, который во всемъ совѣтѣ былъ, послѣ Александра Воронцова, безспорно, самый умный и самый образованный человѣкъ. Но ни при одномъ дворѣ не мѣнялись такъ часто партійныя вліянія, какъ при тогдашнемъ правительствѣ Россіи. Какой нибудь избранникъ, отставной фаворитъ и т. под. затемняли или проясняли политическій горизонтъ и опредѣляли кто долженъ подняться или пасть относительно милости императрицы. Безбородко испыталъ ту же участь. Воронцовъ, Завадовскій и онъ всегда держались вмѣстѣ. Когда же они чувствовали себя слиш-

комъ слабыми во мнѣніи императрицы, тогда они придерживались придворныхъ дамъ, Вяземскаго, Потемкина, избранника, наслѣдника, смотря по нуждѣ. При помощи Зубова, коварное тщеславіе и корысть Маркова одержали, наконецъ, верхъ надъ этими тремя лицами: Воронцовъ былъ удаленъ, Завадовскій только терпимъ, Безбородко вытѣсненъ. Такъ какъ императрица никоимъ образомъ не могла довольствоваться ограниченнымъ Остерманомъ, то Безбородко, какъ второй членъ иностраннаго департамента, принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ. Зубовъ и Марковъ съ неудовольствіемъ видѣли этотъ портфель въ его рукахъ, но не имѣли приличнаго повода отнять его у Безбородко. Онъ самъ, однако, далъ имъ этотъ поводъ. По смерти князя Потемкина, всегда старавшагося продлить турецкую войну, необходимо было, по желанію императрицы, заключить миръ. Затрудненіе было лишь въ томъ, чтобъ найти человѣка, который могъ бы вести мирные переговоры. Безбородко замѣтилъ это, и отчасти изъ добродушія и изъ рвенія къ славѣ императрицы, отчасти также изъ тщеславія, желая доставить миръ имперіи, онъ предложилъ императрицѣ свою готовность принять на себя веденіе переговоровъ по ея приказанію. Но чтобъ быть увѣреннымъ въ счастливомъ исходѣ своего предложенія, онъ поставилъ условіемъ, чтобъ на время его отсутствія портфель иностранныхъ дѣлъ былъ отданъ Зубову. Этотъ только и хотѣли: предложеніе Безбородко, обсуженное императрицей съ Зубовымъ и чрезъ него съ Марковымъ, было принято. Безбородко получилъ повелѣніе заключить во что бы то ни стало миръ, такъ какъ кассы слишкомъ

истощены, чтобъ можно было продолжать войну. При этомъ онъ долженъ тщательно скрывать крайнее желаніе мира, относиться къ османамъ высокомѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать себя великодушнымъ. Этотъ посредникъ отправился. Прибывъ на мѣсто, онъ выказалъ роскошь царствующаго восточнаго сибарита и заключилъ тотъ миръ, который мы всѣ знаемъ. Но прежде еще того, въ самомъ, однако, концѣ переговоровъ, онъ сказалъ турецкимъ комиссарамъ, что у него есть еще одно условіе, безъ котораго онъ никоимъ образомъ не можетъ подписать мира. Турки испугались, пожелали узнать это условіе и пришли въ отчаяніе, узнавъ, что Безбородко, отъ имени императрицы требуетъ чудовищную сумму денегъ, 12 милліоновъ піастровъ, и заявляетъ, что безъ исполненія этого условія должны немедленно начаться враждебныя дѣйствія. Турки были въ ужасномъ положеніи. Миръ имъ былъ крайне необходимъ, но добыть денегъ было невозможно. Сперва они противились и говорили, что, при такомъ условіи, война должна продолжаться. Безбородко оказался бы въ страшномъ затрудненіи, если-бъ его поймали на словѣ. Къ счастью этого не случилось. Напротивъ, комиссары начали торговаться не о суммѣ, такъ какъ сумма не была уменьшена, но о времени уплаты, и Безбородко сдался на ихъ увѣреніе, что деньги будутъ уплачены въ короткіе сроки. Османы написали долговыя обязательства и принесли ихъ. Безбородко взялъ эти росписки въ руки, прочелъ, разорвалъ на части, бросилъ на полъ, и съ гордостью и презрѣніемъ, сказалъ: „Моя государыня не нуждается въ вашихъ деньгахъ“. Этотъ поступокъ

страшно понравился императрицѣ и, вѣроятно, увеличилъ награды, которыя получилъ Безбородко и которыя были чрезвычайны: онъ получилъ очень обширное имѣніе, по всей Россіи обнародованную благодарность и очень большую и дорогою масличную вѣтвь изъ брильянтовъ.

Впрочемъ, по возвращеніи, онъ былъ весьма чувствительно оскорбленъ, когда императрица сказала ему, что Зубовъ сохранитъ портфель иностраннаго департамента. Безбородко съ грустью увидѣлъ теперь, что все его значеніе пало, и съ достоинствомъ удалился. Онъ жилъ въ Петербургѣ, предаваясь наслажденіямъ всякаго рода, относился ко всѣмъ дѣламъ съ легкостью въ полномъ смыслѣ слова и наѣзжалъ въ Москву, чтобъ навѣстить своихъ друзей, недовольныхъ правительствомъ. Впрочемъ, онъ крѣпко примкнулъ къ наслѣднику и послѣдствія доказали, что онъ поступилъ очень умно. Безбородко первый увѣдомилъ великаго князя о безнадежномъ положеніи его матери.

Когда Екатерина умерла, Безбородко былъ нѣмецкій имперскій графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ верховнаго совѣта, обергофмейстеръ императорскаго придворнаго штата, генералъ-почтдиректоръ и кавалеръ русскихъ орденовъ. Онъ держалъ свой домъ на княжескую ногу и его доходы простирались далеко за 100,000 р.

Павелъ I наградилъ привязанность, выказанную ему Безбородко, неограниченнѣйшимъ довѣріемъ. Графъ же Безбородко никогда не колебался въ вѣрности своему государю и всегда давалъ ему самые мудрые совѣты. Въ жизни императора было замѣтно, что онъ слѣдовалъ этимъ совѣтамъ.

Величайшія глупости въ царствованіе Павла приходятся на время послѣ смерти Безбородко. Чтобъ удержать навсегда свое значеніе у государя, Безбородко соединился съ Кутайсовымъ, камердинеромъ императора, имѣвшимъ громадное вліяніе на своего государя. Этотъ человѣкъ, убѣжденный, что имъ руководитъ мужъ болѣе умный, чѣмъ онъ, говорилъ и дѣлалъ лишь то, что предлагалъ ему Безбородко.

Впрочемъ, въ это царствованіе Безбородко показалъ, что онъ вполнѣ придворный человѣкъ. Его готовность льстить капризамъ императора доходила до преувеличенія. Когда Павелъ I пріѣхалъ въ Москву на коронацію, онъ остановился во дворцѣ Безбородко, самомъ обширномъ и самомъ роскошномъ во всей Москвѣ. Однажды онъ стоялъ съ императоромъ у окна, изъ котораго видѣнъ былъ великолѣпный садъ. Государь, смотрѣвшій на все съ солдатской точки зрѣнія, сказалъ, что тутъ могъ бы быть прекрасный экзерциръ-плацъ. Это было высказано безъ всякой задней мысли; когда же императоръ на другое утро проснулся и подошелъ къ окну, онъ увидалъ, что садъ обращенъ въ плацъ для обученія солдатъ. При помощи солдатъ, Безбородко въ одну ночь вырылъ всѣ деревья и кусты! Такая угодливость заслуживала большихъ наградъ и мы увидимъ, что Павелъ не остался въ долгу.

Но Безбородко не долго пользовался своимъ великимъ состояніемъ; водяная, послѣдствіе его невоздержной жизни, прекратила его дни въ апрѣлѣ 1799 года, когда ему было съ небольшимъ 50 лѣтъ.

Онъ былъ тогда русскій князь съ титуломъ свѣтлѣйшаго, носилъ портретъ императора Павла I,

имѣлъ чинъ генералъ-фельдмаршала, былъ великимъ канцлеромъ имперіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, генералъ-подчтдиректоромъ всей имперіи, кавалеромъ орденовъ Андрея, Александра Невскаго и Анны, большаго креста (странное сопоставленіе) мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, русскаго изобрѣтенія, и большаго креста ордена Владиміра первой степени.

Весьма просвѣщенный умъ, всегда вѣрное сужденіе и рѣдкое присутствіе духа поднимаютъ князя Безбородко до генія. Его знанія языковъ, быстрота его работы и его политическіе взгляды были безподобны, по крайней мѣрѣ для той сцены, на которой онъ стоялъ. Прекрасными чертами его характера были добросердечіе, не знавшее злопамятства, и благодарность за благодѣянія, оказанныя ему въ юности. Никогда Зубовъ и Марковъ не чувствовали его мести и никогда онъ не забывалъ, что сдѣлали для него Разумовскій и Румянцевъ. Эти добродѣтели, въ той обширной и высокой сферѣ, въ которой находился Безбородко, могли бы сдѣлать гораздо болѣе еще добра, еслибъ они не парализовались часто его недостатками. Онъ предавался всяческому сладострастію и когда заходила рѣчь о работѣ, его лѣнь была безпримѣрна. Изъ этихъ двухъ недостатковъ вытекалъ третій, несравненно болѣе вредный—онъ почти никогда не держалъ своего слова. Онъ всегда всѣмъ обѣщалъ, никогда и не думалъ объ исполненіи своихъ обѣщаній, такъ какъ онъ, конечно, часто былъ и не въ состояніи сдѣлать то, чего отъ него просили. Его домъ былъ полонъ просителей. Часто онъ не хотѣлъ отпустить ихъ безъ утѣшенія, иногда же ловко выходилъ изъ затрудненія. Когда

вся улица была запружена каретами, привезшими лицъ, ожидавшихъ его въ пріемной, онъ украдкой, черезъ задній ходъ, закутанный въ плащъ, ускользалъ изъ своего дома и оставлялъ всѣхъ просителей, которые тоже расходились по домамъ, замѣтивъ, что солнце уже не появится въ этотъ день. Въ молодыхъ годахъ Безбородко, былъ очень красивъ и говорятъ, что онъ нравился многимъ дамамъ, даже высокопоставленнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ веселъ, остроуменъ и поучителенъ.

Извѣстная щедрость обоихъ государей, при которыхъ служилъ Безбородко, заставляетъ уже ожидать, что его состояніе было громадно. Въ годъ смерти доходы его были значительно болѣе 200,000 рублей. Онъ владѣлъ 49,000 крестьянъ. Его движимое имущество, кромѣ картинной галлереи, быть можетъ, одной изъ самыхъ большихъ и дорогихъ, бывшихъ когда либо у частнаго лица, и трудно оцѣнимой, опредѣляли въ четыре милліона рублей. Большая часть его имѣній были на Украйнѣ и въ Подоліи, но значительно болѣе прелестныя владѣнія имѣлъ онъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Его дворецъ въ Петербургѣ, и другой, на Выборгской сторонѣ, въ саду, были внутри такъ великолѣпны, что едва ли что либо подобное можно видѣть въ этомъ родѣ гдѣ либо еще; но эти дворцы — ничтожество передъ его московскимъ дворцомъ, казавшимся настоящимъ замкомъ фей. Покажется, конечно, невѣроятнымъ, что Безбородко, при такомъ большомъ состояніи, могъ оставить на милліонъ руялей долговъ, но это буквально вѣрно.

XCI.

Безбородко II.

Этотъ Безбородко былъ младшимъ братомъ министра. О немъ намъ извѣстно только, что онъ началъ свою карьеру въ военной службѣ, которую вскорѣ оставилъ и поступилъ въ гражданскую. Онъ былъ одновременно съ братомъ возведенъ нѣмецкимъ императоромъ въ Графское достоинство.

Въ 1799 году онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ по 3-му департаменту и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ всего состоянія своего брата.

Насколько намъ извѣстно, онъ былъ женатъ[1]) и продолжилъ свой родъ[2]).

---

[1]) На Аннѣ Ивановнѣ Ширяй (1766—1824).

[2]) Сынъ графа Ильи Андреевича, графъ Андрей Ильичъ, умеръ холостымъ; изъ двухъ дочерей, старшая, Любовъ Ильинишна, была за графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ, а старшій сынъ ея, графъ Александръ Григорьевичъ, принялъ, въ 1816 году, имя и гербъ Безбородко и первый сталъ именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко.

XCII.

Лазаревъ.

Лазаревъ*), мелкій армянскій торговецъ, имѣлъ уже небольшое состояніе, когда началъ торговать въ Петербургѣ.

Онъ имѣлъ счастіе познакомиться въ Петербургѣ съ государственными людьми, которые могли помочь ему въ торговлѣ кредитомъ казны. Это были: въ началѣ — Орловы, въ послѣдующія-же времена — Потемкинъ, Вяземскій[1]), Александръ Воронцовъ и Безбородко. Эти господа входили съ Лазаревымъ въ общія предпріятія, въ которыхъ можно было только выиграть, но не проиграть. Такъ, они приняли поставку мѣдныхъ денегъ изъ

*) Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ, 1735—1801, женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Марзахановой, 1750—1819.

[1]) Князь Вяземскій былъ для финансовъ самымъ полезнымъ, конечно, человѣкомъ, какого когда либо имѣла Россія. Панинъ всегда дурно отзывался о немъ, но онъ былъ неправъ. Для императрицы Вяземскій былъ, быть можетъ, полезнѣе его. Онъ умеръ въ девяностыхъ годахъ, совершенно ослабѣвъ умственно, и былъ вовсе не такъ богатъ, какъ предполагали.

Екатеринбурга[1]) въ столицы и провинціи имперіи, высылку которыхъ прежде задерживали, пользуясь мѣдью съ большою выгодою, и причиняя тѣмъ повсюду недостатокъ въ этихъ металическихъ знакахъ — обстоятельство, котораго императрица никогда не испытывала.

При участіи этого же Лазарева былъ привезенъ въ Петербургъ огромный брильянтъ. Онъ стоялъ во главѣ этого дѣла, и извлекъ изъ него наибольшую выгоду, такъ какъ выговорилъ себѣ условіе, по которому получалъ ежегодно, пока былъ живъ, пенсію въ 4,000 рублей. Съ его стороны было очень умно поставить такое условіе; но съ другой стороны было очень дурно, что на такое условіе согласились.

При помощи своихъ покровителей въ Россіи, онъ сталъ статскимъ совѣтникомъ, а чрезъ графа Кобенцля[2]), посла нѣмецкаго императора, нѣмецкимъ имперскимъ графомъ.

Онъ умеръ въ 1801 году и оставилъ 12 милліоновъ рублей.

Его хвалятъ за нѣкоторыя качества. Памятникомъ его благотворительности или тщеславія служитъ построенная имъ на Невскомъ проспектѣ, въ Петербургѣ, армянская церковь, составляющая еще и теперь украшеніе столицы.

---

[1]) Въ Екатеринбургѣ, заложенномъ Петромъ I, находится складъ мѣдной монеты. Изъ пуда мѣди, стоющей казнѣ менѣе 5 рублей, чеканится болѣе 16 рублей мѣдной монеты.

[2]) Графъ Кобенцль былъ подъ конецъ австрійскимъ государственнымъ министромъ, но потерялъ это мѣсто послѣ аустерлицкой битвы.

Онъ имѣлъ сына[1]), которому съ большими денежными пожертвованіями доставилъ мѣсто адъютанта при князѣ Потемкинѣ — шагъ, при помощи котораго сынъ легко могъ добиться высшихъ должностей. Этотъ сынъ умеръ. въ девяностыхъ годахъ, отъ оспы.

Намъ неизвѣстно, кто наслѣдовалъ большое состояніе Лазарева.

---

[1]) Графъ Артемій Ивановичъ, 1768—1791.

XCIII.

Васильевъ.

Сознаніе, что никогда завѣдомо не погрѣшилъ, составляетъ величайшее, блаженнѣйшее и неувядающее успокоеніе государственнаго сановника.

Васильевъ былъ темнаго происхожденія*), но возмѣщалъ этотъ невольный недостатокъ такими способностями и познаніями, которыя составили бы честь самому высокому рожденію. Этотъ дѣйствительно великій человѣкъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ, рядомъ съ кн. Вяземскимъ, душею русскихъ финансовъ, и какъ ни были они запутаны въ царствованіе Екатерины II, умѣлъ находить средства къ удовлетворенію желаній государыни и къ покрытію государственныхъ потребностей, не удручая чрезмѣрно подданныхъ. Онъ не могъ, конечно, по ограниченности своего круга вѣдѣнія, воспрепятствовать тому, что, помимо собственно финансоваго вѣдомства, вредило финансамъ вообще въ придворной, военной и флотской организаціи. Васильевъ началъ свою карьеру въ канцеляріи князя

*) Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 1742—1807, сынъ коллежскаго совѣтника, секретаря сената, Ивана Васильевича, отецъ котораго былъ оберъ-секретаремъ Адмиралтейскаго-коллегіи при Петра В.

Вяземскаго. Въ школѣ этого прекраснаго учителя, котораго онъ, однако, превзошелъ, получилъ онъ такія свѣдѣнія о силѣ и слабости Россійской имперіи, какихъ до него не имѣлъ еще ни одинъ министръ финансовъ. Его добрый, благодѣтельный и твердый характеръ увеличивалъ еще цѣну его превосходныхъ дарованій.

Онъ умеръ въ 1807 году.

Въ то время Васильевъ былъ русскій графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, финансъ-министръ, генералъ-директоръ медицинской коллегіи и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и св. Владиміра 2-й степени.

XCIV.

Дубянскій.

Дубянскій былъ простой монахъ. Его всѣ уважали за большую честность; его же необыкновенная для подобныхъ людей ученость помогла ему дослужиться до высшей духовной должности въ государствѣ: онъ былъ духовникъ императрицы Екатерины II. Здѣсь онъ имѣлъ случай собрать большія богатства.

Онъ оставилъ сына*) и дочь[1]), которымъ по собственному примѣру, далъ очень хорошее воспитаніе. Въ девяностыхъ годахъ сынъ былъ гвардейскимъ капитаномъ съ чиномъ полковника, а дочь — фрейлиной императрицы Екатерины II.

---

*) Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, женатый на Маріи Константиновнѣ Шарогородской, имѣлъ четырехъ сыновей: Михаила (1733—1776), Ѳедора, Захара (1743—1765) и Якова (1745—1807).

[1]) Елизавета Ѳедоровна (1747—1779), замужемъ за княземъ Яковомъ Петровичемъ Долгорукимъ.

XCV.

Зоричъ.

Зоричъ*), изъ дворянскаго рода[1]), не пользовавшагося никакимъ значеніемъ, съ юныхъ лѣтъ отличался въ военной службѣ и прибылъ въ Петербургъ гусарскимъ маіоромъ для пріисканія болѣе выгоднаго мѣста. У него было много наглости, его не страшили отказы въ просьбахъ и онъ тотчасъ обратился къ всемогущему Потемкину, думая чрезъ него составить себѣ карьеру. Потемкинъ исполнилъ его просьбу, но не на томъ блестящемъ пути, на которомъ Зоричъ искалъ улучшенія своей судьбы.

Въ это именно время Потемкинъ былъ очень недоволенъ попыткой Завадовскаго, стремившагося сдѣлаться самостоятельнымъ, и искалъ человѣка, который могъ бы занять его мѣсто при дворѣ. Онъ нашелъ его случайно въ Зоричѣ, который соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя для того качества и не могъ быть ему опасенъ ни

*) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, 1743—1799.

[1]) Неранчичей. Семенъ Гавриловичъ былъ сынъ Гавріила Неранчича и жены его Стефаниды, рожд. Зоричъ. Дядя, Максимъ Ѳедоровичъ Зоричъ, усыновилъ племянника Семена Гавриловича Неранчича и представилъ ему свою фамилію.

умомъ и характеромъ, ни семейными связями. Потемкинъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, подполковникомъ и представилъ его въ гусарской формѣ императрицѣ. Онъ понравился. Въ тотъ же день онъ занялъ во дворѣ комнаты, только-что покинутыя Завадовскимъ, получилъ чинъ полковника и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Затѣмъ дѣло пошло своимъ обычнымъ ходомъ. Ежедневно умножались почетныя мѣста, знаки милости и богатства. Ни одинъ изъ любимцевъ Екатерины не получилъ въ теченіи одинадцати мѣсяцевъ (время его „случая“) такихъ чрезвычайныхъ знаковъ милости, какъ Зоричъ. За время своего пребыванія при дворѣ онъ получилъ чистыми деньгами болѣе 500,000 рублей, въ томъ числѣ 20,000 на первое обзаведеніе, восемдесятъ тысячъ для своего устройства въ помѣстьяхъ, 240,000 рублей на уплату долговъ, и, сверхъ того, ему были уплочены всѣ оклады по его должностямъ. Къ тому же онъ получилъ 1500 крестьянъ; на 120,000 рублей земель, купленный въ Лифляндіи у графа Бутурлина[1]), и такъ какъ этотъ подарокъ казался малоцѣннымъ, то императрица прибавила изъ своей шкатулки стоимость доходовъ съ этой земли за послѣднія десять лѣтъ, командорство мальтійскаго ордена въ Польшѣ, приносившее ежегодно около десяти тысячъ рублей, и, наконецъ, довольно значительный городъ Шкловъ въ Польшѣ, который

---

[1]) Графъ Бутурлинъ — остроумнѣйшая и образованнѣйшая голова въ Россіи. Его богатство позволяетъ ему быть вполнѣ независимымъ отъ двора, у котораго онъ при Екатеринѣ II ничего и не искалъ. Онъ всегда душа общества. Онъ братъ г. фонъ Дивовой.

былъ купленъ у князя Адама Чарторижкаго[1]) за 450,000 рублей. Онъ получилъ брильянтовъ значительно болѣе чѣмъ на 200,000 рублей. Лишь въ день коронаціи 1777 г, онъ получилъ звѣзду и знаки ордена Меча, эксельбанд., саблю (такъ какъ онъ всегда ходилъ въ гусарскомъ мундирѣ), перо, кольцо, булавку (которую тогда носили на шеѣ, какъ теперь носятъ на груди) и пряжки на башмаки — все изъ брильянтовъ. Его гордость также была польщена: минуя чинъ бригадира, онъ сталъ генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ императрицы. Изъ русскихъ орденовъ онъ имѣлъ только орденъ св. Георгія 4-й ст., заслуженный имъ за свою храбрость, но имѣлъ нѣсколько иностранныхъ. Въ августѣ 1777 г. гроссмейстеръ Мальты прислалъ императрицѣ, въ ея распоряженіе, два креста; Екатерина отдала одинъ Рибасу, другой Зоричу. Шведскій король, бывъ въ Петербургѣ, пожаловалъ Зорича, какъ военнаго, въ кавалеры ордена Меча, и прислалъ ему, изъ Гельсингфорса, большую желтую ленту. Наконецъ, въ 1777 году же, онъ получилъ изъ Варшавы орденъ Бѣлаго Орла.

Зоричъ, какъ уже сказано, пользовался этимъ благополучіемъ только 11 мѣсяцевъ. Человѣкъ неразсудительный, онъ думалъ, что можетъ летать

---

[1]) Этотъ знатнѣйшій и богатѣйшій полякъ, самъ имѣвшій притязаніе на польскую корону, былъ двоюроднымъ братомъ короля Станислава-Августа. Обстоятельства такъ перемѣнились, что онъ долженъ былъ ѣхать въ Дрезденъ съ предложеніемъ курфюрсту, нынѣ королю саксонскому, польской короны, которую тотъ не принялъ. Чарторижскій живетъ, вѣроятно, въ Вѣнѣ. У него два сына: Адамъ, русскій министръ, и Константинъ, камергеръ русскаго двора.

на своихъ крыльяхъ. Но Потемкинъ замѣтилъ этотъ самостоятельный, смѣлый полетъ и прижалъ Зорича къ землѣ. Незначительное разногласіе, бывшее между Зоричемъ и княземъ, дало поводъ къ удаленію Зорича. Потемкинъ не былъ сердитъ на него, онъ не завидовалъ его чудовищнымъ богатствамъ, онъ не боялся его быстро вознесшагося значенія — онъ зналъ, что Зоричъ вообще былъ настолько ничтоженъ, что никоимъ образомъ не могъ быть ему опасенъ; но онъ хотѣлъ показать, что нельзя безнаказанно даже думать ему противиться и хотѣлъ этимъ примѣромъ предостеречь отъ опасности всякаго, кому пришла бы въ голову такая мысль.

Князь представилъ императрицѣ, что непріятно и даже унизительно для ея просвѣщенныхъ намѣреній имѣть близь себя человѣка столь ограниченныхъ познаній, какъ Зоричъ, и предложилъ ей выбрать себѣ другаго адъютанта, которымъ она будетъ болѣе довольна. Такъ какъ императрица въ это время не питала большой склонности къ Зоричу, то и приняла предложеніе князя. Лѣтомъ 1778 г. Зоричъ жилъ съ императрицею и Потемкинымъ въ Царскомъ Селѣ. Однажды, вечеромъ, въ іюнѣ, онъ былъ въ своей комнатѣ, когда получилъ приказаніе въ ту же минуту удалиться отъ двора и отправиться въ свои имѣнія. Его какъ громомъ поразило. Какъ стрѣла, бросился онъ въ комнату государыни, но ему запретили входъ. Онъ просилъ о разрѣшеніи проститься, но и въ этомъ ему было отказано. Онъ бросился къ князю Потемкину, но князь настаивалъ, что онъ въ этотъ же вечеръ долженъ отправиться въ свое лифляндское имѣніе и оттуда въ Бѣлоруссію,

чтобъ принять имѣнія, купленныя для него у Чарторижскаго. Возраженія ничего не могли. Онъ долженъ былъ уѣхать, оставивъ своихъ довѣренныхъ слугъ, которые должны были потомъ привезти его вещи.

Онъ отправился тѣмъ путемъ, который былъ ему предписанъ. Поселился же онъ въ Шкловѣ, гдѣ устроился по княжески. Онъ имѣлъ все, что только деньги могутъ доставить пріятнаго въ жизни, даже свою таатральную труппу. Но вскорѣ оказалось, что даже его громадныхъ доходовъ недостаточно, чтобъ поддерживать такой сибаритскій образъ жизни. Такъ какъ онъ не настолько владѣлъ собою, чтобы сократить свои расходы, то вскорѣ очутился въ большомъ затрудненіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ его имѣнія были обременены долгами и почти всѣ его драгоцѣнности распроданы.

Зоричъ былъ настолько уменъ, что вскорѣ послѣ своего удаленія отъ двора униженно подчинился Потемкину и тѣмъ примирился съ нимъ. Князъ позволилъ даже Зоричу явиться къ нему въ 1787 году, когда князь, проѣздомъ въ Херсонъ, былъ занятъ устройствомъ театральныхъ выдумокъ, которыя должны были обмануть иипературицу во время ея путешествія. Потемкинъ принялъ его весьма милостиво, и охотно былъ бы радъ, если-бъ могъ имъ вытѣснить гордаго и опаснаго Мамонова. Зоричъ былъ еще очень красивъ и ужъ совершенно безпритязателенъ. Императрица соблаговолила повидать его, обошлась съ нимъ весьма милостиво и назначила его генералъ-поручикомъ. Но этимъ все и кончилось. Потемкинъ, съ нѣкотораго времени появлявшійся при дворѣ только чрезъ

большіе промежутки, терялъ мало по малу свое значеніе. Онъ замѣтилъ теперь это очень ясно, но не хотѣлъ поднимать никакого громкаго скандала изъ-за дѣла, которое въ сущности не слишкомъ-то его и интересовало. Зоричъ уѣхалъ обратно въ Шкловъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхалъ.

Этотъ чрезвычайно статный избранникъ принадлежалъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, къ числу тѣхъ немногихъ людей у которыхъ вовсе нѣтъ пороковъ, мало недостатковъ, есть нѣкоторые таланты и много пріятныхъ качествъ. Зоричъ не обладалъ проницательнымъ умомъ, но онъ вовсе не былъ ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ не получилъ образованія и впослѣдствіи, кромѣ французскаго языка, ничему не научился. Но онъ былъ чрезвычайно остроуменъ, обворожительно веселъ и былъ постоянно въ добромъ расположеніи. Это-то для общительности столь пріятныя свойства дѣлали его, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ любезнымъ изъ всѣхъ избранниковъ Екатерины. Сверхъ того, онъ былъ храбръ, честенъ, великодушенъ, услужливъ, безъ всякаго притворства. Жаль, что такія хорошія свойства затемнялись часто невѣроятною суетностью, безграничнымъ легкомысліемъ и неимовѣрною склонностью къ расточительности.

XCVI.

Корсаковъ.

Корсаковъ*) былъ дворянинъ, изъ очень хорошей русской фамиліи, которая собственно называется Корсаковъ-Римскій.

Онъ началъ свою военную службу сержантомъ въ конной гвардіи; по рекомендаціи былъ переведенъ въ кирасирскій полкъ, и съ отличіемъ служилъ во время польскихъ смутъ. Онъ былъ капитаномъ, когда Потемкинъ познакомился съ нимъ. Корсаковъ понравился ему, и князь причислилъ его къ тѣмъ двумъ лицамъ, изъ которыхъ императрица должна была избрать адъютанта на мѣсто только что уволеннаго Зорича. Эти два были: Бергманъ, лифляндецъ, и Ронцовъ, побочный сынъ графа Воронцова, о которыхъ мы, впрочемъ, ничего не можемъ сказать. Оба они ничѣмъ не обращали на себя вниманія, даже не будучи сравниваемы съ Корсаковымъ. Рядомъ-же съ нимъ они совершенно теряли, такъ какъ онъ обладалъ чрезвычайно изящной фигурой. Было и еще одно обстоятельство, обезпечивавшее за Корсаковымъ преимущество. О немъ ходила молва, что онъ

*) Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, 1754—1831.

новичекъ во всемъ, вовсе неопытенъ въ какихъ либо интригахъ, и, слѣдовательно, совершенно невинный еще юноша. Императрица давно уже желала имѣть около себя такого невиннаго. Было условлено, что всѣ три кандидата будутъ показаны императрицѣ въ ея пріемной. Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила съ каждымъ изъ присутствовавшихъ и подошла, наконецъ, къ Корсакову. Она дала ему букетъ, только что поднесенный ей, и поручила отнести этотъ букетъ князю Потемкину и сказать ему, что она желаетъ говорить съ нимъ. Корсаковъ исполнилъ приказаніе. Потемкинъ понялъ намекъ и, какъ онъ говорилъ, чтобы наградить принесшаго императорскій подарокъ, сдѣзалъ его своимъ адъютантомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали исторію возвышенія этого избранника.

Какъ-бы ни было, но несомнѣнно, что день спустя послѣ представленія, въ іюнѣ 1778 г., Корсаковъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ и остался жить въ Царскомъ Селѣ, въ императорскомъ дворцѣ. Мало по малу, но чрезъ очень короткіе промежутки, онъ сталъ прапорщикомъ кавалергардовъ, что, насколько мы помнимъ, давало ему чинъ генералъ-маіора, потомъ дѣйствительнымъ камергеромъ, генералъ-маіоромъ на службѣ, кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ государыни.

Въ послѣдніе годы избранники не могли долго пользоваться милостями своей государыни. Съ Корсаковымъ случалось тоже, что и съ его предмѣстникомъ. Онъ потерялъ свое мѣсто въ октябрѣ 1779 г., спустя пятнадцать мѣсяцевъ по полу-

ченіи его. Потемкинъ же его и удалилъ, не потому, чтобъ онъ его боялся (ибо, по уму Корсаковъ былъ столь же мало опасенъ, какъ и Зоричъ), но потому, что чрезъ него онъ хотѣлъ свергнуть милую графиню Брюсъ[1]), сестру своего злѣйшаго врага, фельдмаршала графа Румянцева. Корсаковъ былъ красивый мущина и нравился графинѣ, умѣвшей цѣнить мужескую красоту. Какъ довѣренная подруга императрицы она имѣла случай видѣть ежедневно избранника. Потемкинъ замѣтилъ согласіе влюбленныхъ и не только не мѣшалъ имъ, но поощрялъ ихъ обоихъ, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе подготовить ихъ паденіе. Удостовѣрившись въ ихъ связи, онъ открылъ ихъ романъ императрицѣ, которая была возмущена, какъ невѣрностью своей подруги, такъ и неблагодарностью своего избранника. Екатерина отомстила обоимъ: Корсакову приказано было отправиться въ южнія края, графиня Брюсъ должна была удалиться въ Москву. Впрочемъ, если бы и не этотъ случай, Корсаковъ все-же не могъ-бы оставаться на этомъ посту. Этотъ мнимый новичекъ во всемъ, велъ, какъ было узнано, еще въ Варшавѣ весьма распутную жизнь, которую онъ продолжалъ и во дворцѣ. Онъ часто хворалъ и уже начали опасаться послѣдствій этой его хворости, когда легкомысленное поведеніе съ графиней Брюсъ удалило его изъ дворца.

По удаленіи изъ дворца, онъ оставался еще въ Петербургѣ, такъ какъ серьезная болѣзнь не позволяла ему покинуть столицу. Ему часто должны

---

[1]) Графиня Брюсъ, красивая и умная женщина, умерла въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Объ ея мужѣ было уже говорено въ этой книгѣ.

были пускать кровь и прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ онъ выздоровѣлъ. Но едва оправившись, онъ, подобно прочимъ придворнымъ, явился однажды ко двору. Это поведеніе многіе порицали, но, какъ намъ думается, несправедливо. Почему-же онъ, находясь еще въ столицѣ, не могъ явиться, подобно другимъ, для изъявленія публично своего почтенія государынѣ, которая была столь милостива къ нему? Однако, какъ это появленіе при дворѣ, такъ и другія его старанія не произвели никакого впечатлѣнія, хотя ему очень хотѣлось занять свой прежній постъ. Онъ надѣялся на это, потому что его комнаты въ императорскомъ дворцѣ, по другимъ причинамъ, оставались еще не занятыми; однако онъ ошибся.

Когда онъ, наконецъ, убѣдился въ этомъ, онъ отправился, насколько намъ извѣстно, не заграницу, а въ Москву, гдѣ, по смерти графини Брюсъ, завязалъ новую связь — съ покойною уже супругою стараго графа Строгонова[1]), рожденною княгинею Трубецкою[2]).

Онъ остался навсегда жить въ Москвѣ и, вѣроятно, еще и теперь живетъ тамъ на доходы съ своего большаго состоянія.

---

[1]) Графъ Строгоновъ — безспорно одинъ изъ ученѣйшихъ эстетиковъ въ Россіи. Его огромныя богатства доставили ему средства составить прекраснѣйшія собранія картинъ, антиковъ и рѣдкостей. Этотъ достойный человѣкъ достигъ уже глубокой старости. Онъ оберъ-камергеръ и кавалеръ русскихъ и польскихъ орденовъ. Его сынъ — также заслуженный человѣкъ и уже министръ.

[2]) Она дочь князя Петра и внучка князя Никиты Трубецкаго. Объ обоихъ этихъ лицахъ было уже говорено кое-что въ этой книгѣ.

Будучи въ „случаѣ“, онъ получилъ слѣдующіе подарки: домъ, за который было уплочено 100,000 рублей. Онъ отдавалъ его въ наймы за 3000 руб., что составляло въ то время большую сумму, нынѣ же считается мелочью. Позже онъ продалъ этотъ домъ старому графу Мусину-Пушкину[1]), кажется, за 100,000 руб. Со включеніемъ своего жалованья, онъ получилъ чистыми деньгами 200,000 руб.; на уплату долговъ ему было выдано 100,000 руб. и на путешествіе — 170,000 руб. Сверхъ того онъ получилъ четыре тысячи крестьянъ въ одной изъ лучшихъ губерній Россіи и на 150,000 руб. брилльянтовъ.

Корсаковъ въ сущности былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но его внѣшнія формы были такъ изящны и прелестны, что подобныя рѣдко встрѣчаются. Этотъ внѣшній лоскъ скоро пропалъ и онъ, по внѣшнему виду, сталъ пріятнымъ развратникомъ, на которомъ сказывались слѣды его неправильнаго образа жизни. Легкомысліе и добросердечіе составляли главныя черты его характера. Онъ обладалъ даромъ чрезвычайно пріятной бесѣды, и правильнымъ, хотя и не проницательнымъ, умомъ; но онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ познаній. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ

---

[1]) Графъ Мусинъ-Пушкинъ жилъ еще въ 1799 г. и былъ фельдмаршаломъ. Онъ командовалъ арміей въ Финляндіи въ 1790 г., причемъ не случилось ничего замѣчательнаго. Его сынъ женился на графинѣ Брюсъ и носитъ съ тѣхъ поръ фамилію Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. (Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, 1735—1804; его сынъ Василій женился на графинѣ Екатерины Яковлевны Брюсъ, 1776—1822; присоединеніе фамиліи разрѣшено указомъ 18 ноября 1796 года.

составился анекдотъ, который даже напечатанъ, но за вѣрность котораго мы, однако, не ручаемся. Разсказываютъ, будто Корсаковъ слышалъ, что прежде государственные сановники и знатнѣйшіе придворные имѣли большія библіотеки, которыя по штату уже полагались въ дворцахъ, какъ вещь необходимая. Когда онъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы дворецъ Васильчикова, онъ позвалъ книгопродавца и заказалъ ему библіотеку для извѣстной залы. На вопросъ-же книгопродавца, сдѣлалъ-ли Корсаковъ списокъ книгъ, которыя желалъ-бы имѣть, и по какой наукѣ должны быть выбраны книги, избранникъ отвѣчалъ:

— „Объ этомъ я ужъ не забочусь — это ваше дѣло; внизи должны стоять большія книги и чѣмъ выше, тѣмъ меньшія, точно такъ, какъ у императрицы“.

XCVII.

Иванъ Страховъ.

Иванъ Страховъ*), русскій, мѣщанскаго происхожденія, былъ племянникомъ одной изъ камерфрау императрицы Екатерины II.

Онъ былъ малъ ростомъ, уродливъ лицомъ; его внѣшній видъ былъ крайне непріятный. Однако, онъ полагалъ, что произвелъ на государыню, которая тогда только что удалила отъ двора избранника своего Корсакова впечатлѣніе, потому что императрица, случайно встрѣтивъ его въ Царскомъ Селѣ, въ своей гардеробной, заговорила съ нимъ съ свойственными ей любезностію и снисхожденіемъ. Страховъ до того былъ прельщонъ собою, что о возможности стать избранникомъ говорилъ даже съ графомъ Панинымъ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ секретаремъ. Онъ сообщилъ свое открытіе графу въ то время, когда ѣхалъ съ нимъ изъ Царскаго Села, гдѣ министръ имѣлъ докладъ у императрицы. Панинъ принялъ его за сумасшедшаго и хотѣлъ отвлечь отъ этой безумной мечты. Однако, въ дѣйствительности, Страховъ не былъ настолько безуменъ, какъ предпола-

*) Иванъ Варѳоломеевичъ Страховъ, 1750—1793.

галъ Панинъ; по крайней мѣрѣ, эта мечта составила его карьеру. Онъ сталъ чаще навѣщать своихъ родныхъ и видалъ тамъ императрицу, которая, по совершенно непонятной причинѣ, вѣроятно для равлеченія, охотно бесѣдовала съ нимъ. Когда Екатерина однажды сказала ему, что онъ можетъ просить у нея какой нибудь милости, Страховъ бросился на колѣни и просилъ ея руки. Это было уже слишкомъ. Императрица болѣе не видѣлась съ нимъ иначе, какъ публично, при дворѣ.

Между тѣмъ, этотъ случай составилъ его счастье. Онъ получилъ большіе подарки деньгами и крестьянами и сталъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, вице-губернаторомъ Костромы и кавалеромъ ордена св. Владиміра.

XCVIII.

Александръ Ланской.

Александръ Ланской*) былъ сынъ русскаго дворянина очень хорошей фамиліи.

Онъ былъ конногвардеецъ, когда генералъ Толстой[1]), въ то уже время, когда Корсаковъ жилъ еще при дворѣ, рекомендовалъ его государынѣ въ генералъ-адъютанты. Хотя его внѣшній видъ и его бесѣда понравились императрицѣ, но особыя обстоятельства побуждали ее тогда воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ, онъ получилъ 10,000 рублей для первоначальнаго обзаведенія. Въ то же время съ разныхъ сторонъ ему не то приказывали, не то дружески совѣтовали обратиться къ князю Потемкину. Князю очень понравился такой знакъ довѣрія и онъ тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Ланской оставался шесть мѣсяцевъ на этомъ мѣстѣ.

---

*) Александръ Дмитріевичъ Ланской, 1758—1784.

[1]) Въ первую турецкую войну генералъ Толстой стяжалъ себѣ славное имя. Оба графа Толстые, занимающіе теперь важныя государственныя должности при русскомъ дворѣ, его сыновья. Онъ умеръ въ восьмидесятыхъ годахъ. (Графъ Петръ Ивановичъ Толстой, 1726—1789, оберъ-полицеймейстеръ Петербурга, имѣлъ двухъ сыновей: графа Николая, 1759—1822, и графа Ивана, 1760—1823).

Только на святой недѣлѣ 1780 г. императрица, занятая до тѣхъ поръ важными дѣлами и будучи больна, нашла время, когда молодой Ланской могъ быть ей представленъ. Она назначила его своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ. Въ тотъ же день онъ получилъ приказаніе занять тѣ комнаты во дворцѣ въ которыхъ помѣщался Корсаковъ.

Свое пребываніе при дворѣ Ланской сдѣлалъ замѣчательнымъ лишь своею похвальною привязанностью къ императрицѣ и тѣми воздаяніями, которыя онъ получилъ за это. Онъ никогдн не занимался государственными дѣлами, которыя столько же были ему чужды, какъ и онъ имъ. Не смотря на то, онъ могъ имѣть часто случай сдѣлаться важнымъ лицомъ. Въ его время, въ Россію пріѣзжали Іосифъ II, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ, наслѣдникъ Фридриха II, и, наконецъ, Густавъ III. Каждый изъ нихъ охотно привлекъ бы его на свою сторону; но его поведеніе всегда было настолько сдержанно, что до него нельзя было и добраться. Онъ тщательно избѣгалъ придворныхъ интригъ, и можно сказать, что за время пребыванія его при дворѣ бабамъ и сплетникамъ было мало или даже вовсе не было дѣла. Даже родня не имѣла къ нему доступа, хотя государыня, по собственному побужденію, дала нѣкоторымъ изъ нихъ мѣста при дворѣ. Короче, Ланской не связывалъ себя ни съ кѣмъ, жилъ только для своей службы и приносилъ себя въ жертву своимъ обязанностямъ. Это спокойствіе избранника никому не казалось опаснымъ и было опасно для всѣхъ. Его значеніе въ глазахъ императрицы, которую онъ никогда не покидалъ, было безгранично. Всякій сознавалъ, что Ландскому стоило сказать слово, чтобъ свергнутъ

его и самъ Потемкинъ чувствовалъ, что его политическое бытіе зависитъ только отъ воли избранника.

Къ счастью для придворныхъ, этотъ страшный человѣкъ жилъ не долго. Со времени появленія при дворѣ онъ постоянно хворалъ. Въ началѣ онъ страдалъ лихорадкою. Стараніями врачей и заботливымъ уходомъ онъ поправился; но его здоровье не было крѣпкимъ и иногда возвращались припадки болѣзни. Это была главнымъ образомъ его вина. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ, пологая, совершенно ошибочно, подкрѣпить этимъ свои силы. Надо полагать, что этимъ онъ только ухудшилъ свое положеніе. Молодость и крѣпкая натура могли бы, однако, спасти его, но однажды, лѣтомъ 1784 года, послѣ пріема сильныхъ возбудительныхъ средствъ, онъ съѣлъ нѣсколько сладкихъ лимоновъ и тѣмъ нажилъ себѣ смертельную болѣзнь. Усилія всѣхъ придворныхъ и городскихъ врачей оказались тщетными. Наконецъ, два недѣли спустя, 25-го іюня, императрица, зорко слѣдавшая за ходомъ болѣзни пригласила знаменитаго Вейкгарда[1]), котораго она давно уже, вслѣдствіе его славы, вызвала изъ Фульды въ Петербургъ. Онъ повиновался неохотно, потому что Ланской однажды очень невѣжливо выпроводилъ его отъ себя. По приказанію императрицы, онъ отправился, однако, съ ассессоромъ Кельхеномъ[2]) къ больному. Какъ только онъ

[1]) Вейкгардъ сталъ жертвою интриги. Въ Петербургѣ имъ вовсе не такъ дорожили, какъ онъ того заслуживалъ. Онъ очень грустилъ, что былъ вырванъ изъ своего счастливаго положенія. Его братъ — искусный врачъ въ Петербургѣ.

[2]) Кельхенъ — придворный медикъ и опытный врачъ.

увидалъ больнаго, онъ тотчасъ же сказалъ императрицѣ: „онъ умретъ въ этотъ же вечеръ“. Вейкгардъ нашелъ, что у больнаго воспаленіе гортани. Государыня не хотѣла этому вѣрить и усумнилась въ найкѣ врачей. Она утверждала, что близкая смерть немыслима, такъ какъ больной опять могъ говорить. Однако, Вейкгардъ былъ правъ. Воспаленіе гортани сдѣлало свое дѣло. Ланской умеръ вечеромъ, 25-го іюня 1784 года, на 27 году.

Такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не былъ близокъ, то нитко о немъ и не пожалѣлъ, кромѣ человѣколюбивой государыни, нѣжное сердце которой, всегда проникнутое чувствомъ дружбы, было глубоко опечалено потерей человѣка, котораго она привыкла ежедневно видѣть въ своемъ обществѣ и услуги котораго умѣла цѣнить. Изъ предосторожности ей пустили кровъ. Она закрыла при этомъ свое ливе густою вуалью, чтобъ скрыть свои черты лица и тѣмъ избѣжать разныхъ толковъ, къ которыми онѣ могли дать поводъ. Императрица, однако, долго, не могла оправиться отъ того ужаса, который естественно произвела на нее смерть, приключившаяся на ея глазахъ. Ее возвышенный духъ, казалось, уснулъ на время, но тѣмъ яснѣе были проявленія ея чувствительнаго сердца. Екатерина II снова представила доказательства своего человѣколюбія, которое всегда въ ней замѣчалось. И долго еще ея печальныя чувствованія привязывались, если такъ можно сказать, къ образу усопшаго.

По смерти Ланскаго, императрица отправилась съ его сестрою, г-жею Кушелевою[1]) въ Петер-

[1]) Мужъ этой дамы былъ сдѣланъ, по смерти Ланскаго, флигель-адъютантомъ и полковникомъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и живетъ доходами съ своего боль-

бургъ, а оттуда въ Пеллу, маленькій, недостроенный загородный дворецъ близь столицы; но въ это лѣто она не возвращалась уже въ Царское Село.

Мечтательное, юношеское желаніе Ланскаго быкь погребеннымъ въ какомъ либо романтическомъ мѣстѣ царскосельскаго сада было исполнено. Тѣло его похоронили въ саду и обозначили мѣсто могилы простою, но дорогою мраморною урною, которая была видна еще въ девяностыхъ годахъ. Тѣло оставлено было тамъ до зимы. Безнравственные злодѣи вынули тѣло изъ гроба, изуродовали его и старались осквернить память умершаго позорными пасквилями, изобличающими, однако, въ авторѣ большой умъ. Императрица, справедливо возмущенная этимъ, приказала положить гробъ въ церковь близьлежащаго городка Софіи, пока не была выстроена маленькая, но красивая капелла, въ когорой его погребли и которую поэтому можно назвать мавзолеемъ избранника Ланскаго.

Великія милости, оказанныя императрицей Ланскому при жизни и по смерти его, объясняются, безъ сомнѣнія, его видимо неподдѣльною добротою сердца, его спокойною, никакимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ не тревожимою жизнью и его нерушимо вѣрною преданностью священной особѣ императрицы. Извѣстно и подтверждено самою императрицею, что она никогда въ жизнь свою не встрѣчала примѣра такой вѣрности. Впрочемъ, его существованіе было вредно для многихъ въ Россійской имперіи, ни для кого не было полезно и для

шаго имѣнія (Иванъ Ивановичъ Кушелевъ, 1754—1816, былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ).

большинства безразлично. У него не было ни познаній, ни дарованій, которыя заставляли бы сожалѣть о немъ, и еще вопросъ — была-ли его вѣрность императрицѣ обдуманною добродѣтелью, естественнымъ настроеніемъ или искуснымъ обманомъ? Скрытое скряжничество лежало въ основѣ его характера и было рычагомъ его дѣйствій, направленныхъ лишь къ тому, чтобъ собрать несмѣтныя богатства, почетныя должности и знаки милости.

Если-бъ Ланской жилъ дольше, онъ превзошелъ бы всѣхъ выскочекъ. Онъ умеръ на 27 году и былъ уже генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, дѣствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, шефъ Троицкаго кирасирскаго полка и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава, Сѣверной Звѣзды и св. Анны.

Ланской былъ любимцемъ императрицы три года и нѣсколько мѣсяцевъ, и за это время стоилъ государству семь мильоновъ рублей, сумму, въ которую оцѣниваются оставленныя имъ земли, дома, драгоцѣнности, деньги и брильянты. Ланской сдѣлалъ императрицу наслѣдницею своихъ богатствъ, но государыня имѣла великодушіе предоставить наслѣдство его ближайшимъ родственникамъ*). Она оставила себѣ только прекрасную картинную галлерею, неоцѣненное для знатока собраніе медалей; библіотеку, въ которой было много залежалаго товара, все серебро и на 400,000 рублей имѣній. Все это она купила у на-

*) Именной указъ Екатерины II сенату отъ 7-го іюля 1784 г. (Архивъ, 1880, II, 151).

слѣдниковъ на чистыя деньги. У него были прекрасныя имѣнія въ лучшихъ провинціяхъ имперіи. Его домъ[1]) лучшій въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, Ланской, по милости императрицы и противъ своей воли, лишь по смерти своей сталъ благодѣтелемъ своихъ родныхъ, для которыхъ онъ при жизни ничего не сдѣлалъ. Что онъ не раздавалъ своимъ роднымъ важныхъ должностей, къ чему они быть можетъ не имѣли и способностей, или не обогащалъ ихъ на счетъ казны — было бы очень похвально, еслибъ эта воздержность исходила изъ патріотизма; но было дурно, что онъ изъ своихъ собственныхъ богатствъ не улучшалъ ихъ положенія, и доказывало, что онъ не способенъ къ состраданію. Его сестеръ[2]) императрица назначила фрейлинами; братъ*) достигъ только чина подполковника. Онъ былъ имъ и въ девяностыхъ годахъ. Эта родня не видѣла отъ него никакой выгоды для себя, кромѣ того, что могла обѣдать за столомъ 30-ти, который сервировался для него отъ двора и за который онъ никогда не садился. Семь племянниковъ Ланскаго, въ томъ числѣ весьма достойные люди, могли добиться лишь весьма незначительныхъ мѣстъ въ арміи.

---

[1]) Этотъ домъ находится насупротивъ Зимняго дворца. Большой подъѣздъ и балконъ изъ прелестнаго сѣраго, бѣлаго и краснаго мраморовъ. Въ этомъ дворцѣ довольно обширный театръ, гдѣ даются обыкновенно нѣмецкія представленія.

[2]) Пять сестеръ Ланскаго: Авдотья Дмитріевна была замужемъ за И. Л. Чернышевымъ, Анна — за Рагозинскимъ, Елизавета — за И. И. Кушелевымъ, Варвара — за Н. М. Мацневымъ и Екатерина — за Брылкинымъ.

*) Яковъ Дмитріевичъ.

Если Ланской былъ самымъ дорогимъ изъ всѣхъ любимцевъ императрицы, то онъ былъ, конечно, и самымъ красивымъ. Природа одарила его вполнѣ прелестною наружностью, соединенною съ правильною соразмѣрностью роста и всѣхъ членовъ. Его красота не вполнѣ передана на прекрасномъ изображеніи[1]) въ эрмитажѣ. Онъ представленъ въ красной и черной шитой серебромъ артиллерійской формѣ. Адъютанты императрицы имѣли право носить по своему выбору всѣ формы, безъ различія, за исключеніемъ лишь морской. Вѣроятно, Ланской находилъ, что артиллерійскій мундиръ идетъ къ нему болѣе другихъ. Изображеніе поясное. Избранникъ изображенъ съ генералъ-адъютантской палочкой[2]) въ рукахъ, стоящимъ у стола, на которомъ поставленъ бюстъ императрицы и лежатъ рисунки.

---

[1]) Изображеніе рѣзано на мѣди англичаниномъ Джемсомъ Уолкеромъ.

[2]) Эта палочка была изъ чернаго дерева съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ эмалированъ императорскій орелъ.

XCIX.

Александръ Ермоловъ.

По смерти адъютанта Ланского, друзья императрицы считали своимъ долгомъ просить, чтобъ она выбрала себѣ нового собесѣдника. Прошло много времени прежде чѣмъ они получили отъ императрицы разрѣшеніе сдѣлать свои предложенія; наконецъ, государыня дала сво согласіе, и тогда всѣ начали искать подходящее лице.

Между прочимъ, объ этомъ заботилась и княшня Дашкова. Отъ ея ума и познаній можно было ожидать, что она предложитъ весьма даровитаго человѣка. Такъ и случилось. Соискателемъ на званіе флигель-адъютанта былъ ея сынъ*), юноша, подававшій большія надежды, обучавшійся въ Англіи подъ надзоромъ своей матери. Полковникъ князь Дашковъ[1]) обладалъ, дѣйствительно, многими любезными свойствами для общества и по внѣшнему виду былъ весьма представителенъ. Онъ даже понравился императрицѣ. Но этого было недостаточно. Князь Потемкинъ, зная безпокойный характеръ матери и опасаясь ея вліянія,

*) Rulhière, IV, 325; Воронцовъ, XXI, 284.

[1]) Князь Дашковъ вышелъ въ отставку генераломъ, женился и живетъ въ Москвѣ только для науки.

отстранилъ его. Потемкинъ принялъ на себя обязанность отыскать муцшпу, который могъ-бы занять постъ покойнаго Ланского и только въ февралѣ 1785 г. выполнилъ эту задачу.

Александръ Ермоловъ[1]) русскій дворянинъ изъ хорошей, но не имѣвшей большаго значенія, фамиліи, былъ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, когда князь Потемкинъ назначилъ его своимъ адъютантомъ и представилъ его императрицѣ во время нарочно для того устроеннаго праздника. Ермоловубыло тогда 22 года и онъ понравился императрицѣ. Мы уже говорили, что въ подобномъ дѣлѣ первый шагъ заключался въ томъ, чтобъ стать адъютантомъ Потемкина. Немного спустя онъ сталъ флигелъ-адъютантомъ императрицы и переѣхалъ въ обычныя комнаты любимцевъ. Ермоловъ, имѣвшій болѣе общеполезные и либеральные принципы, чѣмъ Ланской, держался совсѣмъ другой системы. Онъ помогалъ всѣмъ, насколько могъ, отчасти изъ своихъ средствъ, отчасти своимъ вліяніемъ, и не отпускалъ отъ себя никого, къ какому-бы состоянію проситель ни принадлежалъ, безъ удовлетворенія, если былъ убежденъ, что онъ того достоинъ. Но онъ при этомъ не злоупотреблялъ своимъ благоволеніемъ, такъ какъ его богатства были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣли другіе избранники. Императрица могла положиться на его рекомендацію, такъ какъ онъ обладалъ знаніями и имѣлъ способность оцѣнивать людей, и не покровительствовалъ недостойнымъ. Для своихъ родныхъ онъ былъ благодѣтелемъ, но разумнымъ. Одному[2]) изъ нихъ

[1]) Александръ Петровичъ Ермоловъ, 1754—1836.

[2]) Его звали Левашевъ, онъ былъ флигель-адъютантъ,

весьма дѣльному человѣку, онъ добылъ отъ императрицы въ подарокъ 50,000 руб.; другому[1]) самъ подарилъ 300 крестьянъ и далъ пенсію въ 1,500 рублей. Онъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, если могъ полагать, что его вмѣшательство поможетъ добру и помѣшаетъ злу. Благороднѣйшею его добродѣтелью была искренность. Она дѣлаетъ несчастными всѣхъ своихъ поклонниковъ и цѣнителей; то же она сдѣлала и съ Ермоловымъ. Ермоловъ полагалъ, что благоволенія къ нему государыни даютъ ему право указывать императрицѣ на небреженія и злоупотребленія князя Потемкина въ государственномъ управленіи. Онъ дѣлалъ это съ свойственною ему правдивостью и имѣлъ удовольствіе замѣтить, что его представленія производили чувствительное впечатлѣніе на умъ и сердце государыни. Чтобы не имѣть, однако, въ глазахъ императрицы, вида клеветника, онъ подтвердилъ свои обвиненія примѣромъ, который во всякомъ случаѣ былъ весьма невыгоденъ для славы князя. Бывшему крымскому хану[2]) была обезпечена, при занятіи Крыма, значительная пенсія. Князь Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ Тавриды, долженъ былъ заботиться объ уплатѣ условленной суммы. Онъ, однако, такъ мало безпоился объ этомъ, что быв-

---

маіоръ гвардіи и генералъ-поручикъ. Павелъ I сдѣлалъ его генераломъ отъ инфантеріи. Еще прежде онъ былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

[1]) Это былъ тоже Левашевъ, и именно тотъ, который отправился путешествовать съ Ермоловымъ.

[2]) Ханъ Сабинъ-Херай былъ несправедливостями Потемкина вынужденъ бѣжать въ Константинополь, гдѣ и былъ удавленъ.

шій ханъ нѣсколько уже лѣтъ ничего не получалъ. Ханъ жаловался, но ничего не добился. Тогда онъ обратился къ Ермолову, участіе котораго къ судьбамъ несчастныхъ ему очень хвалили. Ермоловъ принялъ жалобу и познакомилъ императрицу съ незаконными дѣйствіями Потемкина. Государыня сдѣлала князю справедливые упреки по этому поводу, не указавъ, однако, ему источника своихъ свѣдѣній. Потемкинъ скоро отгадалъ измѣнника и ожидалъ только случая, чтобы отомстить. Случай скоро представился. Однажды, за картами, Потемкинъ наговорилъ грубостей дядѣ Ермолова, генералу Левашову. Генералъ пожаловался племяннику, племянникъ императрицѣ, и императрица опять обратилась къ Потемкину съ упреками. „Я хорошо вижу — заявилъ Потемкинъ — откуда исходятъ всѣ эти жалобы. Вашъ бѣлый мавръ (такъ онъ называлъ Ермолова, который былъ блондинъ и, подобно африканцамъ, имѣлъ нѣсколько плоскій носъ) передаетъ все это вамъ, желая повредить мнѣ. Вы можете, однако, выбирать между имъ и мною; одинъ изъ насъ долженъ удалиться". Императрица очень хорошо сдѣлала-бы, еслибъ разрѣшила эту дилемму въ пользу Ермолова. Она не сдѣлала этаго и начала такъ ужь сильно склоняться на сторону Потемкина, что Ермоловъ замѣтилъ это и считалъ свое паденіе неизбѣжнымъ. Онъ даже далъ императрицѣ ясно понять это свое убѣжденіе: когда она надѣвала ему присланный изъ Варшавы орденъ Бѣлаго Орла, онъ увидѣлъ въ этомъ знакъ близкой отставки и сказалъ: malum signum. Императрица сдѣлала видъ, что не слышитъ его словъ, но послѣдствія доказали, что онъ былъ правъ. Должно полагать, что Ермоловъ

самъ желалъ этой перемѣны. Въ день восшествія на престолъ 1786 года — большой праздникъ въ Петергофѣ — онъ проявилъ необыковенную веселость и сталъ относиться къ князю Потемкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. То и другое противорѣчило его характеру и возбуждало крайнее удивленіе. Это поведеніе было послѣднимъ напряженіемъ его силы; Потемкинъ прижалъ его къ землѣ. Онъ испросилъ отъ императрицы опредѣленнаго рѣшенія, которое тотчасъ-же и послѣдовало. Ермоловъ часто уже говорилъ императрицѣ, что онъ предвидитъ кратковременность его избранничества, по примѣру своихъ предшественниковъ, и въ этомъ случаѣ онъ желалъ-бы только получить разрѣшеніе отправиться путешествовать. Императрица вспомнила теперь о такомъ его желаніи. Въ послѣдній вечеръ іюня, когда Потемкинъ испрашивалъ категорическаго рѣшенія императрицы, она послала генералъ-адъютанта къ Ермолову и дала ему разрѣшеніе отправиться заграницу на три года. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе, черезъ нѣсколько-же часовъ оставилъ дворъ и отправился въ Петербургъ, откуда вскорѣ выѣхалъ заграницу съ своимъ родственникомъ, полковникомъ Левашевымъ.

Графъ Безбородко получилъ приказаніе выдать ему рекомендательныя письма во всѣ русскія посольства въ Германіи и Италіи. Ермоловъ поѣхалъ чрезъ Варшаву и Вѣну въ Италію, вездѣ велъ себя съ похвальною скромностью, которой всѣ удивлялись въ то время, когда онъ былъ въ милости, и пріобрѣлъ обширныя познанія. По возвращеніи, онъ поѣхалъ въ Москву, сборище всѣхъ придворныхъ недовольныхъ и на половину или

вполнѣ впавшихъ въ немилость. Но всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его также цѣнили, какъ и на берегахъ Невы, и онъ вполнѣ это заслуживалъ.

Когда Ермоловъ покинулъ дворъ, онъ былъ не болѣе, какъ генералъ-майоръ и кавалеръ обоихъ польскихъ орденовъ.

Богатства, собранныя имъ за шестнадцать мѣсяцевъ, могутъ быть высчитаны приблизительно такъ: 200,000 рублей жалованья, 4000 крестьянъ въ Могилевскомъ Намѣстничествѣ, имѣніе въ 100,000 рублей, вознагражденіе при отпускѣ 100,000 рублей и 60,000 руб. на путевыя издержки. Онъ имѣлъ, сверхъ того, много хорошихъ брильянтовъ, но они были незначительны въ сравненіи съ тѣми, которые были даны его предмѣстнику и его преемнику.

Ермоловъ былъ очень уменъ и хотя не очень сообразителенъ, все же у него нельзя отрицать нѣкоторой сметки. При появленіи при дворѣ, онъ, кромѣ знанія французскаго языка, былъ почти невѣжда. Свободное отъ дѣлъ время онъ посвятилъ на пріобрѣтеніе научныхъ и политическихъ познаній. Заграницей онъ просвѣтилъ свой умъ вполнѣ. Высокая честность и откровенность, презирающая всякое сопротивленіе, были основными чертами его характера. Можно полагать, что оба эти качества; соединенныя съ расположеніемъ духа всегда мрачнымъ, часто граничившимъ съ ипохондріей, дѣлали его неспособнымъ быть ни придворнымъ, ни преемникомъ любимца Ланского. По отзыву всѣхъ знавшихъ Ермолова, его ростъ и бюстъ были превосходны и пропорціональны, и лицо его, исключая бѣлокураго цвѣта и негроваго носа, было очень красиво.

С.

Александръ Мамоновъ.

Александръ Мамоновъ, происходившій изъ старой дворянской русской фамиліи, которая называлась, собственно говоря, Дмитріевъ-Мамоновъ, былъ капитанъ гвардіи, когда палъ его предшественникъ Ермоловъ.

Какъ всѣ до сихъ поръ адъютанты императрицы избирались княземъ Потемкинымъ, такъ и Мамоновъ былъ имъ представленъ императрицѣ на другой день послѣ отъѣзда Ермолова. Известно, что онъ послалъ его, какъ своего адъютанта, къ императрицѣ съ нарисованной фигурой, причемъ государыня и князь заранѣе условились, что критика рисунка будетъ означать оценку его подателя. Екатерина, отдавая листокъ бумаги, приказала Мамонову сказать князю: „рисунокъ хорошъ, но колоритъ дуренъ“. Хотя этотъ приговоръ былъ и не въ пользу Мамонова, императрица все таки назначила его полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ.

Ему было тогда только 24 года, но онъ тотчасъ-же проявилъ такое стремленіе, которое позволяло уже догадываться о его будущемъ высокомѣрномъ новеденіи. Но прежде, чѣмъ пред-

принять что либо, онъ такъ умно укрѣпился во мнѣніи императрицы, что сталъ необходимѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ государыни. Вскорѣ посыпались знаки милости. Въ сентябрѣ онъ былъ уже прапорщикъ кавалергардовъ и генералъ-маіоръ. Въ октябрѣ польскій королъ прислалъ ему разомъ оба свои ордена (одинъ орденъ св. Станислава не принималъ уже ни одинъ знатный русскій). Мамоновъ отказался носить ихъ и просилъ короля дозволить ему сохранить у себя эти ордена и надѣть лишь послѣ полученія русскаго ордена. Затѣмъ онъ пошелъ къ наслѣднику и попросилъ у него орденъ св. Анны, который онъ и надѣлъ, богато усыпанный брилліантами, въ донь св. Екатерины. Только послѣ этого онъ надѣлъ и полькіе ордена.

Съ января 1787 года началось знаменитое путешествіе императрицы. Мамоновъ сопровождалъ ее. Его значеніе было тогда настолько уже велико, что императрица приказала налисовать себя и его въ дорожныхъ костюмахъ[1]). Въ пути онъ посто-

---

[1]) Оба изображенія, которыя можно видѣть въ эрмитажѣ, рѣзалъ на мѣди Джемсъ Уолкеръ, и онн, хотя это и не вполнѣ прилично, продавались всюду, какъ спутники. Подпись подъ изображеніемъ императрицы замѣчательна во многихъ отношеніяхъ:

Reconnois, vers le Nord, l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond legislateur.
Femme aimable, grand homme, et que l'envie admire,
Qui parcourt Ses Etats, y verse le bonheur.
Grande en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,
Repandant la lumière, écartant les erreurs.
Si le sort n'avoit pû Lui donner un Empire,
Elle auroit eû toujours un Throne dans nos coeurs.

L'original se trouve dans la collection
de S. E. Mr. le Comte de Mamonow.

Стихи тогдашняго французскаго посланника графа Сегюра.

янно сидѣлъ въ катерѣ императрицы, въ числѣ шести лицъ, причемъ другія постоянно мѣнялись. Котда путешественники прибыли въ Смоленскъ, онъ схватилъ обыкновенную болѣзнь—горловую. Императрица была такъ любезна, что оставалась въ Смоленскѣ со всѣмъ обществомъ шесть дней—обстоятельство, стоившее ежедневно 4,000 дукатовъ, вслѣдствіе одной заготовки лошадей, не считая другихъ громадныхъ издержекъ. Сверхъ того, это путешествіе было для него такъ удачно, что во время его онъ получилъ, между прочимъ, два полка и камергерскіе ключи.

Въ это-же время Мамоновъ началъ принимать участвіе въ политическихъ переговорахъ. И могло-ли быть иначе? Ежедневно и ежечасно онъ видѣлъ посланниковъ Австріи, Франціи, Англіи изъ которыхъ каждый хотѣлъ перетащить его на свою сторону и сообщить вѣрныя свѣдѣнія о двухъ осталныхъ. Въ его присутствіи императрица и кназь всегда говорили о политикѣ. Наконецъ, во время этого путешествія, съ русской императрицей свидѣлись, ради политическихъ целей, германскій императоръ и рольскій король. Мамоновъ постоянно присуствовалъ, когда Екатерина II разговаривала съ Іосифомъ II; онъ былъ единственный свидѣтель бесѣды своей повелительницы съ Станиславомъ-Августомъ. Сверхъ того, императрица оказывала ему честь, сообщая многія секретныя свѣдѣнія, чтобы, какъ она говорила, преподать ему науку, которая, быть можетъ, понадобится ему въ будущемъ. Такъ какъ Мамоновъ былъ уменъ, то выказалъ при обученіи большую понятливость и скоро пріобрѣлъ обширныя политическія свѣдѣнія. Онъ самъ теперь началъ вставлять слово при обсуж-

деніи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, давать совѣты, которымъ нерѣдко слѣдовали. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ значеніе и сталъ опасенъ самому князу Потемкину. Ужъ онъ пытался было нѣсколько разъ свергнуть избранника, но всѣ эти попытки не произвели никакого дѣйствія. Конечно, князь скоро достигъ-бы своей цѣли, еслибы постоянно оставался въ Петербургѣ; Мамоновъ часто открывалъ свою слабую сторону и порасить его было не трудно. Такъ, напримѣръ, въ 1788 году, онъ вошелъ въ связь съ графиней Скавронской[1]), племянницей Потемкина, и эта связь становилась уже извѣстной. Но какъ только ему показали знаки неудовольствія, онъ тотчасъ-же прервалъ эту связь и велъ себя такъ умно, что значеніе его было еще сыльнѣ чѣмъ когда либо.

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1789 года, которые были и послѣдними мѣсяцами нахожденія его въ милости, его кредитъ болѣе всего поднялся и онъ даже могъ стать вице-канцлеромъ. И онъ, конечно, сталъ-бы имъ, не смотря на сопротивленіе отсутствовавшаго князя Потемкина, еслибы только графу Безбородко, который тогда былъ не въ милости, можно было-бы дать подходящее мѣсто, такъ какъ графа Остермана хотѣли и весьма легко могли перевести на пенсію. Кто знаетъ, какъ все пошло-бы, еслибы Мамоновъ новою неосторожностью самъ не свергнулъ себя.

Въ послѣдніе дни іюня узналась его тайная связь съ княжною Щербатовою*), фрейлиною императрицы. Государыня справедливо возмутилась

---

[1]) Нынѣшняя графиня Литта.

*) Княжна Дарья Ѳедоровна Щербатова, 1762—1801.

этою связью, которая была заключена, конечно, безъ ея вѣдома, и, конечно, вопреки ея запрещенія. Она осыпала обоихъ справедливыми упреками и (чего они никакъ не ожидали) въ тотъ-же вечеръ помолвила ихъ. 12-го іюля праздновалась уже свадьба, въ Царскомъ Селѣ, въ комнатахъ Мамонова, въ которыхъ онъ остался и послѣ свадьбы. На слѣдующій-же день онъ долженъ былъ отправиться съ женою въ Москву и, пока жила императрица, не являлся въ Петербургъ.

Онъ и въ Москвѣ подвергался нѣсколько разъ непріятностямъ, потому что его взгляды казались правительству подозрительными. Но вскорѣ объ этомъ перестали и говорить, такъ какъ всѣ обвиненія остались недоказанными. Насколько намъ извѣстно, Мамоновъ живетъ еще и теперь въ Москвѣ, спокойный и довольный своею супругою, чего не было въ началѣ ихъ брачнаго сожительства.

Когда Мамоновъ находился на вершинѣ своего благополучія, онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ, генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, премьеръ-маіоръ Преображенскаго полка, шефъ казанскаго кирасирскаго полка и еще одного кавалерійскаго полка и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава и св. Анны.

Его богатства были неисчислимы. Доходы съ однихъ его имѣній достигали 63,000 руб., къ чему нужно еще прибавить 2,700 крестьянъ въ прекрасномъ нижегородскомъ намѣстничествѣ. О суммахъ, полученныхъ имъ чистыми деньгами, мы можемъ сообщить лишь неполныя свѣдѣнія. Въ первый же

день своего „случая“ онъ получилъ 60,000 рублей. Это было, однако, лишь началомъ значительно большихъ подарковъ. Какъ генералъ-адъютантъ по преимуществу онъ получалъ ежемѣсячно 1500 рублей штатнаго содержанія, несчитая жалованья по другимъ должностямъ; въ дни рожденія по 100,000 руб., столько же въ дни ангела; въ день помолвки, наконецъ, тоже 100,000 руб. Лица, имѣвшія возможность знать, считали, въ ноябрѣ 1788 г., что за три предшествовавшіе мѣсяца онъ получилъ болѣе полумильона рублей. Но наибольшія суммы получилъ онъ, вѣроятно, изъ собственной шкатулки императрицы, изъ которой онъ могъ получать, за своею подписью, сколько ему было угодно; но объ этихъ суммахъ съ точностію можно узнать лишь изъ счетовъ кабинета. Это, конечно, были, какъ сказано, наибольшія суммы и, вѣроятно, весьма значительныя, потому что императрица, обычно, не обращавшая вниманія на кабинетскіе счеты, высказала въ началѣ 1789 г. свое неудовольствіе управляющему кабинетомъ Стрекалову*), представившему, въ видѣ оправданія своихъ расчетовъ, массу записокъ, подписанныхъ Мамоно-

*) Стрекаловъ жилъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, и былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ главнѣйшихъ орденовъ. Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ русскихъ. Однажды его встрѣтилъ на улицѣ кн. Барятинскій, который участвовалъ въ задушеніи Петра III; князь обнялъ Стрекалова за шею и, шутя, началъ трясти его. „Нѣтъ, сказалъ ему Стрекаловъ, прошу васъ этаго не дѣлать — я знаю, что вы эту ухватку продѣлываете слишкомъ серьезно“. Еще никто, конечно, до воцаренія Павла, не напоминалъ столь чувствительно князю Барятинскому о его преступленіи.

вымъ. Большая часть всѣхъ этихъ опредѣленныхъ и случайныхъ поступленій шли на образованіе капитала, такъ какъ онъ имѣлъ отъ двора все даровое, даже прислугу, и у него, какъ у предмѣстника и преемника былъ всегда столъ, который, по штатному положенію, стоилъ придворному вѣдомству 36,000 рублей ежегодно. Если сосчитать только тѣ суммы, которыя извѣстны, то мнѣніе лицъ, утверждающихъ, что онъ получилъ чистыми деньгами свыше мильона рублей наидить преувеличеннымъ. Покинувъ дворъ, Мамоновъ естественно потерялъ и всѣ жалованья и получилъ штатную ежегодную пенсію въ 10,000 рублей.

Цѣнность полученныхъ имъ брильянтовъ была пропорціональна его богатствамъ. Всѣ орденскіе знаки и звѣзды были украшены брильянтами и жемчугами, полученными имъ отъ императрицы. Такъ напр., въ день своего рожденія въ 1788 г. онъ получилъ, сверхъ опредѣленнаго подарка чистыми деньгами, орденъ св. Александра Невскаго и звѣзду съ брильянтами, которые императрица купила у наслѣдниковъ Ланского за 30,000 рублей. Мы здѣсь не считаемъ брильянтовыхъ украшеній мужкаго туалета, которыя онъ имѣлъ. Объ этомъ можно легко судить, если мы скажемъ, что онъ имѣлъ нѣсколько аксельбантовъ, изъ которыхъ самый дорогой стоитъ 50,000 руб. Вѣнчальныя кольца получили и онъ и она отъ императрицы, и каждое кольцо стоило 5000 рублей. Вотъ какъ великодушная монархиня наказывала небреженіе и неблагодарность. Но она въ то-же время своею добротою укореняла въ немъ задатки своекорыстія.

Читатели этой статьи замѣтили, конечно, что это своекорыстіе было главнѣйшимъ недостаткомъ

въ характерѣ Мамонова. Къ этому присоединялись преимущественно гордость, суетность и неблагодарность. Довольно слабымъ противовѣсомъ имъ служили выдержка въ начатыхъ предпріятіяхъ и привязанность къ своей фамиліи; да и эти добродѣтели были, можетъ быть, только пружинами его своекорыстія. Тѣмъ драгоцѣннѣе его таланты. Мамоновъ, изъ всѣхъ лицъ его категоріи, былъ самый образованный. Онъ былъ очень уменъ, проницателенъ и обладалъ такими познаніями, что въ нѣкоторыхъ научныхъ отрасляхъ, особенно-же во французской и итальянской литературѣ, его можно было назвать ученымъ. Онъ понималъ нѣсколько живыхъ языковъ; на французскомъ-же говорилъ и писалъ въ совершенствѣ. Одною изъ незначительныхъ его заслугъ было составленіе комедій[1]), во вкусѣ Аристофана, съ злобно-насмѣшливою, легко понимаемою остротою. Острота, за которою онъ всегда гонялся, рѣдко бывала естественною, и потому часто неудачною. Обыкновенно она покоилась на обманчивомъ обезьяничаньи моральнаго поведенія того лица, которое онъ хотѣлъ осмѣять. Своему стремленію понравиться такимъ позорнымъ талантомъ онъ приносилъ въ жертву все, даже лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ почтеніемъ. Какъ ни милъ былъ Мамоновъ въ обществѣ, когда хотѣлъ быть милымъ, онъ становился невозможенъ, когда бывалъ не въ духѣ, что, даже на офиціальныхъ куртагахъ, онъ старался скорѣе вы-

[1]) Онѣ помѣщены въ „Théatre de l'Hermitage“, изданномъ въ Парижѣ, 2 т., in 8°. Авторами этихъ пьесъ были: императрица, графъ Сегюръ, Кобенцель, Мамоновъ, Строгоновъ и извѣстный Эстадъ, который былъ казненъ въ Парижѣ. Лучшія пьесы принадлежатъ Сегюру.

казать, чѣмъ скрыть. Смотря по нуждѣ, онъ обходился со всякимъ вѣжливо, непринужденно или ласково. Наслѣднику и его супругѣ онъ оказывалъ величайшее почтеніе и вниманіе, которыя навсегда сохранили ему благоволеніе этой высокой четы.

Онъ былъ высокаго роста, но его лицо, за исключеніемъ глазъ, было вовсе некрасиво. Приговоръ императрицы о немъ, что колоритъ дуренъ, былъ столь-же справедливъ, какъ и мнѣніе князя Потемкина, утверждавшаго, что у Мамонова калмыцкаго физіономія. Словомъ, всѣ предшественники Мамонова были красивѣе его.

По милости императрицы Мамоновъ*) весьма щедро заботился о своихъ родныхъ. Отецъ[1]), имѣвшій до того какую-то должность въ провинціи, сталъ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ то же время императрица дала ему 80,000 рублей на уплату долговъ. Каждой изъ четырехъ сестеръ**) молодаго Мамонова государыня дала по 50,000 рублей чистыми деньгами и на 20,000 рублей драгоцѣнностей.

---

*) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, 1758—1803.

[1]) Матвѣй Васильевичъ, 1724—1810, жен. на Аннѣ Ивановнѣ Бабарыкиной, 1723—1792.

**) Прасковья Матвѣевна, 1750—1823, Анастасія Матвѣевна, 1759—1803, Марья Матвѣевна и Анна Матвѣевна.

CI.

Эккъ.

Эккъ былъ нѣмецкаго или шведскаго происхожденія. Онъ былъ очень способный человѣкъ, что, въ связи съ довольно хорошимъ научнымъ образованіемъ, имъ полученнымъ, было для него очень полезно. Эккъ пріобрѣлъ весьма полезныя и пріятныя свѣдѣнія. Съ этимъ онъ соединялъ мѣткую остроту и веселый нравъ, такъ что его бесѣда была, въ одно и то-же время, и поучительна, и забавна. Онъ утерялъ это, однако, въ восьмидесятыхъ годахъ, послѣднихъ его дѣловой жизни.

Эккъ въ молодости служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и сталъ, наконецъ, оберъ почтъ-директоръ въ Петербургѣ и членъ такъ называемой дешифровочной экспедиціи[1]) которая стоила невѣроятныхъ суммъ, требовала большаго труда и точности, и все-таки дешифрировала больше комбинаціями и золотымъ ключемъ.

Онъ не могъ скопить состоянія; по крайней

---

[1]) Дешифровочныя экспедиціи стоили императрицѣ большихъ суммъ (напримѣръ, рижская 20,000 рублей ежегодно) и были безцѣльны. Изъ ихъ труда получались лишь ненадежныя комбинаціи. Единственный или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣйшій ключъ — все-таки золотой.

мѣрѣ, оно не могло быть значительно. Но большіе доходы и милость императрицы дозволяли ему покрывать большіе расходы по дому.

Онъ и его другъ Даль умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Эккъ умеръ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ*).

Эккъ былъ оберъ почтъ-директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Владиміра 3-й степени и Сѣверной Звѣзды[1]). Послѣдній онъ получилъ во время пребыванія въ Россіи короля шведскаго.

---

*) Матвѣй Матвѣевичъ фонъ Эккъ, 1726—1789.

[1]) Когда великій князь Павелъ отправлялся путешествовать подъ именемъ графа Сѣвернаго, у Экка взяли орденъ Сѣверной Звѣзды, сдѣлали съ нея снимокъ, и имъ пользовался вел. князь во время своего путешествія.

СП.

Даль.

Даль*), сынъ рабочаго на о. Эзелѣ или въ Ригѣ, пріобрѣлъ хорошій навыкъ въ счетѣ и письмѣ.

Это преимущество доставило ему мѣсто въ рижской таможнѣ. Здѣсь онъ выказалъ себя столь полезнымъ для казны, что сталъ директоромъ. Но онъ не долго оставался на этомъ мѣстѣ.

За свои заслуги онъ былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Петербургъ. Онъ занималъ свой постъ въ столицѣ, равнымъ образомъ, къ большому удовольствію государыни, но, конечно, не къ радости купцовъ, которые ненавидѣли его за крайнюю строгость.

Даль имѣлъ возможность во время службы накопить богатства и получить значительные подарки отъ великодушія императрицы. Доходами съ своего состоянія и значительными полученіями по службѣ онъ могъ поддерживать роскошную жизнь и ежедневно угощать знакомыхъ обѣдами. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого щедраго гостепріимства какъ въ Россіи; для чужестранца это,

---

*) Германъ Юрьевичъ фонъ-Даль, ум. 1789 г.

конечно, самая любезная и выгодная добродѣтель. Даль практиковалъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ старъ и хворъ. У него можно было встрѣтить, какъ за обѣдами большей части русскихъ, людей всѣхъ классовъ, и это разнообразіе еще болѣе увеличивало цѣну гостепріимства.

Онъ былъ директоръ таможни, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-го класса.

СШ.

Степанъ Шешковскій.

Степанъ Шешковскій, человѣкъ низкій по происхожденію, образованію и нраву, былъ въ царствованіе Екатерины II ужасомъ двора и города. Эта государыня назначила его директоромъ тайной канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, великимъ инквизиторомъ Россіи; эту обязанность онъ исполнялъ съ страшною строгостью и точностью. Онъ дѣйствовалъ съ возмутительнымъ деспотизмомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о снисхожденіи, ни о пощадѣ. Шешковскій самъ хвалился, что обладаетъ средствомъ выпытывать сознаніе: онъ билъ палкою по подбородку, такъ что зубы трещали и даже выпадывали. Подъ страхомъ смертной казни ни одинъ обвиняемый не могъ защищаться. Необходимо замѣтить, что такъ обходились лишь съ лицами высокопоставленными, потому что преступники изъ простаго званія допрашивались подчиненными ему помощниками. Вотъ какими средствами Шешковскій выпытывалъ сознаніе! Онъ же самъ приводилъ въ исполненіе и наказаніе знатныхъ лицъ. Онъ часто наказывалъ палками и розгами. Битье кнутомъ онъ произво-

дилъ съ такою ловкостью, какая дается только продолжительнымъ упражненіемъ. Когда Потемкинъ возвратился послѣ долгаго отсутствія въ Петербургъ и замѣтилъ, въ числѣ встрѣчавшихъ его, Шешковскаго, онъ громко спросилъ его: — Сколько лицъ ты самъ билъ кнутомъ въ мое отсутствіе? —

Шешковскій имѣлъ настолько стыда, что отвѣчалъ отрицаніемъ на эту „милостивую“ шутку. По случаю каррикатуръ и пасквилей въ восьмидесятыхъ годахъ въ руки Шешковскаго попали и нѣкоторые придворные. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ постоянныя занятія, но онъ употреблялся и внѣ резиденціи. Если, напр., что случалось довольно часто, среди недовольныхъ въ Москвѣ слышались неприличныя рѣчи и императрица узнавала объ этомъ, она полагала, какъ въ девяностыхъ годахъ, что открыла зародышъ заговора, и старалась уничтожить его, для чего посылала туда Шешковскаго. Вся Москва трепетала и дѣло, послѣ наказаніе кое-кого, опять оставлялось. Мы не считаемъ приличнымъ называть мужчинъ и дамъ, наказанныхъ имъ въ обоихъ главныхъ городахъ. Если Шешковскій живъ еще*), онъ, по крайней мѣрѣ, сидитъ безъ дѣла при человѣколюбивомъ Александрѣ I. Въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства, и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-й степени. Его богатства были очень велики, такъ какъ онъ, при всякомъ случаѣ, получалъ подарки деньгами и крестьянами. Въ 1793 году, при заключеніи турецкаго мира, вовсе не ка-

*) Степанъ Ивановичъ Шешковскій, 1720—1794 году.

савшагося Шешковскаго, онъ получилъ пенсію въ 2,000 рублей.

Шешковскій имѣлъ сына [1]), отличавшагося познаніями, добрыми намѣреніями и пріятнымъ обращеніемъ.

---

[1]) Иванъ Степановичъ Шешковскій, 1763 — 1881, дослужился до бригадира. Его сестра, Марья Степановна, была за тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ Митусовымъ.

CIV.

Радищевъ.

Говорить правду сильнымъ міра сего всегда составляло вѣрнѣйшій путь къ несчастію.

Своими познаніями, своими добродѣтелями и своею дѣловитостью Радищевъ*) заставилъ позабыть свое ничтожное происхожденіе. Онъ имѣлъ случай обучаться въ Лейпцигѣ и былъ тамъ настолько прилеженъ, что, дѣйствительно, можно сказать, онъ собралъ цѣлый кладъ свѣдѣній въ нѣмецкой, французской и латинской литературѣ. Эта ученость была тѣмъ заслуженнѣе, что Радищевъ соединялъ съ нею скромность, какую рѣдко можно встрѣтить.

По возвращеніи изъ Саксоніи, онъ опредѣлился въ таможенное вѣдомство и оставался въ немъ до момента своей высылки. Онъ былъ достоинъ занимать высшія мѣста въ государствѣ, но умный человѣкъ годится и на незначительномъ мѣстѣ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ дѣльный, то ткоро получилъ высшія мѣста въ таможнѣ и былъ послѣ Даля директоромъ. Домъ Даля былъ единственнымъ домомъ, гдѣ бывалъ Радищевъ. Онъ

*) Александръ Николаевичъ Радищевъ, 1749—1802.

говорилъ очень мало и рѣдко прежде, чѣмъ его спросятъ. Но когда имѣлъ поводъ, онъ говорилъ хорошо и всегда весьма поучительно. Впрочемъ, онъ всега былъ сосредоточенъ и имѣлъ видъ человѣка, не обращающаго никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ него, и занятаго предметомъ, который онъ обдумываетъ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ небольшое литературное общество графа Александра Воронцова и его сестры, княгини Дашковой—двухъ лицъ, весьма замѣтно выдѣлявшихся своимъ умомъ и познаніями среди вельможъ двора. Сверхъ того, Радищевъ имѣлъ еще весьма важное разрѣшеніе посѣщить графа Воронцова, такъ какъ этотъ министръ былъ тогда собственно первымъ и важнѣйшимъ начальникомъ таможеннаго вѣдомства.

По смерти Даля, Радищевъ сталъ директоромъ таможни и статскимъ совѣтникомъ. Орденъ св. Владиміра 4-й степени онъ получилъ, будучи еще коллежскимъ совѣтникомъ. На своемъ новомъ мѣстѣ онъ оставался недолго. Въ маленькой книжной давкѣ большихъ торговыхъ рядовъ, на Владимірской улицѣ, подъ № 21, 22 или 24-мъ, продавалась небольшая русская книжка подъ заглавіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. На этомъ пути автору снился сонъ, который онъ и разсказываетъ. Онъ говорилъ по этому случаю съ большою откровенностью о дѣлахъ тогдашняго государственнаго управленія, которыя вовсе были не пригодны для оглашенія ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Между тѣмъ, всѣ лица были выведены въ книгѣ подъ вымышленными именами, но въ одномъ случаѣ (и онъ-то погубилъ Радищева) императрица была названа: предъ императрицей появляется

истына подъ покрываломъ, поднимаетъ его и показываетъ государынѣ свое окровавленное лицо. Книга расходилась бойко, потому что была написана прелестнымъ, остроумнымъ языкомъ. Всякій, хотя немного знакомый съ тогдашними дѣлами, могъ безъ ключа разгадать намеки. Въ нѣсколько дней было раскуплено множество экземпляровъ. Объ этомъ узналъ Шешковскій. Онъ взялъ книгу, объяснилъ, какъ всякій, скрытыя имена и сдѣлалъ доносъ императицѣ[1]). Всѣ находившіеся еще въ складѣ экземпляры были конфискованы, лавка закрыта и собственникъ загубленъ. Это было сдѣлано тайкомъ, но о немъ никогда уже болѣе не было слышно. Отъ него же было узнано, что авторъ книги Радищевъ. У него былъ сдѣланъ обыскъ и открылось, что онъ же и напечаталъ книгу. Всѣ, знавшіе Радищева, также удивились этому, какъ и пожалѣди о судьбѣ, его ожидавшей. Находили, что это предпріятіе вовсе не соотвѣтствуетъ его извѣстной осторожности. Если бы онъ только не называлъ императрицы въ этой книгѣ, его нельзя было бы изобличить въ зломъ намѣреніи. Вѣроятно, онъ полагалъ, что его не откроютъ, такъ какъ онъ жилъ въ отдаленной части города въ Ямской, происходившее въ его домѣ не могло быть наблюдаемо, такъ какъ онъ все дѣлалъ самъ и не имѣлъ помощниковъ и такъ какъ отдалъ книгу въ маленькую лавку, гдѣ торговля не бросается въ глаза. Между тѣмъ все дѣло до мельчайшихъ подробностей стало извѣстно тайной полиціи. Такому опытному сыщику, какъ Шешковскій, были открыты даже мысли; избѣжать его

---

[1]) Сочиненія Державина, изд. Грота, VIII, 692.

рукъ было немыслимо. Несчастный Радищевъ попалъ въ его лапы. Вскорѣ прошелъ слухъ, что онъ сосланъ въ Сибирь. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ. Большая часть петербуржцевъ забыла уже о немъ, когда, два года спустя, о немъ вновь заговорили. Несчастный, хотя и въ Сибири, содержался довольно сносно. Начальникъ того мѣста, гдѣ содержался Радищевъ, былъ человѣкъ добраго сердца; восхищенный бесѣдою Радищева, онъ предоставилъ ему всевозможныя вольности, въ томъ числѣ и употребленіе письменныхъ принадлежностей. Радищевъ, одержимый стремленіемъ всегда, даже и безъ вызова, говорить правду или, лучше, писать правду, опять написалъ произведеніе, подобное первому, и отправилъ рукопись, но куда — мы не знаемъ. Несчастный опять былъ открытъ. Его отправили за нѣсколько сотъ верстъ далѣе, въ болѣе строгое заточеніе, лишили его любимыхъ занятій и всѣхъ удобствъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Екатерина II, болѣе человѣчная, чѣмъ Потемкинъ, который въ большей части книги могъ прочесть свою собственную исторію, приняла участіе въ осиротѣвшихъ дѣтяхъ Радищева и озаботилась воспитаніемъ ихъ.

Эта исторія имѣла вліяніе и на защитниковъ Радищева, графа Воронцова и княгиню Дашкову. Объ ихъ связи съ нимъ было извѣстно всѣмъ. Ихъ обвиняли въ участіи въ книгѣ, и они должны были защищаться передъ тайной инквизиціей. Они не были наказаны, но потеряли свое значеніе въ глазахъ императрицы и, мало по малу, должны были удалиться и отъ двора, и отъ дѣлъ.

Конфискаціей книги все-таки не помѣшали то-

му, чтобъ она стала извѣстна. Въ Россіи появились списки съ этой книги*) и нѣсколько экземпляровъ проникло даже заграницу. „Das Orakel zu Endor“ сообщаетъ много мѣстъ, составляющихъ извлеченія изъ этой книги.

---

*) До настоящаго времени эти списокъ — лучшее воспроизведеніе „Путешествія“. Лучшее ученіе общедоступное изданіе — П. А. Сфремова, въ „Сочиненіяхъ А. Н. Радищева“. Спбургъ, 1872.

CV.

Германъ.

Человѣкъ, происходившій изъ простаго народа и возвысившійся, мало по малу, только своими талантами и своею храбростью, заслуживаетъ, конечно, почтенія націи, которой онъ принесъ плоды своего ума и характера.

Германъ*) былъ сынъ деревенскаго кузнеца изъ Преща въ Саксоніи. Онъ изучалъ на родинѣ богословіе и затѣмъ отправился съ рекомендаціями въ Лифляндію, гдѣ получилъ мѣсто дворецкаго. Его баринъ, которому онъ заявилъ о своей страсти къ военной службѣ, одобрилъ его намереніе стать солдатомъ и добылъ ему вскорѣ первый военный чинъ. Германъ сталъ извѣстенъ генералу Бауеру [1]), который, замѣтя въ немъ способнаго и предпріимчиваго малаго, отдалъ его въ ученіе и доставилъ ему выгодное мѣсто. Онъ не разъ отличался и былъ щедро награждаемъ. Во вторую турецкую войну ему посчастливилось взять въ плѣнъ извѣстнаго Баталъ-Бея[2]) анатолійскаго. За эту

*) Ибанъ Ивановичъ Германъ, въ русской службѣ съ 1769 г.; въ 1790 г. сросуведенъ въ генералъ-маіоры.

[1]) Ѳедоръ Васильевичъ (Вилимовичъ) Бауеръ, 1731—1783.

[2]) Баталъ-бей былъ уже старикомъ, когда имѣлъ

побѣду, не стоившую большаго труда такому человѣку, какъ Германъ, онъ получилъ 500 крестьянъ въ Финляндіи. Бъ каждой другой провинціи это былъ бы весьмя значительный подарокъ, но въ этой каменистой странѣ онъ ничтоженъ. Гораздо славнѣе было то, что онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія 2-й степени. Генералъ Бауеръ[1]) и онъ были единственными лицами, которыя начали получать ордена съ Георгія 2-й степени.

Павелъ I назначалъ его въ губернаторы Мальты, чѣмъ онъ, конечно, не могъ стать. Еще много разъ Германъ доказалъ свои военные таланты.

несчастіе попасть въ плѣнъ. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ, по великодушію императрицы, пенсію въ 12,000 рублей. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ недоволенъ своею судьбою и, по его характеру, причина этого была весьма естественна. Передъ войною онъ зарылъ всѣ свои драгоцѣнности, при чемъ ему помогали двое его вѣрныхъ слугъ. Но этотъ старый злодѣй, изъ опасенія, что они выдадутъ его тайну, убилъ обоихъ слугъ, которые по прабу могли бы назваться его друзьями. Баталъ-бей имѣлъ вскорѣ причины раскаяться въ этомъ позорномъ убійствѣ. Явились русскіе, подъ предводительствомъ Германа, и всяли его въ плѣнъ. Онъ былъ увезенъ и долженъ былъ потерять свои сокровища, которыя иначе стали бы добычей врага. Онъ не могъ оставить нхъ своимъ дѣтямъ, такъ какъ дѣти никогда не получили бы ихъ отъ турокъ; всять ихъ самъ онъ также не могъ, потому что при заключеніи мира онъ не былъ обмѣненъ, а при обмѣнѣ лишился бы головы.

[1]) Бауеръ былъ великій инженеръ и стяжалъ большія заслуги въ укрѣпленіи Петербурга. Онъ умеръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Богатствъ онъ не собралъ, но знаковъ отличія добылъ много. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ генералъ-поручикъ, генералъ квартирмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и большаго креста 2-й степени Георгія.

Живъ ли онъ еще, намъ неизвѣстно.

Его жена была дочь статскаго совѣтника и знаменитаго гидравлическаго архитектора Гергардта*).

---

*) Ѳедоръ Ивановичъ Герардъ (Ferdinand Gerhard), 1761-1829, директоръ водяныхъ коммуникацій.

CVI.

Платонъ Зубовъ I.

Если поэтъ и ваятель не стѣсняются придавать изображаемымъ ими предметамъ пріятную форму и легко обходятъ или едва лишь касаются недостатковъ, чтобъ искусствомъ своего изображенія произвесть наиболѣе пріятное впечатлѣніе, то историкъ не можетъ позволить себѣ такія вольности. Истина — первый и нерушимый законъ историка.

Фамилія Зубовыхъ принадлежитъ къ старому дворянскому роду, который лишь въ концѣ царствованія Екатерины II достигъ нѣкотораго значенія. Зубовъ-отецъ былъ вицегубернаторомъ въ провинціи и при этомъ управлялъ сосѣдними имѣніями генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова[1]). Зубовъ имѣлъ значительныя помѣстья; его доходъ опредѣляли въ 20,000 рублей. Благодаря счастью своихъ сыновей, онъ также повысился. Онъ былъ даже генералъ-прокуроромъ

[1]) Салтыковъ былъ воспитателемъ обоихъ великихъ князей, Александра и Константина, президентомъ военной коллегіи, кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ и теперь фельдмаршалъ, Впрочемъ, многія его заслуги весьма сомнительны.

сената и тайнымъ совѣтникомъ, но не могъ удержаться. Быть можетъ, онъ былъ уменъ, но несомнѣнно золъ. Его обвиняли, что онъ, прикрываясь авторитетомъ императрицы, дѣлалъ несправедливости и обманы. Проступокъ, имъ совершенный, былъ, должно быть, очень великъ, если могли осмѣлиться крики о немъ довести до слуха императрицы, которая была вынуждена уволить отца избранника и даже удалить его отъ двора. Мы слышали, что онъ умеръ прежде императрицы[1]). Жена его была статсъ-дамою государыни. Отъ этого брака произошли четыре сына — Николай, Платонъ, Валерьянъ и Дмитрій — и одна дочь*). Отецъ далъ сыновьямъ лишь обыкновенное, но не совсѣмъ ужъ дурное образованіе. Главная ихъ наука, однако, состояла въ довольно поверхностномъ знаніи французскаго языка. Онъ отвезъ всѣхъ четырехъ сыновей въ Петербургъ, гдѣ, при помощи генерала Салтыкова, они тотчасъ же были опредѣлены офицерами въ различные гвардейскіе полки. О трехъ старшихъ сыновьяхъ говорится въ особыхъ статьяхъ. Изъ всѣхъ братьевъ, Дмитрій — самый незначительный во всѣхъ отношеніяхъ и, вѣроятно, именно поэтому самый лучшій. Его сдѣлали камергеромъ и дали ему въ жены княжну Вяземскую[2]), дочь тогдашняго генералъ-прокурора. Онъ

[1]) Александръ Николаевичъ Зубовъ, 1727—1795, жен. на Елизаветѣ Васильевнѣ Вороновой, 1742—1813.

*) Три дочери: Ольга Александровна, 1766—1849, замужемъ за А. А. Жеребцовымъ; Анна Александровна — за О. И. Хорватомъ, и Екатерина Александровна, дѣвица, ум. 1781.

[2]) Графъ Дмитрій Александровичъ Зубовъ († 1836) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской († 1835 г.).

имѣлъ несчастіе быть тугимъ на ухо. Сестра Зубовыхъ давно уже стала извѣстна своею распутною жизнью. Ея мужемъ былъ Жеребцовъ, камергеръ. Она имѣла однаго сына, который былъ уже камеръ-юнкеромъ. Онъ былъ посланъ въ Берлинъ съ извѣстіемъ о смерти Павла I, которой онъ былъ свидѣтелемъ. При этомъ его очень дурно дрессировали, такъ какъ отъ него именно узнали всѣ мельчайшія подробности этого страшнаго происшествія. Онъ съ удовольствіемъ говорилъ объ этомъ, какъ будто желая распространить извѣстіе о какомъ нибудь славномъ подвигѣ*). Его мать была тогда также въ Германіи. Она имѣла осторожность выѣхать изъ Петербурга еще до смерти императора.

Платонъ Зубовъ, второй изъ всѣхъ братьевъ, былъ офицеромъ въ конной гвардіи и, въ день паденія Мамонова, занималъ караулъ въ Царскомъ Селѣ. Ему было тогда 22 года. Его возвышеніе было дѣломъ случая или, если угодно, необходимости.

По простой случайности, конечно, но многія уже перемѣны любимцевъ происходили въ Царскомъ Селѣ. При дворѣ очень были рады этой случайности, полагая, что вдали отъ столицы многія особенности такихъ перемѣнъ могутъ быть скрыты отъ дипломатическаго корпуса, хотя эта цѣль никогда, впрочемъ не достигалась. Сверхъ того, удаленіе отъ Петербурга не представляло никакого затрудненія для замѣщенія ваканціи любимца, такъ какъ князь Потемкинъ принялъ на

*) Александръ Александровичъ Жеребцовъ, жен. на княжнѣ Александрѣ Петровнѣ Лопухиной.

себя предлагать императрицѣ адъютантовъ. Но теперь Потемкина не было и приближенные были дѣйствительно въ нѣкоторомъ затрудненіи. Императрица поговорила объ этомъ съ Салтыковымъ и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить ей стоявшаго на часахъ офицера. Салтыковъ былъ друженъ съ отцомъ его. Если ему удастся составить счастіе молодаго человѣка, онъ могъ разсчитывать на его благодарность и на свое вліяніе на дѣла. Платонъ Зубовъ*) явился. Его внѣшній видъ былъ также мало представителенъ, какъ и его способности. Если-бъ представился выборъ, онъ никогда не былъ бы избранъ; но такъ какъ хотѣли показать Мамонову, что въ адъютантахъ нѣтъ недостатка, то онъ сталъ избранникомъ. До сихъ поръ многіе избранники носили имя Александра. Теперь явился маленькій, слабенькій на видъ, человѣкъ, носившій ничего не значущее для избранника имя великаго Платона. Любившіе поострить царедворцы находили, что и императрица не хочетъ болѣе имѣть адъютантовъ — она бросилась въ объятія философіи.

Въ первый же, вечеръ немилости Мамонова, Зубовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы и полковникомъ, и получилъ чрезъ Салтыкова приказаніе сопровождать государыню и нѣсколькихъ придворныхъ лицъ въ прогулкѣ по водѣ. Такъ какъ комнаты Мамонова не были еще свободны, потому что императрица не желала удалять его изъ дворца ранѣе свадьбы, то Зубову предоставили во дворцѣ другія комнаты, роскошно меблированныя. Чтобъ устроиться сообразно сво-

*) Платонъ Александровичъ Зубовъ, 1767—1822.

ему новому положенію Зубову было дано въ первый же день 30,000 рублей.

Впрочемъ, вначалѣ не было причины радоваться такому избранію. Бесѣда Зубова не была ни жива, ни остроумна и, вслѣдствіе своей юности, онъ дѣлалъ промахи, свойственные лишь людямъ, еще не окончившимъ своего образованія. Онъ чувствовалъ непристойность своего поведенія, бросилъ ее и сталъ, наконецъ, весьма любезенъ въ обществѣ (не считая даже престижа, который всегда является въ столь особенномъ санѣ). Зубовъ много трудился надъ пріобрѣтеніемъ научныхъ познаній, и трудился съ успѣхомъ. Любимою его склонностію была музыка. Онъ съ жаромъ изучилъ ее и достигъ большаго искусства въ игрѣ на скрипкѣ. Онъ тѣмъ удобнѣе могъ предаваться занятіямъ, что велъ при дворѣ такую тихую жизнь, какую только позволялъ придворный шумъ. Это онъ сдѣлалъ по совѣту Салтыкова, своего „бывшаго“ защитника, такъ какъ теперь онъ не нуждался уже въ защитникѣ. Его менторъ предостерегалъ его отъ всякихъ связей, которыя такъ легко могутъ имѣть видъ интригъ, и давалъ ему тѣ правила, слѣдованіе которымъ могло ему пригодиться для укрѣпленія своего значенія, но которыя не были, конечно, наилучшими для блага человѣчества. Вслѣдствіе этихъ наставленій, Зубовъ постановилъ себѣ правила, которыя для него стали закономъ: никогда не имѣть желанія, которое не совпадало бы съ мнѣніемъ императрицы; всегда льстить капризамъ императрицы и ея главнымъ страстямъ, съ которыми Салтыковъ бѣгло ознакомилъ его, и, наконецъ, смиряться предъ княземъ Потемкинымъ и противиться ему не прежде, чѣмъ

когда онъ будетъ настолько крѣпокъ, чтобъ князь не могъ уже его свергнуть. Зубовъ точно слѣдовалъ этимъ правиламъ и былъ весьма счастливъ, по крайней мѣрѣ относительно внѣшняго блеска. Екатерина признавала тѣ жертвы, которыя Зубовъ, несмотря на свою молодость, приносилъ на службу ей, и вознаграждала его знаками своего благоволенія и, что еще важнѣе, своимъ довѣріемъ. Платонъ Зубовъ былъ посвященъ во всѣ внѣшнія, внутреннія и военныя дѣла русскаго двора; вскорѣ же онъ достигъ такого значенія, что сталъ главнымъ двигателемъ русской государственной машины. Наконецъ, одинъ только его голосъ сталъ рѣшающимъ въ совѣтѣ императрицы. Въ нашъ планъ не входитъ разсказъ всѣхъ замѣчательныхъ событій его жизни до смерти Екатерины. Его исторія такъ тѣсно сплелась съ лѣтописями послѣднихъ семи лѣтъ царствованія Екатерины, что читая одно, необходимо читаешь и другое.

Замѣчательнѣйшія политическія событія того времени, когда Зубовъ имѣлъ наибольшее вліяніе при дворѣ, были, приблизительно, слѣдующія: шведская война, которой онъ, по совѣту Салтыкова, противился; верельскій миръ съ этою державою, которому онъ, по тому же побужденію, содѣйствовалъ; война съ Турціею, которую онъ, по указанію Салтыкова же, порицалъ и тѣмъ разошелся съ Потемкинымъ; смерть Іосифа II; несостоявшійся конгресъ въ Систовѣ; смерть Потемкина, который былъ открытымъ врагомъ Зубова и могущество котораго разбивалось о высокое значеніе этого избранника, какъ о камень, не производя никакого дѣйствія; Ясскій миръ съ Портою, на заключеніи котораго онъ настаивалъ; революю-

ція и происшедшія изъ нея возстанія въ Польшѣ; второй раздѣлъ Польши, который онъ и Марковъ позорнѣйшимъ образомъ подготовили и совершили; убійство Густава III; смерть Леопольда II; пріемъ графа д'Артуа и французскихъ эмигрантовъ; торговыя мѣры противъ Франціи, противузаконное завладѣніе Курляндіею*) — дѣло захватчивыхъ и корыстныхъ началъ его и Маркова; окончательное уничтоженіе политическаго существованія Польши, которое измыслили тѣже Зубовъ и Марковъ, и тѣмъ непоправимо запятнали славу императрицы и, наконецъ, неудавшійся планъ брака Густава Адольфа II съ великою княгинею Александрою Павловною, въ чемъ Зубовъ, равнымъ образомъ, принималъ большое участіе.

Екатерина умерла среди хлопотъ объ этомъ бракѣ. Исторія не можетъ дать ей болѣе подходящаго титула, какъ Екатерина Счастливая. Этотъ проектъ брака былъ, можетъ быть, единственный проектъ въ ея жизни, въ которомъ ей не посчастливилось. Несомнѣнно, что ее свело въ могилу горе по поводу этого злополучія, которое такимъ оскорбительнымъ образомъ компрометировало ее въ глазахъ всего свѣта и заставляло отказаться отъ излюбленной ею идеи.

Зубовъ поспѣшилъ извѣстить великаго князя о смертельной болѣзни его матери, но его услужливость была уже позднею; Безбородко упредилъ его.

Когда императрица умерла, Зубовъ былъ нѣмецкій имперскій князь, носилъ портретъ госуда-

---

*) Бильбасовъ, Присоединеніе Курляндіи („Русск. Стар.“, 1895, т. LXXXII, 1).

рыни, былъ генералъ-фельдцейгмейстеръ, генералъ-адъютантъ, генералъ-губернаторъ Екатеринослава и Тавриды, сенаторъ, шефъ кавалергардовъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Чернаго Орла и св. Анны. Перечислить всѣ земли, деньги и драгоцѣнности, полученныя Зубовымъ, было-бы слишкомъ трудной задачей, которую и онъ самъ, быть можетъ, не разрѣшилъ-бы. Вѣроятно, они не менѣе того, что получилъ Ланской, но если присовокупить еще и то, что получили родители и братья Зубова, то окажется, что послѣдній любимецъ Екатерины стоилъ государству значительно болѣе, чѣмъ Ланской. Доходы съ его имѣній были, конечно, болѣе 200,000 рублей. У него были имѣнія въ Россіи, Курляндіи и особенно значительныя въ Литвѣ. Зубовъ получилъ наибольшіе участки при двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Польши и при присоединеніи Курляндіи. Ради захвата этихъ участковъ, онъ былъ одинъ изъ устроителей кровавыхъ сценъ въ Польшѣ, и проклятіе націи, которое теперь его преслѣдуетъ, будетъ тяготѣть на немъ и за могилой. Но эта его низость была, однако, вознаграждена. Ему отданы были всѣ королевскія столовыя имѣнія въ Литвѣ, ежегодный доходъ съ которыхъ опредѣлялся болѣе 34,000 дукатовъ. Суммы, полученныя имъ чистыми деньгами, невозможно опредѣлить, какъ, равнымъ образомъ, его драгоцѣнностей. Его костюмъ всегда блисталъ отборными брильянтами.

Зубовъ не могъ, однако, всегда спокойно пользоваться своими богатствами. Странности Павла сдѣлали такія обстоятельства, которыя страшно раздражали искательность Платона Зубова. Теперь

начинается самая мрачная часть его жизненнаго поприща.

По смерти императрицы, которая окончила жизнь страшнымъ крикомъ, Зубовъ представился молодому монарху, который утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ и, обнимая, милостиво сказалъ ему: „l'ami de ma mère sera toujours le mien“. Въ началѣ, дѣйствительно, казалось, что это вовсе не пустыя слова. Зубовъ былъ каждодневнымъ собесѣдникомъ государя.

Къ этому времени относится анекдотъ, который, быть можетъ, немногимъ читателямъ извѣстенъ. Первое лѣто своего царствованія Павелъ проводилъ въ своемъ загородномъ дворцѣ, въ Павловскѣ, съ своею супругою, дѣтьми и небольшимъ числомъ друзей, къ которымъ принадлежалъ и Платонъ Зубовъ. Императоръ имѣлъ при себѣ большой отрядъ гвардіи, болѣе тысячи человѣкъ, которыхъ онъ весь день обучалъ, и чтобъ испытать ихъ бодрость и военную выправку, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй готовыми къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобъ трубить тревогу и судить о готовности войскъ. Впрочемъ, тамъ, въ своей семьѣ, императоръ жилъ совсѣмъ по домашнему. По вечерамъ онъ обыкновенно очень рано отпускалъ дворъ. Затѣмъ отправлялся съ супругою и немногими довѣренными лицами въ императорскую спальню и проводилъ еще нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ. Однажды, вечеромъ, часовъ уже въ 11, гвардейцы услышали звукъ, похожій на тревогу, котораго въ императорскомъ дворцѣ вовсе не слышали. Въ одну минуту вой-

ска были готовы и появились на дворцовомъ плацу, чтобъ принять приказанія императора. Они дивились, не видя императора, но терпѣливо ожидали его. Между тѣмъ прибытіе войскъ сопровождалось шумомъ, который произвелъ во дворцѣ удивленіе, которое въ императорскихъ комнатахъ перешло даже въ испугъ. Императоръ вышелъ изъ себя и пологалъ, что тревога эта есть революція, которую (вотъ до какого безумія можетъ довести испугъ) произвелъ сынъ его Александръ. Присутствующіе хотятъ выйти, чтобъ освѣдомиться о происшествіи, но онъ не отпускаетъ ихъ отъ себя, чтобы не увеличить ими числа своихъ враговъ. Онъ хочетъ одѣться, но не можетъ ничего найти. Зубовъ, желалъ вывесть его изъ затрудненія, снимаетъ свои сапоги и отдаетъ ему. Павелъ одѣваетъ сапоги, кажется успокоеннымъ, хочетъ отдать приказанія, но окончательно теряетъ голову. Никакіе уговоры не помогаютъ; онъ близокъ къ обмороку. Императрица кричитъ: „спасите императора!“ Страхъ оказывается заразительнымъ. Примѣръ монарха вліяетъ на другихъ, покрайней мѣрѣ въ первую минуту. По счастью, все это длилось не болѣе десяти минутъ. Входитъ камердинеръ и хочетъ хладнокровно доложить о недоразумѣніи, окончившемся тѣмъ, что гвардія, убѣдясь въ своей ошибкѣ, отправилась во-свояси. Но камердинеру не даютъ сказать слова. Какъ только императоръ увидѣлъ камердинера, то закричалъ ему, чтобъ немедленно привели великаго князя Александра. Молодой князь явился подъ-руку съ братомъ, и ужъ одинъ простодушный видъ его долженъ былъ внушить пристяженному отцу полное къ нему довѣріе. Въ какомъ видѣ выказалъ себя несчастный

императоръ! Павелъ вскорѣ успокоился. Наконецъ, пришло на мѣсль разузнать, чѣмъ было вызвано это странное происшествіе. Причина его оказалась слѣдующая: за нѣсколько дней до этого происшествія, императоръ, охотно все германизировавшій, приказалъ, чтобы почтальонамъ были выданы нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городку и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу и — произошло то, что мы сообщили выше. Теперь всѣ улеглись спить. Но Зубовъ вывелъ изъ этаго случая заключеніе, которое съумѣлъ примѣнить нѣсколько лѣтъ позже, именно, что Павелъ I легко подрается испугу.

Неизвѣстно почему, но скоро императоръ лишилъ Зубова своей милости. Вмѣсто нея появилось рѣшительное неблаговоленіе императора. Проводомъ къ этому послужилъ недостатокъ 18,000 рублей въ артиллерійской кассѣ, которою завѣдывалъ Зубовъ, какъ фельдцейхмейстеръ. Императоръ приказалъ тотчасъ же наложить запрещеніе на всѣ имѣнія Зубова, но еще прежде, чѣмъ успѣли исполнить это приказаніе, Зубовъ уплатилъ недостающую сумму. Тѣмъ не менѣе, Зубовъ лишился тогда всѣхъ своихъ должностей и съ нимъ обходились отнынѣ какъ съ отставнымъ генералъ-аншефомъ.

Этотъ случай сдѣлалъ, однако, Зубова болѣе осторожнымъ. Онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ

держаться внѣ сферы молніи, такъ легко поражающей. Въ этихъ видахъ онъ просилъ позволенія отправиться въ путешествіе и получилъ отпускъ съ такою легкостью и въ такихъ выраженіяхъ, что это путешествіе можно было принять за изгнаніе. Онъ пріѣхалъ въ Германію и всѣ, знавшіе его въ Россіи, видѣли теперь передъ собою совершенно другаго человѣка. Прежде онъ былъ гордъ и отталкивалъ всѣхъ отъ себя; теперь, когда не стало жрецовъ, воздававшихъ ему нѣкогда почитаніе — любезенъ и веселъ.

Легко понять, что онъ сохранилъ свои связи въ Россіи. Тамъ задумали тотъ страшный заговоръ, по которому Павлу I предстояло, вѣроятно, только лишиться трона, но, вслѣдствіе сцѣпленія особыхъ обстоятельствъ, онъ, благодаря этому заговору, такъ печально кончилъ жизнь свою. Платонъ Зубовъ, изъ места, хотѣлъ принять въ немъ участіе. Затрудненіе заключалось только въ томъ, чтобъ снова явиться ко двору; но и это затрудненіе было устранено. Нашли средство подбиться къ Кутайсову, подкупивъ его любовницу. Чрезъ этого всесильнаго въ то время человѣка всѣ Зубовы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Достигнувъ этого, Зубовъ притворился, будто его волнуютъ такія чувствованія, которыхъ онъ никогда и не имѣлъ. Онъ старался показать, что его трогаютъ хлопоты Кутайсова въ его пользу. Чтобъ выразить ему свою благодарность, онъ представился какъ будто хочетъ жениться на его дочери. Этой уловкой онъ опять добился благоволенія Павла, который далъ ему и его братьямъ доказательства своей полной милости. Такое великодушіе Павла должно было бы примирить съ

нимъ даже и его враговъ, но они не были способны на подобныя чувствованія. Они опасались, что императоръ вновь прогнѣвается, такъ какъ онъ всегда дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, что и придавало его характеру отпечатокъ какого-то непостоянства, достойнаго порицанія.

Планъ заговора былъ теперь вполнѣ выработанъ, улучшенъ и приведенъ въ исполненіе. Чтобъ хоть нѣсколько спасти честь заговорщиковъ, надо думать, что, какъ уже было сказано, вѣроятно исполненіе лишь случайно стало болѣе ужасно, чѣмъ предполагалось по первоначальному проекту. Чтобъ надежнѣе выполнить возмущеніе стали злѣйшимъ образомъ подбивать императора къ такимъ невѣроятнымъ странностьямъ, которыя вызывали ненависть къ нему націи и, такимъ образомъ, заставляли его самого вызвать катастрофу. Она и случилась. Позднѣйшій историкъ никогда не будетъ въ состояніи изобразить съ достаточною рѣзкостью кровавую катастрофу этаго ужаснаго событія, которое останется вѣчнымъ пятномъ въ исторіи нашего столѣтія и ради котораго какъ достойная супруга Павла, такъ и его прекрасныя дѣти надолго погружны въ печаль и вмѣстѣ съ тѣмъ въ неизвѣстность относительно ихъ собственной участи. Современный историкъ долженъ еще задернуть завѣсу надъ страшными сценами этой драмы. Онъ не можетъ даже говорить о распредѣленіи въ ней ролей; онъ можетъ только, изъ многихъ, принимавшихъ въ этомъ бо́льшее или ме́ньшее участіе, назвать имена Палена, Беннигсена, Николая Зубова, Платона Зубова, Валерьяна Зубова, Орлова, Чичерина, Татаринова и Тол-

стого[1]), безъ обозначенія ихъ ближайшихъ ролей при возмущеніи, какъ въ замкѣ, такъ и внѣ его. Либеральный духъ нашего времени признаетъ, быть можетъ, необходимымъ сообщить міру эту страшную катастрофу, еще не разъясненную въ подребностяхъ, и тѣмъ исправить многіе ложные слухи, распространившіеся по этому поводу. Несчастный, непонятній Павелъ I скончался и Александръ Добрый вступилъ на престолъ.

Вскорѣ послѣ этого Платонъ Зубовъ покинулъ дворъ, гдѣ ему ужъ больше нечего было дѣлать, и отправился въ Курляндію, въ свое имѣніе.

Изъ этого краткаго и недостаточнаго біографическаго очерка читатели въ состояніи будутъ судить хотя до нѣкоторой степени, что Зуботъ чрезвычайно развилъ прилежаніемъ свой довольно обыкновенный умъ и что всѣми почти его дѣйствіями руководили гордость, мстительность и жестокость.

Въ картинной галлереѣ императорскаго эрмитажа, въ Петербургѣ, показывали два изображенія Зубова: какъ государственнаго человѣка и какъ генералъ-фельцейхмейстера. Первое было поколѣннымъ портретомъ. Платонъ сидитъ передъ столомъ, на которомъ лежатъ ландкарты, рисунки и книги. Это изображенія было вырѣзано потомъ на мѣди. На другомъ онъ изображенъ во весь ростъ. Онъ стоитъ въ латахъ. отчасти прикрытый пурпурвою тогой и окруженный массою орудій,

[1]) Паленъ, Беннигсенъ, Орловъ, Чичеринъ, Татариновъ и Толстой были въ то время совершенно неизвѣстны и, вѣроятно, останутся такими навсегда.

символовъ его высокаго военнаго сана. Это картину рисовалъ знаменитый Лампи.

Многимъ, конечно, читателямъ придетъ, по прочтеніи этого очерка, на мысль сдѣлать параллель между Григоріемъ Орловымъ и Платономъ Зубовымъ, которая можетъ быть распространена отчасти и на ихъ братьевъ. Приводимъ наиболѣе поразительные пункты ихъ сходства и различія: Орловы свергли съ престола Петра III, супруга Екатерины II, содѣтствовали его умерщвленію — Зубовы свергли съ престола Павла I, сына Екатерины II, и содѣтствовали его умерщвленію; всѣ братья Зубовы, какъ нѣкогда братья Орловы, возведены въ графское достоинство; Григорій Орловъ былъ первый признанный избранникъ въ царствованіе Екатерины II — Платонъ Зубовъ послѣдній; оба они наиболѣе долгое время оставались избранниками; Григорій Орловъ былъ наиболѣе высокій, статный и красивый изъ всѣхъ избранниковъ — Платонъ Зубовъ самый малый, слабый и самый некрасивый изъ нихъ; оба они были вторыми изъ братьевъ, наконецъ, оба были генералъ-фельдцейхмейстерами, носили портретъ императрицы и въ послѣдній годъ своего избранства стали нѣмецкими имперскими князьями.

CVII.

Валеріянъ Зубовъ II.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II самымъ удивительнымъ являлась быстрая перемѣна въ поведеніи молодыхъ людей, которыхъ неожиданное счастье приближало въ трону. За день до этого они принадлежали къ тому классу общества, въ который поставило ихъ рожденіе и способности; они были скромны и часто любезны. Въ день, когда рѣшалась ихъ судьба, они были какъ бы одуряемы счастьемъ. Они поднимались до высшихъ сферъ и приближались къ земному божеству. На этой высотѣ у нихъ кружилась голова. Они вели себя неловко и нуждались въ помочахъ. День же спустя они выказывали обыкновенно все безстыдство выскочки, забывшаго, что 24 часа назадъ онъ былъ ничто, стремящагося презирать окрушавшихъ его и грозящаго злоупотребить своимъ незаслуженнымъ возвышеніемъ. Молодой человѣкъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, вель себя именно такъ.

Валерьянъ Зубовъ*) третій изъ братьевъ, былъ 19-ти лѣтъ при возвышеніи Платона, и прапорщикъ въ конной гвардіи. Онъ былъ тотчасъ же командированъ въ караулъ въ Царское Село,

*) Валерьянъ Александровичъ Зубовъ, 1771—1804.

и такъ какъ онъ понравился, то его ежедневно допускали въ общество императрицы. Государыня оказывала ему столько же милости, какъ и его брату. Чтобы обставить хоть сколько нибудь прилично его возвышеніе, онъ, въ чинѣ маіора гвардіи, былъ посланъ въ армію князя Потемкина. Недовольный возвышеніемъ Зубовыхъ, Потемкинъ выражалъ это тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ относился къ Валеріяну публично, при всѣхъ. Но такъ какъ Потемкину намекнули изъ Петербурга, чтобъ онъ послѣ перваго же счастливаго дѣла прислалъ Зубова обратно въ Петербургъ, то онъ уступилъ требованіямъ политики и послалъ его въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи какой-то турецкой крѣпости, кажется, Измаила. Когда Валерьянъ, передъ отъѣздомъ изъ лагеря, явился въ послѣдній разъ къ князю, чтобъ получить послѣднія приказанія, случился интересный анекдотъ, много разъ уже разсказанный, не всеже удивительный: „если императрица спроситъ тебя — сказалъ князь дружески Валерьяну — какъ я себя чувствую, скажи ей, что зубы причиняютъ мнѣ боль, но когда я пріѣду въ Петербургъ, то вырву ихъ.“ Этого, однако, не случилось. Зубы продолжали причинять ему боль. Потемкинъ явился въ Петербургъ, хотѣлъ ихъ вырвать, но искусство его, какъ зубнаго врача, оказалось для этого слишкомъ слабымъ.

Едва Валеріянъ прибылъ ко двору, его повысили въ чинѣ, сдѣлали флигель-адъютантомъ императрицы и, кромѣ другихъ подарковъ, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Онъ остался въ Петербургѣ, ежедневно бывалъ у императрицы и былъ осыпанъ знаками милости. Въ 1791 году его доходы считали уже въ 22,000 руб.

Довольно ограниченному уму Валерьяна такая жизнь должна была казаться пріятною, и тѣмъ не менѣе Валерьяну хотѣлось идти дальше по пути военной славы, но, конечно, идти по своему. Безпорядки въ Польшѣ дали ему случай если и не прославиться, то стать извѣстнымъ. Какъ генералъ-маіоръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, онъ получилъ важное командованіе и отмѣтилъ всюду свое пребываніе слѣдами безразсутства и жестокости. Крайне низкое, безстыдное и возмутительное обхожденіе его съ нѣкоторыми польскими панами и ихъ женами содѣйствовало взрыву возстанія въ Варшавѣ, въ 1794 году, и происшедшему отъ того несчастію многихъ русскихъ. Извѣстны средства, употреблявшіяся для успокоенія поляковъ. Зубовъ занялся насильственнымъ примѣненіемъ ихъ. Но онъ былъ наказанъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ проявилъ наибольшую несправедливость. Однажды, въ сентябрѣ 1794 года, онъ отправился на рекогносцировку и, къ тому же, туда, гдѣ было особенно опасно. Отчасти онъ сдѣлалъ это не во-время, отчасти же онъ не былъ къ этому призванъ. Это было съ его стороны не мужество, а своевольство. Поляки это замѣтили, прицѣлились и ему оторвало ногу ядромъ. Тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ курьеръ, не получившій, конечно, награды за это извѣстіе. Оно распространило при дворѣ ужасъ. Императрица сама написала Валерьяну и просила его возвратиться въ Петербургъ. Она послала ему очень удобную англійскую дорожную карету и 10,000 дукатовъ на дорожныя издержки. Затѣмъ она дала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, вслѣдствіе чего онъ сталъ гене-

ралъ-лейтенантомъ, и 300,000 рублей на уплату его долговъ.

Зубовъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1795 года. На каждой станціи для него заготовляли 110 лошадей и онъ всѣ ихъ бралъ, между тѣмъ какъ для герцога курляндскаго Бирона, который въ то-же время ѣхалъ въ Петербургъ, заказывали на каждой станціи лишь 60 лошадей, изъ которыхъ онъ бралъ только 40. Валерьянъ представился императрицѣ въ креслѣ на колесахъ. Великая во всемъ, и въ своихъ чувствованіяхъ, государыня не могла удержать слезъ при видѣ Валеряна. Она хотѣла подарками выразить свое участіе и облегчить его судьбу. Не всѣ, конечно, подарки были извѣстны публикѣ; извѣстны же были слѣдующіе: прекрасный, миленькій дворецъ въ Большой Мильонной улицѣ, принадлежавшій въ прежнее время генералу Густаву Бирону и купленный нынѣ камергеромъ Дивовымъ; подарокъ въ 25,000 руб. золотомъ и, наконецъ, пенсія въ 13,000 руб. серебромъ. Леченіе сопровождалось страданіями и шло медленно, потому что онъ предавался всяческимъ излишествамъ. Онъ остался калѣкой. Ему пришлось отпилить часть колѣна. Одни говорятъ, что ему отпилили слишкомъ много, другіе — слишкомъ мало. Выписали изъ Англіи искусственныя колѣна, но ни одно не пришлось. Когда онъ появлялся публично при дворѣ, онъ ходилъ на деревяшкѣ. Тѣмъ не менѣе, его все повышали въ чинахъ. Въ 1795 году Валерьянъ былъ генералъ-аншефъ инфантеріи и директоръ кадетскаго артиллерійскаго и инженернаго корпуса.

Но славолюбіе Зубова все еще было не удовлетворено. Онъ просилъ о позволеніи командовать

арміей въ Персіи и получилъ разрѣшеніе. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ походѣ, необходимо сказать о причинѣ свойны.

Нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, во время князя Потемкина, одинъ изъ его племянниковъ, генералъ Павелъ Потемкинъ[1]) командовалъ русскою арміей на Кавказѣ[2]). Въ то время, въ сосѣдней или, по квайней мѣрѣ, не слишкомъ отдаленной Персіи нѣсколько братьевъ оспаривали другъ у друга правленіе страною и изгоняли другъ друга. Одинъ изъ нихъ, изгнанный однымъ изъ своихъ братьевъ, спасся со всѣми своими драгоцѣнностями къ Павлу Потемкину. Этотъ принялъ его и сказалъ, что доставитъ его въ Россію. Всѣ его богатства были нагружены на корабль, а ему сказали, что онъ будетъ отправленъ вслѣдъ затѣмъ на другомъ

---

[1]) Павелъ Потемкинъ пользовался дурною славою; говорили, что у него злое сердце, и этотъ слухъ подверждается тѣмъ, что выше разсказано. Онъ былъ очень храбръ и получилъ за храбрость орденъ св. Георгія 2-й степени. Онъ умеръ во время процесса. Его жена была Закревская.

[2]) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, 1743—1796. Арх. Г. С., I, ч. 2, 58, 64, 79, 125, 191; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, I, 99; XIII, 373, 403, 420; Архивъ, 1872, 873); Письма Екатерины II къ П. С, Потемкину („Русская Старина“, 1875, XIII, 115); Наставленіе Потемкина капитану Лунину (Архивъ, 1864, III, 109); Masson, 255; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 163; Евгеній, II, 136; Бантышъ-К., Словарь, IV, 192; Спински, 227, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 188, 195; П. С. Потемкинъ („Русская Соарина“, I, 317; II, 226, 335, 345, 351; IV, 574; V, 346); Каратыгинъ, Гр. П. С. Потемкинъ (Истор. Вѣстн., 1883, XIII, 345); Гротъ, П. С. Потемкинъ во время пугачевщины („Русская Старина“, 1870, II, 399); Библіогр. Зап., II, 183; Лонгиновъ, Замѣтка о судѣ надъ П. С. Потемкинымъ (Архивъ, 1863, 462); Саитовъ, 108.

кораблѣ. Онъ согласился; но къ его крайнему удивленію его не хотѣли принять ни на одинъ изъ кораблей. Между тѣмъ, корабль съ драгоцѣнностями уже отплылъ. Персіянинъ сѣлъ на маленькое судно и поплылъ въ догонку своихъ сокровищъ. Когда онъ былъ уже такъ близокъ къ кораблю, на которомъ находились его сокровища, что могъ вскочить на его, онъ бросился и ухватился обѣими руками за бортъ. Ему отрубили пальцы и несчастный упалъ обратно въ свое судно. Изуродованный, онъ бѣжалъ на родину и былъ убитъ своимъ братомъ. Это былъ 75-тилѣтній эвнухъ. Другой братъ еще въ юности оскопилъ его. Теперь этотъ эвнухъ былъ узурпаторомъ большей части Персіи. Другаго своего брата, Муртасу-Кули-хана, шаха эриванскаго, онъ тоже изгналъ, и русскихъ куццовъ, торговавшихъ съ Персіею, прогналъ въ Баку; впрочемъ, никакихъ другихъ враждебныхъ дѣйствій относительно Россіи онъ не дѣлалъ. Муртаса зналъ уже русскихъ. Еще въ 1793 году, когда эвнухъ лищилъ его владѣній, онъ убѣжалъ на русскую землю и именно въ Астрахань. Теперь онъ сдѣлалъ то-же самое и, какъ человѣкъ, умѣвшій защищать себя, прибылъ даже въ Петербургъ. Здѣсь онъ представился императрицѣ, потребовалъ выдачи сокровищъ своего покойнаго брата, захваченныхъ Павломъ Потемкинымъ, и просилъ о защитѣ противъ эвнуха. Зашита была ему обѣщана и Валерьянъ Зудовъ получилъ командованіе надъ ярміей, назначенной въ персидскій походъ.

Легко догадаться, что онъ отправился въ походъ со всевозможными удобствами, опустошилъ нѣсколько провинцій, перебилъ несмѣтное число людей и сдѣлалъ распоряженія объ осадѣ Дер-

бента[1]). Предшествовавшія кровопролитія сдѣлали Валерьяна Зубова страшнымъ. Городъ тотчасъ сдался. Разказываютъ, будто 120-лѣтній старикъ поднесъ Зубору ключи города, тѣ самые, которые онъ нѣкогда подносилъ императору Петру I. Если этотъ анекдотъ, выдуманный, быть можетъ, только ради оригинальности, справедливъ, то старикъ могъ пожаловаться на жестокость судьбы, приберегшей для него, послѣ столькихъ лѣтъ, несравненно большее униженіе, чѣмъ первое. Тогда онъ отдавалъ ключи великому, всѣми почитаемому и коронованному побѣдителю; теперь — юному, невѣжественному и злодѣйскому выскочкѣ. Взятіемъ Дербента закончилъ Валеріянъ свою военную карьеру. Время его блеска миновало. Екатерина II умерла.

Павелъ I не видѣлъ никакого интереса въ войнѣ съ Персіею. Онъ отозвалъ назадъ войска, но сдѣлалъ это въ крайне оскорбительной для Валерьяна Зубова формѣ. Ни единымъ словомъ не извѣщая его командующаго арміей, онъ послалъ всѣмъ, находившимся подъ его начальствомъ, генераламъ приказаніе возвратиться со всѣми своими войсками въ Россію и отправиться на свои зимнія квартиры. Валерьянъ остался бы совершенно одинъ, если-бъ не рѣшился послѣдовать за другими. Въ этомъ столь оскорбительномъ для чести Зубова приказѣ Павла I можно видѣть одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ возмущенію Зубовыхъ противъ этого государя.

---

[1]) Въ петербургскомъ арсеналѣ есть модель Дербента, сдѣланная по приказанію Петра I. По ней видно, что самый городъ никогда не былъ обложенъ, для чего потребовалась бы невѣроятно большая армія.

Валерьянъ возвратился въ Петербургъ и былъ нехорошо принятъ императоромъ. Такъ какъ другіе братья покинули уже дворъ, то и этотъ Зубовъ удалился отъ двора и отправился въ свои великолѣпныя имѣнія въ Курляндіи, въ бывшіе удѣлы герцога, между которыми лучшее было Вюрцанъ[1]). Такимъ образомъ, Валерьянъ раздѣлилъ участь обоихъ старшихъ братьевъ. Впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ ними же прибылъ въ Петербургъ и вполнѣ усвоилъ себѣ принципы зароворщиковъ. При насильственномъ выполненіи страшной катастрофы онъ дѣйствительно принималъ большее участіе, чѣмъ какое могло-бы быть довѣрено ему при его печальномъ физическомъ состоянніи.

Мудрость совѣтовала Зубовымъ удалиться всдѣдъ за восшествіемъ на тронъ Александра, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, такъ они имѣли случай замѣтить, что имъ едва-ли удастся играть роль при новомъ правленіи, хотя и милостивомъ, но справедливомъ и человѣколюбивомъ. Валерьянъ тоже послѣдовалъ этому указанію мудрости и отправился въ Курляндію. Тамъ онъ и умеръ, лѣтомъ 1804 года.

Мы знаемъ уже всѣ важнѣйшія дольжности, которыя занималъ Валерьянъ. Но къ этому мы должны еще прибавить, что онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго, Чернаго и Краснаго Орла.

Валерьянъ Зубовъ былъ невысокъ ростомъ; тѣмъ не менѣе, это былъ чрезвычайно красивый

---

[1]) Въ Вюрцанѣ прелестный замокъ; только жаль, что комнаты очень низки. Распланировку сада дѣлала императрица Анна, какъ герцогиня Курляндская.

мужчина. Особенно у него были живые глаза; взглядъ его былъ чрѣзвычайно пріятенъ. Послѣ того какъ онъ лишился употребленія ноги и долженъ былъ все сидѣть, онъ сталъ очень толстъ. Его внутреннія качества вовсе не соотвѣтствовали его внѣшности. Онъ былъ человѣкъ ограниченный, ничему не учившійся; онъ былъ легкомысленъ, развратенъ, расточителенъ, злопамятенъ и жестокъ.

Полагающіе, что Валерьянъ Зудовъ получилъ одъ императрицы чистыми деньгами и имѣніями не болѣе милліона рублей, ошибаются; вѣрнѣе было бы сказать два милліона. Его драгоцѣнности также были весьма значительны.

Валерьянъ Зубовъ былъ женатъ. Его женою была разведенная жена графа Прото-Потоцкаго*), нѣкогда очень богатаго поляка, имѣвшаго въ Варшавѣ мѣняльную лавку и потерявшаго все свое состояніе во время бѣдствій, постигшихъ его родину. Зубовъ жилъ съ нею открыто и когда она формально развелась съ своимъ мужемъ, Валерьянъ женился на ней. Мы слышали, что отъ этого брака были дѣти[1]).

---

*) Княжна Марія Ѳедоровна Любомірская была трижды замужемъ: 1) за графомъ Потоцкимъ, 2) за графомъ Зубовымъ и 3) за О. Б. Уваровымъ.

[1]) Не было.

CVIII.

Николай Зубовъ III.

Николай Зубовъ*) былъ старшимъ изъ братьевъ. Онъ (вѣроятно, еще живъ) очень высокъ ростомъ, но уродливъ; у него мало ума, онъ крайне невѣжественъ; кажется, не очень храбръ; онъ доказалъ свою возмутительную жестокость и велъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, въ высшей степени невоздержный образъ жизни.

Послѣ этого всякій удивится, что такой человѣкъ занималъ довольно важныя мѣста въ арміи. Платонъ и Валерьянъ вытянули въ гору своего брата, у котораго было также мало достоинствъ, какъ и у нихъ. Прежде всего, Николай былъ посланъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Не сдѣлавъ тамъ ровно ничего, онъ возвратился ко двору и получилъ за свои военныя заслуги гражданскій орденъ. Затѣмъ онъ отправился въ Польшу, подъ команду Игельстрома. Онъ былъ въ Варшавѣ въ 1794 году, когда тамъ вспыхнуло страшное возстаніе. Зубовъ бѣжалъ и, по собственному побужденію, явился курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ; но такъ дурно

*) Николай Александровичъ Зубовъ, 1763—1805.

разсчиталъ, что явился ко двору какъ разъ въ день рожденія императрицы. Конечно онъ не могъ теперь разсчитывать на награду — онъ получилъ ее позже. При порабощеніи Польши онъ опять является дѣйствующимъ лицомъ и по случаю незначительной схватки, въ которой его люди отбили у поляковъ четыре или пять пушекъ, получилъ золотую шпагу, богато усыпанную брильянтами. По окончаніи этого такъ называемаго похода, онъ получилъ прусскій и русскій ордена.

Послѣ этого Николай Зубовъ оставилъ военную службу и сталъ шталмейстеромъ императрицы.

По смерти императрицы, онъ вмѣстѣ съ братьями впалъ въ немилость. Въ это время онъ жилъ то въ имѣніяхъ своихъ и жениныхъ, то въ Москвѣ. Позже онъ прибылъ въ Петербургъ и принялъ участіе въ заговорѣ противъ Павла I. Только закрытое еще предъ нами будущее въ состояніи будетъ свободно говорить о страшномъ взрывѣ мины, которая была подведена подъ этаго несчастнаго монарха, чтобъ прекратить его царствованіе и, какъ того требовали обстоятельства, также и его жизнь. Только будущее раскроетъ сцѣпленіе удивительныхъ и неожиданныхъ явленій и прочтетъ съ возмутительнымъ негодованіемъ исторію человѣка, который съ неестественною дикостью и тяжелою рукою потрудился надъ окончаніемъ этаго позорнаго происшествія.

Послѣ этого онъ опять отправился въ свои имѣнія, которыя, насколько намъ извѣстно, никогда уже не покидалъ болѣе.

Когда Екатерина II умерла, онъ былъ генералъ-маіоръ, шталмейстеръ, кавалеръ орденовъ Чернаго Орла, св. Александра Невскаго и св. Вла-

диміра 3-й степени. Павелъ I оставилъ ему всѣ его должности и знаки отличія; онъ долженъ былъ только отказаться отъ чина генералъ-маіора, такъ какъ императоръ не терпѣлъ отставныхъ военныхъ и давалъ имъ соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

Въ то время, какъ братья находились въ милости, Николай Зубовъ женился на единственной дочери генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго[1]).

Отчасти за женой, отчасти по милости императрицы, Николай Зубовъ получилъ столь большія имѣнія, что его можно причислить къ самымъ богатымъ частнымъ лицамъ въ Россіи.

---

[1]) Графиня Наталья Александровна Суворова-Рымникская, 1775—1844.

CIX.

Аркадій Морковъ.

Великіе таланты даютъ своимъ обладателямъ основательное право притязать на высшія государственныя должности; но для этого необходимо, чтобъ эти таланты не сопровождались пошлостью, высокомѣріемъ и злобою. Пошлость, не идущая даже къ красотѣ, еще болѣе обезображиваетъ уродство и дѣлаетъ его еще болѣе разительнымъ; высокомѣріе умаляетъ достоинство способностей, а злость, если имѣетъ вліяніе, часто ведетъ къ проклятію всѣхъ націй. Такова характеристика человѣка, достопримѣчательностей жизни котораго мы хотимъ коснуться.

Мы не можемъ опредѣлить былъ ли Аркадій Морковъ[1]), какъ одни говорятъ, сыномъ, или какъ другіе съ большею увѣренностью утверждаютъ, внукомъ русскаго крестьянина. Достовѣрно только, что его образованіе было значительно выше его происхожденія. Онъ изучилъ языки и другія извѣстныя и прикладныя науки, и сдѣлалъ въ тѣхъ и другихъ тѣмъ большіе успѣхи, что обладалъ необыкновенными способностями. Люди прозорливые,

[1]) Морковъ по русски значитъ морковь.

знавшіе его еще тогда, говорили, что въ немъ лежали многообѣщающіе зародыши, но развивавшіеся при неблагопріятныхъ вліяніяхъ.

Морковъ началъ свою политическую карьеру тѣмъ, что былъ частнымъ секретаремъ князя Голицына, бывшаго посланника въ Голландіи. Въ домѣ его онъ оставался не долго. Его дарованія нуждались въ болѣе обширной сферѣ.

Онъ былъ извѣстенъ графу Стакельбергу[1]), который отправился посланникомъ въ Испанію и взялъ его съ собою сперва частнымъ секретаремъ, но тотчасъ поручилъ ему дѣла своего штата и вскорѣ добылъ ему мѣсто императорскаго секретаря посольства въ Мадридѣ. Такимъ образомъ, творцомъ карьеры Моркова былъ собственно Стакельбергъ и Моркова упрекали, что онъ впослѣдствіи совершенно забылъ это благодѣтельное для него обстоятельство.

Когда Морковъ возвратился въ Россію, онъ былъ посланъ въ Варшаву, гдѣ тогда русскимъ посломъ былъ Салдернъ. Здѣсь ему представилось широкое поприще для его рѣшительнаго таланта къ интригамъ, составлявшимъ въ то время главное занятіе русскихъ дипломатовъ въ Польшѣ. Онъ велъ ихъ, конечно, искуснѣе Салдерна, который, впрочемъ, могъ поспорить съ нимъ въ злой волѣ. Они были согласны относительно сущности; они расходились только въ способѣ примѣненія средствъ для достиженія своей цѣли. Это различіе было главною причиною ссоры, которая, нако-

---

1) Стакельбергъ, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ министровъ, умеръ въ Дрезденѣ шесть или восемь лѣтъ назадъ. Одинъ изъ его сыновей, равнымъ образомъ ловкій человѣкъ, также посланникъ.

нецъ, должна была быть предоставлена рѣшенію императрицы. Оба забылись до того, что посолъ приказалъ арестовать посольскаго секретаря. Морковъ былъ вскорѣ же освобожденъ отъ ареста, такъ какъ Салдернъ сознавалъ, что не имѣлъ никакого права къ столь самовольному шагу. Вскорѣ затѣмъ пришло приказаніе Моркову явиться въ Петербургъ. Въ февралѣ 1772 года онъ отправился въ Россію, и тогда случилось, что ожидали: умный посольскій секретарь свернулъ шею считавшему себя умнымъ послу. Съ этого времени и до 1779 года Морковъ оставался въ Петербургѣ, въ канцеляріи департамента иностранныхъ дѣлъ. Въ 1779 году онъ отправился, какъ посольскій совѣтникъ, съ княземъ Репнинымъ на конгрессъ въ Тешенъ. Оттуда онъ былъ посланъ въ Парижъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ.

Послѣ того онъ былъ посланникомъ въ Швеціи, гдѣ подготовилъ и началъ то, что Разумовскій продолжилъ и окончилъ.

Въ 1787 году, вслѣдствіе удаленія Бакунина[1]), стало вакантнымъ третье мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Безбородко, знавшій дѣловитость Моркова, постарался такъ, что имнератрица назначила его третьимъ членомъ этой государственной коллегіи. Безбородко и Морковъ, оба люди умные, были вполнѣ согласны въ веденіи дѣлъ. Съ неловкимъ графомъ Остерманомъ, который былъ первымъ изъ нихъ трехъ, они обходились какъ съ автоматомъ, который долженъ былъ дѣлать лишь то, что они желали. Это соглазіе ихъ было тѣмъ естественнѣе, что оба они были вѣрными сотова-

[1]) Хвалятъ не характеръ Бакунина, но его умъ.

рищами въ веденіи неправильной жизни, какую только можно себѣ представить. Но и относительно Безбородко Морковъ скоро забылъ о той благодарности, которую онъ былъ долженъ ему. Онъ свергнулъ его, присоединясь къ невѣжественному, но всесильному Зубову. Изъ этого видно, что умный человѣкъ достигнетъ всего, чего желаетъ, если даже встрѣтятся и препятствія. Императрица имѣла предубѣжденіе противъ Моркова, которое нельзя себѣ и объяснить. Тѣмъ не менѣе, Морковъ повелъ дѣло такъ, что въ сущности Зубовъ былъ только орудіемъ и онъ чрезъ этого выскочку дѣлалъ все, что хотѣлъ. Салдернъ былъ творцомъ перваго расчлененія Польши, Морковъ повелъ дѣло дальше. Онъ, вмѣстѣ съ Зубовымъ и Сиверсомъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во второмъ разграбленіи полскихъ провинцій и, наконецъ въ совершенномъ уничтоженіи полотическаго существованія этого государства. Поляки громко проклинали его.

Онъ недолго оставался на своемъ посту по смерти Екатерины. Павелъ I, презиравшій Моркова и желавшій чувствительно наказать его, по крайней мѣрѣ, на нѣтоторое время, далъ ему лишь нѣсколько часовъ сроку, чтовы уѣхать изъ Петербурга въ свои имѣнія. Впослѣдствіи императоръ предлагалъ ему вновь вслупить въ службу, но Морковъ былъ настолько уменъ, что отклонилъ зто предложеніе. Онъ остался въ своихъ имѣніяхъ не только при Павлѣ, но при нынѣшнемъ правительствѣ и, вѣроятно, еще и теперь живетъ*) тамъ на доходы отъ своего огромнаго состоянія.

---

*) Аркадій Ивановичъ Морковъ, 1767—1827.

Когда онъ оставилъ службу, онъ былъ нѣмецкій графъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Владимира 1-й степени.

Морковъ никогда не былъ женатъ, но уже много лѣтъ онъ живетъ съ старою французскою актрисою, Madame Hus, которую онъ вызвалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей. Въ лучшіе дни ее содержалъ въ Страсбургѣ нынѣшній баварскій король, тогда принцъ Максимиліанъ Цвейбрюкенскій.

CX.

Иванъ Кутайсовъ.

Кліо краснѣетъ, видя погрѣшности того монарха, котораго она, ради его многихъ добрыхъ качествъ, съ такимъ участіемъ защищаетъ отъ людей, которые судятъ о немъ и осуждаютъ, не зная его; Кліо краснѣетъ, замѣчая, что хотя этотъ государь во все свое царствованіе имѣлъ только одного избранника, но и при этомъ одиночномъ избраніи онъ впалъ въ ошибку большинства своихъ предшественниковъ и избралъ выскочку, лишеннаго всякихъ заслугъ.

Кутайсовъ, вѣроятно, еще здравствующій*), по рожденію мохамеданинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ уже большимъ мальчикомъ въ первую турецкую войну, въ 1770 году, при взятіи Бендеръ, и, какъ рѣдкость, подаренъ великому князю Павлу, который тоже былъ юнъ еще. Павелъ окрестилъ его въ греческую вѣру, при чемъ, кажется, молодой прозелитъ получилъ имя Ивана. Мы не знаемъ происхожденія данной ему фамиліи Кутайсовъ. Великодушный Павелъ не удовольствовался только крещеніемъ. По его приказанію,

*) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, 1759—1834.

его избранникъ (онъ былъ уже имъ въ то время) былъ обученъ французскому языку и необходимымъ наукамъ, по крайней мѣрѣ, поверхностно. Хотя Кутайсовъ дѣлалъ лишь посредственные успѣхи, онъ все же научился большему, чѣмъ знаютъ обыкновенно люди его категоріи.

Великій князь принялъ его въ число придворныхъ служителей, но не возвысилъ его даже и до камердинера. Всѣ, посѣщавшіе русскій дворъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, видѣли, въ комнатахъ наслѣдника, въ Зимнемъ дворцѣ, и во время зимнихъ празднествъ въ каменно-островскомъ дворцѣ, Кутайсова въ лакейской ливреѣ. Такъ какъ онъ былъ турокъ, то его показывали тогда, какъ рѣдкое существо.

Въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія онъ снялъ, наконецъ, ливрею и сталъ дѣйствительнымъ камердинеромъ. Уже тогда говорили шопотомъ, что Кутайсовъ будетъ играть роль, когда Павелъ взойдетъ на престолъ. При этомъ разсказывали по секрету причину его все возроставшаго кредита. Какъ часто позорное ремесло сводничества служитъ первою ступенью къ почетнымъ мѣстамъ и богатству. Такъ было и здѣсь. Кутайсовъ былъ посредникомъ при сближеніи наслѣдника престола съ его первою возлюбленною, Нелидовою[1]) придворною дамою. Избранникъ Кутайсовъ велъ себя при этомъ весьма ловко и къ удовольствію своего

---

[1]) Дѣвица Нелидова съ умомъ и познаніями соединяла прекрасный характеръ. Впрочемъ, можно было только удивляться, какимъ образомъ Павелъ могъ предпочесть ея маленькую, уродливую фигурку признанной красотѣ своей супруги.

государя, но, пока жила Екатерина II, не могъ подняться выше камердинера.

Со смертью Екатерины взошла счастливая звѣзда Кутайсова. Новый императоръ объявилъ его своимъ фактическимъ избранникомъ, осыпавъ его почетными должностями и подарками. Но монархъ могъ возвеличить его, какъ хотѣлъ, онъ все же не могъ вложить въ него внутреннее содержаніе и его отъ природы доброе сердце не могъ снабдить остроумнымъ характеромъ. Павелъ I, знавшій, вѣроятно, слабость Кутайсова, предписалъ ему какъ нерушимый законъ: никогда не разговаривать съ чужими людьми, чтобъ они ничего не могли узнать отъ него о частной жизни императора. Хитрый Безбородко, съумѣвшій скоро же раскусить избранника, снизошелъ съ своей высоты и присоединился къ Кутайсову, чтобъ при помощи его подняться еще выше. Союзъ этихъ двухъ лицъ породилъ неограниченную власть, которую они и практиковали. Безбородко руководилъ Кутайсовымъ, а Кутайсовъ направлялъ императора по волѣ своего друга. Дѣвицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своимъ достоинствамъ, она стала подругой императрицы. Въ императорской семьѣ не было согласія, чего они и не желали, такъ какъ оно могло быть опаснымъ ихъ вліянію. Поэтому-то имъ было необходимо разрушить связь угрожавшую имъ опасностью. Значеніе братьевъ Куракиныхъ[1]) хотя и было ослаблено Безбородко и Кутайсовымъ, или даже

[1]) Оба князья Куракины, Александръ и Алексѣй, столь же милые люди, какъ и истинные патріоты. Они издавна были вѣрными друзьями Павла. Старшій теперь посломъ въ Вѣнѣ, младшій министромъ въ Петербургѣ.

совсѣмъ пало, но Куракины были друзьями императрицы и Нелидовой — они легко могли подняться и отомстить своимъ противникамъ. Эту случайность необходимо было предотвратить. Нѣкогда, при коронаціи въ Москвѣ, дѣвица Лопухина[1]) произвела впечатлѣніе на государя. Эту склонность вновь пробудили, предложивъ императору, въ 1798 году, вновь отправиться въ Москву съ небольшою свитою. Путешествіе состоялось. Кутайсовъ сопровождалъ императора, быть можетъ, и Безбородко, и оба, по крайней мѣрѣ, достигли своей цѣли. Чтобъ погубить Лопухину, противъ нея былъ сдѣланъ родъ заговора, который Кутайсовъ открылъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. По мѣрѣ того какъ участники заговора теряли милость императора, ихъ антагонисты возвышались. Фамилія Лопухиныхъ была возведена въ княжеское достоинство. Безбородко стоялъ тогда такъ высоко, что не могъ уже возвыситься. Кутайсовъ же, бывшій только егермейстеромъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени и мальтійскимъ кавалеромъ[2]), сталъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, въ 1799 году, имперскимъ графомъ и, если мы не ошибаемся, тогда же оберъ-егермейстеромъ съ чиномъ генерала и кавалеромъ ор. св. Андрея.

---

[1]) Дѣвица Лопухина красивѣе, чѣмъ дѣвица Нелидова, что не значитъ еще красивая, вышла теперь за князя Гагарина, бывшаго посланника въ Неаполѣ.

[2]) Конечно, первый примѣръ въ исторіи, что турокъ родомъ сталъ мальтійскимъ кавалеромъ!

Кутайсовъ не пользовался своимъ вліяніемъ такъ, какъ долженъ бы былъ пользоваться. Онъ могъ способствовать добру и препятствовать злу; но онъ не дѣлалъ ни того, ни другаго. Онъ скорѣе принималъ участіе въ такихъ дѣлахъ, которые вызвали и ускорили страшную катастрофу стоившую жизни Павлу I. Въ день умершвленія онъ получилъ письмо, въ которомъ раскрывался весь заговоръ. Одни утверждаютъ, что, получивъ письмо, онъ не обратилъ на него вниманіе, такъ какъ много уже получалъ такихъ предостереженій, которыя не оправдывались; другіе говорятъ, будто онъ вовсе не распечатывалъ письма, полагая, что это одна изъ тѣхъ просительныхъ записокъ, которыя онъ часто получалъ. Какъ-бы то ни было, но его можно обвинять въ томъ, что онъ не вопрепятствовалъ убійству. Въ ту же ночь онъ получилъ второе письмо, въ которомъ его извѣщали о смерти его господина. Легко себѣ представить состояніе его духа при этомъ извѣстіи; даже и теперь упреки совѣсти должны страшно лучить его. Цѣлые сутки онъ открывался отъ всѣхъ и его, конечно, никогда не нашли бы, еслибъ онъ самъ не явился. Неизвѣстно какимъ образомъ, но онъ бѣжалъ изъ Россіи и очутился въ Кенигсбергѣ, гдѣ и жилъ нѣкоторое время. Вѣроятно, онъ отправился потомъ въ свои имѣнія, въ Россію. Гдѣ онъ находится теперь (1808 г.), намъ неизвѣстно.

Кутайсовъ былъ или и теперь еще женатъ*). Отъ этого брака у него была одна дочь[1]), на ко-

---

*) На Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой, ум. 1848 г.

[1]) Двѣ дочери: Марья Ивановна — за графомъ В. Ѳ.

торой намѣревался жениться князь Зубовъ, чтобъ такимъ образомъ вѣрнѣе обмануть ея отца.

Васильевымъ и Надежда Ивановна — за княземъ А. Ѳ. Голицинымъ. Сверхъ того, у него было два сыны: Павелъ Ивановичъ, 1780—1840, и Александръ Ивановичъ, 1784—1812, убитый подъ Бородинымъ.

Типографія Розенталя и Ко. въ Берлинѣ.